

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ГОРОДА МОСКВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шилова Наталья Петровна

**РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОЕМ БУДУЩЕМ ОТ
ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО ВЗРОСЛОСТИ**

Научная специальность 5.3.7 Возрастная психология (психологические
науки)

Диссертация

на соискание ученой степени доктора психологических наук

Научный консультант:

Савенков Александр Ильич
академик РАО, доктор
психологических наук, доктор
педагогических наук, профессор

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	2
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ОТ СТАРШЕГО ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПСИХОЛОГОВ.....	
	22
1.1. Конструкт юношеского возраста в классической психологии развития	24
1.2. Современное определение границ юношеского возраста	47
1.3. Современные исследования взросления.....	61
Выводы по первой главе.....	82
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ	
	84
2.1. Время жизни и будущее как предмет психологического исследования	86
2.2. Представления о будущем в возрастном периоде от подростничества до ранней взрослости.....	109
2.3. Самоопределение и выбор будущего в возрастном периоде от подростничества до ранней взрослости.....	127
Выводы по второй главе.....	141
ГЛАВА 3. ВРЕМЕННЫЕ (ТЕМПОРАЛЬНЫЕ) И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В ПЕРИОД ОТ ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ	
	143
3.1. Дизайн эмпирической части исследования.....	145
3.2. Изучение этапности в развитии представлений о будущем в юношестве	155
3.3. Динамика представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости.....	167
Выводы по третьей главе	183

ГЛАВА 4. ИССЛЕДОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В ПЕРИОД ОТ СТАРШЕГО ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ	185
4.1. Анализ особенностей представлений о будущем и характеристик выбора в возрастных группах	187
4.2. Анализ значимых различий в представлениях о будущем между возрастными группами	198
4.3. Анализ связей между представлениями о времени собственной жизни и способностью делать выбор в период от старшего подростничества до ранней взрослости.....	203
4.3.1. Старшее подростничество.....	203
4.3.2. Ранняя юность	206
4.3.3. Поздняя юность.....	207
4.3.4. Ранняя взрослость	208
4.4. Анализ половых различий в представлениях о будущем.....	214
Выводы по четвертой главе	218
ГЛАВА 5. КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В ПЕРИОД ОТ СТАРШЕГО ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ.....	220
5.1. Содержание концепции развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости	220
5.2. Эмпирическая верификация концепции развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости ..	234
5.3. Модель развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости.....	250
5.4. Практическое применение теоретико-методологической концепции и модели развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости.....	263
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	265
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	271

Приложение 1. Инструкция экспертам для проведения контент-анализа.	328
Приложение 2. Согласие оценок экспертов при проведении контент анализа по методике «Прошлое, настоящее и будущее» (коэффициент Каппа Флейса).....	334
Приложение 3. Описательные статистики по методике «Прошлое, настоящее, будущее».....	335
Приложение 4. Анализ различий между возрастaми по методике «Прошлое, настоящее, будущее» (коэффициент Манна-Уитни)	348
Приложение 5. Примеры сочинений на тему «Я через 5 лет»	357
Приложение 6. Описательные статистики по второму этапу исследования	362
Приложение 7. Описание содержания использованных в исследовании фрагментов фильма «Розыгрыш» В. Меньшова (1976г.)	378
Приложение 8. Описание содержания использованных в исследовании фрагментов фильма «Страна Саша» Ю. Трофимовой (2022 г.).....	384
Приложение 9. Данные о результатах кластерного анализа по высказываниям о фрагментах фильмов «Розыгрыш» и «Страна Саша» ...	389
Приложение 10. Анализ различий по возрасту и полу (коэффициент Манна-Уитни), полученные на втором этапе исследования.....	403
Приложение 11. Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) по второму этапу	418
Приложение 12. Результаты регрессионного анализа по второму этапу...	433

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Устройство общества в XXI веке подвергается воздействию процессов и явлений, связанных с ростом экономической и политической нестабильности, глобальными эпидемиями, военными конфликтами и т.д. При этом наблюдается стремительное развитие цифровых виртуальных сообществ и социальных сетей, персональных гаджетов и технологий искусственного интеллекта. В этих условиях также существенно меняются процессы психического развития человека.

В связи с трансформациями современного общества претерпевает изменения и содержание представлений личности о будущем. Как показывают исследования, ключевой тенденцией становится переход от жесткого жизненного планирования к гибкому проектированию будущего, требующему развития «компетентности в проектировании времени» — личностного ресурса, позволяющего молодежи конструктивно преодолевать кризисы развития в условиях неопределенности [Андреева и др., 2025]. Тем самым формируется поколенческая специфика жизненных ценностей и соответствующих им установок современной молодежи. Сегодня для юношей и девушек характерны установки на гибкость в проектировании жизненного пути, экологичность, психическое здоровье, цифровизацию всех сфер жизни, баланс между работой и личной жизнью. Это способствует формированию субъектности, в которой сама личность выступает автором своей жизни, а ее деятельность становится не просто реакцией на среду, а сознательным, целенаправленным актом изменения себя и мира вокруг. При этом современная молодежь сталкивается с необходимостью самоопределения в условиях неопределенности и множественности жизненных сценариев. Согласно Д.А. Леонтьеву (2015), выбор — это не просто рациональное решение, а внутренняя работа, связанная с поиском смысла, ценностей и идентичности. Эта внутренняя работа личности в условиях сложного выбора является ключевым фактором, определяющим специфику современных

представлений о будущем. Как подчеркивает К.А. Абульханова-Славская, именно активная субъектная позиция позволяет личности стать «самостоятельным центром временной детерминации» [Абульханова-Славская, 1991, с. 70], что напрямую влияет на формирование представлений о будущем и переживание возрастных переходов.

Если ранее ключевые события, знаменующие переход во взрослость, были сконцентрированы у большинства молодых людей на одном временном интервале, то сегодня, как отмечают исследователи [Клементьева, 2020; Манукян, 2022; Arnett, 2001, 2016; Crocetti, Tagliabue, 2016, и др.], мы наблюдаем их индивидуализацию во времени жизни. Юность как переходный этап между подростничеством и взрослостью признается решающим возрастом для становления представлений о будущем [Левин, 2000]; при этом границы юношеского возраста остаются предметом дискуссий в психологии из-за их социокультурной обусловленности и динамичности современного мира. Осмысление и восприятие современными юношами и девушками как самих ключевых жизненных событий, так и своей роли в них, связаны с их психологическим благополучием, влияющим на формирование их представлений о будущем.

Итак, трансформации современного общества затрагивают все сферы жизнедеятельности человека и тем самым актуализируют потребность в системном анализе ключевого психологического конструкта юношеского возраста — представлений личности о своем будущем. Возникает необходимость в систематическом изучении того, как именно меняются эти представления в период от подростничества до взрослости, и какие качественные изменения в них происходят.

Научная разработанность проблемы. Можно констатировать, что современные юноши/девушки принадлежат к первому поколению, которое сформировалось в эпоху информатизации и сетевых цифровых технологий, безусловно, определяющих все сферы их жизни [Богачева, Сивак, 2019; Кашапов, Смирнов, Соловьева, 2022; Радаев, 2020; Чеснокова, Чурбанова,

Молчанов, 2019; Савенков, Савенкова, 2023; Яницкий и др., 2019; He et al., 2024; Schwartz et al., 2017; Pu et al., 2023]. Анализ работ по психологии развития [Божович, 2008; Гинзбург, 1987; Кон, 1989; Мухина, 2020, 2022; Перевозкина, Нестерова, 2025; Слободчиков, Исаев, 1998, 2012; Эльконин, 1989; Эриксон, 1996] свидетельствует о том, что профессиональное самоопределение выступает одной из ключевых содержательных характеристик представлений о будущем в подростковом и юношеском возрасте. При этом, как отмечала К. Абульханова-Славская, для одних старших подростков представления о будущем связаны «...с профессиональным выбором, для других — с личностными притязаниями и со своими будущими достижениями (удачная карьера), у третьих — с личными устремлениями и потребностями (дружба, любовь, семья)» [Абульханова-Славская, 1991, с. 144]. С точки зрения экзистенциальной парадигмы, это означает, что человек сформировал для себя основные смыслы и жизненные ценности, определился в ключевых областях жизни — в личных отношениях, профессиональной реализации и социальном участии, — а также представление об основных событиях своей будущей жизни [Жилинская, Бочавер, 2018; Мухина, 2010; Pichayaoyothin, 2014]. При этом, вслед за Д.А. Леонтьевым, выбор (в том числе профессиональный) трактуется не просто как оценка внешних альтернатив, а как акт самоопределения, исходящий из «Я», где человек строит свои временные перспективы и выбирает варианты, максимально соответствующие его образу себя в будущем [Леонтьев и др., 2015].

В психологии накоплен богатый материал об изменении временной перспективы. Отмечается, что успешное решение содержательных возрастных задач и развитие временной перспективы будущего в юношеском возрасте связаны друг с другом. Так, исследователи указывают на следующие взаимосвязи: направленность личности на будущее в юношестве связана с карьерной зрелостью, с эффективностью в саморегуляции при обучении и планированием времени на получение образования [Вачков, Саликова, 2024; Петрова, 2019; Seginer, 2003; Shirai, Nakamura, Katsuma, 2012; Husman et al.,

2025; Zhu et al., 2025; Nao et al, 2024; и др.]. Ориентируясь на более далекое будущее, юноши/девушки ставят перед собой больше целей, связанных с самореализацией и саморазвитием [Lens et al., 2012; Shirai et al., 2025]; чем дальше простирается их временная перспектива, тем больше у них учебных целей [Kauffman, Husman, 2004]; а чем больше временной интервал, в котором осознается эффективность будущей профессиональной деятельности и карьеры, тем выше образовательные амбиции [Гриднева, Толстых, 2022; Лукина, Соловьева, 2019]. Эти идеи согласуются с позицией К. Левина, который считал масштаб временной перспективы одним из фундаментальных изменений в юношеском возрасте: вместо краткосрочных целей (дни, недели), характерных для подростков, появляется ориентация на годы [Левин, 2000]. Исследования Е.И. Головахи и А.А. Кроника дополняют эту картину, демонстрируя, что психологическое время личности структурируется не только хронологией, но и сложной сетью причинно-следственных и целевых связей между значимыми событиями жизни [Головаха, Кроник, 2008]. Следовательно, развитие представлений о будущем — это не простое «удлинение» перспективы, а качественное изменение ее внутренней структуры. При этом, как подчеркивает М.Р. Гинзбург, функцией психологического будущего является обеспечение смысловой и временной перспективы, где «...в качестве структурных компонентов выделяется смысловое будущее (личностное проецирование себя в будущее) и временное будущее (собственно планирование)» [Гинзбург, 1994, с. 50].

Указывая на значимость изучения представлений о будущем, современные зарубежные исследователи фокусируются на выделении значимых для развития этих представлений параметров. Так, Дж. Гусман с коллегами наряду с удлинением временной перспективы предлагают учитывать такие параметры, как степень ее четкости/размытости и ее качественную структуру [Reconceptualizing Future Time Perspective Extension..., 2025]. Т. Теттеро с коллегами показывают, что «...для достижения лично значимых будущих целей ключевое значение имеет

способность детально и ярко представить себя в будущем» [Tettero et al., 2026]. Однако подобные модели, несмотря на их детализацию, сосредоточены на оценке текущего психологического состояния и не позволяют исследовать динамику развития. Активно разрабатываются высокотехнологичные инструменты, позволяющие увидеть виртуальный образ «Я» в будущем (например, [Mertens et al., 2024]), однако подобные интервенции, формируемые вне целостного, системного подхода, остаются эмпирически ограниченными.

Вместе с изменением временной перспективы трансформируется и сам процесс взросления: современные исследователи обращают внимание на то, что он становится более гетерохронным [Митрофанова, 2020; Манукян, 2022; Arnett, 2001 и др.]. При этом выделение универсальных критериев взросления усложняется [Манукян, 2022; Crocetti, Tagliabue, 2016; Spéder, Murinkó, Settersten, 2014; Zhong, Arnett, 2014 и др.]. Если раньше это были объективные, внешние маркеры, такие как начало профессиональной деятельности, финансовая независимость, появление семьи и детей, то в последнее время они все больше и больше приобретают субъективный, внутренний характер: осознание личной ответственности, ощущение независимости и самостоятельности при выборе будущего [Литвинова, 2020; Манукян, 2022; Arnett, 2014б; Ayotte, Revell, Belanger, 2020; Sgaramella, Foresta, 2022 и др.]. Дж. Арнетт, предложивший для определения этого периода новый термин «становящаяся взрослость» (англ. *emerging adulthood*), указывает, что в современном мире даже людей в возрасте 30 лет трудно назвать полностью взрослыми [Arnett, 2000; Arnett, 2013; Arnett, 2016].

В многообразии современных практик развития четкие границы и привычные формы взросления, наряду с самим понятием возраста, постепенно размываются и теряют свою определенность и институционализированность [Поливанова, 2016], что порождает противоречие современности: необходимость сочетания гибкости в проектировании жизненного пути с развитой способностью к осознанному и

ответственному выбору. Для анализа этих изменений мы обращаемся к культурно-исторической концепции (Л.С. Выготский), в которой развитие предстает как циклический, неравномерный процесс, включающий не только эволюционное накопление новообразований, но и качественные трансформации (кризисы), сменяющие периоды стабильного развития.

Несмотря на богатство рассмотренных теоретических подходов, теоретико-методологический анализ позволяет констатировать наличие существенных противоречий в изучении развития представлений о будущем. Назовем три важнейших:

1. Противоречие между теоретической изученностью отдельных аспектов и отсутствием целостной модели развития представлений о будущем. В психологии накоплен значительный массив данных о временной перспективе, профессиональном самоопределении и проектировании будущего, о жизненных установках и ценностях в юношеском возрасте. При этом отсутствует целостная научная модель, системно описывающая динамику представлений о будущем на протяженном возрастном отрезке от старшего подростничества до ранней взрослости.

2. Противоречие между признанием фундаментальными принципов нелинейности, цикличности для понимания характера развития и отсутствием системного выделения периодизации развития представлений о будущем. В работах многих авторов есть указания на принципы и характеристики такого динамического развития, однако периодизации для исследуемого возрастного периода не приводится.

3. Противоречие между выявленным удлинением возрастных границ юности и отсутствием описанной последовательности трансформаций (кризисов), определяющих развитие представлений о будущем после возраста поздней юности. В психологических исследованиях процесс развития показан как многокомпонентный феномен, который позволяет личности достигать различных уровней самоорганизации. В то же время авторы отмечают, что этот процесс непрерывен, а констатация нового длительного периода развития

(emerging adulthood) не подкреплена описанием динамики представлений о будущем на этом этапе.

Указанные противоречия свидетельствуют об отсутствии целостного, процессуального понимания того, как именно развиваются представления о будущем на этапе от старшего подростничества до ранней взрослости. Проблема исследования, таким образом, заключается в отсутствии целостной, эмпирически обоснованной модели, описывающей динамику и качественные трансформации представлений о будущем на всем протяжении перехода от подростничества к взрослости. Исходя из этого, необходимо ответить на вопрос: какова динамика представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости, и в чем заключается качественная трансформация этих представлений?

Предлагаемая работа — это самостоятельное исследование, сфокусированное на анализе развития представлений о будущем в юношестве. Под представлениями о будущем в рамках проведенного исследования понимается процесс конструирования человеком своей жизненной перспективы на основе ответственного выбора и осознанных потребностей, соотносимых с образом «Я» и реальными возможностями личности. Это динамическое и системное психологическое образование, являющееся непрерывным процессом внутренней работы по самоопределению и рефлексии. В нем интегрируются: способность сознательно прогнозировать и мысленно конструировать будущее; образ себя в будущем; ориентация во временной перспективе, связывающая прошлое, настоящее и будущее через осознанный выбор, значимые события и смыслы. При этом динамика понимается нами как эмпирическое выражение, раскрывающее процесс развития. Исходя из положений культурно-исторической психологии о диалектическом характере развития, смене стабильных и кризисных периодов (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин), системного подхода о нелинейности и самоорганизации психического развития (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, Е.А. Сергиенко и др.), а также из представлений о гетерохронности взросления

(В.Р. Манукян, Дж. Арнетт и др.) и качественной специфике выбора как акта самоопределения (Д.А. Леонтьев), мы предположили, что развитие представлений о будущем не сводится к линейному удлинению временной перспективы, а является целостной моделью с упорядоченной возрастной динамикой.

Объект исследования: динамика представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости.

Предмет исследования: представления современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет о собственном будущем.

Цель исследования: выявить динамику, включающую качественную трансформацию представлений о собственном будущем в юношестве и ранней взрослости.

Общая гипотеза: развитие представлений о собственном будущем современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет характеризуется упорядоченной возрастной динамикой, включающей качественную трансформацию во взаимосвязи параметров выбора и времени жизни.

Исследовательская работа по практической проверке теоретической гипотезы базируется на следующих частных гипотезах.

1. Динамика представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости задана возрастными изменениями роли субъекта и его отношения к событиям жизни.

2. Развитие представлений о будущем происходит путем чередования фаз, в которых доминирует формирование временных характеристик жизненной перспективы, и фаз, характеризующихся содержательным наполнением будущего.

3. В период от старшего подростничества до ранней взрослости различия в представлениях о будущем проявляются в параметрах выбора и восприятия времени жизни.

4. В период от поздней юности к ранней взрослости происходит принципиальное изменение взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора: если на предшествующих этапах параметры временной перспективы выступают предикторами характеристик выбора, то в ранней взрослости удовлетворенность выбором становится значимым предиктором восприятия времени жизни.

Задачи исследования, через которые осуществлялось достижение поставленной цели и происходила проверка выдвинутых гипотез, подразделяются на теоретические и исследовательские.

Теоретические задачи:

- выявить основные подходы к исследованию развития личности в возрасте от 14 до 28 лет в работах отечественных и зарубежных психологов, философов, методологов;
- обобщить и систематизировать существующие научные знания о развитии представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости;

Исследовательские задачи:

- выявить и описать возрастную динамику представлений о будущем на последовательных годовых интервалах в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости;
- определить характерные фазы (этапы) в развитии представлений о будущем в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости и установить их содержание;
- описать элементы качественной трансформации представлений о будущем в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости;
- изучить взаимосвязи параметров выбора и восприятия времени жизни в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости;

- построить модель развития представлений о будущем, отражающую фазовый характер этого процесса и ключевые качественные переходы внутри модели.

Теоретико-методологической основой выступают:

- положения культурно-исторической концепции о социальной ситуации развития, психических новообразованиях и ведущей деятельности как о ключевых характеристиках возраста (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, Б.Д. Эльконин);

- системный подход в психологии, способствующий рассмотрению становления взрослеющего человека как целостного и сложноорганизованного процесса (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, К.А. Абульханова-Славская, Б.Ф. Ломов С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, Е.А. Сергиенко);

- возрастно-психологический подход, позволяющий рассматривать представления о взрослении и возраст в условиях современной тенденции увеличения продолжительности детских возрастов, включая подростничество и переход ко взрослости (К.Н. Поливанова, В.В. Радаев, Н.Н. Толстых, Дж. Арнетт);

- отечественные и зарубежные исследования о временной перспективе, раскрывающие подходы к изучению будущего (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, В.И. Ковалев, К. Левин, Ж. Нюттен, Н.Н. Толстых);

- отечественные и зарубежные исследования психологии выбора, как сложной внутренней деятельности, требующей самоопределения, ответственности и готовности к неопределенности (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, В.А. Петровский, В. Франкл, Р.М. Райн, Э.Л. Деси).

Методы и методики исследования. Для решения поставленных задач и получения целостной картины развития представлений о будущем нами был разработан и реализован комплексный подход, включающий в себя следующие методы и методики.

1. Теоретический анализ имеющейся отечественной и зарубежной психологической, философской и педагогической литературы по проблеме исследования представлений о будущем в возрастном периоде от подростничества до взрослости, с выработкой исследовательской стратегии.

2. Эмпирические методы, куда вошли:

- методика «Прошлое, настоящее, будущее» А.Л. Венгера и Ю.М. Десятиковой для выявления значимых для юношей/девушек жизненных событий;
- методика И.С. Кона «Я через 5 лет» и компьютерная версия методики А.А. Кроника «LifeLine» для анализа представлений о будущем, а также для изучения их содержательных и временных характеристик;
- тест самодетерминации, разработанный Е.Н. Осиним на основе исправленной и существенно дополненной шкалы самодетерминации К. Шелдона;
- тест «Субъективное качество выбора профиля обучения», подготовленный Д.А. Леонтьевым, Е.Ю. Мандриковой, А.Х. Фам, взявшими за образец классический семантический дифференциал Ч. Осгуда;
- исследовательский прием изучения восприятия художественного образа взросления, показанного в художественных фильмах «Розыгрыш» В. Меньшова (1976 г.) и «Страна Саша» Ю. Трофимовой (2022 г.).

3. Методы статистической обработки данных, включая:

- анализ данных описательной статистики;
- анализ различий с применением U-критерия Манна-Уитни (пакет SPSS Statistics 27);
- иерархический кластерный анализ по методу Уорда (программный пакет R);
- корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена (пакет SPSS Statistics 27);
- регрессионный анализ (пакет SPSS Statistics 27);
- для некоторых исследовательских серий рассчитывался размер эффекта при помощи коэффициента d-Коэна (пакет SPSS Statistics 27);
- коэффициент каппа Флейса (Fleiss' Kappa) для оценки степени согласованности.

Основные этапы исследования. Диссертационное исследование было выполнено в период 2012—2025 гг. и включало в себя несколько этапов.

На этапе теоретического анализа и формирования аппарата исследования осуществлялся анализ научной литературы по проблеме исследования; изучалась степень проработанности темы в рамках существующих исследований по психологии; определялись цель, задачи и гипотеза исследования, а также его объект и предмет; подбирались банк диагностических методик.

Эмпирическое исследование включало два этапа, что позволило, опираясь на проблематику, обозначенную в теоретическом анализе, обеспечить целостность исследования модели развития представлений о будущем.

1. Изучение изменений в представлениях о будущем в юношеском возрасте. Систематизация возрастных различий временных (темпоральных) и содержательных характеристик представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости (2012—2021 гг., основной срез в 2018 г.).

2. Изучение качественной трансформации представлений юношей/девушек о будущем (2015—2025 гг.).

Всего исследование охватило 1694 человека. В первом этапе исследования приняли участие 1538 респондентов, во втором — 156. Возраст респондентов — от 14 до 28 лет, это граждане Российской Федерации, получающие общее, среднее профессиональное, высшее профессиональное, послевузовское образование, работающие в системе образования. Формирование выборки осуществлялось на базе образовательных учреждений. Участниками выступили обучающиеся всех уровней — от общего образования до аспирантуры (включая очную и заочную формы обучения в вузах), а также молодые преподаватели. Выборка формировалась через образовательные организации, и все участники исследования — либо учащиеся (школьники, студенты организаций СПО, аспиранты, студенты

вузов очной и заочной форм обучения), либо молодые преподаватели. Именно в системе образования, в период активного профессионального и личностного самоопределения, наиболее рельефно формируются и проявляются те самые динамические, субъектные представления о будущем, важной составляющей которых является выбор, — что соответствует ключевому психологическому признаку для нашего исследования [Воронин, 2005].

Научная обоснованность и достоверность полученных результатов обусловлена точностью применяемых методологических положений, полнотой теоретического анализа выявленных проблем, соответствием эмпирической схемы поставленным задачам, адекватностью диагностических методик, репрезентативной выборкой, большим массивом полученных данных и применением методов статистики для обработки данных.

Научная новизна исследования заключается в решении сложной научной проблемы возрастной психологии, имеющей важное социально-экономическое значение: выявление динамики и закономерностей развития представлений о будущем, фазность и нелинейность данного процесса от старшего подростничества к ранней взрослости.

В рамках изучения юношеского возраста впервые.

- Доказан нелинейный характер развития представлений о будущем, обусловленный системными изменениями таких параметров, как «субъектность – объектность», «оценочность – констатация» и их стабилизацией в четко фиксируемые возрастные фазы (14, 15–18, 19–23, 24–28 лет). Выделенные изменения в представлениях о будущем являются чередованием фаз временного осмысления будущего и фаз его содержательного наполнения.

- Установлено уникальное содержание представлений о будущем для каждой выделенной фазы. Для подростков будущее «случается»; в ранней юности формируется содержание будущего, основанное на анализе возможностей, образе будущей семьи и получении профессионального образования; в поздней юности собственные возможности рассматриваются в

связи со временем; в возрасте ранней взрослости будущее — это связь «профессиональной деятельности» с семьей и личностью самого человека.

- Выявлена и содержательно описана ключевая качественная трансформация в развитии представлений о будущем на рубеже поздней юности и ранней взрослости. Установлено, что на предыдущих этапах восприятие времени выступало значимым предиктором выбора, тогда как на этапе ранней взрослости удовлетворенность сделанным выбором и самовыражение становятся значимыми предикторами восприятия времени. Таким образом, формируемая нами модель была дополнена новой качественной трансформацией.

- Разработана целостная модель развития представлений о будущем, охватывающая период от старшего подростничества до ранней взрослости. Модель описывает данный процесс как циклически-фазовый, где фазы «расширения времени» и «наполнения содержанием», создающие единую систему, поочередно выходят на первый план, что определяет вектор развития и обуславливает качественные преобразования на каждом цикле.

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем. Проведенный анализ позволил систематизировать и обобщить существующие в современной психологии и педагогике теоретические концепции о развитии представлений о будущем в юношестве. Впервые в отечественной психологии проведено комплексное изучение развития представлений о собственном будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости. Полученные данные обогащают такие области психологической науки, как возрастная психология и психология развития, в части понимания динамики и качественной трансформации представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости. Диссертационная работа выполнена по научной специальности 5.3.7. «Возрастная психология» с учетом результатов теоретических и эмпирических исследований по психологии развития, возрастной и педагогической психологии.

Практическое значение исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены в рамках возрастно-психологического консультирования юношей и девушек. Описанная динамическая система является существенным вкладом в разработку нормативных показателей развития личности в юношестве.

Результаты исследования могут быть востребованы в образовательной практике. На их основе возможно выстроить эффективную стратегию обсуждения жизненных и профессиональных перспектив с юношами/девушками, создать условия для осознанного профессионального самоопределения, разработать технологии педагогического сопровождения индивидуальных образовательных траекторий. Кроме того, данные полезны при конструировании образовательных мероприятий — тренингов, семинаров, проектных сессий.

Положения, выносимые на защиту

1. Развитие представлений о будущем в период от старшего подросткового возраста до возраста ранней взрослости происходит через чередование стабильных периодов и периодов изменений. Переходными являются возрастные интервалы 14–15, 18–19 лет и 23–24 года, когда фиксируются значимые изменения параметров динамики («субъектность – объектность», «оценочность – констатация»). Данная закономерность служит эмпирическим основанием для построения фазовой модели развития представлений о будущем.

2. Развитие представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости представляет собой сложный нелинейный процесс, подчиняющийся фазовой динамике. Этот процесс характеризуется чередованием фаз временного осмысления будущего и его содержательного наполнения.

3. Выделены четыре качественно охарактеризованные возрастные фазы развития представлений о будущем: старшее подростничество — идеализированное расширение временной перспективы, высокий показатель

насыщенности будущего; ранняя юность — наполнение содержанием через профессиональное и личностное самоопределение, длинная перспектива становится психологическим ресурсом; поздняя юность — осознание временных возможностей и ответственности за выбор, усиление эмоциональной оценки выбора; ранняя взрослость — содержательная интеграция жизненных сфер, когда центральным элементом выступает профессиональный статус, снижается количество межсобытийных связей, растёт значимость реализованного прошлого и уверенности.

4. При переходе от поздней юности к ранней взрослости происходит качественная трансформация во взаимосвязи между восприятием времени и профессиональным выбором. Если в предшествующий период восприятие времени выступало значимым предиктором выбора, то в период ранней взрослости сделанный выбор (прежде всего, удовлетворенность им и самовыражение) становятся предикторами восприятия времени жизни.

Апробация результатов работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на: II Международной научно-практической конференции «Давыдовские чтения» (Москва, 2022); XVI Международной научно-практической конференции «Подросток в мегаполисе: поиск вопросов и ответов» (Москва, 2023); XV Международной научно-практической конференции «Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление» (Москва, 2021); Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Современное детство и родительство: наука, практика, призвание» (Москва, 2026); XXX Всероссийской научно-практической конференции «Новые условия и способы развития мышления» (Красноярск, 2024); XV Всероссийской научно-практической конференции «Подросток в мегаполисе: новая реальность» (Москва, 2022); XXIX Всероссийской научно-практической конференции «Практики развития: порождение, становление и удержание субъектности в образовании» (Красноярск, 2022); XXVI Всероссийской научно-практической конференции «Практики развития: теоретические и технологические решения

и вопросы в цифровую эпоху» (Красноярск, 2019); XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Подросток в мегаполисе»: продолженное взросление» (Москва, 2019); XX Всероссийской научно-практической конференции «Практики развития: современные вызовы» (Красноярск, 2013 г.).

Свидетельства о внедрении:

Материалы исследования применяются в практической работе Физико-математической школы-интерната ФГАОУ ВО Сибирский федеральный университет и Лицее ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Результаты проведенного исследования используются для повышения квалификации педагогов и психологов в КГАУ ДПО Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования и в ГАУ ДПО Институт развития образования Республики Башкортостан.

Материалы проведенного исследования приняты к использованию в учебном процессе при подготовке материалов лекционных и практических занятий по дисциплинам «Психология развития и возрастная психология», «Технологии социально-психологического сопровождения личности подростка», «Технологии социально-психологического сопровождения личности юношеском возрасте», «Практикум по возрастной психологии». Данные дисциплины формируют компетенции, предусмотренные образовательной программой специальности 37.03.01 «Психология» (бакалавриат), направленность «Социальная психология развития» и направленность «Психологическая диагностика и развитие личности», в ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет.

Структуру диссертации составляют: Введение, пять глав, Заключение, Список литературы (477 источника, из них 181 на иностранных языках), Приложения. Иллюстративный материал диссертации включает 10 таблиц и 19 рисунков.

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ОТ СТАРШЕГО ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПСИХОЛОГОВ

Глава посвящена анализу и систематизации научных взглядов на процесс становления личности в период от старшего подросткового возраста до ранней взрослости, представленных в трудах отечественных и зарубежных исследователей — психологов, методологов и философов.

В параграфе 1.1. «Конструкт юношеского возраста в классической психологии развития» проводится анализ возрастных периодизаций и подходов к возрастному развитию и обосновывается место настоящего исследования в их многообразии.

В параграфе 1.2. «Современное определение границ юношеского возраста» обосновываются границы юношеского возраста, выделенные при проведении исследования, и обосновывается его переходность.

В параграфе 1.3. «Современные исследования взросления» на основании существующих психологических исследований определяются различия понятий «развитие» и «взросление». Приводятся результаты анализа и сопоставления современных психологических исследований об изменении взросления в юношестве.

В рамках этой главы изучаются описания исследуемого возрастного периода в российской и зарубежной психологии. Такой всесторонний анализ проводится для выявления закономерностей развития в юношестве. Соответственно, в первой главе систематизированы и обобщены теоретические концепции и экспериментальные данные по проблеме изучения юношества как отдельного возрастного этапа.

В целом определение юношества неоднозначно, и этот возраст часто рассматривается как продолжение подросткового или не выделяется в возрастных периодизациях вовсе (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин и др.). Характеристики этого возраста зависят от культурных и социальных условий,

в которых человек его проживает (И.С. Кон, А.В. Петровский, Д.И. Фельдштейн и др.). Довольно часто профессиональное самоопределение указывается как возрастная задача юношества, учебно-профессиональная деятельность — как ведущая деятельность, а ситуация увеличения юношеского возраста — как социальная ситуация развития современных юношей/девушек. Предполагается, что юношество является значимым периодом развития личности, на который современное общество оказывает существенное влияние.

1.1. Конструкт юношеского возраста в классической психологии развития

Классическая отечественная психология развития основывается на культурно-исторической концепции, автором и основателем которой являлся Л.С. Выготский, и на деятельностном подходе в психологии, предложенном А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном. Во всех последующих ключевых психологических исследованиях о возрастном развитии в России используются идеи этих авторов.

Развитие в культурно-исторической теории опосредовано соотношением идеальной и реальной форм [Выготский, 1982]. У Б.Д. Эльконина читаем, что «...идеальная форма является образом взрослости, в котором представлены и выражены совершенство и образцовость» [Эльконин, 2001, с. 10], а «...событие взросления — это явление взрослости через отнесение к не-взрослости или, говоря другими словами, явления границы зрелости и незрелости и перехода между ними» [там же]. Так, детские возрасты (до 17 лет) описаны в классических периодизациях развития Л.С. Выготского (2000) и Д.Б. Эльконина (1989). Предполагается, что далее начинаются взрослые возрасты, и развитие в них строится по иному принципу. В менее развитых культурах, например, в так называемых детских расах, существуют обряды, обозначающие возрастные переходы. Так, обряд инициации является натуральной формой события взросления, он переводит детей во взрослых людей уже в 14 лет [Мид, 1988; Палмер, Палмер, 2003 и др.]. Для юноши/девушки в европейской культуре стать взрослым — значит осознать свою невзрослость и обнаружить границу между взрослым и самим собой.

Понятие ведущей деятельности — стержневое для деятельностного подхода: развитие строится через освоение и присвоение ведущей деятельности, которая специфична для каждого возраста [Леонтьев, 2004]. Источником процесса формирования психики выступает окружающая среда, содержащая идеалы (потребности, принципы, эмоции), являющиеся целями

действий [Эльконин, 1989]. Психическая жизнь, по Д.Б. Эльконину, — это процесс смены характерных видов деятельности во времени. В юношестве ведущей становится учебно-профессиональная деятельность, влияющая на формирование готовности к самоопределению, осознание индивидуальности, саморефлексию и жизненные планы. Юноши/девушки поставлены в ситуацию выбора перспектив собственного профессионального образования. Им необходимо сделать выбор и сдать экзамены, завершающие их формальное детство. В процессе перехода из детства во взрослость представителям юношеского возраста вменяется необходимость определиться с будущей профессией, из чего и следует идея профессионального самоопределения как вектора, задающего основную идею этого возраста [Анцыферова, 1981; Васильева, 2007; Крайг, 2021; и др.]. Значимым становится не просто формирование жизненных планов, а увеличение временного горизонта, включающего как представления о личном отдаленном прошлом и будущем, так и социальные перспективы.

Рассматривая юношеский возраст, многие исследователи опираются на эту идею ведущей деятельности как на аксиому. Важным моментом является не просто учебная направленность на профессию, а появление нового взгляда на обучение. Кроме того, по мнению А.В. Петровского, деятельность всегда выступает как ведущая для развития личности, опосредствуя ее отношение с социальной средой, ее общение с окружающими, конструируя «социальную ситуацию развития» [Петровский, 1987, 2007]. Изучение социальной ситуации развития позволяет понять вектор и динамику развития личности в каждом возрастном периоде. В классических представлениях социальная ситуация юношеского возраста отличается от других возрастов встречей юноши или девушки с существующим миром (в детских возрастах для ребенка раскрывается устойчивая форма следующего возраста).

В периодизации А.В. Петровского эпоха юности, к которой относится период старшего школьного возраста, является своеобразной вершиной детских возрастов. Согласно ученому, этот период характеризуется

преобладанием процесса интеграции в общество над процессом личной индивидуализации [там же]. Более старшие возрасты А.В. Петровским не изучаются, соответственно, переход во взрослость в рамках его периодизации остается неопианным. Д.И. Фельдштейн также строит периодизацию развития личности на основе особенностей и этапов социального развития индивида [Фельдштейн, 2004]. Для него в этот период происходит формирование позиции социально ответственного человека.

Л.С. Выготский определяет социальную ситуацию развития для определенного возраста как специфическое, исключительное и уникальное отношение между личностью и окружающей социальной действительностью. Социальная ситуация развития в его теории определяет формы и путь, в которых личность приобретает новые свойства, извлекая их из окружающей действительности, где социальное становится индивидуальным [Выготский, 1982]. Согласно А.В. Брушлинскому общее направление психического развития в онтогенезе — не от (только) внешнего к внутреннему, а всегда на основе непрерывного взаимодействия внешнего и внутреннего [Брушлинский, 2003, с. 100]. Исследования Д.Б. Эльконина (1989), Л.И. Божович (1997), В.В. Давыдова (2000), А.В. Петровского (2007) и других доказали, что ядро социальной ситуации, влияющее на дальнейшее развитие личности, определяет соотношение внешних требований с возможностями и потребностями самой личности.

Л.С. Выготский вводит понятие юности, разделяя подростков из рабочей среды и среды буржуазной. Следующий возраст возникает как следствие изменения социальной ситуации развития, появляющееся при изменении в отношениях между личностью и социальной действительностью. Ученый считает, что при низком социальном уровне ребенок уже в подростковом возрасте начинает задумываться о том, как ему зарабатывать на жизнь, тем самым становясь взрослым. У подростка с высоким социальным статусом нет такой необходимости, он обеспечен, ему не надо выживать; соответственно, он осваивает культуру и тем самым продлевает возраст перехода во взрослую

жизнь. Таким образом, появляется юношеский возраст. Так улучшение условий жизни задает появление нового переходного возраста, связанного именно с изменениями жизни общества.

Одной из первых российских работ, описывающих целостный подход к юношескому возрасту, стала вышедшая в 1929 году «Психология юношеского возраста» В.Е. Смирнова. В этой работе исследователь говорит о том, что реальная жизнь нам показывает подростка определенной эпохи и класса, живущего в специфических культурных, социальных, географических условиях [Смирнов 1929, с. 100]. Это один из немногих отечественных психологов, который почти столетие назад описал развитие в юношеском возрасте. В.Е. Смирнов изучает психологическое, физиологическое, эмоциональное развитие в юности, анализирует необходимость изучения особенностей возраста для проведения образовательных реформ. По его мнению, «...это возраст, когда уже исчезли особенности ребенка, но еще не установились особенности взрослого человека» [там же, с. 17]. Одним из элементов, объясняющих переходность юношеского возраста, он называет «мечту».

Мечта в юношеском возрасте, по В.Е. Смирнову, отличается от того, как мечтают дети и взрослые. «В начале периода созревания внутренние образы мечты обыкновенно кажутся неподвижными, общее состояние скорее пассивно, так как пассивны, неподвижны те чувства, которые их вызывают. И только по мере того, как чувства дифференцируются и инстинкты обособляются друг от друга, образы становятся более подвижными и разнообразными в подробностях. Вместе с тем растет внутренняя активность в их произведении и творческий характер мечты. Мечты зрелого возраста характеризуются самой тесной связью с действительной жизнью и по отношению к будущему принимают форму планов с оценкой их осуществимости» [там же, с.131]. В более поздние периоды исследователи уже называют эту деятельность юношеского возраста построением планов или жизненным самоопределением [Абульханова-Славская, 2001; Божович, 2008;

Гинзбург, 1987; Гинзбург, 1994; Дубровина, 1991; Крайг, 2021; Левин, 2000; Слободчиков, Исаев, 2012; и др.].

Так, И.С. Кон связывает юношеский возраст с такими категориями, как социальное самоопределение (осознание себя частью общества) и выбор своего будущего места в обществе, поиск себя, формирование системы своего мировоззрения (личностных убеждений и ценностных ориентаций). Юношеский возраст в его периодизации состоит из ранней юности (от 14–15 лет до 18 лет) и поздней юности (от 18 до 23–25 лет). Период между детством и взрослостью, определяемый им как ранняя юность, направлен на сглаживание диспропорций, возникших из-за неравномерного созревания в пубертате [Кон, 1989]. Поздняя юность, с точки зрения И.С. Кона, знаменует собой вступление во взрослость. С позиций биологии и социальных наук индивид на этом этапе воспринимается обществом как сформировавшийся, дееспособный участник общественного производства, а не просто как объект воспитания и социализации [там же]. Б.Г. Ананьев следующим образом разграничивает эти два этапа: «...ранняя юность отличается неопределенностью положения молодого человека в обществе, а поздняя представляет собой начальное звено зрелости» [Ананьев, 1977]. Интересными в этом плане оказываются современные исследования, показывающие изменение отношения между юношеством и окружающей его социальной действительностью. Так, Г.Б. Горская и В.И. Компаниец указывают в качестве критерия сложного и незрелого взаимодействия с социумом пониженное самопринятие и настороженное отношение к окружению. В случае если окружение выказывает (или проявляет, или демонстрирует) позитивное отношение и готовность к активной поддержке, у молодого человека возникает стремление переложить решение собственных проблем на окружающих людей [Горская, Компаниец, 2018].

Согласно периодизации В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева завершающий этап персонализации личности приходится на юношеский возраст (13–18 лет), а переход к взрослости (17–21 год) знаменуется кризисом, суть которого — в

обретении человеком способности быть творцом своей жизни [Слободчиков, Исаев, 2012], а центральной задачей возраста выступает «...самоопределение — социальное, личностное, профессиональное, духовно-практическое» [там же]. Наши наблюдения показывают: в подростковом возрасте при размышлении о будущем доминирует категория желаемого («я хочу»), тогда как в юности на первый план выходит категория необходимого («мне надо»). Молодой человек начинает определять свои текущие задачи — выбор вуза, дополнительные занятия и т.п. — как бы с позиции будущего, ориентируясь на ту идеальную цель, к которой стремится.

Биологический возраст 19–28 лет В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым называется возрастом молодости. Ведущей в этом возрасте становится профессиональная деятельность. Основными задачами возраста являются: «...овладение профессией, приобретение самостоятельности, включение в общественную жизнь» [там же]. Ученые считают, что возможности индивидуального развития и саморазвития закрываются для тех молодых людей, которые вынуждены в течение многих лет выполнять одну и ту же работу, не располагая при этом условиями для изучения чего-то нового, расширения и обогащения своего опыта. Таким образом, они привыкают не проявлять инициативы всю жизнь [там же].

В качестве важных новообразований юношества В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев определяют «...саморефлексию, осознание собственной индивидуальности, появление жизненных планов, готовность к жизненному и профессиональному самоопределению» [там же]. Все перечисленное становится важными пробами юноши/девушки наметить путь развития собственной жизни, реализуя настоящее, опираясь на представление об идеальном собственном будущем. «С появлением опыта принятия самостоятельных решений, ответственности за последствия этих решений и настойчивости в их реализации происходит самоопределение личности (появление смысла жизни, представление своего будущего жизненного пути, формирование жизненных планов). С формированием жизненных планов,

соответствующих уровню притязаний, собственным возможностям и индивидуальным способностям, кризис юности преодолевается» [там же], уступая место взрослости. Способность к формированию жизненных планов становится ключевым достижением раннего юношеского возраста [Дубровина, 1991; Слободчиков, Исаев, 1998, 2012]. «Юношество — это возрастной период, в котором впервые появляется реалистичный план действий по достижению своего идеала, а предметом размышлений становится не столько достижение цели, сколько способы ее достижения» [Васильева, 2006].

Юношеское самоопределение продолжается на этапе поздней юности/начала взрослости. Отметим, что общество уже видит в молодом человеке взрослого, но еще продолжает его «воспитывать». Результаты наших предыдущих исследований [Васильева, 2006; Сергоманов, Васильева, 2006] дают нам представление о стадиях формирования жизненных планов. «На первой стадии ”воображение образа взрослости” есть идеал, но не учитываются условия и ресурсы по его достижению; на следующей стадии “идеализирование” появляются цели, учитываются имеющиеся ресурсы, но связь между ними отсутствует; на третьей, последней стадии, “согласование — жизненное планирование” цели ставятся на основании имеющихся ресурсов и жизненных условий, и они корректируются, когда ресурсов для достижения целей не хватает и появляются непреодолимые условия» [Васильева, 2006].

«Процесс становления жизненного планирования (согласования целей, ресурсов и условий) проходит три этапа:

1) 13–16 лет — определение жизненных целей. Сформулирована идеальная цель, ведется работа по выстраиванию иерархии целей, начинают учитываться жизненные условия, но пока без корректировки целей;

2) 15–18 лет — связывание целей и ресурсов, а также целей и условий. Условия изучаются и обсуждаются, личные качества рассматриваются как

ресурсы, начинают выстраиваться связи между целями и условиями, а также целями и ресурсами;

3) 15–21 лет — согласование всех трех элементов планирования: целей, ресурсов и условий. Ресурсы оцениваются с точки зрения их необходимости для достижения целей, собственные достижения начинают рассматриваться в качестве ресурсов, появляется готовность оценки ресурсов в сложных условиях, учитываются качественные различия ресурсов» [Васильева, 2006].

«Жизненный план в этом контексте — согласование ресурсов, условий и притязаний, состоящий из следующих действий: выбора идеальной цели из альтернатив; учета имеющихся ресурсов; учета возможности приобретения недостающих ресурсов; расстановки целей в своеобразную иерархию достижений; включения в эту иерархию аспекта реалистичности достижений; корректировки притязаний и целей в соответствии с достижениями» [там же].

Подобные идеи имеют свои истоки, в том числе у М.Р. Гинзбурга (1995), который изучает юношество в пространственно-временном и ценностном измерении. Он фиксирует, что для юношеского возраста характерна недостаточная дифференцированность пространственно-временной перспективы при структурированности системы ценностей (Гинзбург, 1994). Соответственно, при наличии целей и притязаний у юношей/девушек отсутствует четкий план действий по их достижению, а временные перспективы характеризуются размытостью, противоречивостью и неструктурированностью. Несформировавшиеся еще «установки» не позволяют молодым людям совершать полностью осознанный выбор, их желания противоречивы. На это указывают и более поздние исследовательские данные, детализирующие зависимость структуры ценностных ориентаций от уровня социально-психологической адаптации (наличие конкретных жизненных ценностей и ценностей профессиональной самореализации или наличие тревоги, неуверенности в будущем и отсутствие готовности преодолевать трудности для достижения своих жизненных целей) [Билан, Ермолаева, 2020], и от периода ранней или поздней юности

(преобладание погруженности в процесс с отсутствием конкретных целей на будущее или противоречие между значимостью ценностей и их роли в осознании смысла жизни) [Меднікова, 2014]. М.Р. Гинзбург понимает личностное самоопределение как определение личностью своей позиции относительно принятой в социуме системы ценностей [Гинзбург, 1994]. Соответственно, ценности оказываются основой личностных смыслов и формируются через осмысление реализуемой деятельности [Калитеевская, Леонтьев, 2006]. Смысл жизни в этом контексте понимается с позиции личностного самоопределения. А.Н. Леонтьев указывает, что динамика осознания смысла жизни зависит от динамики деятельности, осуществляемой человеком [Леонтьев, 2004]. Чем ярче обнаруживается потенциал взрослеющего человека, тем эффективнее будет проявляться зрелость в процессе жизнедеятельности. Раскрытие личностного потенциала возникает через процесс самодетерминации, который позволяет реализовывать деятельность исходя из мотивации человека и увеличения его самостоятельности в действиях.

В целом, степень интеграции временных и жизненных требований с личностными потребностями и ценностями отражает жизненную стратегию личности. Жизненную стратегию можно считать сформированной при условии наличия определенных жизненных целей и системы ценностных ориентаций [Билан, Ермолаева, 2020; Кормакова, 2016]. Соответственно, юношеский возраст отличается особенностями жизненных стратегий, обусловленными переходностью и неустойчивостью социального положения этого возрастного этапа. На данном жизненном этапе молодые люди начинают активно воплощать различные социальные роли, а значит, реализовывать свои жизненные стратегии. При этом формирование жизненных стратегий зависит от готовности человека приспособиться к изменяющимся условиям внешней социальной среды, согласованности действий человека с ожиданиями внешнего мира [Билан, Ермолаева, 2020; Лодкина, Толпыгина, Горбань, 2012; Серый, Яницкий, 2015; Харитонова, 2019; Чередниченко, 2020].

Таким образом, большинство современных отечественных авторов в описании юношеского возраста придерживаются основ, заложенных классиками. В обобщенном виде это показано в таблице 1.

Таблица 1. Сводные данные относительно юношеского возраста в классической отечественной психологии

Категория	Описание
Новообразование возраста	<p>Жизненное планирование</p> <p>Построение жизненного плана (стратегии): осмысленное построение собственной жизни; цели и способы их достижения.</p> <p>Также выделяются: готовность к самоопределению, профессиональное и жизненное самоопределение, саморефлексия и осознание своей индивидуальности.</p>
Ведущая деятельность	<p>Учебно-профессиональная</p> <p>На ее основе осознаются профессиональные интересы, формируется умение согласовывать цели и ресурсы.</p>
Социальная ситуация развития	<p>Встреча с реальным миром</p> <p>Осваивается культура, расширяется временной горизонт вглубь — через осознание отдаленного будущего и прошлого, вширь — за счет принятия социальных перспектив. Переживания связаны с реализацией жизненных планов.</p> <p>Изменения в обществе провоцируют удлинение юношеского возраста.</p>

Соответственно, изучая те или иные психологические процессы и явления, современные исследователи чаще всего берут за аксиому выделенные категории, характеризующие юношеский возраст. В большинстве случаев это исследования особенностей психических процессов и явлений в период юношества. Таким образом, в российской психологической науке юношеский

возраст определяется как возраст перехода во взрослую жизнь примерно от 15 до 25 лет; он может продлеваться за счет осваивания более развитой культуры. Юность — это переход между зависимым детством и самостоятельной взрослостью, другими словами, достижение социальной и эмоциональной зрелости и ответственности, зависящих от устройства общества. Значимым в этот период становится увеличение временного горизонта и формирование жизненных планов. «Социальная ситуация характеризуется встречей юноши/девушки с действительным миром (в противоположность другим возрастам, когда ребенок открывает для себя устойчивую форму следующего возраста)» [Васильева, 2006]. Этот возраст относительно новый, возникший в нашей цивилизации, и как каждый новый возраст он образуется из-за изменений в общественном устройстве. В связи с изменениями, происходящими в самой социальной ситуации развития и отношениями индивида с ней, возраст дифференцируется и усложняется.

Важной становится учебно-профессиональная деятельность, которая позволяет сформироваться жизненным планам, саморефлексии, осознанию собственной индивидуальности, готовности к самоопределению. Готовность к выбору профессии, профессиональное самоопределение, выбор жизненной траектории, планирование выделяются как наиболее важные задачи юношеского возраста [Данилова, 2020; Клементьева, 2020; Неяскина, Пронькина, 2017; Попов, Тюменева, Кузьмина, 2012; Яремчук, Бакина, Ситяева, 2021; Бессуднов, Малик, 2016; Бруданова, 2002; Возрастно-ориентированная старшая школа..., 2014]. Именно в юношестве возникает вопрос о том, в расчете на какую перспективу нужно учиться. Юноши/девушки поставлены в ситуацию выбора, им нужно решить: пойти учиться в организацию СПО, закончив 9 классов, или продолжить учиться в 10–11-м классе; какую специальность и организацию высшего образования выбрать после окончания школы; поступать ли в магистратуру после бакалавриата; строить ли карьеру по специальности, и т. д. Именно здесь берет начало основная идея юношеского возраста, связанная с профессиональным

самоопределением как содержательной основой и вектором, задающим образ будущего юношей/девушек [Васильева, 2007; Гаранина, Баляев, Ионова, 2019; Кон, 1989], и, как следствие, образуется возрастной переход.

О.Б. Чеснокова, С.М. Чурбанова и С.В. Молчанов на основе анализа большого количества исследований указывают, что при переходе от подросткового к юношескому возрасту адаптивность к карьере означает наличие баланса между интересом к будущей профессии и осознанием реалистичности профессиональных ожиданий за счет осознания своих ресурсов [Чеснокова, Чурбанова, Молчанов, 2019]. Учеными отмечена связь социального интеллекта с любопытством и ориентацией в требованиях профессии, профессиональными ожиданиями. Здесь нужно учитывать противоречие, связанное с рассогласованием между возрастной задачей юности и социальной ситуацией — ситуацией растягивания возраста [Веселкова, Ершова, Прямикова, 2014; Данилов, 2017; Шилова, Владыко, 2021]. Возрастные задачи юности связываются отечественными исследователями с жизненным, профессиональным и личностным самоопределением [Андреева, 2022; Белановская, 2008; Гут, Кабардов, 2019; Гут, 2019; Литвинова, 2020; Шилова, 2020б]. Решая задачу профессионального самоопределения во время окончания школьного обучения, юноши/девушки опираются на несформированное представление о собственной жизни. При этом исследователями указывается, что осуществить поиск, оценку, выбор и построить собственную перспективу будущего с целью действий в виде ориентира саморазвития может только сориентировавшийся во внешнем мире, осознавший себя человек [Кон, 1989; Шилова, Владыко, 2022].

Современное общественное устройство дает возможность юношам/девушкам сосредоточиться на личностном осмыслении собственной жизни, что рассматривается многими исследователями как центральный фокус в изучении развития в юношеском возрасте [Гурова, Лужбина, Кроян, 2018; Клеменьтева, 2020; Курусь, 2016; Чудновский, 2006 и др.]. Человек оценивает свою жизнь относительно важных событий, традиционно

связанных с партнерством (брак, гражданский брак, совместное проживание), профессиональным обучением, работой, финансовой самостоятельностью. Современная социально-культурная действительность значительно меняет отношение юношества к этим событиям. Выводы современных демографических исследований показывают снижение возраста начала партнерских отношений и повышение возраста завершения образования. Важные трансформации присутствуют и в остальных выделенных аспектах, что может быть связано с индивидуализацией, цифровизацией и ослаблением традиционных взглядов современного общества на разные сферы жизни молодежи [Манукян, 2022]. Этот контекст в значительной мере определяет актуальность исследований современного взросления в юношеском возрасте. Развитые индустриальные общества характеризуются тем, что в них возможны длительные периоды образования и поиска идентичности. Юношеству позволено экспериментировать в разных сферах жизни, осуществлять пробы, строить собственное жизненное расписание и дебютировать, сообразно ему, в свое индивидуальное, не зависящее от социальных традиций время.

В современном обществе такие классические критерии вступления во взрослую жизнь, как окончание образования, отдельное проживание от родителей, создание семьи и рождение детей, а также финансовая автономия, перестают играть прежнюю решающую роль [Манукян, 2022; Shanahan, 2000; Crocetti, Tagliabue, 2016]. В исследованиях отмечается, что внутренние психологические критерии взрослости все больше преобладают по важности над социальными [Arnett, 2014a; Shanahan, 2000; Crocetti, Tagliabue, 2016], при этом конкретные критерии зависят от социально-экономического статуса участников исследования [Arnett, 2014a, 2016], что указывает, соответственно, на высокую индивидуализацию процесса перехода во взрослые возрасты [Манукян, 2022].

В зарубежной возрастной психологии юность выделяется как отдельный возрастной период, включающий в себя подростковый возраст и раннюю

юность. В английском языке для представителей этого возраста есть даже специальный термин — тинейджер (англ. teenager).

Изучая те или иные психологические процессы и явления, современные зарубежные исследователи чаще всего берут выделенные категории, характеризующие юношеский возраст. В своих классических теориях ученые рассматривают юношеский возраст в трех основных направлениях: биогенетическом (как, например, А.Л. Гезелл и Г.С. Холл [Гезелл, 1932; Холл, 1920; Холл, 1925]); социогенетическом (например, К. Левин [Левин, 2000]) и психодинамическом (например, Э. Эриксон [Эриксон, 1996]). В первом направлении самыми важными для развития признаются биологические процессы, непосредственно происходящие в организме; во втором — социальные процессы, в которых человек участвует или влиянию которых он подвергается; третий подход не отрицает значения первого и второго, но на центральное место ставит развитие психических процессов (эмоций, влечений и других компонентов психики).

В 1904 году Г.С. Холл описал физиологические и психологические характеристики юности. Он рассматривал юность как критический, имеющий множество особых атрибутов этап развития человека. Он считал, что через этот этап предки человечества прошли путем развития своих возможностей. В его описании юность — это период «бури и натиска» и большого количества внутренних и внешних конфликтов, в ходе разрешения которых у человека появляется собственное «чувство индивидуальности» [Холл, 1920].

Следующей важной вехой в исследовании юношества в зарубежной психологии послужили работы Э. Эриксона. Его авторству принадлежит идея формирования идентичности в юношеском возрасте, структурированной и ограниченной диапазоном возможностей, предоставленных социально-культурной средой [Эриксон, 1996]. Юношество — это возраст, в котором необходимо определиться с личной идентичностью. Построение личной идентичности включает в себя формирование жизненного сценария, определяющего ожидания относительно разных этапов собственной жизни, —

считает он [там же]. Ученый описывает «...психологические условия достижения идентичности как процесс одновременного отражения и наблюдения, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» [там же, с. 31–32]. Э. Эриксон описывает «...психосоциальный кризис юности как достижение идентичности между двумя крайними полюсами: эго-идентичность против смещения ролей» [там же]. Сложности с формированием идентичности, появляющиеся в этот период, во многом связывались Э. Эриксоном со взаимоотношениями юношей/девушек с родителями, ждущими от них определенности в профессиональном и жизненном плане.

Согласно последовательности стадий Э. Эриксона, сначала формируется идентичность, затем достигается интимность, и только после этого наступает стадия производительности (экономической самостоятельности и состоятельности как ее аспектов). Четких границ между этими этапами нет. Стадия производительности/экономической самостоятельности и/или состоятельности выражается в самореализации личности в профессиональной деятельности. Способность к такой самореализации определяет переход к взрослению. Чувство лояльности к традиционному мировоззрению и стремление к принятию взрослых ролей Э. Эриксон называл основными факторами взросления [там же].

С.Е. Робертс и Дж.Е. Котэ, разрабатывая неоэриксонский подход к идентичности, выделяют два основных аспекта: самоидентичность и социальную идентичность [Roberts S.E., Côté J.E., 2014]. Самоидентичность рассматривается ими с точки зрения «...ощущения целостности собственного «Я» (интеграции) и его дифференциации от других. Отсутствие этого ощущения указывает на диффузию идентичности, проявляющуюся в

нарушении временной непрерывности, фрагментарности повседневной деятельности и житейских отношений, а также в отчуждении от социума. Целостность в их модели выражается в дифференциации себя от других, в ощущении уникальности собственной жизни, самостоятельности в выборе направления развития и в чувстве собственного места в сообществе. Социальная идентичность рассматривается как инвестиции в приобретение компетенций и в реализацию навыков производственной деятельности» [там же].

Следующим в хронологической последовательности зарубежных исследователей юношеского возраста выступает Ф. Райс. Он не разделяет подростковый и юношеский возраст, считая его единым периодом развития между детством и наступлением зрелости. Ф. Райс указывает, что этот возрастной период начинается с наступления половой зрелости, а конечная граница его не может быть четко обозначена. Этот возраст, по его мнению, делится на три периода: младший (11–14 лет), средний (15–17 лет) и старший (18 лет и старше). Ф. Райс выделял биологический, когнитивный, психосексуальный и социальный подходы в изучении этого возрастного периода [Райс, 2014].

Совершенно другой подход мы видим у А.Л. Гезелла, который проводил длительные исследования подростков, юношей/девушек. В его теории направление развития и порядок появления особенностей в их поведении определяют гены. Он указывает, что «...приобщение индивида к культуре никогда не может пересилить влияния созревания» [Гезелл, 1932]. В его биогенетическом подходе фиксируется, что развитие не только имеет поступательные этапы, но происходит и по спирали. Изменения могут быть направлены и вверх, и вниз, соответственно, формы поведения повторяются на разных возрастных этапах. По его мнению, способности и умения возникают у юношей/девушек без влияния обучения [там же]. В целом этот возрастной период длится, по А.Л. Гезеллу, от 11 лет до 21 года; при этом наиболее важным является отрезок от 11 до 16 лет. Ученый считает, что

каждый человек появляется на свет с уникальными «генетическими факторами, или конституцией и врожденной последовательностью созревания», и индивидуальные отличия значительно влияют на развитие. Он подробно описывает биологическое созревание в каждом возрасте и подчеркивает, что, несмотря на важность культурных влияний (в том числе приобщения к обучению), «...культура модулирует и канализирует, но не порождает этапов и тенденций развития» [там же]. В целом в его теории присутствует описание различных аспектов развития подростков, юношей/девушек, объединенных просто хронологически, но важно отметить, что таким образом социальные условия воспитания и требования общества, предъявляемые к жизненному самоопределению представителей юношества, остаются за кадром.

В периодизациях развития взрослого человека часто бывают отражены представления о жизненном пространстве, жизненном пути, переживаниях и кризисах, а также решаемых жизненных задачах. Ш. Бюлер выделяет границы юности и молодости: от 16–20 до 25–30 лет длится стадия, предшествующая зрелости. Психологическое содержание этого периода состоит в предварительном самоопределении, выборе супруга [Бюлер, 1931].

Американские исследователи Р. Гаулда, Д. Левинсон и Д. Вейлант выделяют семь фаз жизненного цикла, при этом период с 16 лет до 22 лет — это время взросления и стремления к самостоятельности, время ухода из родительского дома, характеризующееся жизненной неопределенностью [Гаулда, Левинсон, Вейлант, 1977]. Современный американский психолог Дж. Арнетт также связывает с периодами юности и молодости становление самостоятельности и ответственности за свои действия, умение принимать осознанные и основанные на сформировавшейся системе ценностей решения, закрепление мировоззренческих позиций, определение жизненных перспектив. При этом он указывает на важное противоречие: молодые люди уже сформировались в физиологическом и психологическом плане и наделены

правами «взрослого», но не всегда способны реализовать себя [Arnett, 2000; Arnett, 2013; Arnett, 2016].

Важным моментом в изучении юношеского возраста зарубежными исследователями можно назвать исследования К. Левина, по мнению которого в ходе развития увеличивается промежуток времени, осознаваемый личностью в собственном будущем (временная перспектива); он влияет на внешнее поведение в настоящем и должен учитываться как часть нынешней жизни. Согласно К. Левину, «...ясная временная перспектива и определенные цели на будущее взаимосвязаны с активной жизненной позицией и продуктивной деятельностью в настоящем» [Левин, 2000]. Так, «...ребенок видит несколько дней в будущем, подросток дополнительно к этому представляет мечту, без четкого плана действий, а юноша/девушка уже согласовывают свои действия в настоящем с теми целями, которые хотят достичь в будущем» [там же]. Соответственно, переход от подростничества к юношеству связан с изменением временной перспективы. Такое изменение можно описать как изменение масштаба в представлениях о будущем, что является одной из важнейших характеристик юношеского возраста. Соотнесение целей с ресурсами и условиями может рассматриваться как проба планирования, и, соответственно, становится событием взросления. Современные исследования конкретизируют эти положения, вводя новые измерения временной перспективы, такие как временная связность и плотность (Mello et al., 2022; Shirai et al., 2025), которые отражают усложнение восприятия времени в условиях цифровой и социальной неопределенности.

У современного человека в течение жизни не раз возникает необходимость смены профессии или места жительства, поэтому важным становится формирование умения видеть собственную жизнь и комбинации действий; эффективность этого зависит от способности к изменениям. В теории К. Левина указывается, что осмысленное жизненное пространство начинает формироваться в юношестве.

По Дж. Аткинсону «...основой для выбора цели становятся личностные константы — мотивы достижения успеха и избегания неудачи, а все люди, определяя цель, обладают одновременно обоими этими мотивами» [Atkinson, 1957]. Ф. Хоппе рассматривает близкие категории. Уровень притязаний, по его мнению, зависит от достижения поставленных целей, и наоборот. Ф. Хоппе предлагает рассматривать самооценку и личностный ресурс через механизм взаимодействия притязаний и достижений, в котором человек накапливает опыт достижения целей [Норре, 1931].

Возрастные различия в притязаниях исследовала Л.В. Бороздина. Подросткам (13,5 лет) свойственны: неустойчивость притязаний и слабая дифференцированность целей; успехи, даже случайные, обосновывать своими умениями, а причины неудач искать в объективных обстоятельствах. Юношам/девушкам (19 лет), напротив, характерны критичный подход к причинам успехов и неудач и устойчивые притязания [Бороздина, Молчанова, 2001, с. 37]. Соответственно, уровень притязаний взрослого формируется от 13,5 до 19 лет [там же]. Это подтверждается и в исследованиях других авторов, которые мотивацию достижения успехов и стремление к самоактуализации связывают с социально-психологическим благополучием личности и наличием ресурсов [Krems, Kenrick, Neel, 2017; Steel, 2007; The Role of Intrinsic Motivation ..., 2017].

Обобщенные представления о юношеском возрасте в классической зарубежной психологии представлены в таблице 2.

Таблица 2. Юношеский возраст в классической зарубежной психологии

Категория	Описание
Идентичность, кризис идентичности	Идентичность ограничена социальной и культурной средой и связана с построением жизненного пути, определяющего ожидания относительно событий на разных этапах жизни. Содержание психосоциального кризиса юношества — это обретение идентичности, лежащей между

	противоположными полюсами: эго-идентичность против смешения ролей.
Биогенетические процессы развития	Юность отражает критический этап в истории человеческого развития, через который предки человека прошли, развивая свои возможности. Юность объединяет индивидуальный жизненный путь с большими эволюционными целями: это одновременно и личная перемена, и выражение истории человечества.
Расширение временной перспективы	Пределы временного промежутка, лежащего в будущем и влияющего на поведение, увеличиваются с взрослением. Увеличение масштаба временной перспективы будущего является основной характеристикой юношеского возраста. При постановке некоторых жизненных целей юноши и девушки начинают учитывать годы, в отличие от детей, цели которых ограничиваются днями, неделями или месяцами.
Социальное и историческое влияние (жизненный опыт)	Увеличение юношеского возраста, интернет и современные цифровые технологии, меняющийся рынок труда, необходимость более длительного обучения, новые типы семей — все эти факторы изменяют жизненный опыт современных юношей/девушек.

Как было показано ранее, современные исследователи при изучении тех или иных психологических процессов и явлений чаще всего берут категории, выделенные классиками как характеризующие юношеский возраст.

Современная молодежь продолжает искать свою идентичность гораздо дольше, и, по мнению исследователей, молодые люди даже в 30 лет еще не могут называться взрослыми людьми (см., например, [Arnett, 2000; Arnett, 2016; Arnett, 2014a; Arnett, Fishel, 2013; Crocetti, Tagliabue, 2016]. С начала

XX века в обществе возникло несколько разных когорт: «потерянное поколение», «поколение победителей», «поколение беби-бумеров» и другие. Ученые изучают различия в развитии этих поколений, в том числе влияющие на жизненный опыт отдельных юношей/девушек [Богачева, Сивак, 2019; Радаев, 2018; Радаев, 2020а; Радаев, 2020б].

На изменения в жизненном опыте поколения современных юношей/девушек влияют: продление переходного возраста, использование цифровых технологий, всеобъемлющие изменения рынка труда, растущий период обучения, новые типы семей и многое другое. Так, культура и общество в глобальном смысле слова значительно изменились с появлением интернета, мы можем в реальном времени узнать все, что происходит на другом конце света, и найти все что угодно. У нынешних юношей/девушек больше собственных денег, на что реагируют маркетологи и производители, делая их целевой группой для своей продукции. В исследованиях все чаще фигурирует новый возрастной этап, получивший название «становящаяся взрослость» (*emerging adulthood*), смыслом которого является переход от детства ко взрослости [Arnett, 2000]. Этот этап характеризует развитые индустриальные общества и длится в среднем от 18 до 30 лет [Arnett, 2014б]. Появление этого этапа во многом связано с возможностью длительного периода образования и поиска идентичности через жизненные пробы и возможность экспериментировать [Манукян, 2022]. Так, современный 20–30-летний молодой человек, в отличие от сверстника, жившего несколько десятилетий назад, часто не может считаться независимым и жить отдельно от родителей; скорее всего, он не женат и не имеет детей. Традиционно социально-ролевыми маркерами вступления во взрослость были события, связанные с окончанием учебы, уходом из родительского дома, семейным статусом, появлением первого ребенка, решением о будущей карьере, финансовой независимостью, стабильной занятостью [Shanahan, 2000; Crocetti, Tagliabue, 2016]. Зарубежные авторы указывают, что внутренние психологические критерии взрослости в настоящее время преобладают над

социальными, то есть теми, которые приняты в обществе [Arnett, 2014б; Crocetti, Tagliabue, 2016]. При этом ключевая роль демографического контекста и социоэкономического статуса в исследованиях процесса взросления подчеркивает неоднородность и высокую индивидуализацию критериев взрослости [Манукян, 2022; Arnett, 2014б; Transition-To-Adulthood Profiles..., 2022].

Таким образом, большинство современных зарубежных исследований в качестве основных характеристик юношеского возраста выделяют, во-первых, значительное увеличение самого этого периода, во-вторых, высокую степень неопределенности и непредсказуемости собственного будущего и, в-третьих, сложности с самоидентификацией, с отнесением себя к категории детей или взрослых [Mind the generation: Differences between..., 2018]. В числе наиболее значимых возрастных задач называются такие, как построение связей между собственными целями и реализуемыми стратегиями [Левин, 2000; Kauffman, Nusman, 2004], а также ориентирование в социуме и открытость новому опыту [Егоренко, 2018; Pinto, Faria, Taveira, 2014; Feeling closer to the future self..., 2017].

В целом перечисленные подходы связаны с тремя основными направлениями в исследованиях юношеского возраста, выделенными нами ранее на основе возрастных новообразований [Васильева, 2006; Васильева, 2007]:

– «стабильность эмоциональных отношений», включающая эмоциональную уравновешенность, внутриличностные и физиологические аспекты эмоциональности, социальную адаптацию, особенности поведения личности (А.Л. Гезелл, М. Кле, А. Фрейд, З. Фрейд, Г.С. Холл);

– «самоопределение», в том числе жизненное, личностное и профессиональное самоопределение (в некоторых случаях структура самоопределения рассматривается через сопоставление частей и целого, например жизненное самоопределение описывается, как включающее два

остальных) (Л.И. Божович, М.Р. Гинзбург, И.В. Дубровина, И.С. Кон, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, Э. Эриксон);

– «планирование» как согласование ресурсов, условий и личностных притязаний при формировании жизненных перспектив (Л.С. Выготский, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, А.Н. Леонтьев, К. Левин, Д.Б. Эльконин, Н.П. Шилова, П.П. Бруданов).

Такое понимание возрастных новообразований служит основой для выявления качественных трансформаций представлений о будущем в юношестве.

1.2. Современное определение границ юношеского возраста

Юношество занимает место между подростковым возрастом и взрослостью. Это своеобразный переход, границы которого крайне расплывчаты. Преодолев этот период, подросток «перевоплощается» во взрослого человека. Современное определение границ юношеского возраста требует комплексного подхода, учитывающего как биологическое созревание, так и социокультурный контекст. И западная, и отечественная психология характеризуются стремлением объединить подростничество и юность в один возрастной период, который называется периодом взросления (adolescence); при этом развитие зрелой личности во взрослых возрастах в западной психологии изучается более активно, чем в российской [Дегтярев, Дегтярева, 2017, с. 93]. Возрастные границы юношеского возраста, выделенные на основе анализа, описанного в параграфе 1.1, зафиксированы в таблице 3.

Таблица 3. Границы юношеского возраста

Российская психология	Зарубежная психология
<p>Четкого выделения возраста нет. Есть границы: нижняя — 15 лет, верхняя — примерно 25. И, соответственно, от 15 до 18 лет — это ранняя юность, от 18 до 25 лет — поздняя юность.</p> <p>Содержательно границы задаются на основе появления четкого представления о профессиональном и жизненном самоопределении, а также о временной перспективе собственной жизни: от разделения ближайшей и отдаленной — к появлению структурированной.</p>	<p>Юность в классических представлениях приравнивается к тинейджерству (от англ. teenager), формально это возраст с 13 до 19 лет.</p> <p>В современных подходах юношеский возраст, то есть переход от детства к взрослости, соответствует двум основным фазам:</p> <ul style="list-style-type: none"> – примерно с 13–16 до 22 лет — это время для взросления и ухода из родительского дома, ощущение неопределенности при появлении стремления к самостоятельности; – примерно с 23 до 28–30 лет — появление сформированных

	представлений о будущей жизни и работе, осознание себя в качестве взрослого человека с присущими ему правами и обязанностями, поиск спутника жизни и вступление в брак.
--	---

Соответственно, возрастные границы юности расходятся в разных периодизациях. Объясняется это прежде всего тем, что возраст представляет собой объективную хронологически зафиксированную на определенный социально-исторический момент времени стадию развития конкретного поколения в онтогенезе. В целом юношество — это период жизни между подростничеством и взрослостью. Границы юношеского возраста, рассматриваемые в нашем исследовании, простираются от 15 до 23–25 лет. Нижняя граница юности знаменует собой окончание подросткового и начало юношеского возраста — по сути, возникновение самосознания и открытие своего «Я» [Эльконин, 1989]. Это достигается за счет интимно-личностного общения, направленного на познание другого человека, себя, межличностных отношений, на усвоение норм социального поведения (через мотивационно-потребностную сферу, в понимании Д.Б. Эльконина).

Если говорить о верхней границе юности, нижней границе взрослости, то, например, Т.Д. Марцинковская описывает ее следующим образом: «...психологическое развитие в зрелости связано самоопределением юноши, его материальной независимости от своих родителей, что не имеет прямой связи с высоким уровнем развития, но может более или менее точно фиксироваться и имеет точные социальные и возрастные границы — окончание учебы, начало трудовой деятельности» [Феномен и категория зрелости..., 2007, с. 99], указывая при этом, что в вопросе об изучении реализации «...человека начиная с периода 21–25 лет, т.е. с периода зрелости и до глубокой старости, есть смысл использовать понятие “жизненный путь”, вводя в исследование новые закономерности — индивидуальный стиль жизни,

формы социализации и самореализации, целостность представлений о себе и мире» [там же, с. 107].

В классических описаниях юношеского возраста он выделяется на основании определенных характеристик; например, профессиональное самоопределение служит одной из содержательных основ представлений о будущем юноши или девушки [Гинзбург, 1987; Дубровина, 1991; Кон, 1989; Слободчиков, Исаев, 2012], а учебно-профессиональная деятельность рассматривается в качестве ведущей деятельности [Эльконин, 1989]. Современные исследователи зачастую путают этот возрастной период с другими. Так, в исследовании М.Р. Хачатуровой, В.Г. Ерофеевой, В.А. Бардадымова указывается, что «...становящаяся взрослость является периодом между подростковым и юношеским возрастом, в ходе которого продолжается процесс становления идентичности» [Хачатурова, Ерофеева, Бардадымов, 2022, с. 123]. При том, что выборка этих авторов в возрастном диапазоне от 16 до 27 лет.

Юность — это возрастной период, который исторически сформировался позднее других. В современном обществе понятие «ребенок» носит условный характер и охватывает все возрастные категории незрелых лиц — от младенцев до юношей. Ключевыми характеристиками этой категории выступают отсутствие жизненного опыта и самостоятельности. В.И. Даль указывает, что «...ребенком зовут младенца, отрока или отроковицу до юношества» [Даль, 1982, с. 668], и далее: «...юноша, юнак, юныш, юнок и мн. др., человек в возрасте от 15 до 20 лет и более, в пору возмужалости. Юность, молодость, младость, переходная пора человека от отрочества к возмужалости, и состояние это... юношеский возраст. Юношествовать — быть в юношеском возрасте» [там же].

Гегель, отделяя юношество от взрослых возрастов, подчеркивал, что «...взрослый человек уже не находится более во власти своих частных побуждений и субъективных взглядов и не занят уже только своим личным развитием, но погружен в разум действительности и проявляет себя

деятельным для мира. К этой цели его стремлений юноша приходит с необходимостью. Его непосредственная цель состоит в том, чтобы приобрести образование, которое сделало бы его способным к осуществлению его идеалов. Пытаясь осуществить это, он и становится зрелым...» [Гегель, 1977, с. 88]; при этом «...одно только образование еще не делает его совершенно законченным человеком; таким он становится только благодаря собственной рассудительной заботе о своих насущных интересах» [там же, с. 90], «...противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно» [Гегель, 2017, с. 395]. Кант указывает, что «...юноше кажется, будто лучшее средство доказать, что он вышел из детского возраста, — это пренебречь <...> доброжелательными предостережениями, и, привыкнув к догматизму, он жадными глотками пьет яд, догматически разрушающий его основоположения» [Кант, 2020, с. 414].

Несмотря на то, что эти философские наблюдения были сделаны несколько столетий назад, они точно схватывают внутреннее напряжение этого возрастного этапа. Оба философа, таким образом, описывают диалектику становления субъектности в юношестве, которое разрывается между позицией пассивного объекта воспитания и стремлением к активной, сознательной самореализации. Если для Гегеля зрелость — это обретение субъектности через деятельное погружение в мир [Гегель, 2017], то для Канта юноша рискует остаться объектом чужого догматического влияния, лишь иллюзорно полагая себя субъектом [Кант, 2020].

Определение границ юношества базируется на научных данных о морфологии, физиологии и биохимии, а также учитывает показатели физических, психических возможностей и социокультурный контекст. При этом основной вопрос, интересующий молодого человека в юношеском возрасте, — это он сам, поскольку он уже желает ощущать себя взрослым и ответственным, хотя испытывает множество беспокойств относительно своего будущего. В начале юности вопрос выбора жизненного пути становится

настолько актуальным, что у юноши/девушки возникает внутренняя потребность преодолевать преграды перед вступлением во взрослую жизнь. Исследователями часто даются противоречивые характеристики современным юношам и девушкам: иногда это прагматичные или инфантильные индивидуалисты, склонные к депрессии и тревожности [Психологическая зрелость..., 2014], и одновременно с этим — личности, гибко реагирующие на меняющиеся внешние требования [Дудик, 2016].

«В юности человек уже по праву может хотеть ощущать себя взрослым, ответственным за свой выбор, однако он трепещет перед ожидающей его впереди ближайшей жизнью» [Мухина, 2022, с.11]. «Поиск собственного жизненного пути дает жизнеутверждающей части юношества высокие мировоззренческие чувства, становящиеся внутренним условием развития» [Мухина, 2020]. Юность — это один из важнейших периодов в жизни, это возраст созревания жизненных ценностей, самоопределения и поиска собственного места в мире. Вся дальнейшая жизнь человека зависит от осознания собственных возможностей и притязаний. Если ранее ключевыми маркерами были профессиональное самоопределение и финансовая независимость, то сегодня акцент смещается в сторону психологической зрелости (взрослости) и гибкости в условиях неопределенности и многозадачности. Этот возраст определяется способностью брать на себя ответственность, осуществлять разнообразную деятельность, принимать общественные нормы.

При этом независимость может перерасти в одиночество (все большее число финансово независимых, живущих отдельно от родителей молодых людей не вступают во взрослые отношения); личная независимость вызывает у них стремление жить без обязательств перед другим человеком, в то время как ответственность они связывают с тревогами и неуверенностью в будущем.

Согласно культурно-историческому подходу, процесс взросления рассматривается через взаимодействие «реального Я» (текущее положение, возможности и обязанности человека) и «идеального Я» (образец взрослости,

воплощающий совершенство) [Выготский, 1984]. Это соотношение не статичное сравнение, а динамическая сила: образ желаемого будущего постоянно влияет на настоящее, мотивируя человека осваивать новые навыки для достижения личностного успеха.

В целом формирование субъективной взрослости начинается с «чувства взрослости», основного новообразования подросткового возраста, когда подросток уже воспринимает себя как взрослого. Даже не будучи отрефлексированным, чувство взрослости становится элементом будущего взрослого «Я», выстраиваемого подростком [Поливанова, 2020]. «Взрослея и осваивая полный репертуар переживаний успешного самоопределения, юноши/девушки начинают активнее проявлять творчество в самореализации, воплощать замыслы и жизненные цели в сложном жизненном мире» [Захарова, Трусова, 2019]. Чувство взрослости в периоде формирующейся взрослости нестабильно, оно растет с увеличением наполненности жизни стрессами [Манукян, 2022; Bellingtier, Neupert, 2019].

Переход от диффузии к связности «подлинного взрослого Я» происходит между 18 и 33 годами. М.В. Клементьевой этот возрастной период связывается с возможностью человека гармонизировать свою индивидуальность и социальное ожидание общества от него [Клементьева, 2020]. Психологические критерии окончания юношества и начала взрослости ассоциируются со становлением ответственности, автономии, индивидуализации, самореализации, стрессоустойчивости и реалистичности. Соответственно, зрелость личности определяется наличием одноименных личностных качеств [Литвинова, 2020; Катькало, Печеркина, 2022; Психологическая зрелость..., 2014], достижением психологического благополучия [Маленова, Потапова 2020]. Кроме того, «...важнейшим внутренним психологическим критерием становления взрослости выступает субъективная взрослость, или сформированная “взрослая” идентичность, позволяющая причислять себя к миру взрослых» [Поливанова, 2020].

Большинство людей стараются соответствовать культурным возрастным нормам, и если им это не удастся, они чувствуют, что, в отличие от сверстников, их «время не работает». Новые нормы возрастного развития возникают, когда одинаковые отличия от сверстников распространяются на большое количество людей [Settersten, Mayer, 1997; Spéder, Murinkó, Settersten, 2014]. Переход на следующий возрастной этап, по мнению Л.С. Выготского, наступает вследствие перестраивания отношения личности к окружающей его социальной действительности, то есть изменения социальной ситуации развития [Выготский, 1984]. «Возраст с трансформирующимися в современном обществе ценностями является категорией относительной. В силу этого новые требования предъявляются и к развитию в юношеском возрасте. Представления о традиционных границах возраста меняются, подтверждая идею, что возраст — заданность, а не данность» [Шилова, Владыко, 2021; Шилова 2022а]. Соответственно, наше исследование основывается на том, что нормы для каждого возраста различаются в зависимости от культуры и периода развития общества [Эльконин, 1992; Mind the generation: Differences between..., 2018]. Возрастные границы для данного исследования определены значительно шире, чем обозначалось в предыдущих подходах, — это сделано для определения возрастных отличий в представлениях о будущем.

Учитывая описание возрастных границ юношеского возраста, мы предполагаем, что именно он в современной социокультурной ситуации является переходным из детских возрастов во взрослые. Одним из оснований отнесения юношеского возраста к переходному может являться разделение человеческой деятельности на три основных вида: игра, учение и труд. Первоначально это разделение можно увидеть в гегельянской традиции. В психологическом плане труд для нас — это любая человеческая производительность и продуктивность, которая может продемонстрировать окружающим людям ответственность и самостоятельность в осуществлении практической деятельности. Учение — это деятельность, которая направлена

на получение знаний, личных навыков и развитие личностных качеств. Игра в психологическом плане рассматривается нами как деятельность, характеризующаяся проявлением эмоций и активности в воображаемом пространстве; соответственно, эта деятельность позволяет «опробовать» себя в различных ролях за счет воображения. Через «...соотношение между выделенными видами деятельности можно выделить три ключевых типа развития: детский, переходный и взрослый» [Шилова, 2021в].

Детский тип возрастного развития человека связан с воспроизводящими видами деятельности, такими как игра и учение [Давыдов, 2000], в которые «погружено» детство. Для ребенка игра появляется как реакция на отсутствие возможности реализовать отношения взрослого мира (сюжетно-ролевая игра); учение в свою очередь возникает как ответ на невозможность использовать инструменты мира взрослых, например, чтение, письмо и счет. При этом сначала взрослость предстает перед детством (сюжетно-ролевая игра) в качестве смысла отношений между взрослыми, затем — в полученных образовательных навыках, как «умелость». Институциональные условия и образовательные институты определяют отношения детей и взрослых через образовательные механизмы и условия учебной и воспитательной жизни детей [Сергоманов, Бруданова, 2003; Фруммин, Эльконин, 1993; Шилова, Логинова, Лученков, 2018а, 2018б; *Positivity in Younger and in...*, 2020]. М.В. Розин указывает, что в культурном плане детская игра — это первый способ для ребенка освоиться во взрослом мире, возможность репетировать свою свободу. Когда ребенок сталкивается с проблемой, он обращается за помощью к своим родителям [Розин, 2019]. В этом случае связь родителя и ребенка носит органический характер, позволяя последнему решать не только детские задачи, но и другие проблемы.

Взрослый тип развития можно охарактеризовать через взаимоотношение, появляющееся между игрой и учением после того, как в жизни человека возникает труд. Непосредственное возникновение труда не происходит сразу, а начинается постепенно в процессе развития и

формирования личности. Это случается, когда игра и учение находят свое отражение в труде и являются способом получения большей производительности для человека.

Переходный тип развития характеризуется тем, что труд еще не стал целью, но игра и учение уже истощены и не могут выступать источником развития личности. Труд представляет собой ближайший горизонт и рамку для учебы и игры. Таким образом, в юношеском возрасте впервые возникает вопрос о том, зачем нужно обучение и что такое жизненная перспектива [Выготский, 2023; Давыдов, 2000; Фрумин, Эльконин, 1993; Сергоманов, Васильева, 2007; Sergomanov, Vasilyeva, 2012]. С ответом на этот вопрос, возникает авторская позиция относительно своей жизни, а юность может рассматриваться как переходный период из детскости во взрослость.

Сущность отрочества и юности в том, что эти периоды формируются постепенно через эксперименты и пробы, которые происходят в процессе обучения, когда требуется самостоятельно действовать и решать задачи в области игры и фантазий. В учении увеличивается объем информации, а главным требованием является рациональность. «На первый план выходит стремление получить признание во взрослом Социуме» [Фельдштейн, 1997, с. 90]. Изменяются межличностные отношения: вместо родительской заботы и опеки возникают двухсторонние социальные связи, основанные на принципах власти (с учителями) и равноправия (с одноклассниками). Под этим давлением появляются способность управлять собой и самостоятельное поведение [Розин, 2019]. Первой такой пробой становится выбор, связанный с будущей трудовой деятельностью: колледж или старшая школа, магистратура или работа, тот или иной вуз, та или иная профессия, и т. д. Здесь важным становится осмысленность этого выбора и принятая ответственность за него (обдуманый выбор, сознательный или неосознанный выбор); эмоциональная реакция на сделанный выбор (удовлетворенное отношение к своему выбору, амбициозно-агрессивное отношение ко всему, что было выбрано), самостоятельность сделанного выбора (автономия, вынужденность) и

удовлетворенность своим выбором (внимание к нему или сомнение) [Леонтьев, Мандрикова, Фам, 2007].

Осмысленность этого выбора становится особенно актуальной для юношей/девушек в современном мире, учитывая, что если «...раньше профессия и работа обычно совпадали с карьерой, то сегодня карьера — это процесс длиною в жизнь, в рамках которого индивид регулирует свои обучение и профессиональную деятельность для создания качественной жизни» [Bezanson, 2003]. «В ходе этого процесса человек может менять направление своей деятельности, сочетать профессиональные направления и одновременно работать в нескольких областях. Такие формы занятости, как удаленная работа, фриланс или работа на кратковременных проектах, открыли широкие возможности для самореализации в трудовой деятельности» [Карьерное консультирование..., 2021]. «Современные ученые все больше отходят от рассмотрения карьеры в статике и понимают карьеру как процесс, стремясь интегрировать и учитывать такую характеристику общества постмодерна, как растущую неопределенность. Все больше взгляд ученых обращается на то, как и в каких социальных условиях сформулированы ключевые концепты теорий профориентации, такие как карьера, работа, труд. Современные теоретические рамки фокусируются на учете культурных особенностей и индивидуальной перспективы индивида, включая его восприятие своего карьерного развития как ответ на индивидуализацию в постиндустриальном обществе» [там же].

В современном мире понимание труда изменилось, появились новые форматы («фриланс», «дистант», «проект») [там же]. Это связано с изменением потребительской ценности. Так, Б.Д. Пайн и Д.Х. Гилмор разбирают концепцию эволюции потребительской ценности, когда каждое последующее предложение становится для потребителей все более ценным. Выбирая из приобретения ингредиентов (сырья), полуфабрикатов (товаров), готовых продуктов (услуг) и получения впечатлений, потребитель будет

выбирать последнее, потому что оно больше всего приближено к желаниям покупателя [Пайн, Гилмор, 2020].

Именно «способность создавать новые формы» стала ключевым фактором конкурентности современного труда. По мнению Р. Флориды, труд попадает в зависимость от изменения потребительской ценности. Современная концепция труда основывается на том, что люди готовы больше платить за впечатления, чем за товар. Во всех отраслях промышленности — от автомобильного производства до модной индустрии, от машиностроения до пищевой промышленности — всегда побеждает человек, способный творить. [Флорида, 2016]. Расширение психологического содержания самой сферы услуг сегодня составляет концепцию труда. И в современном понимании труд может внешне иметь признаки игры или учения. Таким образом, современным юноше/девушке нужно не просто отказаться от детских видов деятельности — учения и игры, а еще и оценить, что они могут привнести в свой труд, чтобы он был более эффективным и интересным для них самих и более ценным для потребителя. Соответственно, та профессиональная деятельность, которую они выбирают, может значительно отличаться от классического представления о труде. Но несмотря на размывание представлений о труде, его основным отличием является то, что он оплачивается, позволяя быть финансово самостоятельным или независимым.

Изменение формата труда может рассматриваться в качестве одной из причин увеличения, «растягивания» переходного возраста, вокруг которой вращается большинство исследований современной психологии развития [Радаев, 2018; Толстых, 2015; Сергоманов, Васильева, 2004; Arnett, 2000; Arnett, 2016]. Дж. Арнетт уверен, что в современном обществе даже 30-летних индивидов не всегда можно назвать взрослыми, а возраст 20–30 лет все еще переходный, а не стабильный. В качестве аргумента ученый описывает продолжающиеся поиски идентичности современной молодежью. Возраст людей, которых по ряду признаков *уже* нельзя назвать подростками, но они *еще* не являются взрослыми, он определяет как «становящаяся взрослость»

(англ. «emerging adulthood»). Дж. Арнетт маркерами взрослости считает: «...создание семьи, рождение детей, отдельное проживание и самостоятельность в финансовом плане» [Arnett, 2000; Arnett, 2014a]. Его исследования показывают, что представители юношества не торопятся достигать указанных характеристик.

Дж. Арнетт прав лишь отчасти, считает Дж. Готе. По его мнению, самореализация является роскошью, которую не каждый может себе позволить [Côté, 2006]. Дж. Готе полагает, что экономическая ситуация, которая в былые времена поддерживала молодежь в ее движении к взрослой жизни, в настоящее время стала тревожной. Те изменения в образе жизни молодых людей, которые мы наблюдаем в настоящее время, начались с коллапса молодежного рынка труда в конце 1970-х – начале 1980-х гг., что значительно усложнило получение молодыми людьми финансовой независимости. Традиционно в общественном понимании взрослый человек определяется как лицо финансово независимое, имеющее семью и дом. Но семьи и дома стоят денег. Твикстеры, которые стали совершеннолетними в 1990-е годы, оказались в более затруднительном положении, чем предыдущие поколения.

Исследуя тему инфантилизма представителей современного юношества, В.В. Радаев приходит к выводу о том, что упреки в этом молодежи незаслуженны. «Молодые люди сейчас не спешат взрослеть: они откладывают вступление в брак, рождение детей, выход на рынок труда» [Радаев, 2018, с. 20]. Однако происходит это не потому, что молодежь действительно инфантильна, а потому, что меняются времена и условия современной жизни. Юношество сейчас рассматривается как атрибут индустриального развития общества, возникший благодаря разделению труда и непосредственно индустриализации, которая, в свою очередь, породила изменение структуры свободного времени, способствовала продлению периода получения образования (в том числе непрерывного). Но при этом нужно учитывать, что

наше общество уже не является чисто индустриальным, оно меняется быстрее, чем научные представления о рассматриваемом возрастном этапе.

В целом представление о юности изменилось с процессом увеличения продолжительности жизни: детство и взрослость, несомненно, «потеснились». Как отмечает А.В. Толстых, наиболее предпочтительным возрастом стала именно юность, «...влияющая своими вкусами, ценностями, привычками и т.д. на вкусы, ценности, привычки всего общества» [Толстых, 1988, с. 158]. Именно поэтому люди склонны вступить в возраст юности как можно раньше и задержаться в этом периоде дольше. При этом В.А. Луков указывает, что в ближайшем будущем юношество еще увеличится, как и продолжительность жизни в целом. По его мнению, следствием этого станет дополнительное увеличение периода юности и изменение социальной роли молодежи, что вызовет «...конфликт с ее социальным статусом и традиционно подчиненным местом в социализационном процессе» [Луков, 2013, с. 201].

Здесь обнаруживается важное противоречие: как известно, достичь состояния удовлетворенности жизнью проще, совершая либо нейтральные, либо негативные действия, ведь удовлетворить биологические потребности проще, чем социальные и духовные. Более того, выход негативной, разрушительной энергии происходит резко, ярко, «легко», отсюда вытекает общеизвестный феномен: молодые люди чаще других втягиваются в революционные, протестные движения. Они не видят иных возможностей самореализации, либо общество их им не предлагает.

В целом, юность все реже рассматривается как строго фиксированный период. Сегодня это скорее временной промежуток, в течение которого человек постепенно обретает самостоятельность, сохраняя поддержку окружения. Согласно Л.С. Выготскому, «...социальная ситуация развития, то есть специфические отношения между индивидом и обществом на данном возрастном этапе, определяет траекторию личностного роста» [Выготский, 1984]. Таким образом, переход от детства к самостоятельной взрослой жизни

является ключевым и неизбежным этапом развития, а его изучение помогает понять вызовы, стоящие перед современной молодежью.

Границы юношеского возраста, обозначающие переход от отрочества к зрелости, остаются дискуссионными из-за их зависимости от культурных и социальных норм. В российской психологии традиционно выделяют юность раннюю (15–18 лет) и позднюю (18–24 года), главными задачами которой являются самоопределение, построение жизненных планов и выбор профессии [Кон, 1989]. В западных же подходах все большее распространение получает концепция «становящейся взрослости» (*emerging adulthood*), которая раздвигает границы этого периода вплоть до 30 лет [Arnett, 2000; Arnett, 2001]. Это связано с удлинением срока получения образования, экономическими факторами и изменением социальных ожиданий. В этом периоде акцент смещается на поиск себя и отсрочку традиционных «маркеров взрослости».

Ученые сходятся во мнении, что сегодня наиболее важными критериями вступления во взрослость становятся внутренние, психологические факторы: чувство независимости, ответственности, способность самостоятельно принимать решения, а также личное восприятие себя как взрослого человека [Литвинова, 2020; Манукян, 2022; Arnett, 2014б; Ayotte, Revell, Belanger, 2020; Sgaramella, Foresta, 2022; Shanahan, 2000; Objective and subjective markers..., 2020; Li, Yu, Lyu, 2024]. Лонгитюдные данные последних лет подтверждают, что именно субъективное ощущение взрослости, а не хронологический возраст, определяет готовность к долгосрочному планированию [Li, Zhang, Lyu, 2023; Hao et al., 2024]. Следовательно, определение границ юношества требует учета как культурно-исторического контекста, так и системного подхода, который интегрирует психологические, социальные и исторические данные, рассматривая их как элементы единой динамической системы развития личности. Такой подход особенно важен в эпоху цифровизации, глобализации и трансформации социальных институтов, которые создают принципиально новые траектории взросления.

1.3. Современные исследования взросления

В исследованиях отмечается, что юность — это период активного проектирования жизненного пути и развития навыков преодоления неопределенности. В условиях трансформации современного общества, предъявляющего новые требования к индивиду, наблюдается удлинение юношеского возраста за счет продления детства, что влияет на формирование представлений личности о своем будущем.

Нормы и требования, принятые для каждого возрастного этапа, зависят в первую очередь от культурных особенностей конкретного общества и от периода его развития [Выготский, 2000; Выготский, 2023]. Развитие культуры и личности неразрывно связаны; возможно, поэтому проблема возрастного развития личности находится в центре внимания исследователей и в области психологии, и в области культуры. Культура формирует определенный тип личности, а личность изменяет и открывает новое в культуре [Arnett, 1998; *Psychology and History...*, 2014]. Социальные нормы, которые определены для каждого возраста конкретным обществом на определенном этапе его развития, существенно отличаются [Мид, 1988; Arnett, 1998]. Становящаяся взрослость как возраст между детством и взрослостью является наиболее ярким и современным примером такой трансформации возрастных этапов. Дж. Арнетт, изучающий это явление, отмечает изменение содержательной характеристики взросления [Arnett, 2000; Arnett, 2013; Arnett, 2014б; Arnett, 1997]. Этот возрастной период невозможно объединить с подростничеством, поскольку характерные для подростков гормональные и телесные перемены, как и непосредственно половое созревание, уже завершены. В отличие от подросткового возраста, в юношестве человеку довольно часто приходится решать присущие взрослым возрастам проблемы и задачи, такие как построение карьеры, начало отдельного от родителей проживания и другие. Одновременно с этим юношей/девушек нельзя назвать взрослыми, так как у них сохраняются многие характеристики подростков [Шилова, 2023д; *Aspirations and expectations...*, 2022]. Физиологи указывают на характерное

отсутствие синхронизации в процессах созревания мозга и гормонального (полового) развития в этот период. Так, «...половое созревание наступает в раннем подростковом возрасте, а умственное продолжается больше 25 лет» [Hochberg, 2020]. А. Дживеди и Р. Растоги выделяют поиск самоидентификации, нестабильность и эмоциональную неустойчивость как характеристики периода формирования взрослости. В их концепции возраст 17 лет является началом переходного периода, а возраст окончания должен быть установлен на 30-тилетней отметке [Dwivedi, Rastogi, 2019].

В традиционных культурах каждый возрастной этап существует в системе взаимоотношений: для младшего поколения он выглядит как образец желанной зрелости, а для старшего — как еще несовершенная стадия. Эта двойственная оптика порождает феномен «относительной взрослости», который возможен лишь в обществах, где сформирован универсальный эталон зрелости — идеальный образ того, каким должен стать человек в итоге своего развития. Юношеский возраст представляет собой относительно позднее историко-культурное явление. В примитивных социальных обществах период юношества отсутствует; подготовка ребенка ко взрослости сводится к освоению необходимых взрослому человеку навыкам, после чего, у него появляются права и обязанности взрослого человека [Мид, 1988].

Стабильность устройства общества, которые казались очевидными еще несколько десятилетий назад, ныне подвергается значительным изменениям, в числе которых «...усиление индивидуализации, экономическая нестабильность, стремительная трансформация цифровых технологий» [Поливанова, 2016]. Эти изменения оказывают влияние на современных юношей и девушек [Богачева, Сивак, 2019; Радаев, 2020а; Радаев, 2020б; Система ценностных ориентаций..., 2019; Value tradeoffs propel..., 2017]. Современное общество видит юношу взрослым человеком, но при этом ограничивает его возможности проявления взрослости и ответственности, продолжая его воспитывать и повышая требования к нему. Поколение молодых людей, родившихся после 1995 года, исследователи называют

«поколением z» [Система ценностных ориентаций..., 2019; Holman, 2015; Marková, 2017]. При описании представителей этого поколения часто указывается, что они формировались в цифровую эпоху и не представляют себе мир без современных информационных технологий [Воронцова, 2016]. Социальные сети и другие ресурсы интернета влияют на их образование и самоопределение, становясь для них источником развития. Современные юноши и девушки «...быстро обучаются, способны мгновенно переключаться с одного вида деятельности на другой, а также действовать в условиях многозадачности» [Кулакова, 2018, с. 4]. Они хорошо владеют цифровыми технологиями, имеют информационную свободу и способны быстро обрабатывать информацию. Характерной чертой представителей «поколения z» является отторжение ими традиционных ценностей и мировоззренческий разрыв с родителями. [Данилов, Грищенко, Щеглова 2017; Кулакова, 2018; Сушко, Проничев, 2021; Система ценностных ориентаций..., 2019; Giordano, 2019; Jiang, Gore, 2016]. Благодаря огромному количеству доступной информации, они обладают более широким кругозором, но по той же причине их знания часто носят противоречивый и поверхностный характер. Это рассогласование выливается в негативное влияние на формирование жизненных перспектив современных юношей и девушек, включая их самоопределение и профессиональное развитие [Шилова, 2022б; 2023е; 2020в]. Ряд исследователей, например, С.К. Нартова-Бочавер и коллеги, отмечают, что «...студенческая молодежь — это значимая для общества социально-возрастная группа с особой траекторией развития (называемой “становящаяся взрослость”), которая, в силу приоритетности профессионального становления, имеет особый тайминг решения жизненных задач» [Нартова-Бочавер, Ходаковская, Юрчук, 2024, с. 42].

Положение о человеческом развитии как об особом отношении идеальной и реальной форм становится стержневым в культурно-исторической теории. Другими словами, «...образ абсолютной взрослости (идеальной формы) оборачивается наличием образа относительной

взрослости, а сам возраст и его носители оказываются посредниками между младшими и старшими. Эта связь возрастов транслируется в ритуалах возрастных переходов, в дифференциации содержания жизни в возрастах и в запрете “перескока” через возраст обществом» [Васильева, 2006]. Б.Д. Эльконин описывает идеальную форму как «...образ взрослости, в котором представлены и выражены совершенство и образцовость» [Эльконин, 2001, с. 10], а «...событие взросления — форма явления взрослости через отнесение к не-взрослости (незрелости), т.е. представление границы зрелости и незрелости и перехода между ними» [там же, с. 10]. «Проявление события взросления и взрослости в онтогенезе продемонстрировано в следующей последовательности: абсолютный взрослый — относительный взрослый — ребенок» [Васильева, 2007]. «Эта последовательность определяет взрослость как самостоятельность и ответственность, а также их границы для определенного возраста» [Эльконин, 2001, с.11]. В контексте этого обсуждения актуальной становится особенность социальной ситуации развития юношеского возраста, выделенная в классической отечественной психологии. В юношестве человек встречается с многообразием форм мира, в отличие от детства, в котором ребенок открывает для себя устойчивую форму следующего возраста [Выготский, 2000]. Продолжая изучение темы социальной ситуации развития, Ю. Бронфенбреннер характеризует процесс развития, как открытую динамическую систему, компоненты которой реципрокны. Для развития, по его мнению, требуется, чтобы и биопсихологическая система (человек) и социо-экономико-политическая система (окружение человека) были комплементарны [Bronfenbrenner, 1994].

Важно учитывать, что взросление представляет собой процесс неустойчивый и одновременно недостаточно гибкий [Андреева, 2023; Королева, Богдановская, Углова, 2022; Sergomanov, Vasilyeva, 2012; Spišáková, Ráczová, 2020]. При этом в процессе прохождения через взросление меняется само понимание того, что означает быть взрослым [Arnett, 2014a]. Термин «взросление» часто используется как синоним развития и в бытовом, и в

профессиональном общении. Л.С. Выготский, говоря о культурном развитии ребенка, имел в виду процесс, соответствующий психическому развитию в конкретном периоде исторического развития человечества [Выготский, 2000, с. 530]. По его мнению, в развитии ребенка представлены (не повторены) оба типа психического развития, проявляющиеся в филогенезе в изолированном виде: биологическое и историческое или натуральное и культурное развитие поведения.

«Если изобразить соотношение процессов взросления и освоения культуры (развития) в современном сообществе, то окажется, что они расходятся где-то в старшем дошкольном возрасте и снова сходятся примерно в начале юношеского» [Эльконин, 2001, с. 11]. В условиях современной культуры взросление оказывается скорее демонстрацией готовности индивида к принятию социальных ролей, что в определенном смысле вступает в противоречие с поступательным развитием. Следуя логике Д.Б. Эльконина, «...если развитие обеспечивает включение человека в сообщество через освоение средств деятельности, то взросление решает задачу иного порядка — приобщение к смыслам и мотивам» [Эльконин, 1989].

Взросление происходит в течение всей жизни и в традиционном понимании представляет собой достижение относительной свободы деятельности и обретение ответственности, и чаще всего оно осуществляется за счет освоения новых способов решения поставленных перед человеком задач и освобождения от стереотипных форм поведения [Харламенкова, 2019; Харламенкова, 2007]. Таким образом, взросление — это результат осмысления конкретной личностью того, что достигнуто в ходе ее развития. И если еще «...в начале 2000-х годов оно понималось молодыми людьми как “траектория образование — получение работы — достижение финансовой независимости”, то сегодня трактуется как три пересекающихся и взаимосвязанных направления: образование — развитие, общение — развлечение, выбор — деятельность» [Веселкова, Ершова, Прямикова, 2014, с. 45]. В настоящее время важными аспектами взросления стали

индивидуализация жизненной траектории, активное и разнообразное потребление и информатизация [там же]. «Современное взросление в юности определено нами как индивидуальное осознание самого себя, собственного опыта, выражаемого в свободе деятельности и ответственности за свои поступки и собственные жизненные задачи» [Шилова, 2019а], в том числе в осознании своего образования как направления развития.

Современные психологические исследования обращают внимание на позднее взросление [Манукян, 2022; Толстых, 2015; Черниговская, 2014; Arnett, 2000; Arnett, 2014a; du Bois-Reymond, 1998; Kvasková, 2021; Lent, Brown, 2019; Mehta, 2022 и др.], его индивидуализацию и индивидуализацию жизненной траектории, а также активное и разнообразное потребление и информатизацию [Веселкова, Ершова, Прямикова, 2014, с. 43]. Исследователи указывают, что такие качества, как ответственность, социальные навыки, коммуникативность часто теряют свою приоритетность и уступают место адаптации к информационно-машинной среде [Взаимосвязь образовательных достижений..., 2020; Поливанова, Сазонова, Шакарова, 2013]. Сегодня этапы возрастного развития взрослого человека отстают от предыдущих, при этом для девушек это отставание больше примерно на пять лет [Côté, 2006; Roberts, Côté, 2014]. Это может быть связано с более характерной для девушек задачей выстраивания романтических отношений с противоположным полом и выбором партнера для будущей семейной жизни, которая на этапе вхождения во взрослость, по мнению ряда ученых является для них ключевой [A Developmental Perspective on Young Adult..., 2018]. Исследователи из разных стран по-разному определяют взрослость и ее характеристики.

«Значительное влияние на длительность и содержание таких возрастных этапов, как отрочество, юность и молодость, оказывают социально-культурные изменения последних десятилетий» [Толстых, 2015]. В целом многие исследователи сходятся в том, что на формирование личности в юности оказывают большое влияние те исторические, социальные и культурные события, в которых протекает этот возраст [Arnett, 2016].

Анализируя результаты зарубежных исследований, Т.А. Егоренко пишет, что изменения в культуре, формирующие юношей/девушек «...в настоящее время, неразрывно связаны с технологическим прогрессом, увеличением глобализации в сфере рынка труда и повышенной потребностью в работниках с новыми навыками и умениями» [Егоренко, 2022]. Дж. Арнетт называет происходящее индивидуализацией критериев взросления и считает, что часто современное взросление в этом контексте начинает ассоциироваться с чертами характера. В этом контексте взросление определяется им как способность реализовывать социальные практики и принимать нормы, а также быть независимым и брать на себя ответственность.

В модели С. Бадгер и коллег выделяются следующие критерии взрослости: «относительная зрелость», содержащая принятие социальных ролей, соблюдение социальных норм и семейные способности; «биологически-возрастные переходы», объединяющие биологические и хронологические критерии. Отдельными критериями в их концепции выступают независимость и социальные взаимосвязи [Badger, Nelson, Barry, 2006].

Н. Постман ставит под вопрос сам конструкт взрослости. Изучая различие детства и взрослости, он указывает, что средства массовой информации учат реагировать на получаемую информацию и воспринимать ее эмоционально, при этом способность к анализу заменяется непосредственной реакцией. Соответственно он приходит к выводу, что критериев взрослости, показывающих разницу между ребенком и взрослым, не остается [Postman, 1982].

Г. Крайг критериями достижения молодыми людьми взрослости считает следующие: новый характер развития личности; когнитивное совершенствование; способность оперативно подстраиваться под новые условия жизни, позитивно разрешать противоречия и трудности; способность преодолевать зависимости и брать ответственность за самого себя и других; наличие «благородных» черт характера, таких как благоразумие, надежность,

честность и др.; появившиеся культурные и социальные ориентиры успешности и развития во взрослости [Крайг, 2021, с. 647–653]. Ф.Ф. Фюрстенберг указывает, что исчерпывающий репертуар средств определения жизненного пути не создан, соответственно, для изучения достижения взросления и взрослости он предлагает использовать демографические данные [Furstenberg, 2015]. В целом, исследователи соглашаются с основными критериями взрослости, обозначенными Дж. Арнеттом: «...исследование идентичности, нестабильность, сосредоточенность на себе, чувство “промежуточности” и наличие широкого репертуара возможностей» [Arnett, 2000; Arnett, 2013; Arnett, 2016]. На основе этих характеристик создана методика изучения формирующейся взрослости «Перечень аспектов формирующейся взрослости» (IDEA). Традиционно исследования подобного рода акцентируют внимание на индивидуальных стремлениях респондентов в таких аспектах их жизни, как образование и профессиональный рост, личная автономия и семейные отношения [Carver, Scheier, 2016; Future time perspective: A systematic..., 2018; Ranta, Dietrich, Salmela-Aro, 2014].

Таким образом, зарубежными исследователями взросления [Arnett, Padilla-Walker, 2015; Gelanaki, Leontopoulou, 2017 и др.] применяется шкала критериев перехода к взрослой жизни, основанная на концепции «субъективной взрослости» Дж. Арнетта. Междисциплинарный подход — синтез социологии, антропологии и психологии — позволил автору выделить ключевые критерии взросления:

- «независимость» — самостоятельность и самоконтроль в принятии решений и ответственности за них;
- «принятие социальных ролей» — самоопределение в профессии и в социуме (например, «стать профессионалом»);
- «социальные взаимосвязи» — это предрасположенность к длительным межличностным отношениям, уступки окружающим против собственных интересов;

- «принципы поведения в обществе» — соблюдение норм законов, этики и морали;
- «семейные обязанности» — способность воспитывать детей, умение вести домашнее хозяйство;
- «биологические критерии» — формирование физиологических особенностей того или иного возраста (например, физиологическая способность родить ребенка);
- «хронологические переходы» — смена статусов на протяжении жизни (например «стал совершеннолетним») [Шилова, Бруданов, 2020; Arnett, 1997; Arnett, 2001].

Идеи Дж. Арнетта были апробированы в большом количестве кросс-культурных исследований. Результаты исследований, проведенных в Австрии, Испании, Мексике, США, Румынии, Чехии и др., показали сходство в описаниях взросления и подтвердили, что в развитых западных странах взросление обычно представляет собой период определения личных интересов, возможностей, ожиданий и переживаний [Negru, 2012; Reifman, Arnett, Colwell, 2007]. При этом важным результатом также являются выделенные в рамках этих исследований культурные особенности взросления в разных странах. Исследования, проведенные в США, свидетельствуют о том, что на пути к взрослению главным является достижение независимости, тогда как освоение социальных ролей не играет столь важной роли [Arnett, 1998]. В среднем у европейских юношей/девушек самым важным критерием взросления также была выделена «независимость», понимаемая в качестве способности брать на себя ответственность [Arnett, Padilla-Walker, 2015; Crocetti, Tagliabue, 2016; Nelson, 2009]. Но при этом были выявлены особенности в выборках из различных европейских стран. Здесь важно учитывать, что часто подобные исследования «...мало говорят о сути психических явлений, выявляя лишь “местные” и непсихологические различия» [Воронин, 2005, с. 127].

Так, особенностью румынских юношей/девушек является значимость критериев, связанных с независимостью и социальными взаимосвязями, определяемая ими как самостоятельность в определении с личными убеждениями, независимость от влияния родителей, финансовая независимость [Nelson, 2009]. Присвоение социальных ролей для румынского юношества оказалось наименее значимой категорией взрослости. Итальянские юноши/девушки считают наиболее значимым критерием взрослости соблюдение социальных норм, а независимость выделяют как менее значимую категорию [Crocetti, Tagliabue, 2016]. «Шведскими юношами/девушками важнейшим для взросления был выделен такой критерий, как признание ответственности за свои решения (72%), на втором месте — нахождение своей идентичности (45%)» [Westberg, 2004]. Сравнительное исследование в Германии выявило, что «...молодежь, выросшая в ГДР, воспринимает себя менее взрослой, ее жизненный путь отмечен большим количеством перемен социальных ролей и жизненных статусов» [Reitzle, 2006]. На чешской выборке было выявлено, что «...причины отложенных решений могут быть связаны с длительным эффектом, спонтанностью или трансформацией смысла взросления в целом, а также с отсутствием устойчивой взаимосвязи между статусом взрослого и долгосрочной перспективой планирования» [Masek, Vejček, Vaníčková, 2007].

Для итальянской, индийской и китайской культур большую значимость, отличающую их от других обществ, имеют критерии взросления, которые касаются семейных ценностей [Crocetti, Tagliabue, 2016; Seiter, Nelson, 2011; Zhong, Arnett, 2014]. Так, в китайской выборке наиболее важными были названы способности к выполнению семейных обязанностей и переход социальных ролей [Zhong, Arnett, 2014]. «Индийские юноши/девушки в качестве наиболее значимых критериев взросления выделили и независимость, и социальные взаимосвязи, при этом биологически-возрастные переходы оказались для них менее важными» [Seiter, Nelson, 2011]. В сравнительном межкультурном исследовании, изучающем китайских

и американских студентов, было показано, что «...самым важным критерием взрослости является достижение относительной зрелости, на втором месте оказался критерий соблюдения социальных норм» [Badger, Nelson, Barry, 2006]. При этом важность, придаваемая всем критериям, была выше у китайских студентов, исключением стали лишь биологически-возрастные переходы, оцениваемые всеми участниками как наименее важные.

Таким образом, различия между взрослым и ребенком признаются важными во всем современном мире. При этом результаты зарубежных исследований доказывают «...зависимость значения, которое в разных странах придается определенным критериям взросления, от культуры этих стран, что делает в принципе невозможным дать универсальное определение зрелости» [Spéder, Murinkó, Settersten, 2014].

Значительное влияние на формирование личности в юности оказывают те события (исторические, жизненные, социальные и культурные), в которых происходит этот процесс [Ананьев, 1977]. Исследователи, изучающие этот возрастной период, концентрируются на таких сферах жизни, как образование/работа, автономия/семья [Бережковская, Ховрина, 2020; Бредун, Краснорядцева, Щеглова, 2018; Павленко, 2016]. Это вполне понятно, ведь именно через оценку возможностей в этих областях — особенно в любви и профессиональной деятельности — происходит поиск личной идентичности. Изучение собственных возможностей и связанных с ними изменений позволяет сделать вывод о нестабильности этого периода, хотя она не всегда является отрицательной. Молодым людям свойственно чувство промежуточности, означающее, что они не ощущают себя подростками, но и не считают еще себя взрослыми. А социальный контроль и одновременно большая свобода дают им возможность сосредоточиться на своих потребностях и изменить жизнь к лучшему в соответствии с высокими ожиданиями и надеждами на оптимистичное будущее, характерными для переходного периода [Брушлинский, 1982].

Финансовая независимость играет важную роль в понимании статуса взрослого для молодых людей и девушек. Молодые люди стремятся найти смысл в своей работе и выбрать такую, которая лучше всего удовлетворяет их потребности, хотя и вынуждены идти на компромиссы, так как их мечты трудно осуществить в реальной жизни. Однако, трудности, связанные с переходом на рынок труда, в условиях XXI века, замедляют процесс взросления [Темпоральные особенности студентов..., 2020]. Это замедление обусловлено неопределенностью в поиске работы, экономическим кризисом, глобализацией, а также угрозами для здоровья всего общества, с которыми сталкиваются современные молодые люди.

В отечественной психологии эта проблематика имеет еще и иную трактовку. В работах Н.Н. Толстых, например, показано, что если в 1950-х гг. XX века российские подростки и юноши/девушки стремились понять себя, достигнуть избранного образца, а важной чертой их развивающейся личности являлась способность к рефлексии, то в конце 1980-х им хотелось просто «раствориться в потоке жизни». В 2010-м им уже было не свойственно «чувство взрослости», основное же стремление заключалось в обладании правами взрослого, при том что выполнение обязанностей взрослого ими не принималось; в этот период не требовалось «...бороться за свои права, так как их соблюдение было естественно для большинства» [Толстых, 2015]. Ощущение себя взрослым является собирательным целого ряда юношеских ощущений. Здесь есть и ощущение личной свободы, при этом как инфантильное — в виде свободы от ответственности и самостоятельного выбора, так и конструктивное — в выборе трека образования, саморазвития и будущей профессии, свойственное взрослой личности. Важными при формировании представлений о будущем также являются ощущения переходного возраста, отражающие постепенность взросления и противоречивость в восприятии смыслов жизни. Ощущение сосредоточенности на своей идентичности, поиске смыслов и самопонимании позволяют принимать взрослые решения и формировать в итоге свое видение

будущего, строить личностные планы, экспериментировать, принимать ответственные решения, развивать самоконтроль и оценивать свои достижения и ошибки. Особую роль в развитии таких ощущений играют современные факторы внешней среды, формирующие тревогу, неуверенность и сомнения на пути развития личности.

Для представителей современного юношества большую значимость приобретают ценности, напрямую не связанные с взрослостью: «...самоуважение, личное мнение, собственные права и желания» [Толстых, 2015, с. 19]. Так, в современной России ключевым психологическим показателем перехода ко взрослой жизни служит чувство субъективной взрослости, или сформированная «взрослая» идентичность, позволяющая ассоциировать себя с миром взрослых [Магун, Энгватов, 2006; Манукян, 2022; Поливанова, 2016]. Субъективная взрослость, формируясь с подросткового возраста, позволяет подростку представлять себя в определенной мере взрослым и относиться к себе соответствующе. Это ощущение не всегда осознаваемо, но, вписываясь в проект собственного образа взрослости, благоприятствует реальному взрослению [Поливанова, 2020]. М.В. Клементьева указывает, что переход из диффузного состояния к «подлинному и взрослому Я», связанному с гармоничной и сбалансированной индивидуальностью, не противоречащей ожиданиям окружающего социума, продолжается вплоть до 18–33 лет [Клементьева, 2020].

В.Р. Манукян связывает психологическую сущность перехода во взрослость со следующими задачами развития: «1. Сепарация от родительской семьи и начало самостоятельной жизни — включает группу задач эмоционального и функционального отделения от родительской семьи, выработку собственного взгляда на жизнь, переход к самообеспечению и самоподдержке, самостоятельное определение приоритетов развития. Решение задач этой группы способствует развитию автономии, жизнестойкости, ответственности, способностей к самоуправлению и организации своей жизни. 2. Формирование близких (интимных) отношений,

создание семьи — включает группу задач, связанную с поиском спутника жизни, построение отношений на основе эмоциональной близости, расширение и формирование собственного круга общения. Конструктивное решение этой группы задач способствует развитию социальной зрелости и коммуникативной компетентности молодых людей. 3. Профессиональная самореализация, которая включает группу задач этапа начала профессионализации, как, например, адекватное профессиональное самоопределение, формирование профессиональной идентичности, начало профессиональной деятельности и т.п. Благополучное решение этой группы задач способствует формированию профессиональной идентичности и профессионально важных качеств, а через это развитию ответственности, способности к самоуправлению и организации собственной жизни, направленности на саморазвитие, расширение системы социальных связей» [Манукян, 2017]. Переход к взрослости в рамках концепции связывается с решением психологических задач и становлением субъективных критериев зрелости. Последнее обстоятельство создает основу для многообразия траекторий и индивидуальных сценариев вхождения во взрослую жизнь. Чувство взрослости нестабильно в период формирующейся взрослости и растет в ситуациях значительной стрессовой насыщенности жизни [Transition-To-Adulthood Profiles ..., 2022]. Сложность выделения маркеров достижения взрослости и увеличение ее дифференциации остро ставят вопрос перед исследователями об основных механизмах возникновения взрослости [Шилова, 2024в; 2025а]. Большинство исследователей приходят к выводу, что наиболее важными критериями взрослости в настоящее время становятся внутренние, психологические критерии, такие как ответственность и самостоятельность, а наиболее значимым внешним критерием — финансовая независимость [Литвинова, 2020; Манукян, 2017; Манукян, 2022; Arnett, 2014б; Ayotte, Revell, Belanger, 2020; Objective and subjective markers of transition..., 2020; Transition-To-Adulthood Profiles..., 2022]. Н.Н. Толстых считает, что обсуждение проблемы этого возраста нужно начать с ответов на

требования общества к взрослому человеку — «...с какого возраста человек может считаться взрослым» [Толстых, 2015], и о внутренних ощущениях — «...на основании чего человек начинает считать себя взрослым?» [там же]. В последнее время хронологические, социокультурные и психологические маркеры начала взрослости подвергаются гетерогенности. Например, демографические исследования показывают, что «...возраст начала партнерских отношений снизился до исторического минимума, а возраст окончания образования значительно увеличился» [Манукян, 2022]. Юноши/девушки «...дебютируют в разных сферах жизни сообразно своим жизненным расписаниям и в свое время, и это, скорее всего, связано с ослаблением традиций, растущей информатизацией и индивидуализацией современного общества» [Митрофанова, 2020].

Множество современных исследований юношества посвящены теме достижения или недостижения взрослости. Как уже указывалось, критериями взрослости могут выступать разные параметры — своеобразные образцы «взросления», во многом зависящие от социокультурного контекста. Например, если «...в 1950–1960-е в США распространился паттерн, что к 25 годам в строгом порядке юноши должны были получить образование, найти стабильную работу, создать семью и завести детей, то в 2010-м к 25 годам в браке состояли всего лишь 8 % американских мужчин и 16 % девушек» [Furstenberg, 2015], то есть «взрослость» по этим критериям отодвинулась примерно на десять лет. «Сегодня происходит дестандартизация взросления: множество его стандартных критериев перестают быть актуальными по мере увеличения количества новых профессий, изменения статуса образования, которое из достижения на определенном жизненном этапе стало непрерывным процессом, и отказа от создания классической семьи или рождения детей. Сейчас взросление не одинаково для всех: существует тенденция его “быстрого трека” для юношей/девушек — выходцев из рабочего класса и “отложенного взросления” для представителей среднего и выше среднего класса» [Ortuno, 2017]. При этом «...отложенное взросление влияет на

последующие жизненные стратегии, в том числе за счет продления периода нахождения в системе образования» [Павленко, 2016]. Так, Е.Л. Омельченко заметила, что «...трудовые стратегии и стили жизни юношества характеризуется неоднородностью» [Омельченко, 2003].

«Неопределенность юношества в вопросе отнесения себя к детям или взрослым не дает понять, что вносится в их образ будущего при формировании жизненного пути» [A New Multidimensional Model..., 2017], насколько релевантны образы «взросления» в этом построении. «Понимание взрослости как категории, определяемой психологической средой, включающей умение контролировать себя, брать на себя ответственность и принимать самостоятельные решения, иметь независимость в финансовых вопросах, характеризует взросление скорее как неизбежность, чем что-то желаемое и предвкушаемое. Альтернативное видение указывает на необходимость избегания или переосмысления взрослости (“быть взрослым, но веселым”) юношами/девушками на академическом треке» [Павленко, 2016]. В процессе формирования человеком жизненного пути задействуются разные смысловые инструменты, такие как ресурсы культуры, коды, трансформирующие жизненный курс. Соответственно, система образования, дающая такие ресурсы и демонстрирующая такие коды, оказывает значительное влияние на взросление. Так, в исследовании Е.С. Павленко, А.А. Якубовской показано, что «...у старшеклассников взгляды на взрослость включают в себя большее количество интерпретаций, чем у студентов СПО, кроме того, эти взгляды отличаются большей гибкостью и неоднородностью» [Павленко, Якубовская, 2020].

«Различия в интерпретациях взрослости проявляются, например, в причинах необходимости самоконтроля: для студентов СПО необходим контроль своих эмоций и поведения, а для старшеклассников — собственной собранности и сосредоточенности на учебе. Студенты СПО, определяя умение принимать решения и брать ответственность на себя, обычно имеют в виду необходимость быть умным и правильность принимаемых ими решений, а

старшеклассники акцентируют внимание на возможности принимать самостоятельные решения и ни с кем не советоваться. Редко взросление интерпретируется как открывающиеся реальные возможности по выбору дальнейшего жизненного пути, даже финансовая независимость часто описывается как ограничение, нежели как свобода» [там же, с. 388].

Обусловленность развития общественным контекстом трансформируется также в эффект поколения для становления идентичности, так как взросление и социализация когорт, испытавших в конкретном обществе личный опыт, отличаются от тех, что пережили другие индивиды. . [Павленко, 2016, с. 262–263]. Так, в работах Э. Эриксона доказано, что основной смысл взросления в юности заключается в осознании идентичности, так как «...ее становление содержит в себе формирование жизненного сценария, выявляющего ожидания того, что происходит с человеком в различных периодах жизни» [Эриксон, 1996]. Н.Е. Харламенкова, рассуждая о зрелой личности, указывает, что «...интегрированность эго-идентичности стимулирует формирование внутренних источников мотивации, которые являются основой самопроизвольного спонтанного поведения. Развитие рефлексивных механизмов, чувства внутренней гармонии и стабильности Я, непротиворечивость представлений о себе, осознание границ собственного Я, понимание неразрывного единства Я-прошлого, Я-настоящего и Я-будущего характерны для психологически зрелой личности» [Феномен и категория зрелости..., 2007, с. 142].

Ю.В. Сарычевой, И.А. Курусь, И.В. Пономаренко, К.В. Хафизовой установлено, что признаки кризиса идентичности проявляются в эмоционально-поведенческой сфере и наиболее выражены в ранней юности (сравнение проводилось между студентами первого и пятого курсов) [Особенности временной перспективы студентов..., 2020]. Эмоциональные проявления в данном случае — это негативное отношение к прошлому, переживание неспособности управлять своей жизнью, непонимание смысла жизни и планов на будущее, а поведенческие — неуверенность при

достижении цели, тревога по поводу будущего, направленность временной перспективы в прошлое с отрицательными переживаниями. Юноши/девушки, не испытывающие кризиса идентичности, способны планировать свою жизнь и наслаждаться настоящим. Их временная перспектива направлена в будущее, долгосрочные цели определяют их поведение в настоящем, они более оптимистичны и трудолюбивы, а их жизнь наполнена смыслом [Волохова, 2018; Особенности временной перспективы студентов..., 2020; Чудновский, 2006]. И.А. Курусь, Е.Л. Солдатова делают вывод, что у юношей/девушек с высокой интенсивностью переживаний чаще встречается ориентация на «негативное прошлое», «фаталистическое настоящее» и «гедонистическое настоящее», а с низкой — ориентация на «будущее». При этом «...направленность в будущее не всегда является положительным аспектом при проживании кризиса идентичности, она может свидетельствовать о формировании предрешенной идентичности, что приводит к тому, что не реализованные в кризисном периоде юности задачи личность вынуждена разрешать в более позднем возрасте» [Курусь, 2016; Курусь, Солдатова, 2020]. В этом подходе сформировавшаяся идентичность может рассматриваться как характеристика взрослости.

М.Ю. Кузьмин, И.А. Конопак указывают, что структура идентичности преобразуется при переходе к юношеству. «У подростков она противоречива и включает в себя рост доли самоописаний, связанных с учебной деятельностью, при значительном снижении доли характеристик личности, используемых для самоописания и экзистенциального компонента идентичности» [Кузьмин, Конопак, 2018]. Структура идентичности у юношей/девушек включает в себя растущую семейную идентичность и снижающуюся идентичность в части членства в неформальных группах и в части учебной деятельности. При этом наиболее устойчивые идентификации в подростковом возрасте относятся к личностному компоненту идентичности, а в юношеском — к социальному. У юношей/девушек наиболее устойчивы во временном диапазоне конструкты, связанные с семьей, дружбой, учебой и

профессией. На успехи в учебе большое влияние оказывает профессиональная идентичность, особенно это проявляется в поздней юности. Академическая успешность и осмысление жизненной цели объединены со становлением профессиональной идентичности [Attributions, future time perspective..., 2016]. Успешными в учебе становятся студенты со сформированной профессиональной идентичностью, а те, не интересующиеся учебой, имеют неопределенную идентичность.

При этом исследователи исходят из аксиомы, что субъективная картина прошлого и будущего времени жизни в юности состоит из событий, связанных в основном с учебно-профессиональными или с семейными [Дзукаева, 2016; Кузьмин, Конопак, 2018]. Вопрос о том, насколько эти события в действительности имеют важное значение для юношей/девушек, характеризующихся информационной свободой и способностью к быстрой обработке информации, остается для современной психологии открытым. Также очевидным является тот факт, что личностные переживания относительно обозначенных событий влияют на прохождение кризиса, связанного с формированием идентичности. Исследователи связывают «высокую» интенсивность кризисных переживаний с ориентацией на «негативное прошлое» при кризисе, вызванном ощущением непродуктивности жизненного пути, а с ориентацией на «позитивное прошлое» — при кризисе, вызванном переживаниями по поводу вхождения во взрослость. При «низкой» интенсивности кризисных переживаний выявлена взаимосвязь «негативного прошлого» с кризисом, вызванным ощущением непродуктивности жизненного пути, и кризисом, вызванным переживаниями по поводу вхождения во взрослость [Курусь, 2016]. В нашем понимании концепция жизненного курса и жизненного пути включает в процесс взросления события, связанные с самостоятельным проживанием, с профессиональным образованием и стабильной работой, с собственной семьей и появлением детей.

Жизненный путь разворачивается неодинаково для юношей/девушек из разных социальных страт. «Экономика знания сделала выход на рынок труда для менее образованной рабочей силы куда более сложным и куда менее вознаграждаемым» [Furstenberg, 2015]. Исследователями обсуждается две ключевые тенденции этих изменений. Первая из них — трансформация образов взрослости и жизни взрослых, сочетающаяся с возникновением новых феноменов культуры [Богачева, Сивак, 2019]. Вторая — размывание и реструктуризация структуры жизненного курса [Омельченко, 2003; Furstenberg, 2010; Fussell, Furstenberg, 2005]. «Взаимосвязь реструктуризации жизненного пути с трансформацией вступления во взрослую жизнь, а также результаты эмпирических исследований декларируют и теоретики, и практики» [Shanahan, 2000]. М.Ж. Shanahan отмечает, что «...в XIX в. биография не рассматривалась как то, чем можно управлять, что подвластно воле и усилиям индивида. Сегодня же направления наших исследований связаны с выявлением того, что позволяет индивидам выстраивать более благополучные биографии, а что мешает» [там же], включая «представления об обществе риска» [Emerging Adults and COVID-19..., 2020; Emerging Adults' Outlook on the..., 2022]; «...изменившихся представлений об идентичности» [Roberts, Côté, 2014] и «...концепта “биографии выбора” (choice biography) в противовес “нормальной биографии” (normal biography)» [Crocetti, Tagliabue, 2016]. Такие изменения, ставят молодежь в ситуацию одновременной безграничности выбора и его парадокса: нужно сделать выбор и найти для него обоснования.

Многие современные юноши/девушки откладывают принятие решений, связанных с взрослой жизнью. Вступление в брак, первое материнство/отцовство часто отодвигаются во времени, что приводит к продлению периода юношества [Толстых, 2015; Шилова, 2020а; Clark, 2007]. Ряд современных исследователей описывают этот возраст как период безответственности, например, М.В. Клементьева отмечает, что «...в построении своего будущего юноши/девушки верят в свои собственные

успехи и проявляют тенденцию уклоняться от ответственности, пренебрегать социальными ценностями, а также стремиться к новизне и неразумному риску» [Клементьева, 2020, с.77]. Последний тезис не согласуется с общим направлением развития их представлений о будущем. Отсрочка принятия решений, связанных с взрослостью, может свидетельствовать об избегании рисков и повышенной ответственности в юношестве. Современные технологии позволяют проводить эксперименты, направленные на изучение влияния ощущения взрослости на образ будущего. Так, в эксперименте Р.М. Адельмана и коллег, использующем эффект изменения представлений о будущем в связи с текущей активностью студентов, показано, что «...за счет принятия человеком более взрослой позиции и повышенного уровня самоконтроля (например, при использовании виртуальной реальности или изменении фотопортрета с помощью компьютерного фоторедактора) его решения становятся более взвешенными и уверенными» [Feeling closer to the future self..., 2017]. Р.М. Адельман и коллеги доказали, что образ будущего играет ключевую роль, положительно влияя на деятельность молодого человека в настоящем, направляя его внимание не в настоящее, а в будущее. Именно это содействует развитию самоконтроля — важной характеристики взросления [там же]. Сегодня взросление является важным элементом в построении представлений о будущем представителей юношеского возраста, а отсутствие ощущения своей взрослости не позволяет принимать важные решения, касающиеся собственной будущей жизни.

Выводы по первой главе

1. Юношество выступает в качестве психологического феномена перехода во взрослую жизнь. В этом периоде происходит расширение временного горизонта и осознание собственной индивидуальности, формируются саморефлексия и готовность к самоопределению. На настоящее поведение представителей юношества оказывает влияние длительность лежащего впереди временного промежутка. В классической отечественной психологии важным приобретением юношества называется жизненное и профессиональное самоопределение. В зарубежной психологии юношеский возраст трактуется как период достижения идентичности. Благодаря учебно-профессиональной деятельности, которая в юношестве становится ведущей, осознаются профессиональные интересы, формируются способности к выработке жизненных целей и формированию жизненных планов.

2. Условиями, определяющими характер и продолжительность протекания юношеского возраста, являются появление готовности взять ответственность на себя и способности принимать социальные нормы. Окончание юности и вхождение во взрослость знаменуется ожидаемым жизненным событием — профессиональным самоопределением. Современная ситуация характеризуется удлинением юношества, при этом важные решения, которые ассоциируются со взрослостью, откладываются юношами/девушками на более поздние периоды жизни. Феномен увеличения юношеского возраста связывается с изменением социокультурной ситуации. Результаты зарубежных и российских исследований демонстрируют отсутствие универсальных критериев взросления и их зависимость от культуры. В отличие от советских биографий, когда события взросления в основном концентрировались на одном интервале времени, теперь наблюдается их «разбивка»: они происходят с большой разницей во времени, конфликтуют между собой или откладываются. Критерии взрослости сегодня в целом сильно изменились. Так, если раньше это были объективные и внешние критерии, например, обретение финансовой независимости, создание семьи и

появление ребенка, начало отдельного проживания от родителей и собственной профессиональной деятельности, то в наши дни это критерии субъективные и внутренние: ответственность за принимаемые решения и поступки и восприятие себя в качестве взрослого человека.

3. Юношеский возраст — это период психического развития человека, возникший благодаря разделению труда и непосредственно индустриализации; характеристики этого возрастного этапа зависят, прежде всего, от специфических культурных и социальных условий, в которых человек проживает этот возрастной этап. Юношеский возраст является переходным из детских возрастов во взрослые. В современной психологии все чаще исследуется тема «растягивания» перехода из детства во взрослость, сегодня даже 30-летних редко можно назвать взрослыми. Для выделенного периода характерна субъективная оценка в отнесении себя и не ко взрослым, и не к детям и непредсказуемость событий предстоящей собственной жизни.

4. Современное общество переживает глубокие трансформации: экономическая и политическая нестабильность, глобальные риски, усиление индивидуализации и стремительное развитие цифровых технологий меняют структуру жизненного пути. В этих условиях традиционные институциональные формы перехода во взрослость утрачивают универсальность, а само понятие возраста становится все более размытым, уступая место множественности индивидуальных траекторий развития. Социальная ситуация развития юношества обретает черты неопределенности и вариативности, что требует пересмотра устоявшихся представлений о закономерностях взросления.

5. Социокультурный феномен современного взросления в юношестве — это индивидуальное осмысление себя, собственного опыта и жизненной задачи. Взрослость в теоретических представлениях описывается как особая социальная категоризация, нормативно предписывающая возрастному периоду решение определенных жизненных задач и необходимость жизненных достижений.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ

На основе выводов первой главы мы заключаем, что специфика представлений о будущем и принципов их развития при конструировании и реализации жизненных планов в юношеском возрасте может рассматриваться в качестве одного из новообразований данного периода. В этой главе решается задача по обобщению и систематизации существующих научных знаний о развитии представлений о своем будущем в период от подростничества до ранней взрослости.

Время жизни и его составляющие, являясь сложными психологическими конструктами, на протяжении десятилетий находятся в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Зарождение научного интереса к этой проблематике в зарубежной психологии связано с работами В. Вундта, К. Левина и Л. Франка, заложившими основы понимания временной перспективы как неотъемлемого компонента «психологического поля» личности. Дальнейшее развитие эти идеи получили в рамках гуманистического (А. Адлер, К. Роджерс) и экзистенциального (В. Франкл) подходов, акцентирующих роль будущего в мотивации и поиске смысла жизни. Значительный вклад в изучение психологического времени внесли Ж. Нюттен, дифференцировавший ключевые темпоральные понятия, Ф. Зимбардо и Дж. Бойд, разработавшие популярную модель временной перспективы, а также Ф. Полак и Г. Олпорт изучающие образ будущего человека как субъективный образ его развития.

В отечественной психологической традиции фундаментальный вклад в осмысление времени жизни и будущего внесли К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, Е.И. Головаха и А.А. Кроник и другие. Их работы подчеркивают активную субъектную роль личности в овладении собственным временем, построении жизненной перспективы и конструировании образа будущего. Именно в русле этих исследований

сформировалось понимание представлений о будущем как о динамическом психологическом новообразовании, интегрирующем когнитивные, эмоциональные и мотивационные компоненты и выполняющем регулирующую функцию в построении жизненного пути.

В настоящей главе теоретико-методологический анализ научных представлений о будущем структурирован в три параграфа.

В параграфе 2.1. «Время жизни и будущее как предмет психологического исследования» рассматриваются основные научные подходы к изучению времени жизни, анализируются ключевые концепции и структурные компоненты психологического времени.

Параграф 2.2. «Представления о будущем в возрастном периоде от подростничества до ранней взрослости» посвящен специфике представлений о будущем на изучаемом отрезке жизни, раскрываются возрастные задачи, социокультурные детерминанты и особенности проектирования жизненного пути юношами/девушками.

В параграфе 2.3. «Самоопределение и выбор будущего в возрастном периоде от подростничества до ранней взрослости» проблема представлений о будущем рассматривается через призму самоопределения, выбора и оценки своих возможностей, анализируется процесс самоопределения как сложного, многомерного акта конструирования жизненной траектории.

Проведенный анализ позволяет выявить ключевые векторы и противоречия в становлении представлений о будущем у современных юношей/девушек, а также обосновать необходимость эмпирического исследования их динамики в период перехода от подростничества к ранней взрослости.

2.1. Время жизни и будущее как предмет психологического исследования

По утверждению Аристотеля, время является мерой изменения по отношению к «до» и «после»; таким образом, время им определяется не как отдельная, а как неотделимая от жизненных изменений сущность [Аристотель, 2022]. Определение Аристотеля предвосхищает современные теории психологического времени. Иммануил Кант в своей «Критике чистого разума» дал определение времени не как внешней реальности, а как априорной интуиции, структурирующей человеческий опыт [Кант, 2020]. Время является не обнаруживаемым внутри реальности измерением, а необходимым условием для ее восприятия. Развивая кантовскую идею об априорной природе времени, современные исследователи акцентируют его субъективный аспект. Так, Е.В. Косилова, рассуждая о субъективности, указывает, что «...у нас в уме идёт свое внутреннее время, и при этом оно как бы связано с каждой мыслью, то есть с каждой мыслью запускается свое локальное время» [Косилова, 2021, с. 20].

Изучение времени жизни часто становится предметом психологических исследований. Исследователи связывают способность человека управлять своим психологическим временем жизни с личностным развитием [Абульханова-Славская, 2001; Волохова, Кошенова, Шабанов, 2020; Капиренкова, 2018; Fraisse, 1967]. Указывается, что индивид в процессе развития сопоставляет себя в настоящем времени с собой в прошлом или будущем. Следовательно, сформированное представление о времени жизни выражается в ощущении его последовательности и удовлетворенности им [Макушина, 2019; Шилова, 2021б; Mind the generation..., 2018].

При этом основной причиной научного интереса к феномену времени служит фундаментальное противоречие: индивид не в силах управлять объективным временем, однако развитие личности неразрывно связано с умением контролировать время психологическое [Абульханова, 2017; Абульханова-Славская, 2001; Головаха, Кроник, 1988; Кроник, Ахмеров, 2008;

Левин, 2000; Мухина, 2012; Lewin, 1951]. На основе субъективного времени создается целостное отношение личности ко времени своей жизни. Время становится важнейшей категорией социального сознания [Нестик, 2015], источником тревоги [Katz, Eilot, Nevo, 2014], переживания [Мухина, 2012; Lewin, 1951], предметом торга [Jacoby, Szybillo, Berning, 1976], одиночества [Гурова, Лужбина, Кроян, 2018] или зависимости [Солоницына, 2018] и, соответственно, выступает объектом исследования в психологии.

Зарождение научного интереса к проблеме временной перспективы в зарубежной психологии связано с работами В. Вундта, который ввел понятие антиципации, трактуя ее как способность индивида к предвосхищению событий и ментальному моделированию результатов деятельности [Вундт, 2010]. К. Левин в своей теории поля утверждал, что образы прошлого и будущего являются неотъемлемыми составляющими актуального «психологического поля» личности. Именно через призму этих образов — надежд, опасений и намерений, возникающих из субъективного осмысления человеком прошлого опыта и будущих надежд, — и формируется его поведение в настоящем [Левин, 2000]. Далее, Л. Франк ввел в научный аппарат термин «временная перспектива» как структуру, включающую прошлое, настоящее и будущее, существующие на реальном и ирреальных уровнях и формирующиеся под влиянием социокультурного контекста [Франк, 1939].

В рамках индивидуальной психологии А. Адлер подчеркивал, что «...концепция будущего, формируясь в детстве, детерминирует стиль жизни через стремление к преодолению неполноценности» [Адлер, 2021]. К. Роджерс ввел конструкт «Я-идеальное» — представление о желаемых характеристиках личности в будущем, которое направляет поведение в настоящем времени [Роджерс, 2002]. Роджерс подчеркивал, что, когда личность движется к конгруэнтности (соответствию между «Я-реальным» и «Я-идеальным»), у нее естественным образом формируется ценностная система, основанная на собственном опыте. Эта внутренняя система ценностей и является источником подлинного смысла. В экзистенциальном подходе В. Франкл рассматривал

смысл жизни как фундаментальный мотиватор. Устремленность в будущее, даже в экстремальных обстоятельствах, служит опорой для выживания, наполняя существование смыслом [Франкл, 1990]. Э. Толмен делал акцент на предвосхищении и ожиданиях, базирующихся на предшествующем опыте [Tolman, 1927]. П. Фресс ввел понятие «временного кругозора» — системы временных отношений, расширяющихся по мере развития личности, и подчеркивал субъективный характер восприятия времени, зависящий от наполненности деятельности [Фресс, 1978].

Э.А. Холман указывал, что «...без времени человеческая жизнь состояла бы из бессвязных моментов, лишенных понимания того, что делает нас людьми» [Holman, 2015]. Временные рамки создают основу для прогнозирования будущих жизненных результатов, обеспечивают интеграцию личного и общественного опыта, а также придают жизненным событиям осмысленность и внутреннюю согласованность. При адекватном восприятии времени собственной жизни человек нацелен на свое настоящее и будущее и представляет время собственной жизни как логичное и приносящее удовлетворение (см., например, [Макушина, 2019; Mind the generation: Differences between..., 2018; и др.]. Ориентация на будущее, таким образом, выступает важным фактором адаптивной жизнедеятельности [Worrell, McKay, Andretta, 2015].

В отечественной психологии сформировался уникальный пласт исследований. Так, А.Н. Леонтьев рассматривал время как четвертое измерение образа мира, выделяя в структуре жизненной перспективы биографическое, историческое и постбиографическое будущее [Леонтьев, 2004]. М.М. Бахтин ввел понятие «...хронотопа — пространственно-временного единства, где событие обладает конкретной протяженностью и локацией, а воспоминания представляют собой замкнутые хронотопические системы» [Бахтин, 1975]. В.И. Панов указывает, что «...мы можем представлять “длительность” только в форме “пространственных отношений” <...> Вследствие чего, описывая “время” (“длительность” или

“процессуальность”), мы подменяем его теми “пространственными представлениями”, которые используем для образного представления и понятийного описания времени как “длительности”» [Панов, 2017, с.576].

Индивидуальное время личности значительно отличается от объективного физического времени. «То, каким время кажется человеку, проявляется в переживании и имеет вполне объективные основания» [Рубинштейн, 2012, с.148]. «Субъективно переживаемое время — это не столько кажущееся, в переживании якобы неадекватно преломленное время движущейся материи, а относительное время жизни человека» [там же, с. 166]. Е.И. Головаха и А.А. Кроник определяют это различие следующим образом: в объективном времени формулирование цели происходит до определения средства, а в сознании индивида «событие-цель» проецируется на момент времени, расположенный за промежутком реализации «события-средства». В психологии «началом» индивидуального времени рассматривается будущее, а «началом» объективного — прошлое [Головаха, Кроник, 1988; Головаха, Кроник, 2008]. Эти исследователи разработали причинно-следственную концепцию психологического времени, где единицей анализа выступает межсобытийная связь («причина-следствие», «цель-средство»). Психологическое время представляет собой целостную систему, где события жизни связаны не хронологией, а сложной сетью причинно-следственных отношений. Его основой становятся связи, которые человек субъективно устанавливает между ключевыми событиями — и как влияние прошлого опыта на настоящее, и как воздействие будущих целей и стремлений на текущие решения. Таким образом, психологическое время определяется осознанием взаимной обусловленности событий жизни. В масштабе жизненного пути отдельного человека оно определяется как динамическая связь трех категорий времени: прошлого, настоящего и будущего, представленная в сознании и деятельности [там же]. В своей концепции причинно-целевой детерминации психологического времени Е.И. Головаха и А.А. Кроник различают три уровня:

1) ситуативный — отражает восприятие и переживание коротких промежутков времени;

2) биографический — определяется субъективными ожиданиями человека о длительности жизни. В этом масштабе обсуждается личное время конкретного человека, где связаны между собой события прошлого, настоящего и будущего. В психологическом плане личное время каждого человека — это субъективное время, которое дано человеку в его переживании и не сводится к формальному течению времени;

3) исторический — охватывает события, которые вовлекаются в сферу переживания времени, но при этом произошли еще до рождения индивида или произойдут уже после его смерти. Самым значимым здесь является будущее человека.

К.А. Абульханова-Славская рассматривала время как ресурс, которым личность распоряжается, выбирая стратегии активности («идти в ногу со временем», «работать на опережение»). Она предложила различать психологическую, личностную и жизненную перспективы. Первая из них характеризует способность человека к антиципации (предвосхищению будущего), вторая — его готовность действовать в условиях неопределенности, третья же связана с объективными возможностями воплощения жизненных целей [Абульханова-Славская, 1991]. Где, «...психологическая перспектива — это способность человека сознательно, мысленно, предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем» [там же, с. 144]. Автор указывает, что представления о будущем «...для одних старших подростков связываются с профессиональным выбором, для других — с личностными притязаниями и со своими будущими достижениями (удачная карьера), у третьих — с личными устремлениями и потребностями (дружба, любовь, семья)» [там же]. Личностная перспектива определяется как «...готовность к будущему в настоящем, как установка на будущее, а жизненная перспектива включает совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают возможность

для оптимального жизненного продвижения личности» [там же, с. 144–145]. Таким образом, в процессе развития представлений о будущем наблюдается динамика от восприятия будущего как внешне заданной, объективной данности (объектная позиция) к активному, осознанному проектированию жизненного пути, где человек выступает автором и ответственным субъектом сделанного выбора (субъектная позиция).

К.А. Абульхановой-Славской и Т.Н. Березиной указывается, что «...несмотря на принятое деление жизни личности на прошлое, настоящее и будущее, существует единое специфическое время личности. Его единство определяется общими для всех личностей функциями прошлого, настоящего и будущего в отношении настоящего: прошлого как уже найденного и опробованного личностью индивидуального бессознательного и сознательного деятельного способа самореализации в жизни; будущего — как времени–пространства для поиска и открытия новых возможностей в себе и самореализации в мире. ... Будущее — в отличие от прошлого — это проективное личностное пространство, образованное способностями ее сознания, воображения, мышления, мотивации достижений и притязаниями» [Абульханова-Славская, Березина, 2001, с. 215]. «Автобиографическое рассуждение варьируется в зависимости от переживаемого опыта, так что содержание связей “Я – событие” должно изменяться в зависимости от задействованных процессов, и, кроме того, степень переработки (опыта) должна различаться у разных людей в зависимости от черт личности и развития эго» [McLean, Fournier, 2008, с. 528]. При этом, память индивида, реинтерпретируя события прошлого в свете нового опыта и текущих целей, служит не прошлому, а настоящему и будущему. Р. Эли и А. Меркурио доказали, что позитивное прошлое и будущее оказывают значимое влияние на воспоминания [Ely, Mercurio, 2011]. «Представление будущих событий, конечно, включает процесс активного конструирования событий, которые еще не произошли, но более общий процесс мысленного путешествия во времени подчеркивает, что эпизодическую память также лучше рассматривать как

сознательный акт конструирования, а не как точное воспроизведение прошлого» [Suddendorf, Corballis, 2009, с. 1317]. Благодаря генеративному аспекту эпизодической памяти в воображении будущего задействованы те же механизмы, что и в конструировании прошлого: одна и та же ментальная платформа позволяет проигрывать сценарии в разных модусах – того, что было, что может быть или что будет [Suddendorf, Corballis, 1997]. «Таким образом, становление способности целеполагать и действовать в перспективе жизненных задач <...> тесно связано с уровнем функционирования самоопределяющих воспоминаний» [Нуркова, 2014, с. 27]. Соответственно память выступает не архивом, а динамическим ресурсом для формирования образа «Я в будущем».

«Будущее нельзя понять, основываясь только на прошлых знаниях, нужно применять возможностное мышление, которое анализирует разные варианты возможного и фактически ищет альтернативы самому себе. Решающую роль в понимании играют устремленность человека в будущее и прогнозирование как компоненты возможностного мышления» [Знаков, 2025, с. 101]. Прогнозы действуют как функции такого мышления, через которые мы интерпретируем прошлое и настоящее при конструировании будущего. При этом личность формируется, подтверждается и уточняется в актах осознанного выбора, через который человек заявляет о своих ценностях и берет на себя ответственность за свою жизнь.

И.В. Дубровина определяет будущее как «...ментальную проекцию мотивационной сферы человека, <...> которая представляет собой в разной мере осознанные надежды, планы, проекты, стремления, опасения, притязания, связанные с более или менее отдаленным будущим» [Руководство практического психолога..., 1995]. Человек, сориентировавшийся во внешнем мире, «...осуществляет поиск, выбор, оценку и создает перспективу будущего» [там же] этого возрастного периода. Исследователями также указывается, что категории времени, способствующие закреплению и воспроизведению событий, а также установлению перспектив и задач,

оказывают влияние на опыт человека [Exploring the Role of Time Perspective..., 2021]. Р. Бэйкели и коллеги, в свою очередь, выявили, что в юности представление о будущем взаимосвязано с поиском смысла жизни [The relationship between time perspective..., 2021], который базируется на жизненном опыте, а связанность с временными рамками обеспечивает его структурированность и гармоничность. Временные границы определяют цели, планы и притязания личности [Dwivedi, Rastogi, 2019]. Таким образом, ценности и стоящие за ними смыслы наполняют «ментальную проекцию» конкретным содержанием, превращая ее из набора потенциальных целей в действенную модель будущего.

«Образ будущего» как самостоятельную категорию ввел Ф. Полак. Анализируя взаимосвязь между образами будущего в представлениях человека, описанными в сфере искусства, он определил «образ будущего» как позитивную модель, в которой субъективные ожидания определяют реальные события [Полак, 2003]. «Образ будущего — это часть жизни человека, образующая субъективный образ его развития», — утверждает Г. Олпорт [Олпорт, 2002]. Он указывает: «...то, что человек ожидает от будущего, определяет то, что он думает или делает» [там же]. Иными словами, будущее в этом контексте — это внутреннее психологическое пространство человека. Здесь его потребности осмысливаются, перерабатываются разумом, соединяются с волей и превращаются в личные цели и поведенческие стратегии. Будущее охватывает не только сферу самоопределения, но и способность адаптироваться в обществе, понимать его законы и стремиться к освоению нового опыта [Завалова, 1986; Чеснокова, Чурбанова, Молчанов, 2019; Feeling closer to the future self and doing better..., 2017; Pinto, Faria, do Céu Taveira, 2014].

Исследование образа будущего в трудах С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, М.Р. Гинзбурга, Е.И. Головахи, А.А. Кроника, В.Н. Петровой рассматривается как экспериментально-практическое направление в контексте изучения жизненного пути личности. Содержательно

образ будущего понимается в двух взаимосвязанных аспектах: с одной стороны, это конкретный прогноз и план жизни [Леонтьев, 2004; Леонтьев, 2002; Рубинштейн, 2019], а с другой — сложная ментальная реальность [Ананьев, 1977, 1968; Белогай, Бугрова, 2018]. Данная реальность, основанная на прошлом опыте и уровне развития человека, выполняет регулирующую функцию, интегрируя когнитивные, эмоциональные, мотивационные и поведенческие компоненты по отношению к себе, окружающим и миру. По мнению К.Н. Белогай и Н.А. Бугровой, понятие «психологическое будущее» обуславливает когнитивные аспекты личности и соотносится с ее отношением к временному аспекту [Белогай, Бугрова, 2018]. Продолжительность «ожидаемого будущего» оказывает прямое влияние на настоящее, поскольку современные юноши/девушки стремятся связать свои текущие действия с достижением долгосрочных целей [Kauffman, Nusman, 2004].

Е.Б. Быкова описала связанность смыслов образа будущего и показателей «Я-представлений» себя в будущем времени [Быкова, 2003]. «Образ собственного будущего является основой для прогноза развития личности и ее жизненного пути. Особо значимым представляется выявление ресурсов и потенциала жизненного опыта в юношеском возрасте через открытие молодым человеком перспектив своего будущего и необходимых ресурсов для их самореализации» [там же, с. 11]. Э.В. Прусова показала, что «...образ будущего, включающий в себя ценностные ориентации, жизненные планы, ожидаемые события, усвоенные стереотипы и установки, элементы рефлексии и самооценки, эмоциональное отношение к будущему, детерминирует личностное развитие и социальное поведение в юношеском возрасте. Образ будущего, содержание которого опосредовано степенью удовлетворенности сделанным в юношеском возрасте профессиональным выбором, оказывает закономерное влияние на структурную организацию системы психологической регуляции актуальной личностной активности» [Прусова, 2006, с. 22–23].

Е.В. Разгоняева указывает, что образ будущего — это один из элементов самоорганизации человека, задающий направленность его жизни и обеспечивающий смысло-жизненную определенность его бытия. Одновременно с этим он является динамическим психологическим образованием [Разгоняева, 2004]. В ходе развития человека образ будущего уточняется, преобразуется или видоизменяется. Функция смыслового будущего связывается с ценностными признаками, а временного будущего — с обеспечением временной перспективы. Степень устремленности человека в будущее определяется его личностными потребностями. Исходя из этого, будущее правомерно рассматривать как психологическое пространство, в котором потребности конкретного человека подвергаются когнитивной переработке в отдельные цели и поведенческие схемы [Нюттен, 2004; Шилова, Бруданов, 2020; Шилова, 2023б; Nuttin, 1984]. В юношеском возрасте именно будущее становится смысловым центром становления личности — тем пространством, где конструируется поведение и разворачивается развитие человека. При этом направленность и содержание поведения определяются ключевыми факторами: горизонтом планирования (тем, насколько далеко простираются представления о будущем) и качественной структурой, определяемой природой мотивационных объектов (тем, что или кто побуждает человека к действию). С.Л. Рубинштейн сформулировал «закон заполненного временного отрезка» (насыщенное событиями прошлое воспринимается как более длительное) и «закон эмоционально детерминированной оценки времени» (время «летит» при положительных эмоциях и «тянется» при отрицательных). Он также рассматривал временную перспективу через призму самодетерминации, где будущее определяет настоящее [Рубинштейн, 2019]. Л.С. Рубинштейн ввел термин «субъект жизни», начав одним из первых в отечественной психологии изучать жизненный путь человека. В его концепции «...понимание личностью своей роли в планировании и осуществлении жизненного пути способствует стремлению ставить серьезные цели и достигать их» [там же]. Б.Г. Ананьев,

изучая целостное развитие в едином жизненном цикле, выделил «...две исследовательские стратегии в изучении развития личности: изучение онтогенеза индивида и исследование жизненного пути человека» [Ананьев, 1977]. «Субъективная картина жизненного пути», согласно Б.Г. Ананьеву, является центральным образованием самосознания. Она представляет собой «...целостный образ, интегрирующий основные события биографии человека, этапы его индивидуального и социального развития в единую систему координат, образуемую временем биологическим, психологическим и историческим» [там же]. Понятие жизненного пути объединяет две категории: психологическую среду и непосредственно самого человека — и в целом состоит из последовательности событий, которые происходят с человеком или вокруг него.

В российской психологии значительное развитие получила научная традиция понимать события жизни как элемент жизненного пути [Ананьев, 1977; Головаха, Кроник, 1988; Головаха, Кроник, 2008; Рубинштейн, 2019; Рубинштейн, 1976]. В зарубежной психологии также подчеркивается, что жизненные события представляют собой специфические во времени психологические переходы, которые знаменуют начало или конец определенного статуса [Luhmann et al., 2012], что делает их ключевыми точками биографической траектории. Вслед за С.Л. Рубинштейном мы понимаем жизненные события как «...условные моменты и поворотные этапы, в которых принятие жизненного решения определяет дальнейшую жизнь человека на достаточно длительный период» [Рубинштейн, 2019].

Ситуации, с которыми сталкивается человек, становятся важными для него, если они приобретают личное значение. Соответственно, под «событием жизни» понимается момент жизни, оказавший значительное влияние на конкретного человека [Головаха, Кроник, 1988; Головаха, Кроник, 2008]. При таком условии человек начинает ценить определенное событие своей жизни. «Чем больше влияние события на человека, тем большее значение оно имеет для него» [Левин, 2000]. При этом протяженность собственной жизни

определяется временем важных жизненных событий [Нуркова, 2018; Bude, 1984; Willoughby, 2012; Willoughby, J. Dworkin, 2009].

«Даты событий, входящих в сценарий жизненного пути, очень часто формируют эффект «пика», так как чаще всего упоминаются события в возрастном интервале 16–30 лет» [Rubin, Scott, Nebes, 1986]. Данные эмпирических исследований показывают, что «...влияние событий на субъективное благополучие может сохраняться в течение нескольких лет <...>, причем эффект события может быть более сильным и устойчивым для когнитивного компонента благополучия (оценки жизни), чем для аффективного (эмоционального состояния)» [Luhmann et al., 2011, p. 2–3].

В области психологии известно много подходов, изучающих жизненные события как основополагающие элементы организации человеческой жизни. Например, М.С. Егорова, исследуя взаимосвязи между жизненными событиями, опирается на оценки, которые человек дает этим событиям, и указывает, что системообразующие свойства личности определяются несовпадением психологического и хронометрического возраста, субъективностью оценок связанности прошлого и будущего, значимости ожидаемых событий собственной жизни [Егорова, 1997]. Таким образом, ключевую роль играет субъективное восприятие времени и событий. Эту идею развивает В.И. Ковалев, вводя термин «временная транспектива», как способность сознания объединять в настоящем прошлое и будущее. В его понимании это категория, помогающая преодолеть однонаправленность и конечность индивидуального времени жизни, которая реализует стремление индивида к вечности, к переходу в контекст истории и культуры в целом [Ковалев, 1991а; Ковалев, 1991б].

Способность к временной транспективе напрямую влияет на самоопределение человека. Как отмечает В.С. Мухина, особую важность приобретает позиция человека по отношению к пониманию им ожиданий от самого себя и к собственному жизненному пути. Речь идет о моментах жизни, когда социальное «пора!» становится стимулирующим «пора!» для

конкретного человека, то есть момента выбора жизненного пути, образа жизни и определения смысла жизни [Мухина, 2010]. В.В. Знаков подчеркивает: «понимание течения времени и осознание завтрашнего дня являются основными предпосылками для осознания будущего» [Знаков, 2025, с. 64]. Именно способность осознать временную протяженность и завтрашний день позволяет личности выстраивать осмысленную перспективу. Однако эти внутренние ожидания и варианты выбора не формируются в вакууме. Они во многом задаются культурным контекстом. Так, В.В. Нуркова подчеркивает, что «...основой для планирования будущего, восприятия и анализа жизненных событий на протяжении жизненного пути служат культурные жизненные сценарии» [Нуркова, 2018]. Она указывает, что «...понятие "культурный жизненный сценарий" относится к разделяемым большинством членов культурной общности представлениям о типичном содержании и "расписании" жизненных событий, а также приписываемой им значимости и валентности» (Нуркова, 1998, с. 376). Мысль о влиянии культуры на организацию жизни поддерживает и И.С. Кон. Он отмечает, что особенности возраста формируют стандартные критерии развития личности на протяжении жизненного пути [Кон, 1989]. Таким образом, представления о собственной жизни не только отражают качественную наполненность личности, но и соответствуют определенным культурным эталонам.

Наиболее ярко взаимосвязь этих факторов проявляется в юношеском возрасте. Так, В.В. Нуркова, отмечая, что «...максимальное количество событий отображают испытуемые 17–19 лет» [Нуркова, 1998, с. 202], связывает это «...с ситуацией "открытого будущего", в которой индивидуальная траектория развития личности еще не определена, что требует удержания максимально разнородного материала, который может стать автобиографически значимым лишь впоследствии» [там же]. Следовательно, логичное восприятие последовательности «жизненных событий» в юношестве и их психологическая направленность на настоящее и

будущее показывают адекватное восприятие себя [Макушина, 2019; Шилова, 2021а; Шилова, 2021б].

Современные исследователи юности в качестве важной задачи возраста выделяют личностное осознание жизни [Гурова, Лужбина, Кроян, 2018; Клементьева, 2020; Курусь, 2016; Особенности временной перспективы студентов..., 2020]. Человек рассматривает свою жизнь вокруг важных жизненных событий [Нуркова, 2018] и в конкретной культурной среде [Arnett, 2016; Aspirations and expectations measures..., 2022; Giordano, 2019; Mind the generation: Differences..., 2018]. Традиция осознавать важные события как элементы формирования своей жизни активно исследовалась в трудах Е.И. Головахи и А.А. Кроника. Ученые пришли к выводу, что «...в структуре психологического времени масштаб события определяется тем влиянием, которое оно, в представлении человека, оказывает на его жизнь в целом и на ее основные сферы. И поскольку наиболее значимые в биографическом масштабе события служат своеобразными "вехами" в сознании человека, отделяющими один этап жизни от другого, то и последовательность их фиксируется в психологическом времени соответственно объективной, тогда как менее значимые события данной закономерности не подчиняются» [Головаха, Кроник, 2008]. Содержание события показывает, что именно изменилось в жизни человека, а его важность во времени определяется тем, насколько оно связано с другими событиями: чем больше у события связей, тем выше его значимость. Таким образом, значимость события в психологическом времени прямо зависит от плотности его связей с остальными событиями жизни.

Ж. Нюттен дифференцировал понятия:

- временная перспектива — субъективная репрезентация последовательности и временных интервалов событий в сознании;
- временная установка — эмоционально-оценочное отношение личности ко времени;

- временная ориентация — преимущественная направленность поведения на объекты, относящиеся к прошлому, настоящему или будущему.

В работах Ж. Нюттена будущее является пространством мотивации с темпоральными и содержательными характеристиками [Нюттен, 2004; Nuttin, 1984; Nuttin, Lens, 1985]. Мотивационный объект в его концепции может быть описан с двух сторон: как с точки зрения содержательной категории, так и темпоральной, которая позволяет определить время, в которое мотив будет удовлетворен, или время, в котором может быть осознано опасение о невозможности удовлетворить конкретный мотив [там же]. Когнитивная «презентация» пространственной перспективы на перцептивном уровне представляет собой содержательные характеристики времени. Объекты, «локализованные» в определенный момент времени, создают основу временной перспективы. При этом объекты, составляющие временное прошлое, выявляются из активной памяти, а содержание временной перспективы будущего задано виртуальными объектами сознания. В частности, исследования, проведенные на российской выборке юношей и девушек, выявили значимые гендерные различия в темпоральных и содержательных характеристиках временной перспективы [Шилова, 2019б; Шилова, 2023в]. Установлено, что юноши значительно чаще используют временные категории «в интервале дня», «профессиональная автономия и работа» и «историческое будущее», а также ориентированы на себя как на основной мотивационный объект. Для девушек, напротив, характерны категории «профессиональное обучение», «открытое настоящее» и «будущее», а также мотивация, связанная с другими людьми и объектами природы.

Современные исследования конкретизируют подход Ж. Нюттена, подчеркивая, что формирование протяженной и хорошо сконструированной временной перспективы будущего предполагает соединение настоящего с будущим, когда объединяются эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты. Как отмечает Т. Ширай с соавторами, «...временная перспектива

будущего определяется как когнитивно-мотивационный конструкт восприятия индивидом своего личного будущего <...> целенаправленность возрастает, когда люди сознательно ставят цели, строят планы и предпринимают действия на будущее» [Shirai et al., 2025, p. 1074].

Соответственно, устремленность в будущее возникает как следствие актуализации потребностей или мотивов. В своей исходной форме она напоминает ориентировочный рефлекс у животных и ограничена горизонтом ближайшего будущего. Однако у человека, благодаря развитым когнитивным способностям и умению преобразовывать потребности в цели, она превращается в более сложный феномен: предчувствие события может быть оторвано от реальной ситуации для создания углубленной перспективы. Развивая эту мысль применительно к целеполаганию, У. Ленс с коллегами подчеркивают: «...ставя перед собой цели в относительно ближайшем или более отдаленном будущем, человек формирует свою индивидуальную временную перспективу будущего, которая может быть охарактеризована содержанием (то есть тем, к чему люди стремятся) и протяженностью или глубиной (то есть тем, насколько далеко в будущее простираются их цели)» [W. Lens et al., 2012]. Более того, «...значение имеет не только протяженность или глубина временной перспективы будущего человека, или степень его ориентации на будущее (а не на настоящее), но и ее содержание. Согласно предсказаниям теорий мотивации, основанных на модели “ожидание — ценность”, более протяженная временная перспектива будущего, формируемая более отдаленными целями, усиливает силу деятельной мотивации к достижению этих целей посредством действий в настоящем» [там же]. Таким образом, предложенное У. Ленсом и его коллегами понимание временной перспективы как мотивационного конструкта, включающего как содержательные, так и темпоральные характеристики, задает вектор для ее дальнейшего изучения в качестве целостного личностного образования.

Таким образом, временная перспектива будущего представляет собой целостный когнитивно-мотивационный конструкт, интегрирующий

представления о прошлом, настоящем и будущем, и выступающий важным инструментом организации мотивационной сферы личности [Шилова, Владыко, 2023; Brianza, Demiray, 2019; Positivity in Younger and in..., 2020; Um Novo Modelo Multidimensional..., 2017]. Из понимания временной перспективы как конструкта, опосредующего мотивационные процессы, вытекают ключевые критерии ее развитости: продолжительность, оптимистичность, реалистичность, дифференцированность и согласованность. Именно эти ее параметры, как считают А.Ю. Бухарина и Н.Н. Толстых, являются значимыми для мотивации к учебной деятельности и высокой академической успеваемости, а также для успешной карьеры представителей юношества [Бухарина, Толстых, 2019], — и зарубежные исследования подтверждают эти выводы [Booyesen, Nel, 2019; Juaneda, Herranz, Montaño, 2017; Karimi, Sotoodeh, 2019; Student motivation to learn..., 2019; Time perspective, approaches to learning..., 2017].

Люди с высокоразвитой временной перспективой будущего могут противостоять искушению сиюминутных удовольствий в пользу долгосрочных целей, и это умение откладывать сиюминутные выгоды позволяет достичь высоких результатов [Future time perspective: A systematic ..., 2018]. Более того, достижения будущих целей и наград, часто ценой отказа от текущих удовольствий и откладывания вознаграждения, формирует поведение людей с ориентацией на будущее. Как правило, такие личности оказываются более успешными. С другой стороны, временные рамки прошлого чаще ассоциируются с семейными ценностями, традициями и историей. Позитивное и ностальгическое отношение к прошлому способствует увеличению мотивации для работы над задачами, ведущими к вознаграждению в будущем. Однако негативный опыт и отрицательное восприятие прошлого могут существенно снизить мотивацию к работе для будущего отложенного вознаграждения. Люди, сосредоточенные лишь на удовольствиях настоящего и пренебрегающие размышлениями о будущем, подвергаются рискам в карьерном развитии и образовательных достижениях.

Приверженцы же фаталистического и безнадёжного взгляда, считающие, что будущее невозможно изменить никаким образом, зачастую не чувствуют себя активными участниками собственного прогресса и не формируют четких целей на перспективу [Kvasková, S.A. Almenara, 2021]. Таким образом, негативное восприятие своего будущего, несбалансированная временная перспектива и отсутствие стремления планировать события собственной жизни являются основными причинами низкой самореализации [Веденева, Забелина, 2019]; а негативное отношение к прошлому и фаталистическое — к настоящему усиливают кризисные переживания студентов [Курусь, 2016].

Исследования свидетельствуют о существовании связи между временной перспективой и различными видами девиаций. В ряде работ определенный тип временной перспективы (гедонистическое/ фаталистическое настоящее) рассматривается как фактор риска развития зависимого поведения, в то время как ориентация на будущее — как адаптивный фактор, который помогает этому противостоять за счет развития самоконтроля и целеустремленности. И.В. Пономаренко, И.А. Курусь отмечают, что успевающие студенты демонстрируют статистически значимо более высокие показатели по шкале «Будущее» по сравнению с неуспевающими. Ориентация на будущее связана у них с лучшим самоконтролем, целеполаганием и пониманием целей обучения. «На всем протяжении обучения временная перспектива тесно связана с успешностью освоения профессии, а также может выступать в качестве фактора организации жизненного пути и в связи с этим оказывает влияние на успешность социально-психологической адаптации» [Пономаренко, Курусь, 2020]. Недостаточность развития временной перспективы влияет на разные формы зависимостей, в частности на зависимость от интернета. Временная перспектива не влияет напрямую на прокрастинацию и интернет-зависимость, а делает это косвенно, через самоконтроль: «...люди с ориентированной на настоящее временной перспективой (особенно на сиюминутные удовольствия) склонны демонстрировать более низкий уровень

самоконтроля» [Effects of time perspective and self-control..., 2017]. И, напротив, успешные люди с высоким уровнем как личностного, так и психического развития обладают высокоразвитой временной перспективой, наполненной мотивационными объектами разного содержания и распределенными на длительное время, в том числе отдаленное прошлое и будущее [Исаева, Акимова, Волкова, 2022; Recinos, 2022; Sobol-Kwapinska, Przepiorka, Zimbardo, 2019].

Ориентация временной перспективы на будущее связана с принятием профессиональных целей, формированием эффективной стратегии в учебе и использовании учебного времени, наличием карьерной зрелости и успехов в образовательной деятельности [Волохова, 2018; Деревянко, 2018; Особенности психологического времени личности студентов..., 2017; Шилова, 2022в; Recinos, 2022] и рассматривается как один из параметров индивидуального успеха [Gomes Carvalho, Novo, 2015]. «Обсуждение целей карьеры, разработка стратегий достижения этих целей способствуют позитивному отношению к будущему» [Gunawan, Creed, Glendon, 2019; Gunawan, Creed, Glendon, 2021], так «...для профессиональной ориентации наиболее важным становится осознание своих личностных качеств» [Vocational Identity Resources in..., 2021].

Для изучения временной перспективы исследователями достаточно часто используются модель Ф. Зимбардо и Дж. Бойда и опросник временной перспективы Зимбардо (ZTPI), выделяющий пять компонентов: позитивное и негативное прошлое, гедонистическое и фаталистическое настоящее, а также ориентацию на будущее [Zimbardo, Boyd, 1999]. В определении этих авторов временная перспектива — «бессознательный процесс, посредством которого непрерывные потоки личного и социального опыта соотносятся с временными категориями или временными рамками, помогая согласовать значение жизненных событий» [Zimbardo, Boyd, 1999, с. 1271]. Временная перспектива рассматривается как когнитивная категория, помогающая не только кодировать и хранить воспоминания о личном и социальном опыте, но и

формулировать ожидания, устанавливать жизненные цели и составлять сценарии будущего [Тарасова, 2020; A Systematic Review Approach..., 2021; Testing Zimbardo's Stanford Time..., 2003; Time Perspective and Experience..., 2022; Zimbardo, Keough, Boyd, 1997; Zimbardo, Boyd, 1999]. «Когнитивная реконструкция прошлого и построение будущего в абстрактных познавательных процессах позволяет выйти за пределы непосредственной жизненной ситуации и пожертвовать сиюминутной выгодой» [Zimbardo, Boyd, 1999]. Временная перспектива представляет собой концепт, который опосредован культурными и социальными факторами, и позволяет человеку присвоить временные рамки и категории и использовать их при принятии решений о событиях своей жизни [Zimbardo, Boyd, 1999]. Таким образом, сбалансированная временная перспектива содержит в себе позитивное отношение к достижениям прошлого, получение удовлетворения от событий настоящего и достижение целей, поставленных на будущее [там же]; а увеличение временной перспективы позволяет самореализоваться, так как представляет собой проекцию сферы мотивации [Бухарина, Толстых, 2019].

За последние годы заметно увеличилось количество научных работ, ориентированных на изучение будущего. Этот рост во многом стимулирован открытием взаимосвязей между особенностями временной перспективы личности и широким спектром психологических и поведенческих характеристик человека — от уровня тревожности и агрессии до склонности к риску и прокрастинации, включая реакцию на последствия пандемии. Возрастающий уровень нестабильности общества указывается исследователями в качестве причины изменчивости и постоянного пересмотра жизненных целей и планов и соответственно будущего [I was, I am, I will be: Identity..., 2023; Chu, Tsai, Fung, 2021; Fabio, 2020; Shulman, Nurmi, 2010; Emerging Adults' Outlook..., 2022]. Также отмечается влияние на трансформацию представлений о будущем «клипового мышления», обусловленного новой цифровой средой обитания человека [Turkle, 2011]. Таким образом, изменчивые реалии современного мира обуславливают

необходимость адаптации к ним классических исследовательских моделей, объясняющих личностные представления о времени. Разрабатываются и новые инструменты измерения, например опросник Х. Ли и соавторов включает семь факторов и позволяет более детально оценивать различные аспекты восприятия времени [Li, Luu, Mello, 2024]; опросник юношеского отношения ко времени (ATAS) оценивает шесть факторов и продемонстрировал более высокую надежность на подростковых и юношеских выборках [Хегай, 2025]; краткие версии ZТPI производные от классической методики, являются ответом на критику психометрических проблем оригинального длинного опросника (ZТPI-56) [Isanejad, Kargar, 2023; Martoni et al., 2023]. З. Мелло с коллегами предлагают изучать временную перспективу через измерения временной ориентации (относительный акцент на периоде времени), временной связи (воспринимаемой взаимосвязи между периодами времени) и временной плотности (частоты, с которой человек думает об этих периодах времени) [Thinking about the Past, Present, and Future..., 2022].

При этом, авторы все чаще отмечают, что факторная структура опросника П.Г. Зимбардо (ZТPI) нестабильна при адаптации к другим языкам и социальным контекстам, из-за чего отдельные шкалы могут давать недостаточно надежные результаты. В частности, Ф. Уоррелл и З. Мелло в исследовании 2007 года выявили, что оригинальная версия опросника плохо подходит для работы с подростками: полученные данные не соответствуют исходной теоретической модели [Worrell, Mello, 2007]. Аналогичные сложности подтвердили Д. Перри и коллеги в серии работ 2015–2020 годов. Анализируя данные на выборках из Великобритании, США и Австралии, ученые пришли к выводу, что структурная обоснованность методики оказывается недостаточной [Perry et al., 2020]. Еще одна проблема связана с тем, что результаты по шкалам ZТPI часто пересекаются с устойчивыми чертами личности из модели «Большой пятерки» (Big Five). Из-за этого бывает

сложно понять, отражает ли опросник именно временную перспективу или же фиксирует более стабильные индивидуальные особенности.

Таким образом, формирование подходов к изучению временной перспективы непрерывно развивается, при этом важными и непроработанными остаются вопросы динамических конструкторов и причинно-следственных связей в изучении времени жизни. Исследуя отдельные элементы целостной конструкции времени своей жизни, можно получить более точное понимание о динамике развития представлений о будущем с возрастом, а также о степени, в которой конкретные элементы представлений наиболее подвержены трансформации.

Таким образом, в концепт представлений о будущем должны включаться взаимосвязанные психологические процессы, определяющие способности человека сознательно и мысленно предвидеть, прогнозировать будущее, формировать образы себя в нем, а также выстраивать стратегии самореализации. Эти представления отражают индивидуальные устремления и могут включать:

- профессиональный выбор;
- личностные притязания (социальный статус, карьерные достижения и др.);
- социальные потребности (дружба, любовь, семья).

Представления о будущем тесно связаны с личностной перспективой (готовностью к будущему в настоящем, установкой на него) и жизненной перспективой (условиями и возможностями для оптимального жизненного продвижения). Соответственно, представления о будущем объединяют когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты, направленные на проектирование жизненного пути.

При этом образ будущего — это пространственно-временное, ценностно-смысловое новообразование, выступающее в качестве определенной конструктивной жизненной перспективы [Леонтьев, 2004]; его структурными составляющими являются мировоззрение личности и ее

жизненная позиция [Анцыферова, 1981]. Ключевую роль в формировании жизненной позиции играет личностная смысловая установка как внутренняя готовность человека действовать. Соответственно, основным содержанием представления о будущем является наличие у человека не только желаемого результата, но и представления о средствах и способах его достижения, а также о ресурсах, которые могут для этого понадобиться, что подчеркивает важность для личности поиска собственного смысла, принятия себя и жизни в соответствии со своими ценностями. Таким образом, представления о будущем — это динамическое психологическое образование, формируемое содержанием и управляемое во времени юношей/девушкой, в которое включены и образ себя в будущем, и ориентация во временной перспективе, связывающая прошлое, настоящее и будущее.

2.2. Представления о будущем в возрастном периоде от подростничества до ранней взрослости

Сегодня юноши и девушки планируют собственное будущее в быстро меняющемся мире, наполненном цифровыми технологиями и процессами социализации, сталкиваясь с влиянием алгоритмов, генеративного искусственного интеллекта и неэкспертного контента [Mayer, 2025; Marques et al., 2026]. Современная молодежь все меньше стремится к традиционным маркерам успеха, в ряду которых карьерный рост и дорогие атрибуты жизни, и все больше — к поиску смысла, самореализации и психологическому благополучию; она находится в поиске не просто карьеры, а осмысленного жизненного пути, где ориентация на будущее связана с активным поиском смысла жизни [The relationship between time perspective and..., 2021]. Юноши/девушки сталкиваются с новыми реалиями: разными формами занятости (дистанционная работа, фриланс, коворкинги), отсутствием стабильности, множеством возможных карьерных траекторий, необходимостью развивать гибкие компетенции и участвовать в краткосрочных проектах. В этом контексте будущее Я становится основой для формирования концепции взрослого себя в перспективе и с учетом личных надежд и страхов, обеспечивающих основу для постановки целей, планов и прогнозирования будущих событий [Gunawan, Creed, Glendon, 2021; Fonseca et al., 2019]. Обратная сторона поиска смыслов и формирования жизненных ценностей — высокий уровень стресса и сомнений. Таким образом, то, что становится важным для молодых людей (ценности), формирует их общее отношение к жизни (жизненную позицию), и направляет энергию на достижение того, что обретает в их жизни смысл.

Ценностные смыслы наполняют конкретные временные планы содержательной значимостью, а развитая временная перспектива предоставляет инструменты формирования представлений для воплощения этих смыслов. Временная перспектива отражается в мыслях, идеях и чувствах относительно собственного будущего [Жизненные перспективы учащейся

молодежи..., 2015; Przepiorka, Blachnio, Cudo, 2019]. При этом «...длительность ожидаемого будущего оказывает влияние на поведение личности в настоящем» [Левин, 2000].

В традиции отечественной психологии прогнозирование «ожидаемого» будущего в юношеском возрасте преимущественно связывается с профессиональным самоопределением. Само понятие «психологическое будущее» при этом трактуется как проявление зрелого отношения человека ко времени своей жизни [Белогай, Бугрова, 2018]. Так, М.Р. Гинзбург указывает, что функции психологического будущего заключаются в обеспечении смысловой и временной перспективы личности, которая в юности связана с профессиональным самоопределением и проявляется «...в отношении человека к психологическому настоящему и будущему через временное (хронологическое) и смысловое (психологическое) будущее» [Гинзбург, 1994]. При этом необходимость выбора перспектив семейной жизни и профессионального образования, включая определение с будущей работой, форм семейных отношений и типов партнеров, обусловлена социальной ситуацией, в которую поставлены юноши/девушки в этом периоде жизни [Божович, 1997].

В свою очередь, Е.Б. Быкова пишет, что определение ресурсов и жизненного опыта в юношеском возрасте посредством открытия юношами/девушками жизненных перспектив для самореализации является наиболее значимым. Соответственно, образ будущего в этом контексте — это прогноз развития человека и его жизненного пути [Быкова, 2003]. В.Н. Петрова указывает, что в юношестве присутствуют связи «...между восприятием прошлого, ценностями, отраженными в наших представлениях о будущем, а также уровнем счастья и удовлетворенности собственной жизнью» [Петрова, 2019]. Она считает, что в юношеском возрасте мы уже обладаем субъективным видением жизни и профессионального развития, а удовлетворенность жизнью связана с восприятием жизни как подвластной субъекту и зависящей от его действий [там же]. Юноши/девушки формируют

свое поведение и намечают свои цели, основываясь на своей индивидуальности. Следовательно, развитие представлений о будущем в этом возрасте неразрывно связано с усилением субъектно-объектной позиции: будущее конструируется не «для меня», а «мною самим», что трансформирует его содержательное наполнение и регуляторную функцию.

Н.Н. Толстых выделяет два направления исследований, связанных с развитием временной перспективы: «Первое — изучение становления представлений о времени и изменения восприятия времени. <...> Второе <...> — изучение роли представлений о будущем и отношения к будущему в контексте развития личности подростков и юношей <...>» [Толстых, 2010, с. 220]. Подобное разделение убедительно доказывает, что для формирования целостного понимания того, как человек осмысляет будущее, необходим комплексный подход, интегрирующий как изучение когнитивных основ восприятия времени, так и анализ его ценностно-смысловой значимости для формирующейся личности, гибко балансирующей между этими полюсами.

Понимание времени в юношестве связано с его осмыслением в качестве ресурса для реализации жизненных планов [Бойко, 2019]. При этом Н.Л. Лукиной и Е.А. Соловьевой выявлена следующая закономерность: чем длиннее период, на который молодой человек осмысливает результаты своей будущей жизни и профессиональной деятельности, тем выше его готовность к получению образования на более высоком профессиональном уровне [Лукина, Соловьева, 2019]. Так, во время обучения в вузе юноши/девушки, ориентирующиеся на будущее и принимающие решения в настоящем, показывают более высокую академическую успеваемость, в отличие от тех, кто ориентирован на настоящее и для которых будущее — это абстрактный эмоциональный образ [Шилова, 2022б; 2022г; 2023ж]. «Молодые люди, характеризующиеся позитивным восприятием перспектив в будущем, ориентацией на крепкую семью и получение хорошего образования, доверительным отношением и принятием современных технологий, следованием мировым трендам экологической и гуманистической

направленности, имеют более высокие значения общего благополучия и его компонентов по сравнению с теми, для кого приоритетна ориентация на повышение материального достатка и власти над другими людьми, характерно пессимистичное отношение к будущему, неудовлетворенность материальным положением, низкое доверие современным технологиям» [Исаева, Акимова, Волкова, 2022, с. 24]. Близкие категории рассматривают зарубежные исследователи, показывающие, что временная перспектива служит ключевым опосредующим механизмом, связывающим: самоэффективность в саморегулируемом обучении и профессиональном самоопределении с академической успеваемостью (через ориентацию на будущее); эмоциональную самоэффективность с интернализированными и экстернализованными проблемами (через снижение фиксации на прошлом и настоящем) [Thinking about time..., 2026]; положительные эмоции с предпринимательской направленностью студентов [How positive emotions affect entrepreneurial..., 2025]. При этом если неуспевающие студенты характеризуются повышением показателей негативного прошлого в динамике, то успевающие студенты демонстрируют более высокие показатели направленности на будущее и сохраняют этот показатель в динамике [Бредун, Краснорядцева, Щеглова, 2018; Ковалев, 1995; Курусь, 2016; Пономаренко, Курусь, 2020; Feeling closer to the future..., 2017]. Это становится значимым в контексте связи интеллекта и деятельности [Дружинин, 2007; Дружинин, 2010; Практический интеллект..., 2002; Савенков, 2010; Савенков 2006; Холодная, 2004], так как меняются представления об интеллектуальной развитости, академической и жизненной успешности личности и социальном прогнозировании [Дружинин, 2007; Дружинин, 2010; Стернберг, 2002; Савенков, 2010; Савенков 2006; Тепсуркаева, Мусханова, Богачев, 2020]. Лонгитюдное исследование Х. Хао и коллег подтвердило двунаправленную связь временной перспективы будущего с самоконтролем и академической успеваемостью, выделив две траектории развития подростков — позитивную и негативную [Reciprocal relationships between future time perspective..., 2024].

Эмпирические исследования [Галактионов, Верхотуров, 2018; Гурова, Лужбина, Кроян, 2018; Курденко, Кошенова, 2019; Böker, 2022; Future Time Perspective and Self-Control..., 2022; Mindfulness and Balanced Time Perspective: Predictive ..., 2022] доказали, что существует связь между психологическим временем личности и ее тревожностью, самооценкой, креативностью, возрастными особенностями, самоотношением и другими личностными характеристиками. Активно изучается роль темпоральной (временной) компетентности в социально-психологической адаптации [Акименко, 2014] и самореализации личности [Волохова, 2018; Кольцова, Мельникова, 2015; Мельникова, 2015]. Зарубежные исследователи используют концептуальные подходы, подчеркивающие, что ожидания будущего объясняют текущее поведение и построение собственной жизни, а различия в жизненных взглядах влияют на текущее благополучие и приспособление молодежи к зрелой жизни [Boyd, Zimbardo, 2005; Greene, Debacker, 2004], к согласованию желаний с их временем и готовностью их исполнять [Ready or not?: Criteria for..., 2009]. Здесь сбалансированная временная перспектива, включающая в себя позитивное прошлое, умеренно гедонистическое настоящее и ярко выраженную ориентацию на будущее, является залогом психологического благополучия и успешной адаптации [Шилова, 2025б]. Лонгитюдное исследование Х. Ли и коллег среди китайских подростков также выявило «...взаимную связь: ориентация на будущее предсказывала удовлетворенность жизнью, а высокое благополучие, в свою очередь, способствовало развитию будущей перспективы» [Li, Zhang, Lyu, 2023]. Авторы также отметили различную возрастную динамику этих показателей.

Кроме того, исследователями отмечается разное отношение юношей и девушек ко времени своей жизни и проектированию временной перспективы [Колтачук, Вачков, 2016; Сырцова, 2008; Сергоманов, Васильева, 2004]. Так, Б.А. Грин и Т.К. Дебакер указали, что юноши более ориентированы на будущее, чем девушки [Greene, Debacker, 2004], хотя ранее П.Г. Зимбардо и его коллеги провели исследование, в результате которого выявили, что

юноши-студенты больше склонны жить настоящим моментом, чем девушки-студентки [Zimbardo, Keough, Boyd, 1997]. Они также обнаружили, что «...для девушек более характерно позитивное прошлое и будущее» [там же], и им свойственно «фаталистическое настоящее» [D'Alessio, Guarino, De Pascalis, Zimbardo, 2003]. В другом исследовании было отмечено, что у девушек меньше склонность к негативному будущему, чем у юношей [Mello, Worrell, 2006].

Исследование, проведенное Л.Л. Панченко и У.А. Богатырь, говорит о том, что изменения в жизни молодых людей могут вызывать разную степень беспокойства. Согласно полученным ими данным, для девушек наиболее тревожными представляются изменения, связанные с возрастом и постепенным увяданием, а также с тематикой создания семьи. Это составляет около 20% их высказываний. В то же время юноши больше всего ценят и стремятся к изменениям, связанным с их личностным и карьерным ростом. Для юношей главными приоритетами в их будущем являются следующие ожидания: стать выдающимся специалистом (16%) и достичь финансового благополучия (20%) [Панченко, Богатырь, 2017]. Авторы указывают на различие в том, как «...негативные ожидания влияют на юношей и девушек. Для юношей эти ожидания связаны со страхом смерти, тогда как для девушек — с безработицей, потерей близких и отсутствием планов. Кроме того, юноши придают особое значение ответственности за обеспечение семьи, в то время как девушки часто испытывают эмоции в связи с успехами или неудачами» [там же].

Исследование А. Фуэнтес и коллег обнаружило, что у девушек сбалансированная временная перспектива имеет большую значимость для прогнозирования психологического благополучия. Более того, было выявлено, что девушки, получающие профессиональное образование, более предрасположены к психологическому благополучию по сравнению с юношами [Mindfulness and Balanced Time Perspective: Predictive..., 2022]. В исследовании чилийских студентов также был показан «...синергетический

эффект осознанности и сбалансированной временной перспективы в улучшении психологического благополучия, особенно у женщин» [Mindfulness and Balanced Time..., 2022]. Представленные данные свидетельствуют не столько о наличии жестких гендерных универсалий, сколько о зависимости результатов от конкретных методик, выборки и культурного контекста исследований. Можно предположить, что различия касаются не столько самой ориентации на будущее, сколько ее эмоциональной окраски и связи с конкретными сферами жизнедеятельности (карьера или семья), что требует дальнейшего изучения.

Основанием для исследования жизни часто становятся исторические события, циклы и кризисы развития общества, социально-классовое расслоение, дифференциация по возрасту, профессии [Bude, 1984], или по принадлежности к определенному культурному контексту. В коллективистских культурах (Китай) планирование будущего тесно связано с семейным долгом, тогда как в индивидуалистических (Италия) акцент на настоящем может способствовать удовлетворенности отношениями [Exploring the Role of Time Perspective in Emerging..., 2021]. Исследование Е. Забелиной и коллег показало, что «...российские студенты больше опираются на позитивное прошлое» [Zabelina, Kurnosova, Telitsyna, 2019]. Кроме того, важным аспектом являются установки, убеждения и ожидания молодежи относительно семейных отношений, влияющие на формирование их жизненных траекторий [Willoughby, 2012; Willoughby, Dworkin, 2009], а также временные привычки [Нартова-Бочавер, 2005]. Таким образом, формирование представления о жизни зависит как от макрофакторов (исторические события, социокультурный контекст), так и от микрофакторов (важные жизненные события в сфере семейных отношений и профессиональной деятельности).

Н.Н. Толстых указала на два важных обстоятельства. «Во-первых, при определении будущей жизни доминирует социокультурный контекст, и, таким образом, все желания, притязания и опасения человека зависят от исторического времени и общественного строя, совпадающего с его юными

годами. Вторым обстоятельством является преобладание при построении временной перспективы в юности темпоральных параметров мотивации над содержательными» [Толстых, 2010]. Зарубежные исследователи, в частности, Г. Фонсека и коллеги также отмечают, что на формирование представлений о будущем в юности оказывают влияние социально-экономическое положение семьи и экономическая напряженность в обществе [Future Hopes and Fears of Portuguese Emerging..., 2020]. Следовательно, вариативность путей развития личности зависит от временных рамок, определяющих наше видение будущего, а представление о собственных перспективах изменяется как в ходе индивидуального развития, так и в зеркальной связи с эволюцией общества.

Социально-экономическая нестабильность и напряженность сужают временные горизонты. Исследование А. Паролы и Дж. Марчионетти показало, что «...у молодежи категории NEET (не учатся и не работают) ориентация на будущее выступала модератором, значительно смягчавшим негативное влияние социальной эксклюзии» [The effects of a non-adaptive school-to-work..., 2022; Parola, Marcionetti, 2022]. Это указывает на переход к анализу условий, при которых временная перспектива становится защитным ресурсом. Кризисные события трансформируют, но не разрушают связь временной перспективы с идентичностью и благополучием [I was, I am, I will be: Identity..., 2023]. Студенты с выраженной ориентацией на будущее демонстрировали более высокую устойчивость в период социального кризиса [Italian university students' future time perspective..., 2024]. Таким образом, формирование позитивного отношения к будущему становится инструментом компенсации негативных эффектов кризисов.

Е.В. Куфтяк, изучая совладание с вызовами сложности изменяющегося мира в период ранней взрослости, указывает, что у современных «...русских студентов противостояние подавляет фантазирование при воздействии на проактивные стратегии. Учитывая, что стратегия противостояния содержит выраженный эмоциональный эффект, воздействие такого пассивного

копинга, как фантазирование, вероятно, помогает снижать страх и тревогу перед будущими событиями» [Куфтяк, 2023, с. 177–178]. Вместе с тем, данные мета-анализа Сиройс и Хирша [Sirois, Hirsch, 2026] демонстрируют, что именно воспринимаемый стресс частично опосредует негативную связь между прокрастинацией и ориентацией на будущее, что указывает на ограниченную адаптивность пассивных стратегий: хотя фантазирование может временно снижать тревогу, ориентация на будущее требует не избегания, а развития навыков регуляции стресса, позволяющих сохранять субъектность и смысловую связность жизненных целей в условиях неопределенности.

Негативные психологические состояния (депрессия, стресс) и травмирующие события оказывают существенное влияние на формирование взгляда на будущее. Позитивная временная перспектива, в свою очередь, может выступать защитным фактором [Ishii, 2023; Zimbardo, Boyd, 1999]. Исследование Домбровской и коллег «...на выборке польских подростков из групп риска выявило четкие связи: негативное прошлое и фаталистическое настоящее положительно связано с депрессией и одиночеством, тогда как позитивное прошлое и ориентация на будущее демонстрировали отрицательную связь» [Time Perspective and Experience of Depression., 2022]. Это подтверждает буферную роль сбалансированной временной перспективы. Э. Макалка и коллеги обнаружили, что «...несбалансированная временная перспектива опосредует связь между депрессией и учебным выгоранием, что раскрывает новый механизм влияния» [Macalka, Tomaszek, Kossewska, 2022].

То, как человек воспринимает время — фокусируясь на настоящем, прошлом или будущем, — позволяет прогнозировать его склонность к рискованному поведению в юности. Хотя такие формы поведения могут быть частью нормативного процесса становления идентичности в юности, их адаптивность зависит от способности выстраивать временные перспективы. Учитывая, что в разные периоды жизни образ будущего может уточняться или сильно меняться, концепция собственного будущего становится элементом,

выполняющим адаптивную функцию, то есть она позволяет индивиду приспособляться к своему социальному окружению, соответствовать ему и принимать его нормы, проявлять позитивную активность [Михеева, 2022; Петрова, 2019].

Лонгитюдное исследование К. Доу и коллег выявило, что негативный взгляд на будущее повышает склонность к риску через использование неадаптивных стратегий совладания и низкий самоконтроль [Future negative time perspective and risk-taking ..., 2023]. В другой своей работе авторы показали, что поддержка со стороны родителей и ориентация на отдаленное будущее снижают риск развития интернет-зависимости, причем ключевую роль играет такой медиатор, как учет будущих последствий своих действий [Longitudinal association between parental involvement..., 2022]. В условиях цифровизации проблема интернет-зависимости становится особенно острой. Исследование Ю. Пу и коллег продемонстрировало, что групповое консультирование, направленное на развитие будущей ориентации, эффективно снижает уровень такой зависимости [Five-week of solution-focused group..., 2023]. Это подтверждает, что целенаправленные психологические интервенции могут корректировать временную перспективу.

Цифровизация влияет на все жизненное пространство, наполняя его противоречивой, разрозненной и перенасыщенной информацией, а клиповое восприятие времени, формируемое социальными сетями, сокращает горизонт планирования [Turkle, 2011]. Однако, как показывают исследования, цифровые инструменты, такие как, например, геймификация и специальные компьютерные задачи могут быть использованы и для формирования более сбалансированного восприятия времени [Five-week of solution-focused group..., 2023; Predicting High-risk Behaviors Based on Time Perspective in Iranian Adolescents..., 2022]. В исследовании Ю.З. Хи с соавторами была обоснована дифференциация временных перспектив на защитную (ориентированную на будущее) и рискованную (ориентированную на настоящее или прошлое). Авторами было доказано, что доминирование

защитной временной перспективы способствует снижению восприимчивости к формированию проблемного паттерна использования интернета [Longitudinal links between..., 2024].

Психологические исследования [Л.И. Божович, И.В. Дубровина, К. Левин и др.] свидетельствуют о том, что в старшем подростковом возрасте осознание своего будущего становится центральной возрастной задачей. Как установил К. Левин, при переходе к юности меняется сама структура восприятия времени: если подросток осмысливает будущее исходя из текущего момента, то юноша интерпретирует настоящее через призму ожидаемых событий, что знаменует становление взрослого мировоззрения. Этот переходный этап между подростничеством и взрослостью признается решающим для становления представлений о будущем. Согласно К. Левину, личностное развитие связано с расширением «жизненного пространства», которое подразумевает рост социальных взаимодействий, разделение и систематизацию сфер активности, а также динамику гибкости/ригидности этих структур. Юность, по его мнению, выполняет роль социально-психологического связующего звена между детской зависимостью и взрослой автономией, отличаясь маргинальностью позиции. Жизненное пространство юноши/девушки постепенно структурируется и усложняется, приближаясь к взрослой организации жизненного пространства, но не достигая ее полноты. Способность человека быть источником своих действий и делать выбор в согласии со своим «Я» — это ядро понятия самодетерминации, которое рассматривается не только как состояние, но и как устойчивое личностное качество [Sheldon, 1995]. Люди с высоким уровнем самодетерминации более автономны, лучше идентифицируют себя с собственными целями и демонстрируют более высокое психологическое благополучие.

При этом, ключевым исследовательским вопросом выступает изучение динамики временной перспективы будущего — ее развития, структурных характеристик и роли в достижении оптимального уровня развития личности. Так, по мнению Х.П. Фана и коллег динамика представлений о будущем

заключается в ее гибкости как когнитивно-мотивационного конструкта. Структура представлений о будущем при этом включает пять значимых измерений — протяженность, связность, плотность, направленность и аффективность, — которые определяют ее развитость и диагностическую ценность [Phan, Ngu, McQueen, 2020]. Авторы на основе проведенного анализа заключают, что динамика представлений о будущем отражает не статичное представление о будущем, а активный процесс, который пока остается не исследованным. Разнообразие факторов, влияющих на представления о будущем, ставит перед исследователем задачу поиска интегративного механизма, который бы объяснил, как именно личность становится автором своей жизни. Проектируя эмпирическое исследование для решения обозначенной проблемы, мы обращаемся к методологическому потенциалу субъектного подхода, который позволяет операционализировать процесс становления представлений о будущем. К.А. Абульханова-Славская подчеркивает, что «...личность может рассматриваться под углом зрения присущих ей временных структур, особенностей и способностей только на основе определения ее как развивающегося во времени и движущегося по собственной пространственно-временной траектории субъекта. Она не только отражает время, не только относится к нему, переживая и регулируя его, но становится самостоятельным центром временной детерминации» [Абульханова-Славская, 1991, с. 70]. Эта мысль напрямую связывает субъектность с выходом за пределы текущей ситуации и построением собственной временной перспективы, что является центральным для понимания развития представлений о будущем. Развивая эту идею, К.А. Абульханова-Славская и Т.Н. Березина указывают, что «...будущее — в отличие от прошлого — это проективное личностное пространство, образованное способностями ее сознания, воображения, мышления, мотивации достижений и притязаниями» [Абульханова-Славская, Березина, 2001, с. 215]. Тем самым подчеркивается, что будущее не предопределено, а активно конструируется личностью, выступающей его субъектом. При этом,

как отмечает А.В. Брушлинский, общее направление психического развития задается непрерывным взаимодействием внешнего и внутреннего, что означает формирование субъектности в преодолении обстоятельств и внутренних противоречий [Брушлинский, 2003]. При этом модель становления субъектности понимается В.И. Пановым, как «...процесс в онтологическом континууме “субъект спонтанной активности — субъект произвольного действия”, когда индивид, чтобы стать субъектом произвольного действия, должен пройти в своем развитии <...> несколько этапов» [Панов, 2022, с. 257].

В этом контексте важно подчеркнуть, что и в теории самодетерминации субъектность не является статичной данностью, а выступает тем самым координирующим центром, который позволяет личности выстраивать собственную временную перспективу. Рассуждая о термине «самость» (self), в контексте обсуждения теории самодетерминации, Р.М. Райн и Э.Л. Деси разводят два понятия: «...самость, к которой относятся такие конструкты, как Я-концепция, самовосприятие, самооценка и многие другие составные термины с „само-“, является self-as-object (самость как объект). <...> и self-as-subject (самость как субъект), что делает субъектное понимание самости (self-as-process)» [Ryan, Deci, 2017, с. 52] ключевым звеном в построении связной и сбалансированной картины будущего. Это различие позволяет операционализировать субъектность не как статичную характеристику, а как динамический процесс, в котором личность конструирует свое будущее, опираясь на автономию и рефлексивное отношение к событиям. Эмпирические исследования также фиксируют возрастную динамику субъектности: например, работа Л.Б. Слугиной показывает, что «субъектность» как параметр временной перспективы в младшем подростковом возрасте демонстрирует высокие значения, а к старшему — более низкие [Слугина, 1999, с. 11], что указывает на сложный, нелинейный характер ее становления.

Е.Ю. Коржова пишет, что субъектность реализуется в различных жизненных ситуациях «...на основе субъект-объектных ориентаций личности, которые характеризуют степень субъектной включенности в жизненную ситуацию» [Коржова, 2006]. «Основой субъект-объектного взаимодействия человека с жизненной ситуацией являются базовые жизненные ориентации, получившие название субъект-объектных, в субъективной и объективной формах. Человек находится “внутри” своего бытия, но, включаясь в него, ему свойственно постоянно выходить за его рамки. Субъективным проявлением субъектного потенциала является внутренняя картина жизнедеятельности. Это одна из динамических психологических характеристик, обусловленная рефлексией жизнедеятельности. Объективную форму проявления субъектного потенциала представляет выбор стратегий поведения» [Психология человека как субъекта..., 2018, с. 43]. Роль личности, фиксирует меру активности человека в значимых жизненных событиях, степень, в которой он выступает их источником и автором. Этот параметр расположен на континууме «субъектность – объектность». Б.Г. Ананьев указывал, что «субъективная картина жизненного пути» является центральным образованием самосознания, интегрирующим основные события биографии в единую систему координат [Ананьев, 1977]. Эта картина не пассивна — она становится основой для прогноза развития личности. Е.Б. Быкова подтверждает: «...образ собственного будущего является основой для прогноза развития личности и ее жизненного пути» [Быкова, 2003, с. 11], а Э.В. Прусова добавляет, что образ будущего «...детерминирует личностное развитие и социальное поведение в юношеском возрасте» [Прусова, 2006, с. 22–23]. Субъектность позволяет личности выступать действительным инициатором событий своей жизни. Объектность, напротив, отражает позицию «получателя» обстоятельств, когда события скорее случаются с человеком, нежели иницируются им.

Вторым ключевым параметром выступает рефлексивное отношение — осознанный анализ собственных действий, мыслей и эмоций, который может

реализовываться в двух модусах, задающих полюса «оценочность — констатация». Оценочность представляет собой эмоционально-смысловое постижение события, его анализ с точки зрения успешности/неуспешности, соответствия ценностям, указывая на отношения личности к ситуации или событию. В.Д. Шадриков уточняет: «...рефлексивность — качество личности, определяющее рефлексию как процесс <...> личностная рефлексия направлена на познание себя в своих сущностных качествах как субъекта социального поведения» [Шадриков, 2013, с. 116]. Это различение рефлексии личностной (направленной на познание себя) и деятельностной (направленной на анализ способов действия) позволяет понять, как формируется ценностно-насыщенный образ «Я в будущем».

Как отмечал А.В. Брушлинский, именно «...в ходе рефлексии он (субъект) формирует и развивает свои цели» [Брушлинский, 2000, с. 32], наполняя их личностным смыслом. Рефлексия, таким образом, выступает механизмом, позволяющим перейти от простого наблюдения событий к осмыслению их значения и включению в структуру жизненного пути. Как отмечают Д.А. Леонтьев и О.В. Пилипко, именно рефлексивное отношение обеспечивает этот переход [Леонтьев, Пилипко, 1995]. Эта мысль принципиально важна для понимания природы представлений о будущем: рефлексия выступает тем внутренним процессом, который позволяет личности не просто удерживать в сознании отдельные образы желаемого, но связывать их в целостную картину собственного жизненного пути. «Временная рефлексия, позволяет понять человеком себя и свою жизнь. Она может приобретать ситуативно единичный, проспективный и/или ретроспективный характер <...> предполагает предвосхищение, антиципацию, которая также «учувствует» в переживания времени» [Духновский, 2025, с. 63]. Именно благодаря рефлексии разрозненные мечты и стремления обретают качество осознанного представления — то есть целостного, отрефлексированного и личностно присвоенного образа будущего, способного направлять активность в настоящем. Таким образом,

рефлексивное отношение — это не простое копирование внешнего мира внутрь, а сложный процесс активного осмысления, преобразования и присвоения опыта. Это анализ, включающий оценочность (анализ успешности/неуспешности) и констатацию (фиксацию значимых событий).

Взаимодействие этих параметров — роли субъекта в событии и способа его осмысления (рефлексивное отношение) — и создает, согласно нашей модели, тот внутренний механизм, который обеспечивает смену фаз развития представлений о будущем. Эта цикличность находит отражение в идее М.Р. Гинзбурга о том, что «...функции психологического будущего заключаются в обеспечении смысловой и временной (хронологической) перспективы личности» [Гинзбург, 1994], причем эти две линии развиваются не синхронно, а в сложном взаимодействии. К.А. Абульханова-Славская также разводит перспективу психологическую (способность предвидеть будущее) и личностную (готовность действовать в нем), что имплицитно содержит идею разных фаз или аспектов работы с будущим [Абульханова-Славская, 1991]. Эта цикличность наиболее отчетливо проявляется в ситуации выбора, которая требует одновременного и расширения вовне (целеполагание), и углубления внутрь (ценностное обоснование).

При этом важно отметить «...малое количество работ, изучающих динамику психологического времени в юношестве при необходимости жизненного выбора: в ранней юности — будущей профессии, в поздней — места работы, определяющих выбор качества жизни, круга общения и достижения взрослости» [Мельникова, 2015]. В этом ключе выполнено пилотажное исследование Волоховой В.И., Кошеновой М.И. и Шабанова Д.М. (2020), выявившее, что содержательные характеристики психологического времени (например, восприятие времени как насыщенного и приятного) и его структура значительно различаются в ранней и поздней юности и тесно коррелируют со статусом личностной идентичности. В частности, было установлено, что статус «моратория» и «диффузной идентичности» сопряжен с негативными характеристиками времени, тогда как «достигнутая

идентичность» и «социальная энергия идентичности» связаны с позитивным и целостным его восприятием. В зарубежных исследованиях динамика представлений о будущем также изучается с разных сторон: одни авторы указывают, что временная перспектива будущего динамична, конструируется самим человеком через постоянное согласование надежд, целей, планов и действий в конкретных жизненных контекстах [Shirai et al., 2025], другие изучают процессы временной оценки целей, реконструкции образа будущего, саморегуляции и влияния эпизодического мышления на поведение в настоящем, а также индивидуальные различия в форме и содержании временной перспективы [Husman et al., 2025] и т.п. Анализируя результаты, можно констатировать, что авторы исследуют фрагментарно различные аспекты взаимосвязи темпоральных характеристик и идентичности в кризисные периоды выбора, не охватывая целостной динамики представлений о будущем на всем протяжении от подростничества до ранней взрослости.

Кардинальным изменением в юношеском возрасте К. Левин считает расширение временной перспективы: происходит переход от ориентации на ближайшее будущее (дни, недели), характерной для подростков, к планированию на долгосрочную перспективу (годы). Современными авторами отмечаются связи психологического времени с профессиональным выбором и становлением в юношестве [Зеер, Заводчиков, Зиннатова, 2017; Леснянская, 2015]. В этом контексте выбор профессии обретает статус первой значимой «идеальной цели», связанной с «пробой самоопределения». Д.А. Леонтьев связывает «...переход к выбору как самоопределению с расширением горизонтов понимания этого конструкта, включая проблемы поиска и принятия позиции по отношению к происходящим событиям, поиска критериев выбора или осознанного отказа от конкретных критериев, а также окончательности выбора (гибкости и учета обратной связи от мира)» [Леонтьев, 2015, с. 62]. Так, он считает, что в ситуации выбора человек отталкивается не от самих альтернатив, а от своего «Я»; проектируя будущее, он выбирает варианты, которые конгруэнтны репрезентации его «Я в

будущем». При этом сама личность подвергается трансформации в соответствии с совершаемым выбором. Этот акт представляет собой ответственное конструирование одного из возможных вариантов будущего [там же, с. 64–65]. Вследствие этого «...способность человека к самосознанию позволяет выходить за рамки нашего непосредственного опыта и, в конечном счете, придавать ценность объектам и целям, включая те ценности, которые были выработаны с помощью рефлексии и разума. С этой точки зрения, именно наш выбор в конечном итоге подтверждает или опровергает значимость тех свойств объектов, которые могут привлекать или отталкивать нас, делая возможными автономные действия» [Ryan, Deci, 2017, с. 54].

Таким образом, профессиональный выбор в юности предстает не просто выбором сферы профессиональной деятельности, а сложным психологическим актом самоопределения. Он знаменует переход к долгосрочному планированию (К. Левин) и предполагает активное конструирование будущего через призму формирующегося «Я» и его ценностей, где сам выбор и его последствия становятся фактором развития личности [Леонтьев, 1995]. Осуществление этого выбора сопряжено с формированием и утверждением личностной позиции, которая характеризуется определенной категоричностью (уверенностью) суждений. Этот процесс требует временных затрат на осмысление и принятие (либо, напротив, отвержение) критериев, лежащих в основе выбора.

2.3. Самоопределение и выбор будущего в возрастном периоде от подростничества до ранней взрослости

В нашем понимании формирование собственного будущего — это, прежде всего, построение своей жизненной траектории. Формирование будущего становится не реакцией на внешние обстоятельства, а результатом внутренней работы самоопределения, где человек занимает позицию субъекта по отношению к собственной жизни. С точки зрения экзистенциального подхода, создание жизненной траектории предполагает, что человек нашел смысл(ы) своего существования. С социальной точки зрения это означает осознание будущих событий и ролей, которые предстоит реализовывать в различных аспектах жизни, таких как семья, профессиональная деятельность, образование и общественная вовлеченность [Дудик, 2016; Bayanova, Belobrykina, Koshenova, 2019; Bellingtier, Neupert, 2019; Bezanson, 2003].

Начиная с подросткового периода, ориентация на будущее становится значимым фактором личностного развития. В современных условиях, для которых характерны неопределенность и быстрые изменения, особенно актуальной становится способность сочетать стратегическое планирование с гибкостью [Шилова, 2024a; Шилова, 2024b]. В любых условиях остается важным «...создание условий, способствующих осознанию подростками важности активного поиска своего места в жизни и позитивного личностного самоопределения» [Басюк, 2025]. На этом этапе личностного становления ключевыми задачами становятся выбор профессии, что выражается в субъективной картине будущего, а также планах и притязаниях [Божович, 1997].

Сформированная в юношеском возрасте картина будущего непосредственно влияет на успешность самоопределения. Дезинтеграция представлений о будущих перспективах может провоцировать трудности, приводя впоследствии к ощущению профессиональной нереализованности и одиночества [Захарова, Трусова, 2019]. В противовес этому, структурированная временная перспектива выступает мощным ресурсом

самоопределения. Представления о будущем формируются в контексте культурных норм и социальных взаимодействий, где «...на первый план выходят свобода воли, свобода самоопределения и выбора (самодетерминация) субъекта» [Сергиенко, 2011, с. 121]. «Личность (персона) — это стреловидная структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека» [Сергиенко, 2021, с. 31]. В этом контексте становится очевидной ценность субъективного опыта, а субъектность может рассматриваться как свойство целостной системы, проявляющееся в способности к саморегуляции, постановке целей и моделированию путей их достижения. Структурированное представление о будущем на основе содержательного опыта формирует целеустремленность в структуре личного времени жизни. Так, смысловое, или, в нашем понимании, наполненное содержанием будущее, понимается М.Р. Гинзбургом как личностное проецирование себя в будущее, когда функции психологического будущего заключаются в обеспечении смысловой и «хронологической» (временной) перспективы личности (Гинзбург, 1987; Гинзбург, 1994). У Е.А. Сергиенко читаем: «...носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект» [Сергиенко, 2021, с. 31].

Таким образом, структурированное представление о будущем помогает не только в профессиональном выборе, но и в целом в успешном проживании юношеского возраста. Удачный способ его прожить — это получить особый самостоятельный возрастной опыт, самому решать, что важно и в какое время. При этом развитость личной временной перспективы становится зависимой от связанности получаемых знаний и опыта с представлением о собственном будущем [Recinos, 2022; Zabelina, Kurnosova, Telitsyna, 2019]. Особое значение

приобретают выводы Л. Квасковой и К.А. Альменары, показавших особую функцию временной перспективы в процессе принятия решений в юношестве. Исследователи доказали, что «...временная перспектива будущего и гедонистическая временная перспектива настоящего положительно связаны с самоофективностью при принятии карьерных решений, а фаталистическая временная перспектива настоящего и отрицательная временная перспектива прошлого, наоборот, отрицательно» [Kvasková, Almenara, 2021]. Это говорит о разнонаправленном характере влияния критериев выбора в юношестве и фиксации оптимальной, с точки зрения личности, ценностно-смысловой структуры представлений о будущем. Формирование структурированного представления о будущем подразумевает согласование целей, ресурсов и условий жизни [Васильева, 2006]. Современное исследование А. Дживеди и Р. Растоги показывает, что временная ориентация юношей/девушек, обучающихся в вузе, является определяющим фактором в принятии решений; при этом представление о будущем становится важным предиктором социального благополучия [Dwivedi, Rastogi, 2019].

Б.Г. Ананьев, анализируя жизненный путь личности, выделяет его тесную связь с историческим контекстом и общественными условиями. Он отмечает, что «...структура жизненного пути и его временные характеристики определяются общественно-классовым статусом личности, ее функциями и ролями в определенном обществе» [Ананьев, 1968, с. 45]. Это предполагает, что представления о будущем формируются не только под влиянием индивидуальных психологических процессов, но и через усвоение социальных норм, ценностей и программ, связанных с профессиональным выбором и «...стартом самостоятельной жизни» [там же, с. 132]. И.В. Дубровина пишет, что человек, после того как сориентировался во внешнем мире, «...осуществляет поиск, выбор, оценку и создает перспективу будущего, осознав цель — ориентир, освещающий движение в выбранном направлении, что и является главным результатом» [Дубровина, 1991]. Современные исследования подтверждают эту динамику. Так, И.В. Вачков и Н.А. Саликова

выявили существенные различия в структуре временной перспективы у студентов и выпускников вузов. Для студентов характерны «индивидуализация», «фрагментарность», «гибкость», «континуальность», «процесс», «эмоциональность» и «смещение времени» — то есть ориентация на процесс становления и субъективные переживания. У выпускников же преобладают «целостность», «результат», «когнитивность» и «реальность времени» — фокус смещается на конкретные достижения и реалистичную оценку временных рамок [Вачков, Саликова, 2024]. Это показывает, как под влиянием социального опыта (завершение обучения, выход на рынок труда) трансформируются представления о будущем: от эмоционально окрашенного и размытого образа к более структурированному и прагматичному.

Современными зарубежными исследователями показано, что в условиях неопределенности развитие самоопределения становится адаптивной стратегией [I was, I am, I will be: Identity and time perspective ..., 2023], а на формирование представлений о будущем юношей и девушек влияют прежде всего личные характеристики и стремление «улучшить свою жизнь», а не социальный контекст [Sgaramella, Zammitti, Magnano, 2024]. В то же время Л. Сяобао, Ю. Суйчэнь и Л. Хучао отмечают, что социально-культурный контекст Европы, США и Китая имеет существенные отличия, которые накладывают характерный отпечаток на формирование временной перспективы будущего и самоопределение, так китайская культура уделяет внимание диалектическому мышлению, основанному на принципе «золотой середины», и холистическому мышлению, что отражается в ценностных ориентациях на «следование середине», «умеренность» и «гармонию»; понимание «баланса» китайцами, вероятно, в большей степени ориентировано на компромисс и согласование, и считается, что баланс временной перспективы в целом должен быть адаптивным, а не заключаться в безоговорочном подчеркивании позитивности какого-либо одного модуса временной перспективы. Авторы считают, что понимание «баланса» западными людьми больше сосредоточено на противоположности вещей и их

крайних состояниях, а баланс временной перспективы должен по возможности приближаться к идеальному значению по каждому ее показателю [Li, Yu, Lu, 2024, с. 145]. В культурах с «соединенной субъектностью» (где «Я» тесно связано с группой) значимый выбор, сделанный родителями или референтной группой, может переживаться как более комфортный и «свой», чем сугубо индивидуальный.

Рассматривая социальный контекст, невозможно обойти вниманием культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского, согласно которой основой теории развития является отношение между индивидом и обществом [Кравцов, Кравцова, 2020], и это положение мы принимаем за аксиому [Старшая школа: возрастно-ориентированная модель..., 2012]. Сегодня юношеский возраст не может задаваться периодом обучения, нужным для формирования взрослого человека. «Современные родители не могут дать гарантии, что сделанный в школе профессиональный выбор поможет их ребенку получить во взрослом возрасте работу, которая его полностью устроит» [Поливанова, 2016].

Исследования показывают, что качество выбора зависит от его автономии, однако культурный контекст вносит коррективы: в культурах с «соединенной субъектностью» выбор, сделанный значимыми другими, может восприниматься как более комфортный [Iyengar, Lepper, 1999], а восприятие выбора как ценности не универсально [Iyengar, 2010]. Как отмечает Б. Шварц, обилие вариантов выбора (сотни профессий, множество вузов) может не облегчать, а затруднять самоопределение, приводя к стрессу, страху упущенных возможностей и неудовлетворенности любым сделанным выбором («максимизаторский» тип поведения) [Maximizing versus Satisficing: Happiness..., 2002]. Задача современного человека — научиться ограничивать свободу выбора, ориентируясь не на поиск «идеального», а на поиск «достаточно хорошего» варианта, соответствующего его ценностям. Более того, современный рынок труда, для которого характерны частая смена занятий и необходимость в новых навыках, снизил психологическое давление

выбора профессии. Он больше не воспринимается как окончательное решение на всю жизнь.

Так, А.Д. Андреева пишет, что «...изменения социальной ситуации развития, обусловленные новыми технологиями и высокой подвижностью всей профессиональной сферы, привели к сужению показателей психологической готовности учащихся к выбору своего жизненного пути: формированию общего оптимистического, позитивного настроения на будущее либо выраженной неуверенности и нерешительности в правильности этого выбора. Вместе с тем обнаружено, что ведущие возрастные закономерности психологического развития юношества оказались устойчивыми к глобальным переменам цифрового мира, сохранили свою мотивационную функцию, связанную с переходом на следующий, взрослый, этап жизни» [Андреева, Лисичкина, Бегунова, 2025, с. 122]. При этом, несмотря на снижение «судьбоносности» выбора, фундаментальная психологическая потребность в осознанном самоопределении остается. Однако самоопределение осложняется тем, что, как отмечают Малых и коллеги, «выбор специальности редко определяется одним фактором: в большинстве случаев он формируется на пересечении внутреннего интереса, прагматических ожиданий и различных форм социального влияния» [Малых и др., 2026]. Возникает задача: сочетать гибкость в проектировании жизненного пути (умение адаптироваться к изменениям) со способностью делать ответственный и осмысленный выбор. Это требует развития особого навыка — «компетентности в проектировании времени». Происходит смена парадигмы: от жесткого, раз и навсегда определенного жизненного плана — к гибкому и динамичному проектированию будущего.

В условиях социальной и экономической нестабильности молодежь особенно остро нуждается в психологической поддержке для формирования позитивного и реалистичного взгляда на будущее. Это подтверждается современными исследованиями. Так, работа Г. Фонсеки и коллег показывает, что поддержка способствует формированию оптимизма [Future Hopes and

Fears of Portuguese Emerging..., 2020]. В свою очередь, позитивная временная перспектива напрямую связана с академической успешностью, что демонстрирует исследование И.Н. Жанейро и коллег [Time perspective, approaches to learning, and academic..., 2017], выявившее связь ориентации на будущее с более глубокими подходами к обучению. Важным личностным ресурсом в этом контексте выступает диспозиционная осознанность, которую Р. Фелдт и соавторы связывают с успешным формированием профессиональной идентичности [Vocational Identity Resources in Emerging..., 2021].

Многие исследователи говорят о «продлении» периода поиска, однако суть скорее в качественном изменении процесса самоопределения, который, во-первых, становится непрерывным, циклическим процессом коррекции и переопределения, требующим гибкости и готовности к изменениям, а во-вторых, преобразуется во внутренние «самоутверждение». Само понятие самоопределения претерпевает значительную трансформацию. В возрасте ранней взрослости оно уже не может рассматриваться так же, как в подростковом или юношеском возрасте, — как поиск единственно верного пути. Так, по словам А.Д. Андреевой и коллег, «...получение профессионального образования выступает для учащихся в качестве общего направления подготовки, в русле которого они смогут впоследствии развить, расширить или изменить не только свои навыки и умения, но и сам род занятий. По-видимому, они не рассматривают свой первый профессиональный выбор как окончательный и неизменный, что существенно снижает психологическую напряженность самого выбора и повышает оптимистичное отношение к своему взрослому будущему» [Андреева, Лисичкина, Бегунова, 2025, с. 121].

Современный взгляд на профессиональное самоопределение предполагает его рассмотрение не как единовременного акта, а как протяженной динамики, которую можно разделить на несколько ключевых этапов. Первый этап — это этап предварительного самоопределения

(школьный возраст). В это время происходит, особенно при выборе профиля обучения в старших классах, первая серьезная «примерка» профессиональных ролей. Задача заключается не в окончательном выборе, а в расширении представлений о возможностях и начале работы по конструированию своего будущего. Наличие целей относительно будущей карьеры способствует формированию временной перспективы в момент окончания учебного заведения [Tsuzuki, 2015]. Качество выбора на этом этапе во многом зависит от поддержки со стороны родителей [Bi, Wang, 2023; Chen et al., 2023], которые могут помочь подростку увидеть альтернативы, но не подменять его выбор своим.

Второй этап — это этап собственно выбора, то есть момент принятия ответственного решения (выпускники школы и вуза). Как показывают исследования Леонтьева и его коллег, на этом этапе особенно важна способность к самостоятельности. Выбор, сделанный под давлением или без глубокой внутренней работы, часто приводит к разочарованию. Успешное самоопределение предполагает также способность совместить «хочу» (интересы), «могу» (способности) и «надо» (запросы рынка труда).

Третий этап — это этап коррекции и переопределения (взрослость). Современный мир с его нестабильностью делает профессиональную биографию нелинейной. Поэтому важнейшим качеством становится готовность к «выбору заново» — к смене профессии, переобучению, корректировке планов. Это требует гибкости и умения работать с обратной связью от жизни, не воспринимая первоначальный выбор как нечто раз и навсегда заданное.

Описанная этапность показывает, что самоопределение — это не мгновенное решение, а внутренняя работа. Как точно отмечает Д.А. Леонтьев, самоопределение «...тесно связано с выбором, однако если выбор — это локализованный во времени <...> акт <...>, то самоопределение — это растянутая во времени внутренняя работа» [Леонтьев и др., 2015, с. 61]. Вместе с тем профессиональное самоопределение — это не единичный акт, а

сложный, многогранный и протяженный во времени процесс, в ходе которого человек формирует и пересматривает свои представления о будущем, соотнося их с собственными ценностями, способностями и внешними возможностями. В основе этого процесса лежит деятельность выбора, направленная на формирование жизненных и профессиональных перспектив [Сергоманов, Бруданова, 2003, 2005]. Позиции К. Левина и Д. А. Леонтьева едины в признании расширения временной перспективы в юности. Если К. Левин акцентирует сам факт перехода к долгосрочному планированию, то Д.А. Леонтьев раскрывает внутренний механизм выбора как самоопределения. В современных же условиях акцент смещается с узкопрофессионального выбора на более широкий поиск своей социальной роли и принадлежности.

Человек выбирает не просто между внешними альтернативами, а исходя из своего «Я», строя временные перспективы и сверяя их с образом себя в будущем. Такой взгляд на выбор как на внутреннюю работу перекликается с философско-психологической традицией, в которой выбор — это экзистенциальный акт, в котором человек конструирует себя [Кьеркегор, 1994; Сартр, 2004]. Этот процесс требует готовности действовать в условиях неопределенности [Корнилова, 2005]. «Выбирать означает повернуться лицом к будущему. Это значит пытаться заглянуть в следующий час, следующий год или еще дальше и принять решение, основываясь на том, что мы увидим» [Iyengar, 2010, с. 260]. Согласно Ш. Иенгару, «...именно выбор наделяет человека способностью выступать в роли “архитектора” собственного будущего, сознательно проектируя его контуры» [там же, с. 270]. Таким образом, центральным элементом выбора становится не просто сравнение альтернатив, а проектирование себя в будущем — то есть способность создавать мысленные модели своих возможных «Я». Эффективность этого проектирования напрямую зависит от способности личности балансировать между оценочным и констатирующим модусами мышления о будущем. Этот процесс требует времени, формирования личной позиции и осознания критериев выбора. Д.А. Леонтьев указывает, что «...экзистенциальный выбор,

требующий построения вариантов возможного будущего, требует от человека сделать выбор, когда не только критерии для сравнения не определены, но нет и фиксированного набора альтернатив. Например, в ситуации выбора профессии, выбора места работы после окончания школы или вуза, если речь идет о достаточно большом городе, набор вариантов превышает возможности их рационального анализа. В этой ситуации мы отталкиваемся не от самих альтернатив, как в первых двух случаях, а от своего Я. Мы строим свои временные перспективы, планируем будущее и выбираем те варианты, которые в наибольшей степени соотносятся с собственным образом себя в будущем, меняясь в соответствии с тем, что и как мы выбираем. Это ответственный выбор одного из возможных в данный момент будущих» [Леонтьев и др., 2015, с. 64–65]. Н.А. Логинова приводит мысль о том, что «...связь психологического прошлого с настоящим и будущим выступает в каждом случае жизненного выбора» [Логинова, 2001, с. 94], и подчеркивает опосредствующее влияние структуры индивидуальности и работы сознания (главным образом, интегрального биографического мышления) на жизненный выбор и жизнедеятельность личности в целом.

Процесс конструирования будущего через выбор находит свое завершение в решающем моменте — принятии на себя ответственности. «Ведь момент перехода от уже принятого решения к началу его реализации абсолютно ничем не детерминирован, не объясним с точки зрения традиционной научной психологии. Именно этот переход, а не принятое решение или поставленная цель, является средоточием процесса выбора. Суть этого перехода видится в акте внутреннего принятия на себя ответственности за осуществление выбора» [Леонтьев и др., 2015, с. 66].

Субъективная картина мира выступает как отражение внутренних координат выбора и самоопределения, что становится реально действующей силой в социальном пространстве личности, преломляя внешние заданные условия, различно воспринимаемые молодыми людьми. Результаты исследования Е.А. Сергиенко и Г.Н. Эйдельман показали, что

самоопределение позволяет дифференцировать процесс дальнейшей социализации молодых людей на основе их выбора и субъектных представлений, что обуславливает динамику самоопределения и значимо для их социального благополучия и эффективности их дальнейшей профессиональной деятельности [Сергиенко, Эйдельман, 2014, с. 270]. Также «...было установлено, что факторы, порождающие ощущение внешней регуляции и/или некомпетентности, подрывают внутреннюю мотивацию, тогда как те, которые поддерживают восприятие автономии и чувство компетентности — например, возможность выбора, позитивная обратная связь и признание внутренней системы отсчета человека, — сохраняют или усиливают внутреннюю мотивацию» [Ryan, Deci, 2017, с. 17]. Таким образом, процесс самоопределения, имеющий столь глубокую внутреннюю природу, неразрывно связан с более широким контекстом психического развития.

Согласно Б.Ф. Ломову, психическое развитие определяется сложной системой внешних и внутренних факторов. Формирование представлений о будущем — это результат взаимодействия индивидуальных особенностей человека и социальных условий [Ломов, 2003, с. 98]. При этом Б.Ф. Ломов акцентирует роль динамики развития, где «...качественно новые свойства возникают в ходе эволюции систем» [Ломов, 1996, с. 76], что очень важно для переходных этапов развития. К. Левин рассматривал юность как социально-психологический «мост» между детской зависимостью и взрослой автономией, характеризующийся маргинальностью. Именно эта маргинальность, промежуточность положения между миром детства и миром взрослых, делает особенно актуальной задачу поиска своего места, первой серьезной пробой которой и становится выбор профессии. Развитие личности, по его мнению, связано с ростом «жизненного пространства» — усложнением социальных контактов и жизненных сфер. Одним из ключевых изменений он называл расширение временной перспективы: ориентация на дни и недели сменяется планированием на годы вперед.

Развитие представлений о будущем рассматривается нами как динамический процесс самоорганизации, где внешние вызовы взаимодействуют с внутренними ресурсами. Из этого следует, что представления о будущем у личности — это продукт двустороннего взаимодействия. С одной стороны, на них влияют внутренние, психологические факторы (мечты, способности, эмоции), а с другой — внешние, социальные, усвоенные от общества «сценарии» успешной жизни, ожидаемый возраст для достижения тех или иных целей (например, «нормативный» возраст для карьерного старта), а также доступные в данном социуме возможности для их реализации. Исследование динамики того или иного психического процесса предполагает, по мнению Б.Ф. Ломова, выявление его основных фаз, закономерностей последовательности этих фаз и условий, обеспечивающих переход от одной фазы к другой [там же, с. 85].

Отдельные ученые в своих работах показывают/выделяют некоторую этапность в изменениях представлений юношества о своем будущем. Так, Н.Н. Толстых указывает, что в возрасте ранней юности уменьшается смысловая мотивация к учебе и увеличивается смысловая мотивация, относящаяся к будущей взрослой жизни и связанная с собственной личностью [Толстых, 2010, с. 369]. В поздней юности, по данным Н.И. Трубниковой, преобладает среднесрочная временная перспектива (от 1 года до 3 лет), в период которой молодые люди планируют состояться в выбранной профессии. Содержательная мотивация связывается ими с окончанием вуза как «путевкой в жизнь», с обретением материальной независимости, основанной на социально-экономических ценностях общества [Трубникова, 2010]. Ключевым становится тезис о гетерохронности развития — неравномерность изменений в разных сферах личности требует комбинации продольных и поперечных срезов для выявления «оптимумов» и критических точек переходов между фазами [Ананьев, 1968, с. 57].

Можно заключить, что представления о будущем формируются на стыке внутренних устремлений личности и внешних социальных сценариев.

Эмпирические исследования подтверждают, что с возрастом эти представления закономерно трансформируются. Представления о будущем в юношеском возрасте детерминированы сложным взаимодействием возрастных закономерностей и социокультурных условий. Так, представления о будущем в возрасте от старшего подростничества до ранней взрослости характеризуются доминированием профессионального контекста. У 95% учащихся представления о будущем связаны с профессией, независимо от возраста [Толстых, 2010, с. 308]. Современный рынок труда, характеризующийся мультипликацией профессиональных умений, снизил психологическую напряженность выбора: «...профессия перестала восприниматься как судьбоносное решение на всю жизнь» [Андреева и др., 2025]. Эти изменения, по мнению Андреевой и коллег, породили новые паттерны: «...доминирование оптимизма в отношении профессионального будущего; нерешительность выбора интерпретируется как рациональная стратегия в условиях гибкого рынка труда; “зависимость” отражает инфантильные ожидания, но не является патологичной в контексте замедленного взросления» [там же]. Изменения в обществе, снижающие фатальность выбора, не отменяют фундаментальной психологической потребности и способности человека к осознанному, ответственному самоопределению.

Готовность к самоопределению зависит от психологической зрелости и является важной частью личностного потенциала [Леонтьев, 2015, стр. 76]. Выбор — это осознанный процесс, направленный на снижение неопределенности в жизни человека. Он имеет мотивационную, смысловую и практическую составляющую, требует определенных навыков. Важен не столько результат выбора, а то, как человек его делает: осознанный и уверенный выбор ведет к ответственности и дальнейшей вовлеченности, тогда как вынужденный и необдуманый — к неудовлетворенности. Неопределенность выбора, сопутствующая расширению временных границ представлений о будущем, подталкивает к осознанию и планированию своего

будущего. Соответственно, перспективным направлением развития становятся «компетенции в проектировании времени» как личностного ресурса, позволяющего молодежи конструктивно преодолевать кризисы развития в условиях неопределенности будущего; при этом современная ситуация предполагает переход от жесткого жизненного планирования к гибкому проектированию будущего. Эта компетентность интегрирует в себе как адаптацию к изменчивому контексту, так и развитие внутренней психологической зрелости для осмысленного самоопределения.

Таким образом, будущее — это место конструирования поведения и развития человека в настоящем, а пространство жизни наполнено значимыми жизненными событиями, под которыми понимаются ситуации, определяющие жизнь человека на достаточно длительный период и оказывающие на него значительное влияние. При этом четких научных сведений о динамике и трансформации представлений о будущем в период перехода от старшего подростничества к ранней взрослости и эмпирических данных, раскрывающих характер связей в целостной системе трансформации личности и самосознания в данном возрасте, недостаточно. Названные пробелы в существующих исследованиях делают затруднительным целостное описание изучаемого возрастного периода.

Описанные авторами механизмы взросления и развития в юношестве, опирающиеся на представления о будущем, носят взаимосвязанный характер и в определенных возрастных интервалах эти взаимосвязи носят различный, порой разнонаправленный характер. Несмотря на богатство рассмотренных теоретических подходов, целостная модель, описывающая динамику представлений о будущем на всем протяжении от подростничества до ранней взрослости, остается неразработанной.

Выводы по второй главе

Проведенный теоретико-методологический анализ научных представлений о будущем позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Под представлениями о будущем в рамках проведенного исследования понимается процесс конструирования человеком своей жизненной перспективы на основе ответственного выбора и осознанных потребностей, соотносимых с образом «Я» и реальными возможностями личности. Это динамическое и системное психологическое образование, являющееся непрерывным процессом внутренней работы по самоопределению и рефлексии. В нем интегрируются: способность сознательно прогнозировать и мысленно конструировать будущее; образ себя в будущем; ориентация во временной перспективе, связывающая прошлое, настоящее и будущее через осознанный выбор, значимые события и смыслы.

2. В психологической науке сложились теоретические основы для изучения того, как развиваются представления о будущем. Ключевым понятием здесь выступает временная перспектива. Ее сбалансированность — позитивное восприятие прошлого, умеренно гедонистическое отношение к настоящему и направленность в будущее — положительно коррелирует с успеваемостью, социально-психологической адаптацией и общим психологическим благополучием человека.

3. Возрастной период от старшего подростничества до ранней взрослости является ключевым для развития представлений о будущем. В это время происходит качественная трансформация восприятия времени: расширение временного горизонта, переход от диффузных и краткосрочных ориентаций к структурированным, долгосрочным и ценностно-опосредованным моделям будущего, а также активное конструирование образа «Я» в будущем.

4. Профессиональное самоопределение выступает ключевым механизмом конструирования будущего в исследуемом возрасте. Оно понимается не как единовременный акт выбора профессии, а как протяженный

процесс, включающий этапы предварительного самоопределения, собственно выбора и последующей коррекции траектории. Успешность этого процесса зависит от способности личности совмещать гибкость в проектировании жизненного пути с ответственностью за сделанный выбор, который, по своей сути, является сложным психологическим актом самоопределения, исходящим из образа «Я».

5. Современные социокультурные условия (неопределенность, цифровизация, изменения на рынке труда) существенно трансформируют процесс представления о будущем. Наблюдается снижение восприятия профессионального выбора как «судьбоносного» и окончательного, возрастает ценность гибкости жизненного планирования, осмысленности и психологического благополучия. При этом возрастает уровень противоречия между необходимостью гибкого проектирования будущего и потребностью в осознанном, ответственном выборе в юношестве.

6. Несмотря на богатство теоретических подходов, фиксируется недостаточность эмпирических данных о динамике представлений о будущем в период перехода от подростничества к ранней взрослости. Отсутствует целостная модель, описывающая эту динамику, что определяет необходимость проведения данного эмпирического исследования.

ГЛАВА 3. ВРЕМЕННЫЕ (ТЕМПОРАЛЬНЫЕ) И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В ПЕРИОД ОТ ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Проведенный во второй главе теоретико-методологический анализ позволил выявить роль представлений о будущем как сложного, динамического психологического образования, интегрирующего когнитивные, эмоциональные и мотивационно-волевые компоненты. Было показано, что будущее становится для юношей и девушек пространством активного конструирования поведения и жизненного пути, а расширение временной перспективы и усиление субъектной позиции («будущее конструируется мной») являются ключевыми векторами развития. Несмотря на признание исследователями центральной роли профессионального самоопределения, выявлена многомерность содержания представлений о будущем, включающая также личностные притязания, ценности семьи, дружбы и поиска смысла.

Анализ существующих исследований вскрыл существенный пробел: отсутствие, несмотря на богатство теоретических подходов, целостного эмпирического описания динамики представлений о будущем на всем протяжении от старшего подростничества до ранней взрослости. Остаются недостаточно изученными последовательные, пошаговые изменения их темпоральных характеристик (временной горизонт, ориентация, связность) и содержательных аспектов (профессиональные, личностные, семейные компоненты). Не систематизированы качественно своеобразные фазы этого развития, их длительность и ключевое содержание, что отмечено в выводах второй главы как противоречие, определяющее необходимость эмпирического исследования.

В параграфе 3.1 описан общий замысел и дизайн эмпирической части проведенного исследования.

В параграфах 3.2 и 3.3 представлены результаты первого этапа исследования «Изучение изменений в представлениях о будущем в юношеском возрасте. Систематизация изменений временных (темпоральных) и содержательных характеристик представлений о будущем от старшего подростничества до ранней взрослости (2012–2021 годы, основной срез в 2018 году)». Выборка этого этапа исследования составила 1538 юношей/девушек от 14 до 28 лет.

В параграфе 3.2 изучается вопрос о возрастных этапах в развитии представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости, определяемых как старшее подростничество, ранняя и поздняя юность, ранняя взрослость.

В параграфе 3.3 структурированы изменения содержательных и временные характеристик представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости.

3.1. Дизайн эмпирической части исследования

Общая цель проведенного исследования заключалась в выявлении динамики, включающей качественную трансформацию представлений о собственном будущем в юношестве и ранней взрослости. Исследование проводилось с 2012 по 2025 год в Российской Федерации.

Юношество — это переход из детства во взрослость, как было показано в первой главе. Первоначально этот возрастной период возник благодаря разделению труда и непосредственно индустриализации. Современная психология фиксирует «растягивание» юношества и отсутствие синхронности событий этого этапа у его представителей. И если в классических представлениях окончание юности и вхождение во взрослость открывалось ожидаемым жизненным событием — профессиональным самоопределением или достижением идентичности, то современная ситуация характеризуется отсутствием универсальных критериев взросления и «разбивкой» событий взросления во времени, откладыванием и/или их «конфликтованием» между собой.

Во второй главе было определено, что представление о будущем становится важным элементом формирования личности в юношеском возрасте. В этом возрасте будущее становится местом конструирования поведения и развития человека в настоящем. В целом, теоретический анализ показал, что некоторые вопросы, связанные с представлениями юношей/девушек о будущем, остаются неизученными.

В рамках данного исследования решалась проблема, заключающаяся в отсутствии целостной, эмпирически обоснованной модели, описывающей динамику и качественные трансформации представлений о будущем на всем протяжении перехода от подростничества к взрослости. Исходя из этого, необходимо ответить на вопрос: какова динамика представлений о своем будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости, и в чем заключается качественная трансформация этих представлений?

Предметом настоящего исследования стали представления современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет о собственном будущем. Теоретическая гипотеза исследования постулирует: развитие представлений о собственном будущем современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет характеризуется упорядоченной возрастной динамикой, включающей качественную трансформацию во взаимосвязи параметров выбора и времени жизни.

Проведенный теоретический анализ позволяет говорить о важности изучения юношеского возраста и понимания его как переходного периода между детством и взрослостью. При этом четких научных сведений, характеризующих представления о будущем в этом периоде, и эмпирических данных, позволяющих говорить об их изменении в целостной системе трансформации личности и самосознания юношей/девушек, недостаточно. Соответственно, сделать целостное описание динамики развития представлений о будущем в юношестве в структуре возрастнопсихологического знания на материале имеющихся на сегодняшний день исследований невозможно. Это подтолкнуло нас к проведению серии эмпирических исследований, которые описаны в дальнейших главах.

Эмпирическое исследование в рамках представленной работы включает в себя два этапа.

1. Изучение представлений о будущем в юношеском возрасте. Систематизация изменений временных (темпоральных) и содержательных характеристик представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости (2012–2021 годы, основной срез в 2018 году).

2. Изучение качественной трансформации представлений юношей/девушек о будущем (2015–2025 годы, основной срез в 2024 году).

Организация исследования строилась следующим образом.

Исследовательский срез 2018 года.

Для формирования выборки по электронной почте в образовательные организации Российской Федерации рассылалось письмо-приглашение к исследованию со ссылкой на опросник. Респондентам пояснялось, что участие в исследовании является добровольным, и в любой момент каждый может из него выйти. Поэтому, хотя в целом в исследовании участвовали одни и те же респонденты, число ответивших по разным методикам несколько отличается. Опросник, на который респондент переходил по ссылке, был оформлен на сервисе «SurveyGizmo», который позволяет исследователю свести все первичные ответы респондентов и выгрузить их для дальнейшей обработки.

Формируя выборку таким образом, мы смогли привлечь к исследованию обучающихся образовательных учреждений из восьми федеральных округов, а также получили возможность изучить и сравнить респондентов разного возраста. Описание условий исследования респонденты получали перед его началом, после чего давали свое письменное согласие на участие. Исследование было проведено в электронной форме. Первая часть касалась личных данных (имя, пол, возраст, учебная организация, адрес электронной почты). Конфиденциальные сведения не запрашивались. Вторая часть содержала сами методики. Опросник содержал блоки для подтверждения информированного согласия и отправки данных. Каждая методика сопровождалась подробной инструкцией и открытым полем для ввода текста неограниченного объема.

Выборка среза, проведенного в 2018 году, составила 1538 молодых людей в возрасте от 14 до 28 лет (среднее 18,3), в том числе 610 юношей и 928 девушек. Респондентов в возрасте 14 лет, ответивших по методике «Я через пять лет», было 304 человека, 147 из них прошли и методику «Прошлое, настоящее, будущее». Респондентов в возрасте от 15 до 18 лет — 500 человек, 19–23 года — 381 человек и 24–28 лет — 353 человека.

На этом этапе исследования мы придерживались позиции Б.Г. Ананьева, который, рассматривая вопрос об «определении продолжительности каждого из явлений развития (фаз и дискретных моментов)» [Ананьев, 1968, с. 56]

утверждал, что требуются «...дробные поперечные возрастные срезы (год за годом), <...> что даст возможность установить фазы, их нижние и верхние границы, дискретные состояния переходов от одной фазы к другой [там же, с. 57]. Соответственно, анализ по методике «Прошлое, настоящее, будущее» А.Л. Венгера и Ю.М. Десятниковой строился по поперечным возрастным срезам (год за годом). Эта методика выявляет значимые сферы жизни, круг важнейших (по субъективной оценке респондента) событий, оценки настоящей ситуации в соотношении с прошлыми и способов планирования своего будущего [Венгер, Десятникова, 1995]. Результаты поперечных срезов позволили обозначить возрастные этапы развития представлений о будущем на отрезке от старшего подростничества до ранней взрослости.

Далее на основе выявленных статистических различий между возрастными группами был проведен анализ по методике И.С. Кона «Я через 5 лет». Методика И.С. Кона позволяет выявить компоненты прогнозирования представления о будущем респондента за счет его свободного описания в тексте сочинения на тему «Я через 5 лет». Пятилетний временной диапазон в описании своего будущего дает возможность для участника исследования, независимо от реальных личностных характеристик, увидеть обозримый временной промежуток. Важным моментом для первого этапа нашего исследования была возможность не определять четких рамок и не ограничивать респондентов ни во времени написания текста, ни в его объеме. Качественный анализ текстов сочинений с представлениями о будущем позволил выявить дискретные состояния переходов от одной фазы к другой, то есть зафиксировать процесс изменений между стабильными состояниями.

Исследовательский срез 2024 года.

В 2024 году выборка среза составила 156 респондентов (78 юношей и 78 девушек), в том числе 39 респондентов-школьников, 26 студентов СПО, 23 студента вуза и 33 респондента, которые одновременно учатся и работают.

На этом этапе опрос проводился очно в компьютерном классе образовательной организации (школа, организация СПО, вуз). Выборка

формировалась из двух школ, двух организаций СПО и двух вузов Москвы и Владимирской области. Респондентам пояснялось, что участие в исследовании является добровольным, и в любой момент каждый может из него выйти. Опросник, на который отвечали участники исследования, был оформлен на сервисе «ЯндексФормы», позволяющем исследователю свести все первичные ответы респондентов и выгрузить их для дальнейшей обработки. В опроснике содержались вопросы об анкетных данных респондента и методики: тест самодетерминации, разработанный Е.Н. Осиным на основе исправленной и существенно дополненной шкалы самодетерминации К. Шелдона; тест «Субъективное качество выбора профиля обучения», подготовленный Д.А. Леонтьевым, Е.Ю. Мандриковой, А.Х. Фам; а также вопросы к фрагментам фильмов «Розыгрыш» В. Меньшова (1976 г.) и «Страна Саша» Ю. Трофимовой (2022 г.). В опроснике был предусмотрен раздел, в котором запрашивалось согласие на участие в исследовании. Отдельно респондентом предлагалось пройти компьютерную версию методики «LifeLine». Помимо этого, собирались согласия от родителей (законных представителей) несовершеннолетних респондентов в письменной форме.

На этом этапе применялся исследовательский прием, основанный на анализе восприятия образа взросления, показанного в художественном произведении. Респондентам предлагалось посмотреть фрагменты фильма «Розыгрыш» В. Меньшова, затем фрагменты фильма «Страна Саша», а потом ответить на вопросы по ним. Как отмечал М.М. Бахтин, осмысление художественного образа предполагает не только постижение авторской идеи, но и соотнесение произведения с личным жизненным опытом [Бахтин, 1975]. Иначе говоря, «...восприятие художественного образа вытекает из понимания смыслового мира произведения и определения своего отношения к этому миру, то есть через открытие в художественном образе личностных смыслов» [Жизненные перспективы учащейся молодежи..., 2015]. Это активный процесс, где зритель открывает в образе личностные смыслы. Таким образом,

анализ восприятия киногероев позволяет исследовать представления юношей и девушек о собственном взрослении. Оценка взрослеющих персонажей отражает их рефлексию о собственном образе взросления. Подобный методический прием использовался ранее: Н.Н. Толстых использовала образы из трилогии Л.Н. Толстого для исследования взрослости у подростков [Толстых, 2015], а К.Н. Поливанова с соавторами применяли мультфильмы и книги о Гарри Поттере Дж. Роулинг для изучения интересов [Поливанова, Сазонова, Шакарова, 2013].

К.Н. Поливанова и М.А. Шакарова (2016) в анализе образа взрослости на материале отечественных художественных фильмов приходят к заключению о появлении размытости четких границ между детством и взрослостью, и впервые это показано в фильме «Розыгрыш» [Поливанова, Шакарова, 2016]. В образе юношества в этом фильме можно увидеть, что именно структурирует жизнь и взросление юноши/девушки в классическом представлении, каким образом ими понимается собственная личность и траектория жизни. Во фрагментах фильмов, использованных в исследовании, проиллюстрированы типичные характеристики взрослеющего человека: ожидания и эмоциональные переживания о достижении взрослости, связанные с собственной жизнью и неопределенностью будущего. Мы предположили, что обнаружить представления о взрослении можно, отождествляя себя с персонажем в просмотренном фрагменте. Выбор фрагментов фильма в качестве стимульного материала делали эксперты, они же определяли вопросы для методики. К этой работе было привлечено пять человек. Критерием отбора экспертов являлось наличие у них ученой степени в сфере психологии.

Методика «LifeLine» применялась для изучения представлений о будущем, способности личности относиться к прошлому как к достижениям и ресурсам для будущего и к будущему — как к целям для настоящего. Респондентам предлагалось спроектировать жизненный путь как формулирование значимых событий своей жизни, а также указать связи между

событиями и их значимостью. Анализ данных методики «LifeLine» позволил сделать выводы о параметрах «потенциальные целевые связи» и «реализованные причинные связи», показывающих значение событий жизни юношей/девушек для них самих [Кроник, 1993].

Тест самодетерминации, разработанный Е.Н. Осиным на основе исправленной и существенно дополненной шкалы самодетерминации К. Шелдона [Леонтьев, Осин, 2022; Osin, 2010], и тест «Субъективное качество выбора профиля обучения», подготовленный Д.А. Леонтьевым, Е.Ю. Мандриковой, А.Х. Фам, использовались для изучения осознанности профессионального выбора. Тест «Субъективное качество выбора профиля обучения» показывает отличительные черты переживания респондентом выбора профиля и результата сделанного выбора. В тесте предусмотрены следующие шкалы: удовлетворенность выбором, эмоциональная окраска выбора, самостоятельность и продуманность выбора [Леонтьев, Мандрикова, Фам, 2007]. Тест самодетерминации выявляет переживание респондентом соответствия происходящего в его жизни собственным желаниям и возможности самому определять свою жизнь. Тест состоит из двух шкал: самовыражения и автономии.

Комплекс указанных методов нацелен на изучение качественной трансформации представлений о будущем у подростков, юношей и девушек в возрасте от 14 до 28 лет. Каждый из примененных методов решал уникальную задачу и вносил свой вклад в общую картину исследования, что сделало их использование взаимодополняющим, а результат исследования — целостным. Методика «LifeLine» (А.А. Кроник) была необходима для количественной оценки временной перспективы личности: ее способности структурировать прошлое, настоящее и будущее через призму значимых событий и их взаимосвязей, что позволило зафиксировать возрастную динамику в восприятии времени и переходы от формирования временных характеристик к содержательным изменениям. Тест самодетерминации (Е.Н. Осин) и тест «Субъективное качество выбора профиля обучения» (Д.А. Леонтьев и др.)

были использованы для изучения осознанности и автономии профессионального выбора — ключевого аспекта самоопределения в юношеском возрасте. Эти данные выявили феномен «отчужденного выбора» и его возрастную специфику, а также, в связке с методикой «LifeLine», — изменение фокуса с определения представлений о будущем на основе выбора на профессиональный выбор, определяющий жизненную стратегию, что стало важными выводами исследования. Исследовательский прием, основанный на интерпретации художественных образов (на материале фильмов «Розыгрыш» и «Страна Саша») способствовал содержательному осмыслению количественных показателей «психологический возраст» и «коэффициент взрослости» в методике «LifeLine», и дал возможность интегрировать данные о возрастных изменениях, полученные разными методами. Таким образом, ни один из методов не мог быть исключен без потери важной части исследовательской картины, и их сочетание позволило раскрыть механизмы качественной трансформации представлений о будущем как на уровне объективных показателей, так и на уровне субъективных смыслов, что соответствует комплексному характеру изучаемого феномена.

Для обеспечения надежности и достоверности обработки качественных данных, мы руководствовались рядом методологических принципов [Рождественская, 2014]. В частности, была разработана инструкция для экспертов, проводящих контент-анализ по методике «Прошлое, настоящее, будущее» (Приложение 1) и выполнена проверка согласованности их оценок с помощью коэффициента каппа Флейса. Процедура проведения кластерного анализа сочинений и высказываний о фильмах в среде R включала стандартные алгоритмы повышения достоверности результатов: выбор оптимального числа кластеров по методу «локтя», построение и визуализацию дендрограмм, а также последующую качественную интерпретацию полученных семантических групп. Весь процесс анализа документирован и отражен в приложениях, что соответствует критериям процессуальной надежности и прозрачности исследования [там же].

Всего исследование охватило 1694 человека. В первом этапе исследования участвовало 1538 респондентов, во втором — 156 респондентов. Выборка вносит в наше исследование ограничение, так как все респонденты связаны с системой образования. Участниками исследования стали учащиеся школ, организаций СПО, вузов, включая заочников, аспирантов и молодых педагогов.

В общем виде замысел проведенного эмпирического исследования представлен в таблице 4.

Таблица 4. Общий замысел эмпирического исследования

Этап эмпирического исследования	Проверяемая частная гипотеза	Выборка
<p>Изучение изменений в представлениях о будущем в юношеском возрасте. Систематизация изменений временных (темпоральных) и содержательных характеристик представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости (описано в главе 3)</p>	<p>1. Динамика представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости задана возрастными изменениями роли субъекта и его отношения к событиям жизни.</p> <p>2. Развитие представлений о будущем происходит путем чередования фаз, в которых доминирует формирование временных характеристик жизненной перспективы, и фаз, характеризующихся содержательным наполнением будущего.</p>	<p>1538 респондентов (в том числе 610 юношей и 928 девушек) в возрасте от 14 до 28 лет ($M = 19,87$, $Me = 19$, $SD = 4,4$).</p>

<p>Изучение качественной трансформации представлений юношей/девушек о будущем (описано в главе 4)</p>	<p>3. В период от старшего подростничества до ранней взрослости различия в представлениях о будущем проявляются в параметрах выбора и восприятия времени жизни.</p> <p>4. В период от поздней юности к ранней взрослости происходит принципиальное изменение взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора: если на предшествующих этапах параметры временной перспективы выступают предикторами характеристик выбора, то в ранней взрослости удовлетворенность выбором становится значимым предиктором восприятия времени жизни.</p>	<p>156 респондентов (в том числе 78 юношей и 78 девушек) в возрасте от 14 до 28 лет ($M = 18,68$, $Me = 18$, $SD = 4,2$).</p>
---	---	--

3.2. Изучение этапности в развитии представлений о будущем в юношестве

В рамках данной части исследования ставилась задача изучить возрастную динамику представлений о будущем на последовательных годовых интервалах в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости. Мы предположили, что динамика представлений о будущем в этом диапазоне задана возрастными изменениями роли субъекта и его отношения к событиям жизни.

Исследование на этом этапе проводилось по методике «Прошлое, настоящее, будущее» А.Л. Венгера и Ю.М. Десятниковой. В рамках исследования по данной методике респондентам предлагалось назвать по пять значимых событий из их прошлого, настоящего и будущего и временной отрезок, в который произошли или произойдут эти события. Методика позволила выявить ключевые параметры, обозначившие границы фаз развития представлений о будущем от старшего подростничества до ранней взрослости на основе фиксации значимых изменений их динамических значений и продемонстрировавших общую динамику в развитии представлений о будущем.

Анализ содержания значимых событий состоял в дифференциации называемых респондентами событий на глобальные (жизненно важные, определяющие стратегию жизненного пути человека) и частные (ситуативные, преходящие). Также содержательными параметрами анализа выступали: «субъектность – объектность» (роль респондента в называемых им событиях жизни), «оценочность – констатация» (рефлексивное, интеллектуальное отношение к событиям) и «конфликтность – адаптивность» (эмоциональное отношение, аффективный фон событий). Анализ временного аспекта состоял в выяснении временной удаленности событий прошлого и будущего относительно настоящего, а также в выявлении их симметричности (равноудаленности) или асимметричности (разноудаленности).

Все значимые события были определены во времени непосредственно участниками исследования. Событиям настоящего времени респонденты присваивали такие временные характеристики, как «сейчас», «сегодня», «на этой неделе», «в этом месяце». Для событий будущего назывались ожидаемые сроки, а события прошлого обозначались годом, в котором оно произошло, либо конкретной датой. Удаленность событий прошлого составляла количество лет, которое было заявлено участником как характеристика самого далекого события. Например, участник исследования указывает значимое жизненное событие «пошел в 1 класс», а в поле, когда это событие произошло, ставит «10 лет назад» — в его ответах это самое далекое событие от сегодняшнего дня. Соответственно, удаленность событий прошлого от настоящего для этого участника составляет 10 лет. Симметричность/асимметричность рассчитывалась как разница между удаленностью событий прошлого и удаленностью событий будущего (отрицательные значения указывают на смещение в будущее, положительные — в прошлое).

Для обработки полученных данных был применен метод контент-анализа, который позволил перейти от качественных характеристик высказываний респондентов к количественным показателям. Отвечая на вопросы методики «Прошлое, настоящее, будущее», респонденты указали в сумме 19881 важных событий своей жизни. Все эти события при помощи контент-анализа были сгруппированы по категориям для анализа содержания и анализа времени. Контент-анализ содержания значимых для респондентов событий проводили эксперты. К этой работе было привлечено три человека. Критерием отбора экспертов являлось наличие ученой степени в области психологии.

Ключевой задачей на этапе разработки инструкции для экспертов была минимизация влияния индивидуальных речевых особенностей респондентов (таких как различный словарный запас, склонность к развернутым или, напротив, свернутым описаниям) на оценку психологического содержания

событий. С этой целью в инструкцию (Приложение 1) было включено специальное методологическое примечание, ориентирующее эксперта на анализ интенции высказывания, его психологической роли для респондента, а не на его литературную форму.

Процесс анализа состоял из двух этапов. На первом этапе фиксировался временной параметр — удаленность события от настоящего. На втором этапе каждое событие оценивалось двумя экспертами независимо друг от друга по четырем биполярным шкалам:

1. глобальность — частность (масштаб события);
2. субъектность — объектность (роль респондента в событии);
3. оценочность — констатация (отношение респондента к событию);
4. конфликтность — адаптивность (эмоциональный фон события).

По каждой шкале событию присваивался 1 балл в пользу одного из двух полюсов.

С целью обеспечения надежности данных после завершения независимого кодирования экспертами была проведена оценка степени их согласованности, для чего применялся коэффициент каппа Флейса (Fleiss' Карра), предназначенный для множества оценщиков и номинальных шкал. Результаты анализа, представленные в Приложении 2, демонстрируют высокий уровень согласия. Значения показателя Каппа для всех шкал находятся в диапазоне от 0,937 до 0,975 при высоком уровне значимости ($p < 0,001$). Столь высокие значения свидетельствуют о практически идеальной согласованности экспертов и подтверждают надежность и воспроизводимость разработанной процедуры контент-анализа.

Для выполнения этого этапа исследования было необходимо качественное описание полученных данных, а также статистического анализа. Определение статистической значимости проведено при помощи U-критерия Манна-Уитни; величина эффекта определена на основании коэффициента d-Коэна.

Всего в исследовании по методике «Прошлое, настоящее, будущее» приняли участие 1381 респондент, из них в возрасте: 14 лет — 147 респондентов (67 юношей, 80 девушек), 15 лет — 129 респондентов (57 юношей, 72 девушки), 16 лет — 123 респондентов (57 юношей, 66 девушек), 17 лет — 126 респондентов (67 юношей, 59 девушек), 18 лет — 122 респондента (40 юношей, 82 девушки), 19 лет — 86 респондентов (37 юношей и 49 девушек), 20 лет — 85 респондентов (35 юношей и 50 девушек), 21 год — 67 респондентов (20 юноши и 47 девушек), 22 года — 74 респондентов (25 юношей и 49 девушек), 23 года — 69 респондентов (22 юноши и 47 девушек), 24 года — 75 респондентов (27 юношей и 48 девушек), 25 лет — 64 респондента (22 юноши и 42 девушки), 26 лет — 61 респондент (21 юноша и 40 девушек), 27 лет — 80 респондентов (35 юношей и 45 девушек), 28 лет — 73 респондента (38 юношей и 35 девушек). Средний возраст респондентов — около 20 лет. Возраст (по всей выборке): асимметрия = 0,368 (умеренная), эксцесс = -1,126 (близко к нормальному). Распределение близко к нормальному с легким смещением влево. Выбросы маловероятны. Подробно данные с описательными статистиками по всем параметрам первого этапа исследования представлены в Приложении 3. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/352>.

В целом по выборке глобальные события будущего описываются чаще, чем глобальные события настоящего ($M = 2,95$ сопоставительно к $M = 1,83$), что может отражать ориентацию на будущее. Частные события настоящего описываются чаще, чем частные события будущего ($M = 2,82$ сопоставительно к $M = 1,85$), что может говорить о большей включенности в текущие личные процессы. Глобальные/частные события (шкала 0–5): асимметрия и эксцесс в большинстве групп находятся в пределах $|1|$, что указывает на близкое к нормальному распределение. Средние значения в разбивке по возрасту указаны на рисунках 1–4.

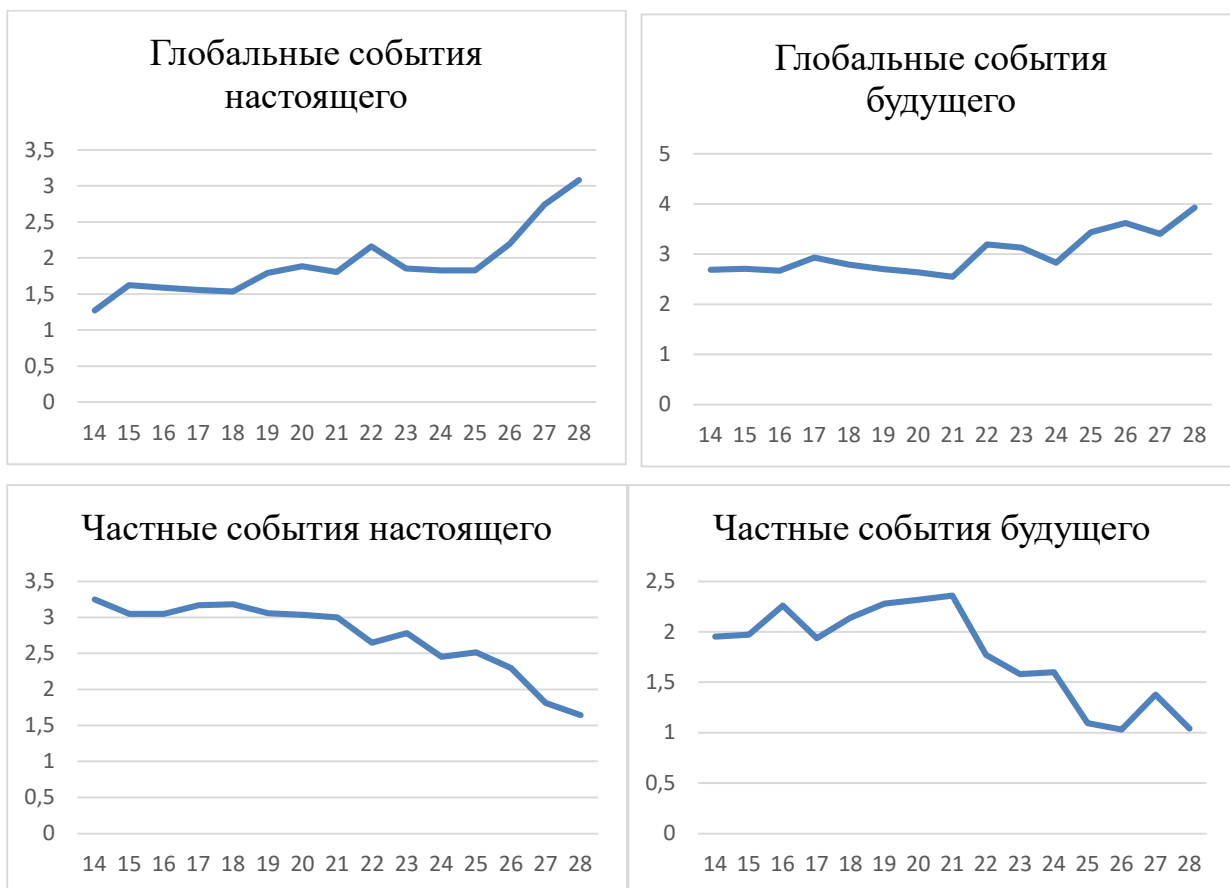

Рис. 1–4. Изменения в параметрах «глобальности — частности» при описании значимых жизненных событий респондентами в возрасте от 14 до 28 лет в разбивке по возрасту, N = 1381

На рисунках видна тенденция увеличения с возрастом упоминания глобальных событий и снижения упоминания частных событий в качестве значимых событий своей жизни.

Данные по таким параметрам как «субъектность — объектность» (роль респондента в называемых им событиях жизни), «оценочность — констатация» (рефлексивное, интеллектуальное отношение к событиям) показывают особый формат изменений: чередование выраженных изменений и стабилизации этих изменений (см. рис. 5–8).

В среднем субъектность преобладает над объектностью ($M = 7,65$ сопоставительно к $M = 6,46$), что указывает на активную позицию респондентов. Констатация значительно выше оценочности ($M = 11,96$ сопоставительно к $M = 2,2$), что может означать склонность к описанию без эмоциональной окраски. По этим показателям (кроме оценочности)

асимметрия в пределах $[0,5]$, эксцесс умеренный. Эти переменные также демонстрируют относительно нормальное распределение с небольшими отклонениями. По показателю оценочности асимметрия равна 1,868 (сильно положительная), эксцесс составляет 3,469 (высокий). Это означает сильное отклонение от нормы: большинство значений близки к нулю (низкая оценочность) с небольшим «хвостом» в сторону высоких значений.

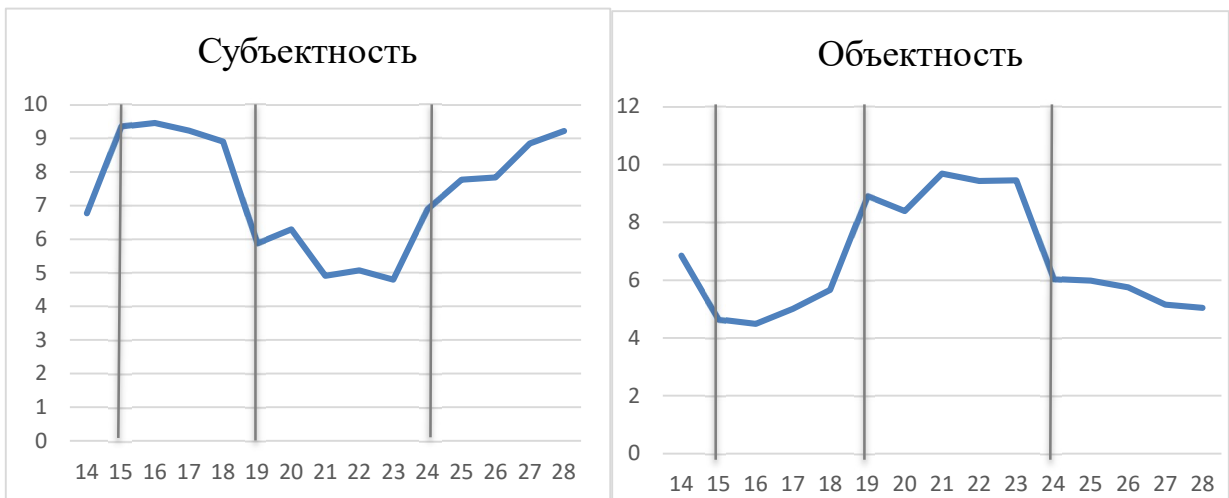

Рис. 5–6. Изменения в параметрах «субъектности – объектности» при описании значимых жизненных событий респондентами в возрасте от 14 до 28 лет в разбивке по возрасту, N = 1381

Рисунки 5 и 6 иллюстрируют динамику изменения уровней субъектности и объектности, подчеркивая их взаимосвязанность и противоположную направленность.

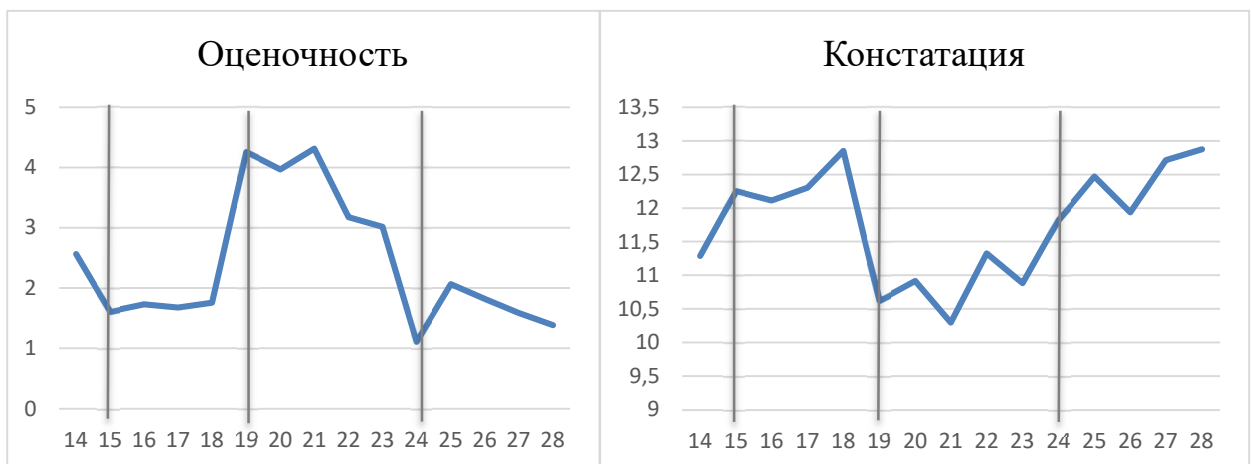

Рис. 7–8. Изменения в параметрах «оценочности – констатации» при описании значимых жизненных событий респондентами в возрасте от 14 до 28 лет в разбивке по возрасту, $N = 1381$

На рисунках 7 и 8 видны этапы понижения и повышения оценочности и констатации, также показывающие взаимное соотношение этих параметров.

Конфликтность очень низкая ($M = 0,37$), адаптивность высокая ($M = 13,79$), что говорит о хорошей адаптации респондентов. По показателю конфликтности асимметрия равна 6,246 (высокая), эксцесс составляет 68,514 (очень высокий). Это самое аномальное распределение. Оно говорит о том, что подавляющее большинство респондентов имеют значения, близкие к нулю (отсутствие конфликтности), и есть единичные случаи очень высоких значений (выбросы). Медиана, равная нулю, подтверждает это. Конфликтность возрастает в 18 лет ($M = 0,53$); возможно, это связано со стрессом, связанным с окончанием школы. Других возрастных различий не выявлено. При этом статистический анализ с использованием критерия Манна-Уитни не показал значимость этого увеличения.

Анализ временных параметров показывает значимые выбросы значений. Прошлое воспринимается как более насыщенное, чем будущее ($M = 10,11$ сопоставительно к $M = 7,87$). При уровне надежности 95% анализ данных дает возможность утверждать, что в среднем все события, называемые участниками исследования, располагались на временном промежутке протяженностью примерно 17,98 лет (при $Me = 15$). Ряд ученых указывали, что наиболее важные события люди приписывают возрастному интервалу от 16 до 30 лет [Rubin, Scott, Nebes, 1986]. Поскольку наша выборка охватывает возрастной интервал от 14 до 28 лет, то большая часть значимых событий находится внутри него. Значения среднего по показателю «удаленность событий будущего», равного 7,87, и медианы, равной 4, указывают на сильное влияние крайне высоких значений (выбросов) на среднее арифметическое.

Среднее значение симметричности является положительным ($M = 2,25$). На первый взгляд, это можно интерпретировать как легкий сдвиг баланса в

сторону прошлого по выборке в целом. Медиана ($Me = 3,00$) — более надежный показатель из-за асимметрии распределения. Положительная медиана также указывает на то, что у «типичного» респондента репрезентации событий прошлого все же немного преобладают над репрезентациями прошлого. Анализ частотной таблицы «симметричности/асимметричности» является ключевым для понимания реальной картины. Можно выделить три группы, в том числе смещение в будущее, сбалансированную перспективу и смещение в прошлое. В случае смещения в будущее (отрицательные значения от -1 до -80 , $\approx 33\%$ выборки) мы имеем ответы респондентов, чьи нарративы в значительной степени сосредоточены на будущем времени: например, значение -36 ($2,6\%$ выборки) указывает на ярко выраженную ориентацию на будущее. Сбалансированная перспектива (значения около нуля, от -2 до $+2$, $\approx 15-20\%$ выборки) — это люди, у которых рефлексия о прошлом и будущем находится примерно на одном уровне; пик на значении $0,0$ ($7,5\%$ выборки) — это группа со сбалансированной временной перспективой. Смещение в прошлое (положительные значения от $+3$ и выше, $\approx 50\%$ выборки) — это самая большая группа. Наиболее частые значения: $5,0$ ($7,0\%$), $1,0$ ($6,8\%$), $2,0$ ($5,3\%$). Это указывает на то, что для большинства респондентов характерен умеренный уклон в сторону рефлексии о событиях прошлой жизни.

В таблице 5 показаны средние значения по временным параметрам представлений о будущем, выявленным на основе определения во времени жизни значимых событий.

Таблица 5. Средние значения по временным параметрам значимых жизненных событий по методике «Прошлое, настоящее, будущее», $N = 1381$

Возраст	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Удаленно сть событий прошлое	8,13	8,06	7,05	8,35	8,03	8,58	12,47	10,51	12,77	13,7	9,49	12,92	13,62	14,2	12,77

Удаленно сть событий будущее	7,34	6,71	7,41	7,23	6,76	7,03	7,26	6,82	5,77	8,16	5,09	15,14	14,54	12,06	5,48
Время всего	15,47	14,77	14,46	15,58	14,8	15,62	19,73	17,33	18,54	21,86	14,59	28,06	28,16	28,26	18,25
Симметр ичность /асиммет ричность	0,79	1,36	-0,36	1,12	1,27	1,55	5,21	3,69	7,0	5,54	4,40	-2,22	-0,92	2,14	7,29

Средние значения временных параметров (табл. 5) показывают высокую вариативность и изменение большинства из них в разных возрастах. Связь временных параметров представлений о будущем с возрастом представлена в таблице 6.

Таблица 6. Связь временных параметров представлений о будущем и возраста респондентов, N = 1381

Время прошлое		Время будущее		Время всего		Симметричность/ асимметричность	
Коэффициент т Спирмена	Значимость	Коэффициент т Спирмена	Значимость	Коэффициент т Спирмена	Значимость	Коэффициент т Спирмена	Значимость
0,253**	0,000	-0,088**	0,001	0,118**	0,000	0,186**	0,000

** Корреляции значимы на уровне 0,001.

В таблице 6 показаны выявленные тенденции связанности между временными параметрами представлений о будущем и возрастом респондентов, основанные на слабых значимых корреляциях. Соответственно, временные параметры имеют тенденцию связи с возрастом респондентов. Мы

полагаем, что существенное влияние на эту связь оказывают содержательные параметры.

Таким образом, дальнейший анализ статистической значимости различий между возрастными группами проводился только по содержательным параметрам, показавшим возрастную динамику (табл. 7, Приложение 4). Большинство переменных имеют распределение, существенно отклоняющееся от нормального; это обуславливает использование U-критерий Манна-Уитни для дальнейшего попарного сравнения возрастов.

Таблица 7. Различия в содержательных параметрах значимых событий в зависимости от возраста, N = 1381

Возраст U- критерий Манна-Уитни	14/ 15	15/ 16	16/ 17	17/ 18	18/ 19	19/ 20	20/ 21	21/ 22	22/ 23	23/ 24	24/ 25	25/ 26	26/ 27	27/ 28
Глобальные события настоящего	0,02*	0,81	0,91	0,98	0,20	0,46	0,73	0,21	0,13	0,65	0,68	0,13	0,02*	0,11
Глобальные события будущего	0,99	0,99	0,21	0,34	0,71	0,77	0,85	0,02*	0,94	0,21	0,03*	0,45	0,79	0,02*
Частные события настоящего	0,17	0,99	0,54	0,99	0,53	0,58	0,99	0,21	0,52	0,03*	0,70	0,23	0,02*	0,33
Частные события будущего	0,74	0,33	0,18	0,24	0,55	0,82	0,97	0,04*	0,41	0,93	0,05	0,95	0,45	0,20
Субъектность	0,0**	0,49	0,61	0,64	0,0**	0,35	0,03*	0,78	0,99	0,03*	0,36	0,94	0,12	0,67
Объектность	0,0**	0,28	0,26	0,42	0,0**	0,24	0,04*	0,62	0,95	0,0**	0,67	0,83	0,30	0,76
Оценочность	0,07	0,34	0,49	0,66	0,0**	0,74	0,66	0,54	0,66	0,01*	0,0**	0,39	0,14	0,55
Констатация	0,03*	0,58	0,88	0,17	0,0**	0,73	0,94	0,68	0,82	0,35	0,99	0,19	0,03*	0,68

*Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,001.

Результаты показали значимые различия в содержательных параметрах важных жизненных событий в зависимости от возраста (табл. 7, Приложение 4). В приложении 4 приведены полные данные с расчетами U-критерия Манна-

Уитни, а также данные по расчету размера эффекта. Учитывая результаты обсуждения описательных статистик, считаем необходимым подробно остановиться на различиях, выявленных по показателям «субъектность – объектность» (роль респондента в называемых им событиях жизни), «оценочность – констатация» (рефлексивное, интеллектуальное отношение к событиям).

Так, значимые различия обнаружены по показателям:

– субъектность — между респондентами 14 и 15 лет (U-критерий Манна-Уитни 12179, $p = 0,000$, d-Коэна = $-0,488$), 18 и 19 лет (U-критерий Манна-Уитни 3301,5, $p = 0,000$, d-Коэна = $0,690$), 20 и 21 лет (U-критерий Манна-Уитни 2263,5, $p = 0,03$, d-Коэна = $0,373$) и 23 и 24 лет (U-критерий Манна-Уитни 3142, $p = 0,03$, d-Коэна = $-0,553$);

– объектность — между респондентами 14 и 15 лет (U-критерий Манна-Уитни 6986,5, $p = 0,000$, d-Коэна = $0,439$), 18 и 19 лет (U-критерий Манна-Уитни 7347,5, $p = 0,000$, d-Коэна = $-0,746$) 20 и 21 лет (U-критерий Манна-Уитни 3401, $p = 0,04$, d-Коэна = $-0,344$) и 23 и 24 лет (U-критерий Манна-Уитни 1373, $p = 0,000$, d-Коэна = $0,876$);

– оценочность — между респондентами 18 и 19 лет (U-критерий Манна-Уитни 7293,5, $p = 0,000$, d-Коэна = $-0,730$), 23 и 24 лет (U-критерий Манна-Уитни 1999,5, $p = 0,01$, d-Коэна = $0,677$) и 24 и 25 лет (U-критерий Манна-Уитни 3266, $p = 0,000$, d-Коэна = $-0,508$);

– констатация — между респондентами 14 и 15 лет (U-критерий Манна-Уитни 10900, $p = 0,03$, d-Коэна = $-0,239$), 18 и 19 лет (U-критерий Манна-Уитни 3520,5, $p = 0,000$, d-Коэна = $0,620$) и 26 и 27 лет (U-критерий Манна-Уитни 2964, $p = 0,03$, d-Коэна = $-0,324$).

Выявленные параметры позволили определить характер динамики, а статистические методы — установить границы фаз. Зафиксировано четыре совпадающих периода в динамике данных параметров (14 лет, 15–18 лет, 19–23 года и 24–28 лет), при этом параметры субъектности и констатации развиваются в противофазе к объектности и оценочности на переходах между

этими периодами. Таким образом, мы можем зафиксировать следующие возрастные переходы в изменении внутреннего отношения к событиям своей жизни, основанные на восприятии своей роли в событиях жизни и рефлексии относительно них:

– переход между возрастaми 14 и 15 лет. У 15-летних подростков достоверно повышается субъектность (активная роль в событиях) и снижается объектность (пассивная, воспринимающая роль) по сравнению с 14-летними. Также отмечается статистически значимое увеличение упоминаний глобальных событий настоящего и констатирующих высказываний;

– переход между возрастaми 18–19 лет. Группа 18-летних демонстрирует более высокую субъектность и склонность к констатации, тогда как 19-летние — более высокую объектность и оценочность (рефлексивное отношение). Эта тенденция продолжает усиливаться в возрасте 20–21 года, подтверждая фазовое изменение в сторону более рефлексивной и пассивной позиции;

– переход между возрастaми 23–24 года. В 24 года наблюдается очередная фаза роста субъектности, снижения объектности и уменьшения рефлексивной оценочности по сравнению с 23 годами. Эти изменения отражаются на следующей паре возрастaх (24–25 лет) в виде изменений в сфере восприятия будущего и рефлексии. В 25 лет внимание смещается с частных событий будущего на глобальные.

Полученные результаты свидетельствуют, что развитие представлений о будущем носит фазовый характер, чередуя периоды резких изменений и стабилизации. Динамика параметров («субъектность – объектность», «оценочность – констатация») отражает ключевые психологические процессы: становление субъектной позиции (по Д.А. Леонтьеву) и рефлексивное осмысление жизни (по М.Р. Гинзбургу). Таким образом, исследование позволяет перейти от общих теорий к построению конкретной фазовой модели развития представлений о будущем на этапе от старшего подросткового до раннего взрослого возрастa.

3.3. Динамика представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости

В этом параграфе определены характерные фазы в развитии представлений о будущем в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости. Современные научные исследования фиксируют тенденцию к откладыванию принятия значимых взрослых решений и отсрочке перехода во взрослость, что может влечь за собой трансформацию структурных характеристик представлений о будущем [Богачева, Сивак, 2019; Радаев, 2018; Радаев, 2020а; Яремчук, Бакина, Ситяева, 2021; A Cross-Cultural Perspective on..., 2018]. Некоторые исследователи говорят об отдельных возрастных отличиях. Так, Н.Н. Толстых пишет, что в ранней юности (15–18 лет) период обучения в школе менее важен, чем в подростковом возрасте [Толстых, 2013], а Н.И. Трубникова, в свою очередь, указывает на важность этапа жизни, связанного с работой в поздней юности [Трубникова, 2010].

На этом этапе респонденты писали сочинение на тему «Я через 5 лет» в соответствии с методикой И.С. Кона. Эта методика позволяет выявить компоненты прогнозирования временной перспективы респондента посредством свободного описания себя в будущем. Пятилетний диапазон дает участнику исследования возможность осмыслить обозримый временной промежуток. Существенным преимуществом методики выступает отсутствие жестких ограничений по времени написания текста и его объему. Примеры сочинений участников исследования представлены в Приложении 5.

Исследование проводилось на выборке 1538 респондентов в возрасте от 14 до 28 лет (среднее 18,3), в числе которых были 610 юношей и 928 девушек. Анализ данных базировался на культурно-исторической психологии, современных тенденциях и исследованиях взросления, а также на результатах предыдущего среза по методике «Прошлое, настоящее, будущее» (А.Л. Венгер, Ю.М. Десятикова) на выборке 1381 человека. Таким образом, разделение респондентов на возрастные группы (14 лет, 15–18 лет, 19–23 года

и 24–28 лет) не является жесткой периодизацией, а представляет собой эмпирически обоснованную условную группировку, позволяющую наиболее рельефно проследить динамику развития представлений о будущем. Респондентов в возрасте 14 лет было 304 человека (среднее 14 лет), от 15 до 18 лет — 500 человек (среднее 16,5), от 19 до 23 лет — 381 человек (среднее 20,9 лет) и от 24 до 28 лет — 353 человека (среднее 26,0 лет).

В полученных 1538 сочинениях респондентами было использовано 15 988 слов — такое их количество осталось после исключения имен собственных, предлогов, цифр, числительных и иных не имеющих смысла лексических единиц, не годящихся для содержательного анализа. Для обработки данных применялся иерархический кластерный анализ по методу Уарда в статистическом программном пакете «R». Программный пакет «R» дает возможность выполнить кластеризацию текстов, не переводя их в количественные показатели. В психолингвистике кластерный анализ традиционно применяется для изучения субъективной семантики, выступая как непосредственный метод выявления внутренних семантических связей [Петренко, Коротченко, 2008; Петренко, 2005]. При помощи анализа были выделены самые популярные слова. Кластерный анализ дал возможность увидеть “сгущения” слов и разбить сводный текст на подмножества слов, связанных внутренними семантическими связями, для определения предпочтительных для респондентов тематик [Шилова, 2023а; Шилова, Владыко, 2022].

Анализ текстов показал, что чаще всего респонденты использовали слова «надеюсь» и «хочу». Однако у подростков 14 лет чаще встречается слово «буду/будет», обычно одновременно с действием: иметься; находиться; приезжать; происходить; поступать; случаться. Другими словами, для респондентов этого возраста будущее — это то, что с ними «случается». Слово «работа» чаще встречалось в сочинениях молодых людей (24–28 лет). Юноши/девушки от 15 до 23 лет чаще всего используют лексемы «хочу» (выражающую желание или намерение) и «надеюсь» (означающую ожидание

благоприятного, необходимого исхода) [Шилова, 2023а; Шилова, Владыко, 2022].

С применением кластерного анализа все слова, использованные респондентами в своих сочинениях, были разбиты на шесть кластеров наиболее близких слов (рис. 9).

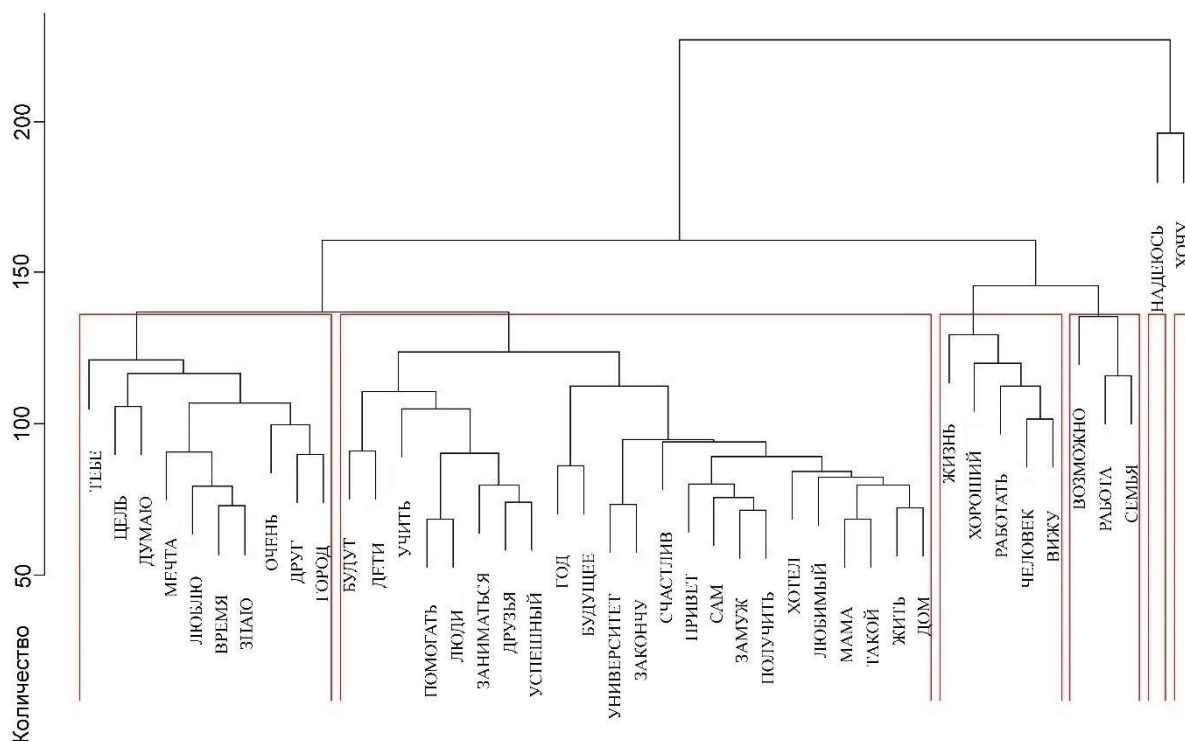

Рис. 9. Дендрограмма семантических связей в представлениях о будущем в период от 14 до 28 лет

Полученные результаты дают возможность верифицировать содержательные темы (кластеры) в качестве основ построения будущего, давая им образные названия:

- 1) «кластер желаний» — сюда вошло слово «хочу», которое встречается в сочинениях чаще других, соответственно, это связующее слово;
- 2) «кластер ожиданий» — он включает слово «надеюсь»; так же, как и кластер 1, это группа верхнего уровня, связующее слово;
- 3) «кластер возможностей» — сюда вошли слова «возможности», «работа», «семья», где возможности связываются с семьей и работой;

4) «кластер целей» — включает слова «жизнь», «хорошо», «работа», «человек», «вижу»; здесь жизнь связана с хорошей работой и человеком, а также с тем, что хорошего видит в будущем юноша или девушка;

5) «кластер достижений» — это самая большая группа, объединяющая будущие занятия, учебу, любимое дело, друзей, детей и родителей;

6) «кластер ценностей» — слово «тебя» как обращение к себе связывается со словами «цель — думаю»; «время — мечтаю — люблю — знаю»; «очень — другой — город».

Таким образом, было выявлено шесть основных тематик образа будущего юношей/девушек от 14 до 28 лет: желания, ожидания, возможности, цели, достижения и ценности.

Кластерный анализ сочинений в зависимости от пола выявил значимые различия между юношами и девушками в отношении их представлений о будущем.

Результаты кластеризации сочинений 610 юношей в возрасте от 14 до 28 лет представлены на рисунке 10.

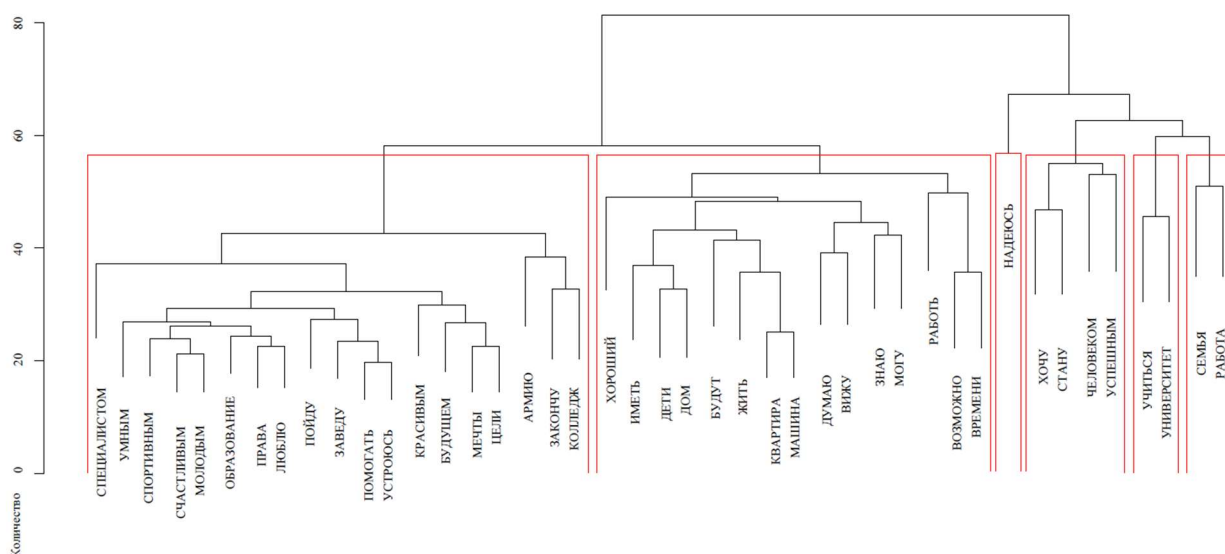

Рис. 10. Дендрограмма семантических связей в представлениях о будущем юношей в возрасте от 14 до 28 лет

Полученные результаты дают возможность верифицировать содержательные темы (кластеры) в качестве основ построения будущего современных юношей в возрасте от 14 до 28 лет, давая им образные названия:

1) «кластер целей» — он включает слова «цели», «мечты», «будущем» и т.д.; здесь указываются характеристики и действия юноши как специалиста — в связи с окончанием образования и службой в армии;

2) «кластер возможностей» — содержит слова «возможно», «времени», которые связаны со словом «работать», и далее эти слова связываются с наличием «хороших» «дома», «детей», «квартиры», «машины»; кроме того, юноши думают об этом, видят это, знают про это и могут для этого работать;

3) «кластер ожиданий» — ключевым связующим звеном здесь выступает слово «надеюсь» (аналогично общей выборке);

4) «кластер желаний» — в него входит слово «хочу», и прежде всего современный юноша хочет стать успешным человеком;

5) «кластер достижений» — он связывает слова «учиться» и «университет», то есть юноши, участвовавшие в исследовании, предполагают получить высшее образование;

б) «кластер ценностей» — здесь слово «семья» связывается со словом «работа».

Таким образом, основные особенности юношей в возрасте от 14 до 28 лет, участвовавших в исследовании, заключаются в следующем:

1. связующим словом для них, в отличие от всей выборки, выступает только слово «надеюсь», а слово «хочу» уже имеет связь с личным успехом;
2. с возможностями они связывают то, хотели бы иметь: машину, квартиру, дом, детей; об этом они думают, это они знают, для этого они могут и будут работать;
3. цели и мечты они связывают с развитием личностных характеристик, с получением образования, со своим становлением как специалистов.

Результаты кластеризации сочинений 928 девушек в возрасте от 14 до 28 лет представлены на рисунке 11.

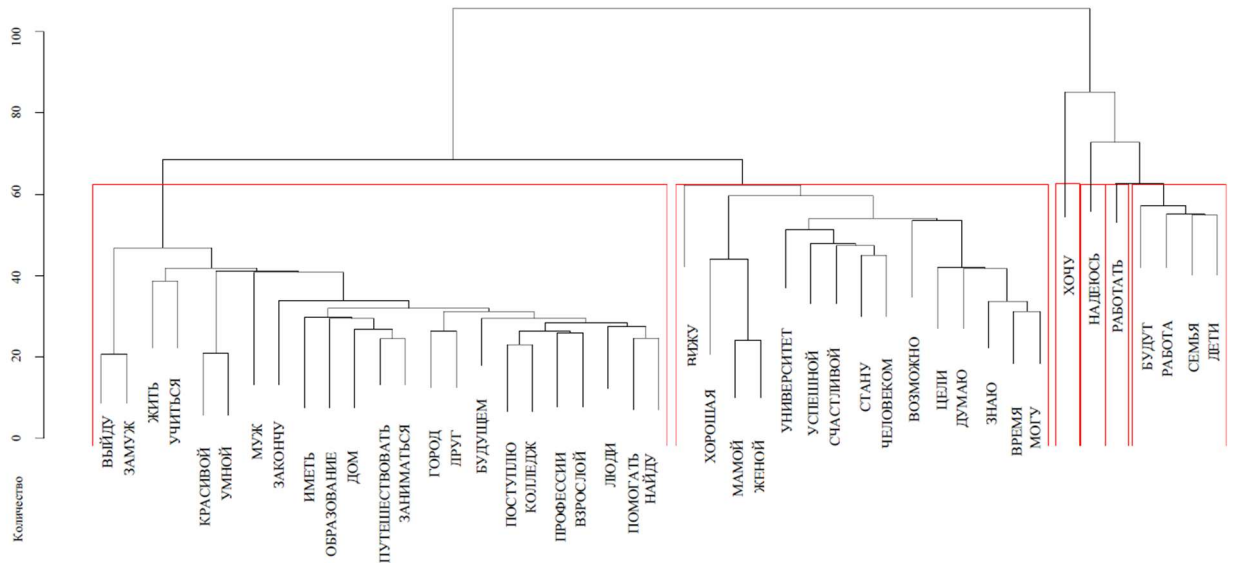

Рис. 11. Дендрограмма семантических связей в представлениях о будущем девушек в возрасте от 14 до 28 лет

Полученные результаты дают возможность верифицировать содержательные темы (кластеры) в качестве основ построения будущего современных девушек в возрасте от 14 до 28 лет, давая им образные названия:

1) «кластер достижений» — наиболее объемный, включает стремления «жить» и «учиться» в «университете», быть «красивой» и «умной», в будущем «стать взрослой», «поступить в колледж» и «получить профессию», «выйти замуж», «иметь образование» и «друзей», «помогать» и «путешествовать», «найти свой дом»;

2) «кластер возможностей» — включает слова «возможности», «думаю», «могу», «знаю», «цели», «время», где возможности связываются с видением себя хорошей женой, мамой, успешным и счастливым человеком;

3) «кластер желаний» — он образован вокруг слова «хочу», частота употребления которого позволяет говорить о нем как о связующем слове, цементирующем различные смысловые категории в представлениях о будущем;

4) «кластер ожиданий» — так же, как и кластер 3, это группа верхнего уровня, связующее слово; сюда относится слово «надеюсь»;

5) «кластер целей» — сюда относится слово «работать», которое во всей выборке, как и в кластерах 3 и 4, входит в группу верхнего уровня;

6) «кластер ценностей» — он включает слова «работа», «семья», «дети»; здесь семья связана с работой и детьми.

Таким образом, основные отличия девушек в возрасте от 14 до 28 лет, участвовавших в исследовании, от всей выборки заключаются в следующем:

1. слово «работать» входит в отдельный кластер, связывая представления о будущем;
2. слова «работа», «семья» и «дети» выделены в отдельный кластер и уже не связаны со словом возможности;
3. возможности раскрываются через личные характеристики и видение целей.

Далее был проведен кластерный анализ текстов сочинений внутри условных возрастных диапазонов, выделенных эмпирически на предыдущем этапе исследования: подростки (14 лет), ранний юношеский возраст (15–18 лет), поздний юношеский возраст (19–23 года), молодые люди возраста ранней взрослости (24–28 лет). В ходе анализа были выявлены значимые различия между возрастными группами в отношении представлений о будущем.

Результаты кластеризации сочинений 304 подростков в возрасте 14 лет представлены на рисунке 12.

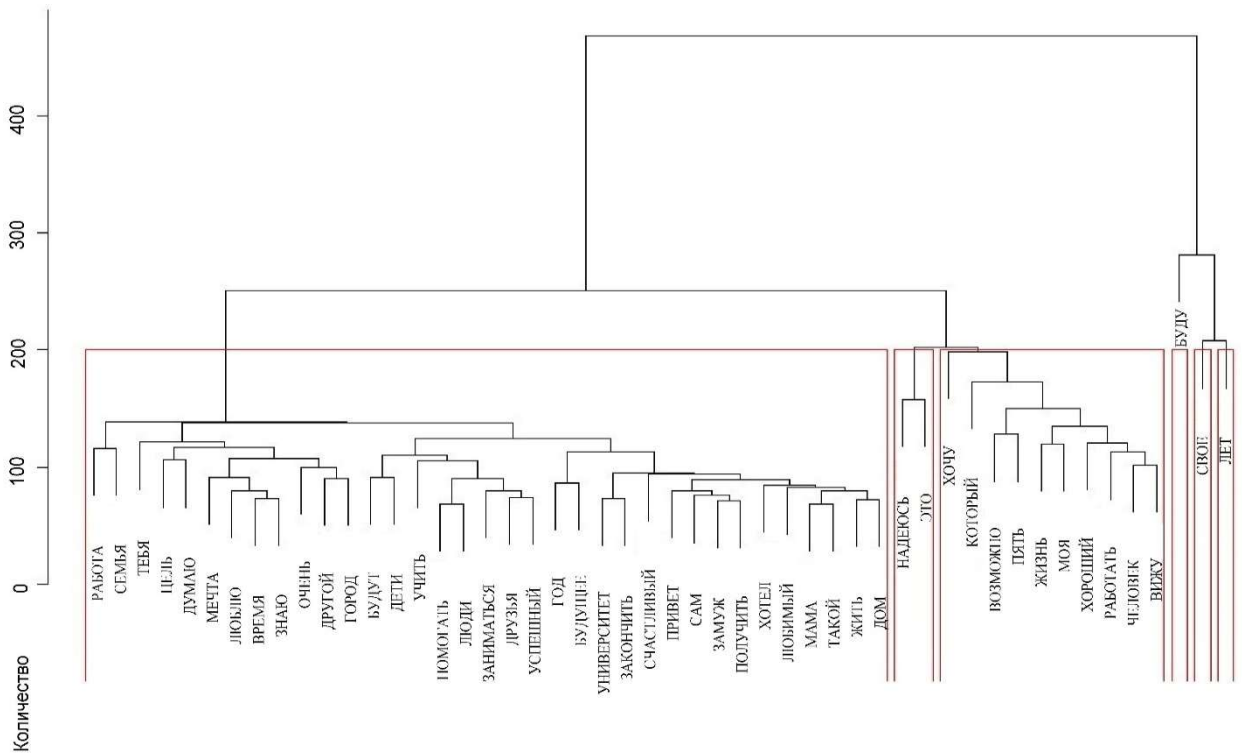

Рис. 12. Дендрограмма семантических связей в представлениях о будущем 14-летних подростков

Сочинения о собственном будущем в подростковом возрасте (14 лет) обнаруживают следующие особенности:

- 1) слово «буду» включается в отдельный кластер и связано с двумя кластерами со словами «свой» («своя, свое») и «лет». Это три кластера минимального размера, содержащие по одному слову. При этом кластер, в который попало слово «буду», отличается от двух других по расположению относительно оси Y. Это слово можно определить как ядро образа будущего 14-летних подростков, так как оно связывает все остальные кластеры;
- 2) слова «надеюсь» и «это» объединены общим кластером. Этот кластер несет такой же масштаб влияния по оси Y, как и слово «хочу»;
- 3) слово «хочу» связывается с возможностями, жизнью, хорошей работой, хорошим человеком;
- 4) самый большой кластер объединяет желания и мечты, связанные с будущим, друзьями, мамой, детьми и семьей, занятиями, и т.д. Для подростков эти слова взаимосвязаны и включены в один кластер. Этот кластер

располагается ниже других по оси Y, соответственно, имеет подчиненное значение.

В представлениях о будущем у подростков нет определенных тематик, в отличие от остальной выборки, а желания и возможности для них, безусловно, взаимосвязаны, поскольку сгруппированы в один кластер.

На рисунке 13 представлены результаты кластерного анализа текстов сочинений 500 юношей/девушек в возрасте 15–18 лет.

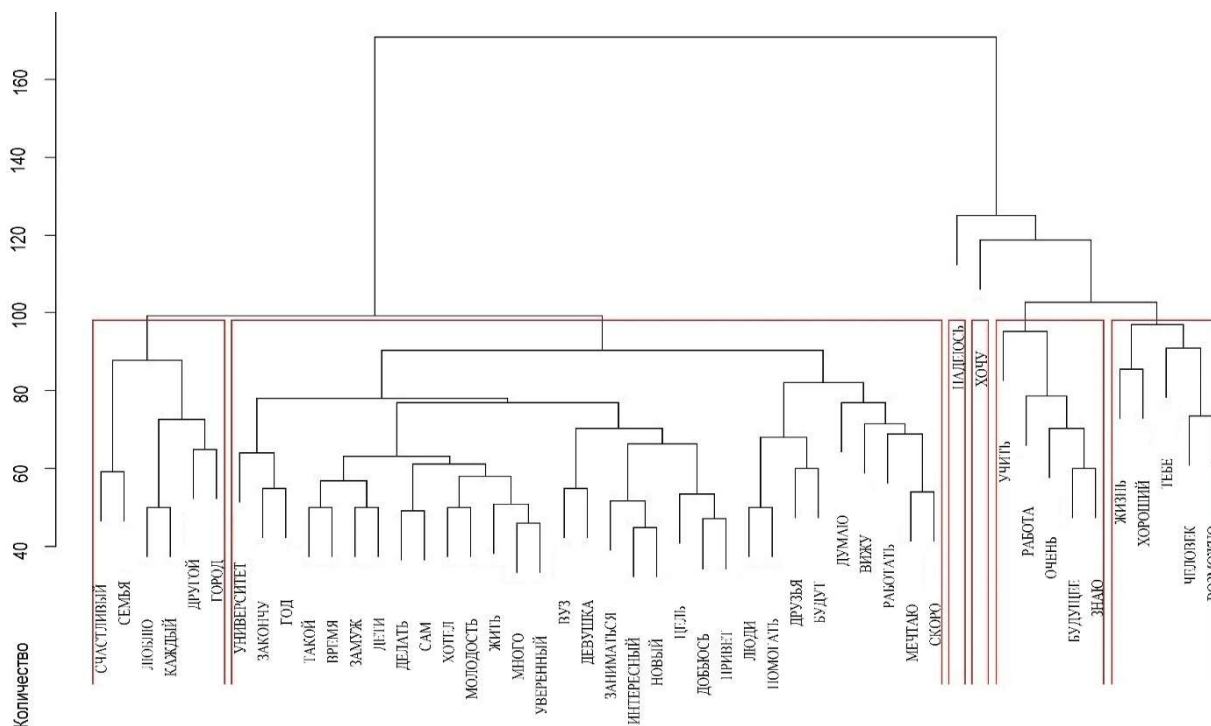

Рис. 13. Дендрограмма семантических связей в представлениях о будущем юношей/девушек в возрасте от 15 до 18 лет

Сочинения о собственном будущем в ранней юности (15–18 лет) обнаруживают следующие содержательные особенности:

1) слова «надеюсь» и «хочу» оказались в отдельных минимальных по размеру кластерах, являющихся связующими для четырех остальных. Кластер со словом «надеюсь» отличается от остальных по оси Y. Это слово вместе с кластером «хочу» выступает семантической связью для кластеров 2 и 3;

2) в отдельном кластере слово «учеба» связывается со словами «работа», «будущее» и тем, что «знаю». Это один из трех примерно одинаковых по размеру кластеров;

3) следующий кластер объединяет слова «жизнь», которая «хорошая», а также слово «тебя», которое связывается с самим человеком и его возможностями;

4) отдельный кластер связывает слова «счастливая» и «семья», «любовь» для «каждого» и «другой город». Этот кластер появляется на данном возрастном этапе как кластер целей;

5) самый большой кластер объединяет слова, связанные с учебой в вузе, семьей — замужеством, девушкой, детьми, мечтами, работой, интересами, временем и т. д.

В ранней юности появляются две новые связи. Во-первых, начинает образовываться кластер целей, в который, помимо прочего, включаются характеристики семьи. Во-вторых, четко артикулируется связь работы с учебой, с будущим и со знаниями.

Результаты кластеризации сочинений 381 юноши/девушки в возрасте 19–23 лет представлены на рисунке 14.

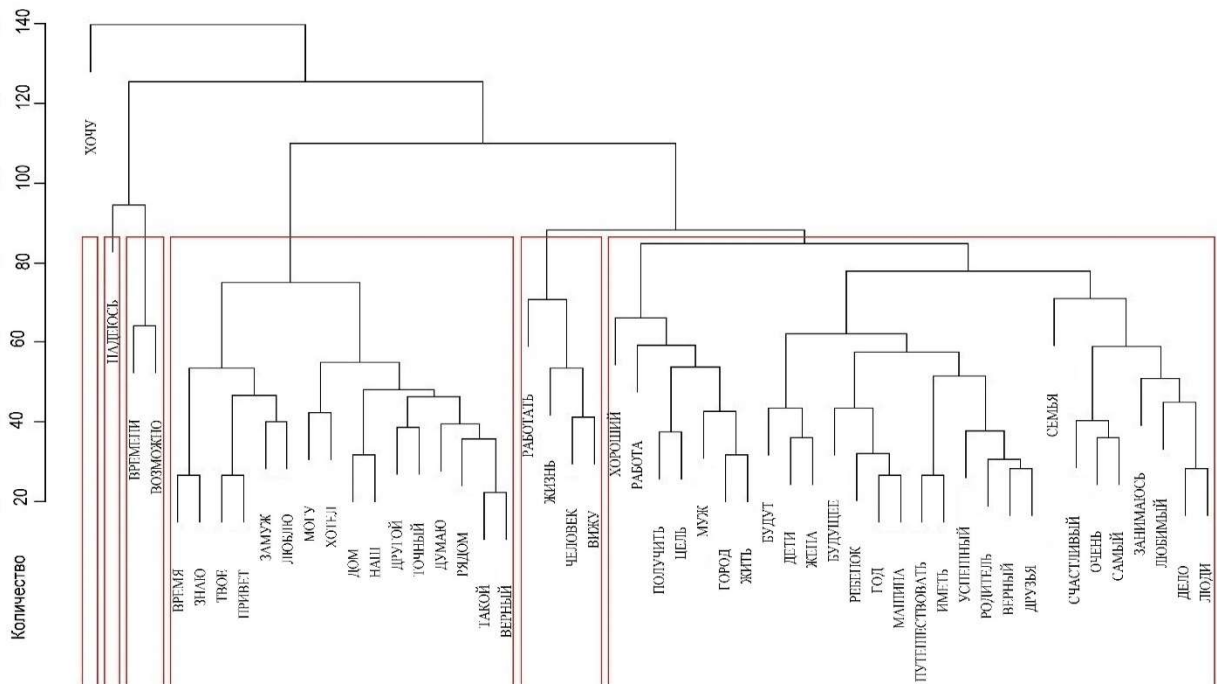

Рис. 14. Дендрограмма семантических связей в представлениях о будущем юношей/девушек в возрасте от 19 до 23 лет

Тексты сочинений о будущем в поздней юности (19–23 лет) имеют следующие содержательные особенности:

- 1) в отдельный кластер попало слово «хочу»; этот кластер является связующим для всех остальных;
- 2) также в отдельном кластере оказалось слово «надеюсь»; этот кластер, как и предыдущий, имеет минимальный размер;
- 3) появляется новый кластер, в котором слово «времени» связывается с «возможностями»;
- 4) в отдельном кластере слова «могу», «хотел», «думаю», «знаю» связываются с домом, другом, замужеством и любовью;
- 5) работа связывается с жизнью, человеком и видением;
- 6) есть отдельный кластер достижений, в котором присутствуют хорошая работа, цели, семейные ценности, а также счастье, путешествия и машина; этот кластер имеет максимальный размер.

Минимальные кластеры в этой группе, так же как и в предыдущей (15–18 лет) — это отдельно стоящие слова «надеюсь» и «хочу». В отличие от респондентов возраста ранней юности, слово «хочу» расположено выше слова «надеюсь» относительно оси Y. Соответственно, именно «хочу» представляет ядро образа будущего в поздней юности, связывая остальные кластеры.

Также одной из особенностей представлений о будущем в возрасте поздней юности является умение связывать возможности со временем.

На рисунке 15 представлены результаты кластерного анализа текстов сочинений 353 молодых людей в возрасте 24–28 лет.

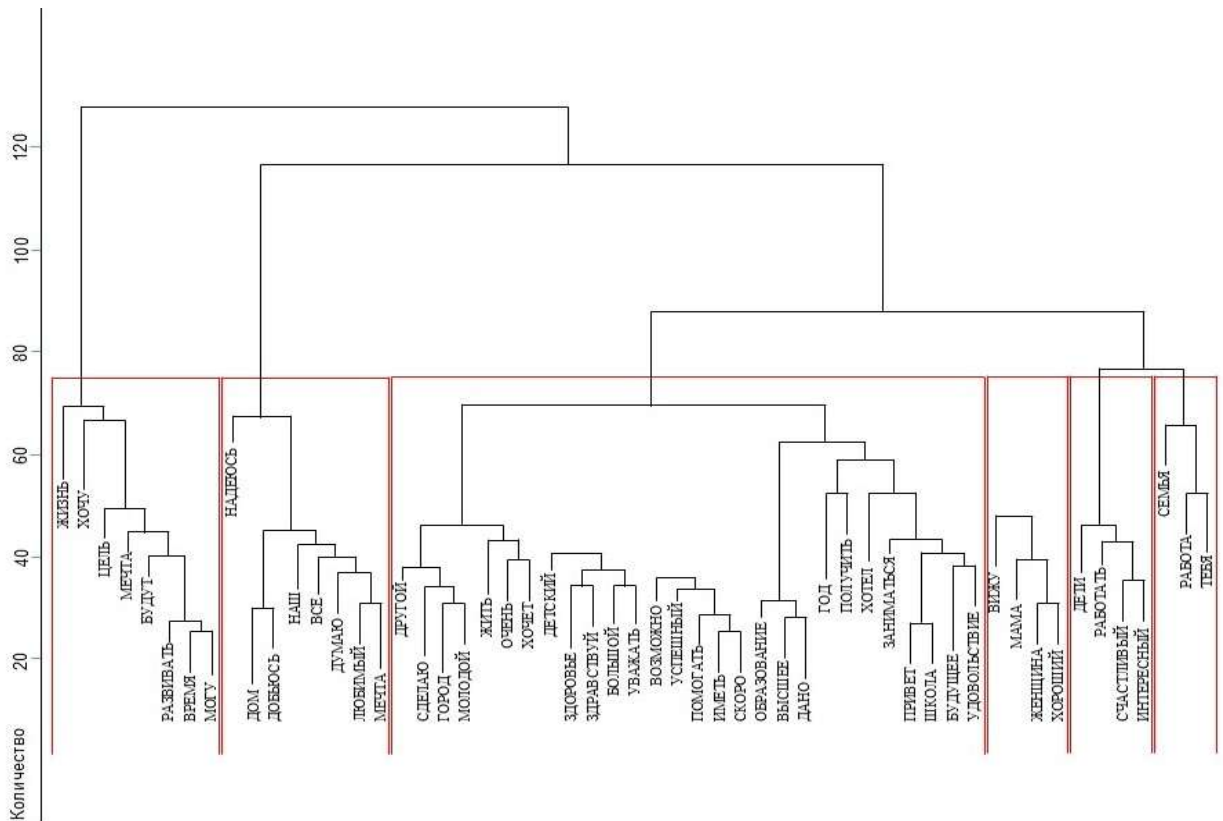

Рис. 15. Дендрограмма семантических связей в представлениях о будущем юношей/девушек в возрасте от 24 до 28 лет

Сочинения о собственном будущем в период молодости или возникновения ранней взрослости (24–28 лет) отличаются следующими особенностями:

- 1) кластер, в котором жизнь связана с тем, что хочу, могу, в чем развиваюсь и что будет, а также с целями, с мечтами и временем, имеет средний размер;
- 2) кластер ожиданий также среднего размера, в нем слово «надеюсь» связывается с домом, добром, со всем нашим, о чем думаю, мечтаю и что люблю;
- 3) самый большой кластер включает связи слов «образование», «будущее», «здоровье», «молодость», «гордость», «уважение», «успешность», «помощь», «удовольствие» и т.д.;
- 4) кластер, объединяющий «видение» со словами «мама», «женщина», «хорошо», показывает значимость полоролевых моделей;

- 5) в предпоследнем кластере слово «дети» связано со словом «работать», счастьем и интересами;
- 6) в последнем кластере семья связана с работой и обращением к себе в будущем — «тебе».

На рисунке 15 видно основное отличие сочинений этой возрастной группы: это отсутствие связующих слов. Каждый кластер легко собирается в отдельную тему и состоит из достаточно связанных слов. Все кластеры примерно одинаково расположены по оси Y. Слово «работать» в глагольном выражении связано с детьми, и это приносит счастье и заинтересованность, а также через «работу» эти респонденты понимают самих себя в будущем и представляют свою семью.

В основное содержание будущего для молодых людей в возрасте от 14 лет до 28 лет входят темы: желания, ожидания, возможности, цели, достижения и ценности. Возможности респондента связаны с хорошей работой, хорошим человеком, жизнь для него становится ценностью. Цели связаны пониманием времени, самого себя в будущем и с тем, что юноши/девушки думают, о чем мечтают, что любят и знают.

Возрастная динамика в изменении представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости представляет собой определенную последовательность.

1. В представлениях о будущем старших подростков, в отличие от юношей/девушек, отсутствуют четко артикулированные темы, характерные для юношества. Будущее для них не связано с настоящим, они воспринимают будущее как отдаленную перспективу («случится потом»). Это соответствует мечтательному моделированию «Я в будущем» и ориентации из настоящего [Божович, 1997; Левин, 2000]. Согласно культурно-исторической концепции, подросток видит в будущем «идеальную форму» — образец взрослости [Эльконин. 1992], что расширяет его временную перспективу. В отличие от других респондентов, подростки не отделяют понятия желаний и возможностей. В представлениях о будущем 14-летних подростков

выделяются два больших кластера: кластер мечты, содержащий отрывочные сведения о взрослости, и кластер желаний, связывающий слово «хочу» с хорошими возможностями, жизнью, работой и человеком. Остальные кластеры представляют собой отдельные слова.

2. В юности будущее связывается с надеждами и позитивными ожиданиями. Кластер целей начинает формироваться в ранней юности, и в этом возрасте в образе будущего появляется словосочетание «счастливая семья». В юности вырисовывается связка учебы с работой, с будущим, со знаниями. И только в поздней юности формируется связка собственных возможностей со временем.

В ранней юности в образе будущего самый большой кластер все еще олицетворяет собой подборку мечтаний, связанных словами «надеюсь» и «хочу». Кроме того, мы наблюдаем появление трех выраженных тем: профессиональное образование, жизненные возможности и представления о семье. Юноши и девушки видят будущее как «пространство возможностей и неопределенности» [Леонтьев и др., 2015]. Происходит конструирование альтернатив (экзистенциальный выбор) и их соотнесение с идентичностью («мое – не мое»), ведущее к трансформации личности, появлению новых смыслов и принятию ответственности («субъективная причинность»). Успешность этого процесса зависит от осмысленности жизни, толерантности к неопределенности [Сергиенко, Эйдельман, 2014] и «готовности платить “цену выбора”, что определяет психологическое благополучие (позитивный взгляд, готовность к выборам) или неблагополучие (избегание, пессимизм)» [там же].

В образе будущего в поздней юности слова «хочу» и «надеюсь» также являются связующими. У респондентов этого возрастного периода формируются связь времени и возможностей и два новых кластера: кластер возможностей и кластер достижений. Выявленные изменения связаны с изменениями критериев взрослости, которые сегодня зависят в большей степени от индивидуальной зрелости, а не от событий, традиционно

принимаемых обществом как свидетельство взрослости (брак, работа и т.д.). Акцент смещается на увязку возможностей со временем. Состояние выбора само становится проблемой, сильно влияя на субъективную картину мира и часто сопровождаясь неудовлетворенностью. Здесь активным фактором выступает психологическое благополучие: «...его высокий уровень способствует восприятию мира как “своего” и стремлению к контакту с будущим, тогда как низкий ведет к пессимизму, отторжению мира и избеганию будущего» [там же], создавая барьеры для самоопределения.

3. На этапе ранней взрослости ведущую роль в наполнении будущего содержанием и интеграции идентичности играет профессиональная деятельность. Работа связана с семьей и детьми, а также с ними самими в будущем. В их образе будущего нет связующих слов, встречающихся у младших участников исследования (например, «буду» или «хочу»), но в их представлении о будущем есть несколько тематик из комплекса связанных слов. Предыдущие исследования подтверждают: наличие работы — ключевой фактор субъективной взрослости, который значимо важнее хронологического возраста [Манукян, 2024]. Неопределенность, связанная с завершением образования (например, на финальных курсах вуза), также специфически влияет на эмоциональное восприятие мира [Сергиенко, Эйдельман, 2014]. Кроме темы трудоустройства, образ будущего для этих респондентов содержит представления о целях, надеждах, половых ролях и о ценностном будущем.

Изменения в представлениях о будущем от подростничества до ранней взрослости продемонстрированы на рисунке 16.

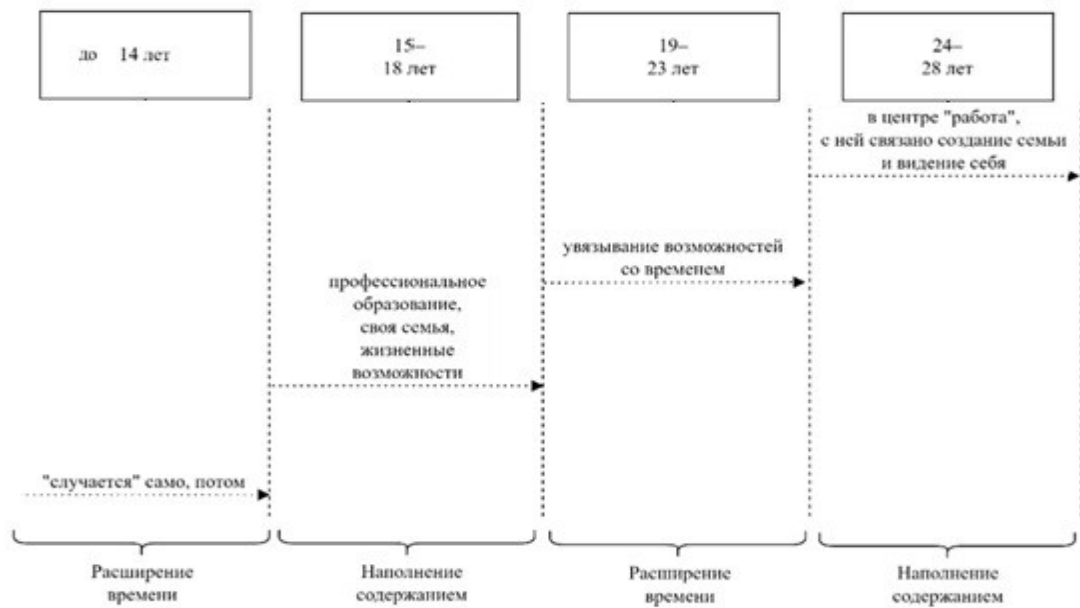

Рис. 16. Изменения в описании своего будущего в период от подростничества до ранней взрослости, N = 1538

Рисунок 16 демонстрирует чередование фаз формирования будущего в четырех исследуемых возрастных группах. Две из этих групп (подростковый возраст и возраст поздней юности) выступают фазами осмысления будущего как времени, а две другие (возраст ранней юности и возраст ранней взрослости) являются фазами содержательного наполнения будущего.

Представления о жизненных решениях, ассоциирующихся со взрослостью, в период от подростничества до ранней взрослости претерпевают значительные изменения. При этом непредсказуемость событий будущей жизни, выделяемую Дж. Арнеттом [Arnett, 2000; Arnett, 2014б] в качестве значимой характеристики возраста «возникающей взрослости», характерна для современных российских респондентов только до 23-летнего возраста. В свою очередь, респонденты в возрасте от 24 до 28 лет придают большое значение профессиональной автономии.

Выводы по третьей главе

1. Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что динамика представлений о будущем в исследуемом возрастном диапазоне носит фазовый характер, являя собой закономерное чередование периодов интенсивных изменений и последующей стабилизации новых качеств. Эти изменения основываются на осознании собственной роли в значимых жизненных событиях и рефлексивном отношении к ним. Выявлены три возрастных перехода. Первый (между 14 и 15 годами) — сдвиг к активной позиции: повышается субъектность и стремление к констатации фактов. Второй (между 18 и 19 годами) — поворот в сторону рефлексии и более пассивной роли: возрастает объектность и оценочность. Третий (между 23 и 24 годами) — новый подъем субъектности при одновременном снижении рефлексивной оценки.

2. Основные изменения в представлениях о будущем на протяжении периода от подростничества до ранней взрослости проходят четыре условных фазы, выделенных эмпирически:

- старшее подростничество (14 лет) — будущее воспринимается как нечто, что «случается» с человеком, а не целенаправленно им конструируется;
- 15–18 лет — появляется содержательный фокус на трех основных темах: получение профессионального образования, анализ жизненных возможностей и представления о своей семье;
- поздняя юность (19–23 года) — центральным фактором становится способность человека соотносить свои возможности с временными ограничениями и перспективами;
- ранняя взрослость (24–28 лет) — главной темой рассуждений о будущем становится профессиональная деятельность, которая связывается с семьей и личностью самого человека.

Выявленные изменения происходят в рамках чередования фаз временного осмысления будущего и его содержательного наполнения.

3. Содержательные различия в представлениях о будущем, зависящие от пола, заключаются в следующем. Для девушек, участвующих в исследовании, возможности не только связаны с семьей и работой, но и раскрываются через личные характеристики и видение собственных целей. Для юношей возможности — это наличие машины, квартиры, дома, детей. Они об этом знают, думают, могут и будут для этого работать. Цели и мечты юношами связываются с развитием личностных характеристик, с получением образования, со становлением их как специалистов.

ГЛАВА 4. ИССЛЕДОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В ПЕРИОД ОТ СТАРШЕГО ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

В этой главе описан второй этап исследования «Изучение качественной трансформации представлений юношей/девушек о будущем» (2015–2025 годы).

Результаты предыдущего этапа показали: от старшего подростничества к ранней взрослости содержательные и временные характеристики представлений молодых людей о будущем претерпевают изменения. Было установлено, что эмпирически выделенные условные возрастные периоды (старшее подростничество, ранняя юность, поздняя юность и ранняя взрослость) характеризуются чередующимися фазами формирования будущего. При этом две из них (подростковый возраст и возраст поздней юности) демонстрируют осмысление будущего как времени, а две другие (возраст ранней юности и возраст ранней взрослости) являются фазами содержательного наполнения будущего.

Выявленные фазы развития представлений о будущем органично вписываются в исследования, изучающие формирование способности к построению жизненного пути, планированию времени жизни, контролю собственного психологического времени [Абульханова-Славская, 1991; Абульханова-Славская, Березина, 2001; Головаха, Кроник, 2008; Левин, 2000; Мухина, 2010; Мухина, 2012]. Кроме того, выявленные нами изменения связаны с критериями достижения взрослости, которые в настоящее время больше зависят от внутреннего состояния личности.

Указанные тезисы стали основанием для ряда предположений.

В период от старшего подростничества до ранней взрослости различия в представлениях о будущем проявляются в параметрах выбора и восприятия времени жизни.

В период от поздней юности к ранней взрослости происходит принципиальное изменение взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора: если на предшествующих этапах параметры временной перспективы выступают предикторами характеристик выбора, то в ранней взрослости удовлетворенность выбором становится значимым предиктором восприятия времени жизни.

Эти предположений были проверены на втором этапе исследования.

В параграфе 4.1 описывается анализ особенностей представлений о будущем и характеристик выбора в возрастных группах.

В параграфе 4.2 исследуются различия между возрастными группами по характеристикам временной перспективы и профессионального выбора.

В параграфе 4.3 изучаются связи между характеристиками временной перспективы и профессионального выбора.

В параграфе 4.4 исследуются половые различия по характеристикам временной перспективы и профессионального выбора.

Наборы данных, анализируемые в этой главе, размещены по ссылке: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/281>.

4.1. Анализ особенностей представлений о будущем и характеристик выбора в возрастных группах

Выборка этого этапа исследования составила 156 человек: 78 юноши и 78 девушки. Основные демографические показатели выборки: возрастной диапазон 14–28 лет ($M=18,69$, $Me = 18$, $SD = 4,2$).

Исследовательский срез 2024 года проводился очно в компьютерном классе образовательной организации (школа, организация СПО, вуз). Выборка формировалась из двух школ, двух организаций СПО и двух вузов, кроме учащихся привлекались молодые преподаватели, аспиранты, студенты заочного отделения. Одна из организаций каждого уровня была из Москвы, вторая — из небольшого города Владимирской области. Респондентам пояснялось, что участие в исследовании является добровольным, и в любой момент каждый может из него выйти. Нами запрашивалось согласие на участие в исследовании, а также собирались согласия от родителей (законных представителей) несовершеннолетних респондентов в письменной форме.

На этом этапе исследования применялись такие инструменты, как методика «LifeLine» А.А. Кроника, тест самодетерминации, разработанный Е.Н. Осиним на основе исправленной и существенно дополненной шкалы самодетерминации К. Шелдона, и тест «Субъективное качество выбора профиля обучения», подготовленный Д.А. Леонтьевым, Е.Ю. Мандриковой, А.Х. Фам. Кроме того, на этом этапе было изучено восприятие образа взросления при помощи исследовательского приема, связанного с интерпретацией художественного произведения. Респондентам предлагалось посмотреть фрагменты двух фильмов: «Розыгрыш» В. Меньшова (1976 г.) и «Страна Саша» Ю. Трофимовой (2022 г.), а затем ответить на вопросы по ним.

Описательные статистики, приведенные в исходных данных по методике «LifeLine», тесту самодетерминации и тесту «Субъективное качество выбора профиля обучения», включены в Приложение 6. В них наблюдаются заметные тенденции экстремальной асимметрии, высокого разброса и концентрации данных вблизи нуля. Соответственно, данные не

являются нормально распределенными по большинству ключевых показателей, и дальнейшая интерпретация основывалась на значении медианы (вместо среднего), а анализ проводился на основе непараметрических тестов (критериям Манна-Уитни — для изучения различий между группами и Спирмена — для изучения корреляций). Также нами использовался регрессионный анализ. Обработка этих данных проводилась в пакете SPSS Statistics 27.

Статистическая обработка данных, полученных с использованием исследовательского приема, связанного с интерпретацией образа взросления, показанного в художественном произведении, проводилась с помощью иерархического кластерного анализа по методу Уарда (определение оптимального числа кластеров по методу «локтя») в статистическом программном пакете R 4.3.3.

Исходя из выводов главы 3, дальнейший анализ данных строился по четырем условным возрастным группам, выделенным эмпирически: старшее подростничество (14 лет, $N = 38$, из них 20 мальчиков (52,6%), 18 девочек (47,4%), $M = 14$, $Me = 14$, $SD = 0$), ранняя юность (15–18 лет, $N = 48$, из них 27 девушек (56,3%), 21 юноша (43,8%), $M = 16,63$, $Me = 16$, $SD = 1,06$), поздняя юность (19–23 года, $N = 38$, из них 19 юношей (50%), 19 девушек (50%), $M = 20,53$, $Me = 20$, $SD = 1,67$), ранняя взрослость (24–28 лет, $N = 32$, из них 18 мужчин (56,3%), 14 женщин (43,8%), $M = 25,13$, $Me = 24,5$, $SD = 1,43$).

Данные описательных статистик, проанализированные по каждой группе, свидетельствуют о возрастных группах, находящихся в активном, но крайне неоднородном процессе формирования психологического времени (Приложение 6). Эта неоднородность отражает разную степень зрелости, осознанности и сформированности временной перспективы у респондентов каждой возрастной группы, что является ключевой особенностью данного этапа развития. Практически все параметры демонстрируют высокую вариативность (большие значения SD). В дальнейшем анализе использование

медианы вместо среднего значения обусловлено наличием экстремальных выбросов, искажающих нормальное распределение.

Параметры, демонстрирующие каузальные связи между событиями в разрезе возрастных групп, представлены на рисунке 17.

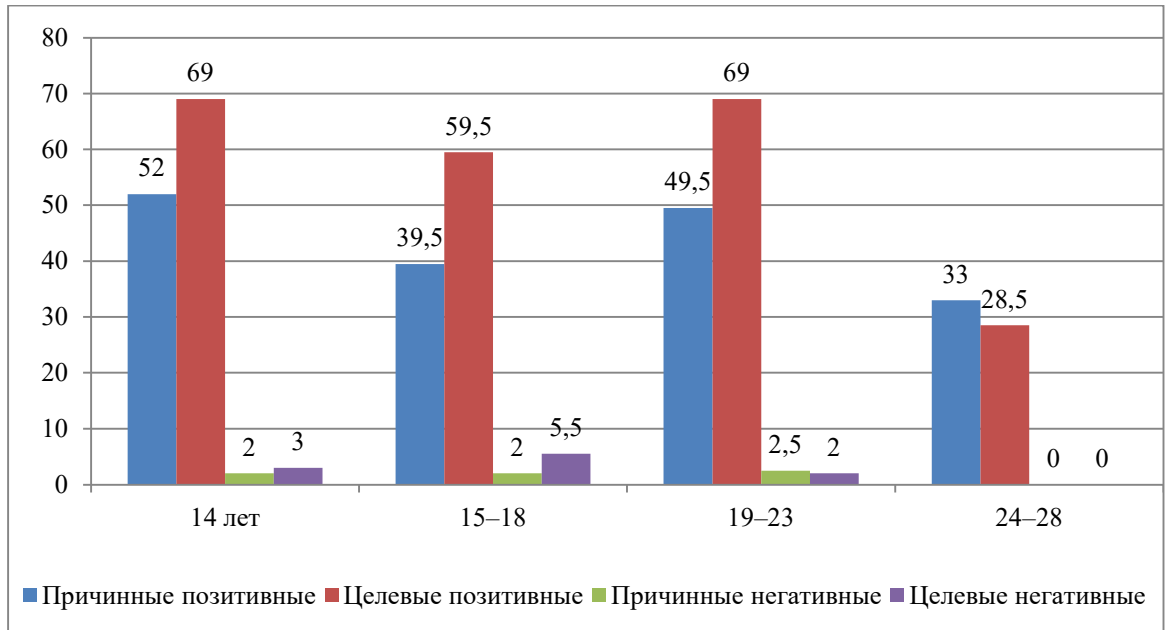

Рис. 17. Сравнение медиан параметров казуальных межсобытийных связей по возрастным группам, N = 156

В целом данные, полученные по параметрам каузальных межсобытийных связей в разрезе групп, показывают следующую картину. Целевые позитивные связи между событиями выражены сильнее причинных позитивных по всем возрастным группам, кроме группы ранней взрослости. Негативные межсобытийные связи выражены слабо. При этом группа ранней юности демонстрирует увеличение целевых негативных межсобытийных связей по сравнению с другими возрастными группами. Здесь важно отметить выраженную положительную асимметрию и высокий эксцесс по показателям негативных каузальных связей, что свидетельствует о минимальной выраженности этих связей или их отсутствии (значительные кластеры нулевых значений). Однако у некоторых респондентов наблюдается достаточно высокое количество негативных связей (максимумы в группе ранней юности 67 и 184), что указывает на глубоко негативное восприятие прошлого опыта (причинные негативные) или тревожные ожидания от

будущего (целевые негативные). Это говорит о максимальной выраженности негативных событийных связей в возрасте ранней юности в восприятии части респондентов. Также на рисунке видно, что ключевые показатели каузальных межсобытийных связей в возрастной группе 24–28-летних характеризуются снижением всех показателей количества связей между событиями по сравнению с младшими группами.

Параметры, демонстрирующие событийную насыщенность прошлого, настоящего и будущего в разрезе возрастных групп, представлены на рисунке 18.

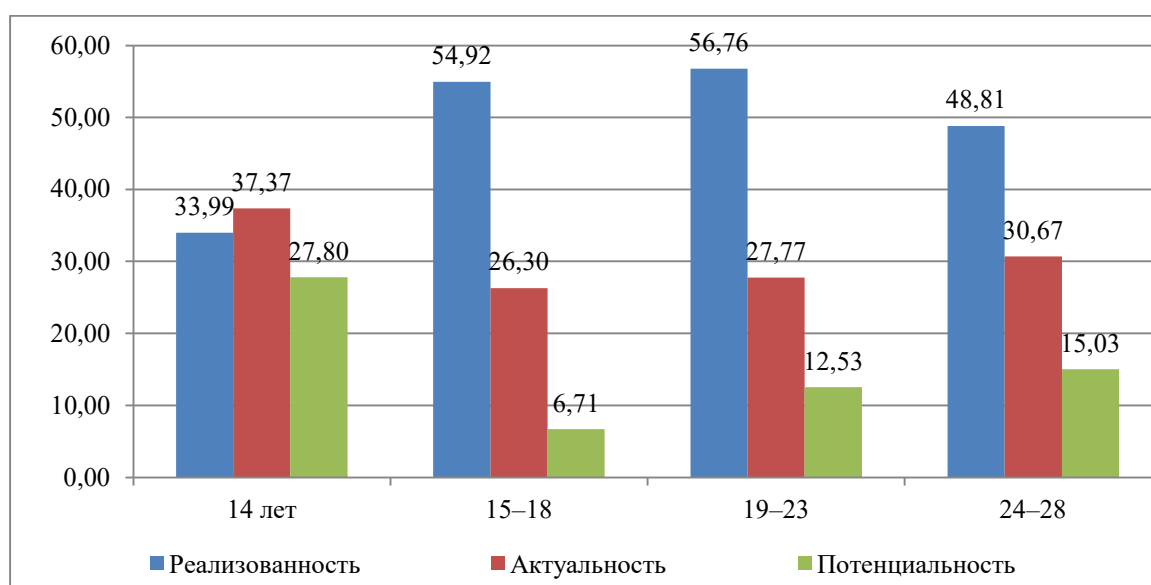

Рис. 18. Сравнение медиан параметров событийной плотности (насыщенности) по возрастным группам, N = 156

У подростковой группы в целом незначительно выше событийная плотность в описании своего настоящего (актуальность), чем прошлого и будущего; это согласуется с типичной для этого возраста ориентацией на «здесь и сейчас». В остальных группах ключевой характеристикой временной трансспективы становится явное доминирование оценки реализованности (насыщенности прошлого).

Целеустремленность в будущее снижается при переходе к каждой следующей возрастной группе: от 19,53 (14 лет) до 1,88 (24–28 лет). Это может говорить о том, что с возрастом уменьшается степень конкретности и определенности целей, либо о смещении фокуса с будущего на настоящее.

Эмоциональное благополучие характеризуется высокой уверенностью (у А.А. Кроника — категоричностью) в сочетании с умеренной удовлетворенностью и выраженной эмоциональностью во всех группах. Значения медиан по группам отличаются незначительно, при высоком уровне вариативности. Таким образом, части выборки свойственна уверенность (категоричность) в своих силах и решениях при некоторой отстраненности, что может указывать на диссонанс в эмоционально-оценочной сфере, то есть на внешнюю демонстрацию уверенности, маскирующую внутреннюю неудовлетворенность или неустойчивость самооощения в контексте активно формирующейся идентичности и временной перспективы.

Согласно данным, полученным по методике «LifeLine» во всех возрастных группах, наблюдаются большой разброс и высокие средние значения параметров, связанных с восприятием собственной взрослости в контексте представлений о времени жизни и своем будущем (Приложение б). Показатели «психологический возраст», «коэффициент взрослости», «субъективный возраст» (прошлое, будущее, настоящее) демонстрируют неоднородность восприятия взрослости, некоторая часть респондентов субъективно ощущает себя намного старше своих реальных лет, воспринимая свою жизнь и личность через призму зрелости, характерной для гораздо более поздних возрастов. Высокая гетерогенность (большие SD и диапазоны) подчеркивает неоднородность по этому вопросу в каждой группе. Например, медиана по показателю «психологический возраст» группы 14 лет составляет 32,84 (SD = 23,52), для группы 15–18 лет — 41,4 (SD = 27,33), для группы 19–23 года — 39,20 (SD = 29,97), для группы 24–28 лет — 40,26 (SD = 26,36). Итак, такие значения статистик могут отражать неоднородность самооощения (часть респондентов чувствует себя «инфантильными», часть — «преждевременно повзрослевшими»), а также разрыв между ожиданиями общества («стать взрослым») и субъективным восприятием.

Субъективный возраст также имеет интересные тенденции. Для старших подростков субъективный возраст будущего (Me) составляет 22,24 года, при

этом в группе ранней взрослости он заметно ниже реального (12,03 года), что может указывать на ощущение «недостигнутости» или стремление к сохранению детскости. Для анализа и понимания этих данных нами был использован исследовательский прием, связанный с интерпретацией образа взросления, показанного в художественном произведении. Респондентам предлагалось посмотреть фрагменты двух фильмов: «Розыгрыш» В. Меньшова (1976 г.) и «Страна Саша» Ю. Трофимовой (2022 г.), а затем ответить на вопросы по ним. Содержание использованных в исследовании фрагментов приведено в Приложениях 7 и 8. Из обоих фильмов для показа респондентам были взяты три фрагмента, каждый продолжительностью от одной до пяти минут; после просмотра респонденты ответили на 11 вопросов об увиденном¹. Таким образом было получено 3432 высказывания по теме взросления, которые обрабатывались при помощи кластерного анализа. Первичный анализ данных содержится в Приложении 9.

Кластерный анализ дал возможность увидеть «сгущения» слов и разбить сводный текст на подмножества слов, связанных внутренними семантическими связями, для определения предпочтительных для респондентов тематик, связанных с обсуждением фрагментов фильмов. «Традиционно в психолингвистике кластерный анализ используется при исследовании субъективной семантики в качестве прямого метода установления внутренних семантических связей» [Петренко, Коротченко, 2008; Петренко, 2005].

Полученные результаты дают возможность верифицировать содержательные темы (кластеры) как основы восприятия взросления для

¹ 1. Какие из мыслей героев Вам показались интересными?
 2. Были ли в Вашей жизни ситуации, схожие с ситуацией ребят?
 3. Испытывали ли Вы со стороны окружающих такое же отношение, как в 1-м фрагменте?
 4. Как сложится будущая жизнь главного героя? (2-й фрагмент).
 5. Как Вы оцениваете идеи в ситуациях из 2-го фрагмента?
 6. В чем сходство мнений героев фильма и Ваших друзей?
 7. Приведите примеры, когда взрослые высказывали такие же опасения, как во 2-м фрагменте фильма.
 8. Чем Вы похожи на героев? (3-й фрагмент)
 9. В чем состоит взрослое отношение героев к жизни в 3-м фрагменте?
 10. В чем заключаются разногласия героев фильма (юноши и его отца) в 3-м фрагменте?
 11. В чем отношение к жизни у Вас/Ваших друзей было похожем на высказанное в 3-м фрагменте?

качественной интерпретации данных, полученных по параметрам методики «LifeLine». Высказывания внутри каждой возрастной группы разбивались на кластеры, согласно проведенному по методу «локтя» анализу. Для каждого кластера выделены топ-термины и отобраны примеры текстов (Приложение 9).

Высказывания старших подростков сгруппировались в пять кластеров. В этих высказываниях преобладают ключевые темы, связанные с конфликтом поколений («музыка», «взгляды на будущее»), поиском идентичности («оптимизм», «будущий», «план») и давлением выбора («поступить», «профессия»). При этом два из пяти кластеров показывают преобладающую эмоциональную реакцию на разногласия с родителями. Также для этого возраста характерно сильное влияние родителей на самоопределение (например, «не станет экономистом, как хотел отец»).

Высказывания юношей и девушек возраста ранней юности, согласно проведенному по методу «локтя» анализу, сгруппировались в восемь кластеров. В высказываниях этой возрастной группы преобладают ключевые темы, связанные с самореализацией («цель», «добиваться», «творчество»), прагматизмом или романтизмом (кластер 4: «прожить жизнь лучше» или «быть готовым к худшему»), оценкой роли образования (кластер 7: «образование обеспечивает будущее»). Для этого возраста характерны активное противостояние давлению (например, «не хочу плыть по течению»), поиск баланса между удовольствием и ответственностью (кластер 6: «гулять или учиться»), глубокая рефлексия о поколенческих различиях (кластер 5).

Высказывания юношей и девушек возраста поздней юности сгруппировались в шесть кластеров. В их высказываниях преобладают ключевые темы, связанные с профессиональным самоопределением («карьера», «творчество», «вуз»), кризисом выбора («бросил первое образование», «не знал профессию»), осознанием ценности времени («жизнь протекает быстро»). Особенности для этой возрастной группы выступают рационализация конфликтов с родителями (например: «отец не понимал мои

цели»), фокус на достижениях (например, «постепенно иду к цели»), переоценка важности образования (от «обязательно» до «можно получить позже»).

В высказываниях респондентов возраста ранней взрослости, сгруппированных в девять кластеров, отражается многомерность их жизненной картины. Центральное место занимают творческое начало и внутренние ориентиры: интерес, творчество, особое состояние молодости (кластер 1). Вопросы самоопределения переплетаются с межличностной динамикой — конфликтами поколений, желаниями, восприятием музыки (кластер 3), а также с попытками что-то доказать, достижениями и их оценкой (кластер 2). Молодые люди осмысливают выбор профессии и необходимость образования, связывая это с творческими устремлениями и планами на будущее (кластер 4). Будущее рассматривается в контексте карьеры, социального статуса, школьного и группового взаимодействия, где ситуация выбора может определять дальнейшую жизнь (кластер 5, например: «без диплома потеряет конкурентоспособность»). В тесной связи с этим находятся ценностные и экзистенциальные размышления — страхи, связанные с неудачей, поиск смыслов (кластер 6, например «страх неудачи», «ответственность»). Процесс взросления осмысливается через принятие ответственности и формирование идентичности (кластер 8) под влиянием семьи и ближайшего окружения (кластер 9). Завершает картину осознание ценности момента: способность наслаждаться жизнью, вера в свои цели, меняющиеся с возрастом (кластер 7). Особенности этой возрастной группы выступают анализ последствий принятых решений, стремление к балансу между социальными ожиданиями («статус», «карьера») и личными устремлениями, трезвая оценка реальности («жизнь сложна и полна преград»), сочетающаяся с поиском идентичности и собственного пути.

Соответственно, изменение восприятия образа взросления раскрывает содержательную сторону процесса развития представлений о будущем. От эмоциональных конфликтов поколений в 14 лет через прагматизацию

образования в 15–18 лет и переоценку его ценности в 19–23 года траектория завершается в ранней взрослости (24–28 лет) анализом социальных рисков и поиском баланса между самореализацией и стабильностью. Этот путь отражает переход от внешне заданных критериев взрослости к внутренней ответственности, где ключевым маркером становится способность интегрировать прошлый опыт в текущие решения без утраты перспективы будущего.

Анализ данных описательных статистик по тесту самодетерминации и тесту «Субъективное качество выбора профиля обучения», осуществлялся в русле концепции личностного выбора Д.А. Леонтьева. Данные представлены в Приложении 6.

Для группы 14-летних подростков характерны: параметр продуманности выбора ($Me = 11$, $Макс = 18$); уровень автономии ($Me = 38$, разброс 29–50). Противоречие между высокой продуманностью ($Me = 11$) и низкой медианой эмоциональной окраски выбора ($Me = 5$) является статистически значимым (выраженная левосторонняя асимметрия равна $-1,681$, $p < 0,05$, исходя из стандартной ошибки). Это интерпретируется как проявление «отчужденного выбора» (Д.А. Леонтьев): выбор рационален, но лишен личностной значимости и позитивного аффекта для большинства подростков. Медиана, равная 9 ($max = 22$), в сочетании с левосторонней асимметрией ($-0,379$) и низкими значениями ($min = -13$) по параметру удовлетворенности выбором могут говорить о распространенности негативных переживаний по отношению к выбору. Левосторонняя асимметрия ($-0,563$) и низкая медиана ($Me = 8$ из 12) по параметру самостоятельность выбора ставят под сомнение чувство авторства решения у значительной части респондентов. Распределение по большинству показателей не является нормальным. Так по параметру самовыражения присутствует левосторонняя асимметрия ($-1,795$) и значительный разброс (14–48) при моде, равной 41, и медиане, равной 40. Данные группы 14-летних подростков отличают мультимодальность (57% переменных имеют несколько мод, например, «удовлетворенность выбором»

с модами 21 и 13), наличие нулевых кластеров и сильная левосторонняя асимметрия.

Данные, отражающие выбор и самодетерминацию по группе 15–18 лет, демонстрируют сбалансированность показателей. Так, по шкале автономии ($Me = 38,5$, $SD = 6,75$, диапазон от 20 до 49) и показателям субъективной оценки выбора профиля обучения, к которым относятся продуманность выбора ($Me = 13$, $SD = 7,40$, диапазон от -17 до 19), самостоятельность выбора ($Me = 9$, $SD = 3,49$, диапазон от 0 до 13), удовлетворенность выбором ($Me = 10$, $SD = 8,58$, диапазон от -10 до 21). Данные по всем показателям, кроме продуманности выбора, характеризуются распределением, близким к симметричному (асимметрия от $-0,6$ до $-0,4$), что указывает на отсутствие выраженных перекосов в оценках. Все перечисленное позволяет говорить о тенденции к автономному выбору профиля обучения в данной возрастной группе.

Данные, полученные по группе поздней юности (19–23 года), показывают, что по показателю продуманность выбора медиана больше среднего ($Me = 12$, $M = 9,84$, асимметрия $-1,246$ (левый хвост)). Значительная часть респондентов (50%) демонстрирует высокую рефлексивность (медиана близка к максимуму 19). Однако низкое среднее и минимум (-10) указывают на подгруппу ($\approx 18\%$), для которой выбор ситуативен. Самостоятельность выбора (мода 12 у 23,7% при $Me = 8$, $SD = 4,87$) с наличием экстернальности (минимум -6) обнаруживается у 21% группы. Эмоциональная окраска выбора (включенность) характеризуется бимодальностью (пики при -18 и $+19$) и высоким разбросом ($Me = 10$, $SD = 8,83$). Разброс по параметру удовлетворенность выбором ($Me = 13 > M = 10,16$ при диапазоне от -24 до 22) свидетельствует о кризисе присвоения выбора. Группа с высокими значениями (медиана 13) демонстрирует сформированную ответственность («выбор как авторский акт»), а минимум значения (-24) свидетельствует об отчуждении последствий решения. Полученные данные свидетельствуют о неоднородности подходов к выбору в поздней юности (19–23 года):

подлинный выбор — 60–65% группы (высокая рефлексия, автономия и эмоциональная включенность), конформный — 20–25% группы (низкая рефлексия, экстернальность и фрустрация).

Данные о выборе, полученные по группе ранней взрослости (24–28 лет), показывают высокую продуманность: рациональную проработку решения ($Me = 14$, $SD = 6,75$) и значение автономии в пределах наблюдаемого разброса ($Me = 39$, $SD = 5,34$). Однако выраженная правосторонняя асимметрия в продуманности (25% на максимуме 18) на фоне низкой медианы эмоциональной окраски ($Me = 6,5$, $SD = 5,07$) и ее правосторонней асимметрии (разброс 1–18) может указывать на феномен «отчужденного выбора», который Д.А. Леонтьев считает ключевой проблемой. Левосторонняя асимметрия в самостоятельности выбора ($Me = 10$, $SD = 4,33$) и в самовыражении ($Me = 42$, $SD = 7,77$, $Mo = 35$, разброс 17–47) является критичной. Медиана удовлетворенности, равная лишь 10 (при максимуме 20, $SD = 9,08$, $Mo = 14$), и мода для показателя самовыражения, равная 35 – это сигналы дефицита переживания самореализации и смысла в выбранной профессиональной траектории у существенной доли группы.

4.2. Анализ значимых различий в представлениях о будущем между возрастными группами

Сравнение возрастных групп с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни ($\alpha = 0,05$) выявило различия в психологических характеристиках выбора и представлений о времени собственной жизни, включая представления о будущем. Далее представлена систематизированная интерпретация выявленных статистически значимых закономерностей. Подробно все полученные данные представлены в Приложении 10.

Статистический анализ выявил следующие значимые различия между участниками исследования старшего подросткового возраста (14 лет) и другими возрастными группами в переменных, связанных с будущим (табл. 8).

Таблица 8. Значимые различия в параметрах выбора и временной перспективы между участниками исследования старшего подросткового возраста (14 лет) и другими возрастными группами

Параметры	Me (14 лет), N = 38	Me (15–18 лет), N = 48	U	p	d-Коэна	Me (19–23 года), N = 38	U	p	d-Коэна	Me (24–28 лет), N = 32	U	p	d-Коэна
Целевые негативные	3	5,5	1126	0,06*	-0,416¹	2	757	0,712	-0,530	0	372	0,004**	0,696¹
Всего потенциальных	36	7	640	0,017*	0,327¹	9,5	509	0,026*	0,284¹	7,5	316	0,001***	0,965²
Потенциальность	27,4	6,71	1811	0,015*	0,386¹	12,53	514	0,03*	0,500¹	15,03	404	0,016*	0,517¹
Насыщенность будущего	27,8	6,71	635	0,015*	0,386¹	12,53	514	0,03*	0,500¹	15,03	404	0,016*	0,517¹
Целеустремленность будущего	19,53	4,6	629	0,013*	0,256¹	3,68	526	0,041*	0,152	1,88	312	0,000***	0,822²

Субъективный возраст будущего	22,24	6,35	633	0,021*	0,367¹	10,02	514	0,03*	0,500¹	12,03	404	0,016*	0,517¹
Ожидаемая продолжительнос ть жизни	90	85	667	0,030*	0,241¹	85	532	0,043*	0,413¹	80	304	0,000***	0,676¹

*Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

*** Различия значимы на уровне 0,001.

¹ Средний размер эффекта.

² Высокий размер эффекта.

Старшие подростки (14 лет) демонстрируют значительно более высокие уровни по параметрам будущего: «всего потенциальных связей», «потенциальность», «насыщенность будущего», «целеустремленность будущего», «субъективный возраст будущего», «ожидаемая продолжительность» жизни, по сравнению с юношами и девушками и молодыми взрослыми (15–28 лет). Наблюдаемая разница статистически значима и подтверждается аналитическими инструментами. Размер эффекта показывает, что разница классифицируется как средний эффект во всех случаях, кроме параметра «целеустремленность будущего», где между группами 14 лет и 19–23 года $d = 0,152$ (размер эффекта не значим), и параметров «потенциальные связи» и «целеустремленность будущего» — между группами 14 лет и 24–28 лет $d > 0,8$ (высокий размер эффекта). Это указывает на особенно резкий спад количества потенциальных связей и целеустремленности будущего при переходе к ранней взрослости.

Данные подтверждают, что 14 лет, если сравнивать с более старшими возрастными группами, — это возраст пика временного расширения будущего, интенсивного фантазирования и завышенных ожиданий относительно него.

Эмоциональная окраска выбора — единственная переменная со стабильными значимыми различиями во всех тестах между респондентами ранней (15–18 лет) и поздней (19–23 года) юности ($U = 1148$, $p = 0,040$, $Me = 6$ (для 15–18 лет), $Me = 10$ (для 19–23 лет), разность медиан = $-4,000$, ДИ при 95% ($-7,000; 0,000$), d -Коэна = $-0,352$) показывает на вероятно более

позитивную окраску у респондентов 19–23 лет, что говорит об улучшении эмоционального принятия совершенного выбора при переходе от ранней к поздней юности. Выбор становится более личностно окрашенным и позитивно воспринимаемым. Между остальными показателями респондентов возраста ранней и поздней юности не обнаруживается устойчивых различий, то есть распределение значений по этим переменным в сравниваемых возрастных группах одинаково.

Статистический анализ выявил следующие значимые различия между участниками исследования ранней взрослости (24–28 лет) и другими возрастными группами в переменных, связанных с будущим (табл. 9).

Таблица 9. Значимые различия в параметрах выбора и временной перспективы между участниками исследования ранней взрослости (24–28 лет) и другими возрастными группами

Параметры	Me (24– 28 лет), N = 32	Me (14 лет) , N = 38	U	P	d- Козна	Me (15– 18 лет), N = 48	U	P	d- Козна	Me (19– 23 года) , N = 38	U	P	d- Козна
Целевые позитивные	28,5	69	430	0,036*	0,585¹	59,5	511	0,012*	0,551¹	69	400	0,014*	0,616¹
Причинные негативные	0	2	434	0,027*	0,551¹	2	503	0,006**	0,574¹	2,5	401	0,009**	0,623¹
Целевые негативные	0	3	372	0,004**	0,696¹	5,5	394	0,000***	0,504¹	2	395	0,008**	0,699¹
Всего причинных	33	54	428	0,034*	0,563¹	49,5	543	0,027*	0,454¹	56,6	398	0,013*	0,645¹
Всего целевых	29	72	424	0,03*	0,665¹	66	416	0,001*	0,717¹	73,5	367	0,004*	0,744¹
Всего актуальных	18,5	42	376	0,006**	0,758¹	25	644	0,222	0,356 ¹	27	472	0,108	0,487 ¹

Реализованность в прошлом	48,81	33,99	818	0,013*	-0,565¹	54,92	808	0,692	-0,067	56,76	633	0,768	-0,022
Насыщенность прошлого	48,81	33,99	824	0,011*	-0,565¹	54,92	808	0,692	-0,067	56,76	630	0,795	-0,022
Целеустремленность в настоящем	4,9	23,75	414	0,022*	0,676¹	13,93	562	0,042*	0,386¹	11,64	446	0,056	0,499 ¹
Уверенность	84,21	75,86	812	0,016*	-0,444¹	68,07	1112	0,001**	-0,709¹	71,57	884	0,001**	-0,792¹
Субъективный возраст прошлого	39,04	27,19	824	0,011*	-0,565¹	44,87	777	0,802	-0,034	45,41	630	0,795	-0,022
Продуманность выбора	14	11	774	0,049*	-0,372¹	13	868	0,323	-0,157	12	728	0,154	-0,282

*Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

*** Различия значимы на уровне 0,001.

¹ Средний размер эффекта.

Молодые взрослые (24–28 лет) демонстрируют значительно более низкие уровни по следующим параметрам временной перспективы: «целевые позитивные», «целевые негативные», «причинные негативные», «всего целевых», «всего причинных», и значительно более высокие — по параметру «уверенность» («категоричность»), по сравнению с подростками, юношами и девушками (14–23 года). Значимые более высокие уровни выявлены по параметрам «реализованность в прошлом», «насыщенность прошлого», «субъективный возраст прошлого» и «продуманность выбора»; более низкие уровни обнаружены по параметру «всего актуальных» только со старшими подростками (14 лет) и по параметру «целеустремленность в настоящем» по сравнению со старшими подростками и юношами/девушками возраста ранней юности (14–18 лет). Наблюдаемая разница статистически значима и подтверждается аналитическими инструментами. Размер эффекта показывает, что разница значима и классифицируется как средний эффект во всех описанных случаях.

Практически нулевые медианы по негативным связям указывают на тенденцию к позитивной реконструкции опыта как механизму адаптации. Высокие показатели реализованности прошлого и уверенности отражают этап подведения первых жизненных итогов и относительной стабилизации самоощущения. Данные свидетельствуют о снижении интенсивности восприятия событийных связей в ранней взрослости по сравнению со старшим подростковым возрастом и юностью. Такое доминирование реализованности прошлого над другими временными модусами в ранней взрослости (24–28 лет), вопреки ожидаемому балансу по А.А. Кронику, может объясняться спецификой современного социально-экономического контекста. Выявленная ключевая роль профессионального статуса как маркера взрослости [Манукян, 2024] создает давление необходимости «подведения итогов», уже достигнутого к этому возрасту. Это смещает фокус на ретроспективную оценку («что я уже успел/не успел сделать»), затмевая проспективную ориентацию.

Таким образом, значимые различия между возрастными группами позволяют сделать ряд выводов.

1. Старшие подростки (14 лет) по сравнению с респондентами более старшего возраста демонстрируют высокий показатель насыщенности будущего: у них много планов, целей и предполагаемых событий в разных сферах жизни.

2. Различия между ранней (15–18 лет) и поздней (19–23) юностью характеризуются усилением эмоциональной оценки сделанного профессионального выбора.

3. Участники исследования возраста ранней взрослости (24–28 лет) отличаются от респондентов раннего возраста более высоким показателем уверенности в жизненных событиях и одновременно снижением количества межсобытийных связей.

4.3. Анализ связей между представлениями о времени собственной жизни и способностью делать выбор в период от старшего подростничества до ранней взрослости

С помощью корреляционного анализа (с применением коэффициента Спирмена) между показателями временной перспективы (по А.А. Кронику) и психологическими характеристиками профессионального выбора внутри четырех возрастных групп была выявлена структура взаимосвязей, показывающая направление и силу совместной изменчивости переменных (Приложение 11). Затем на основе значимых корреляций мы построили серии регрессионных моделей, позволяющих перейти от констатации связей к оценке предсказательных возможностей переменных (Приложение 12).

Ключевой стала гипотеза о том, что с переходом к ранней взрослости происходит принципиальное изменение взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора. Для ее проверки в каждой возрастной группе мы построили и сравнили два типа моделей:

1. модели, где психологические параметры выбора (зависимые переменные) предсказываются характеристиками временной перспективы;
2. модели, где характеристики временной перспективы (зависимые переменные) предсказываются параметрами выбора.

Сравнение объяснительной силы (R^2) и статистической значимости этих двух типов моделей позволяет сделать обоснованный вывод о том, какая из групп переменных с большей вероятностью выступает предиктором на разных этапах онтогенеза.

4.3.1. Старшее подростничество

Корреляционный анализ ($N = 38$) выявил ряд значимых связей. Обнаружены умеренные отрицательные корреляции между причинными негативными событийными связями и шкалой автономии ($r = -0,378$, $p < 0,05$), а также сильные отрицательные связи между целевыми негативными событийными связями и автономией ($r = -0,547$, $p < 0,01$) и между

причинными негативными связями и шкалой самовыражения ($r = -0,566$, $p < 0,001$). Это свидетельствует о слабой интегрированности негативного опыта в структуру автономии и самовыражения. Психологический возраст и коэффициент взрослости также отрицательно связаны с автономией (оба $r = -0,357$, $p < 0,05$). Напротив, целеустремленность в будущем положительно коррелирует с автономией ($r = 0,407$, $p < 0,05$), а удовлетворенность жизнью — с самовыражением ($r = 0,430$, $p < 0,05$).

Ожидаемая продолжительность жизни сильно связана с удовлетворенностью выбором ($r = 0,609$, $p < 0,001$) и умеренно — с его эмоциональной окраской ($r = 0,349$, $p < 0,05$). Эмоциональность временной перспективы отрицательно коррелирует с продуманностью ($r = -0,394$, $p < 0,05$), положительно — с самостоятельностью ($r = 0,338$, $p < 0,05$), эмоциональной окраской выбора ($r = 0,406$, $p < 0,05$) и самовыражением ($r = 0,530$, $p < 0,01$). Уверенность также связана с эмоциональной окраской выбора ($r = 0,381$, $p < 0,05$), его самостоятельностью ($r = 0,439$, $p < 0,05$), удовлетворенностью им ($r = 0,365$, $p < 0,05$) и самовыражением ($r = 0,407$, $p < 0,05$). В то же время субъективный возраст прошлого, его реализованность и насыщенность отрицательно коррелируют с продуманностью и удовлетворенностью выбором (r от $-0,340$ до $-0,409$, $p < 0,05$).

Регрессионный анализ позволил выделить пять значимых моделей, в которых зависимыми переменными выступают психологические параметры выбора, а предикторами — характеристики временной перспективы (Приложение 12).

1. Автономия. Модель объясняет 54% дисперсии ($Adj R^2 = 0,537$, $F = 9,589$, $p < 0,001$). Целеустремленность в будущем выступает положительным предиктором автономии ($\beta = 0,776$, $p = 0,003$), а целевые негативные событийные связи ($\beta = -0,700$, $p < 0,001$) и коэффициент взрослости ($\beta = -0,527$, $p = 0,002$) — ее отрицательными предикторами. Таким образом, автономия подростка тем выше, чем сильнее его ориентация на будущее и чем

меньше негативных ожиданий и психологической «взрослости», которая, вероятно, связана с давлением ответственности.

2. Самовыражение. Модель значима ($Adj R^2 = 0,387$, $F = 6,842$, $p < 0,001$). Эмоциональность временной перспективы выступает положительным предиктором ($\beta = 0,482$, $p = 0,005$), а причинные негативные связи — отрицательным ($\beta = -0,384$, $p = 0,034$). Таким образом, самовыражение положительно ассоциировано с эмоциональностью временной перспективы и отрицательно — с причинными негативными связями.

3. Самостоятельность выбора. Модель объясняет 17% дисперсии ($Adj R^2 = 0,168$, $F = 4,731$, $p = 0,015$). Единственным значимым предиктором выступает уверенность ($\beta = 0,405$, $p = 0,012$); эмоциональность включена в модель, но незначима. Уверенность в событиях своей жизни является ресурсом для самостоятельного принятия решений в 14 лет.

4. Удовлетворенность выбором. Сильная модель ($Adj R^2 = 0,439$, $F = 10,665$, $p < 0,001$). Уверенность ($\beta = 0,315$, $p = 0,016$) и ожидаемая продолжительность жизни ($\beta = 0,447$, $p = 0,001$) выступают положительными предикторами удовлетворенности выбором, тогда как субъективный возраст прошлого — отрицательным ее предиктором ($\beta = -0,412$, $p = 0,002$). Подростки, воспринимающие свое прошлое как протяженное и насыщенное, менее удовлетворены текущим выбором, в то время как уверенность в себе и ожидание долгой жизни способствуют удовлетворенности.

5. Эмоциональная окраска выбора. Модель объясняет 30% дисперсии ($Adj R^2 = 0,302$, $F = 6,337$, $p = 0,002$). Наибольший вклад вносит ожидаемая продолжительность жизни ($\beta = 0,435$, $p = 0,004$); уверенность также значима, но меньше ($\beta = 0,163$, $p = 0,033$). Соответственно, ожидаемая продолжительность жизни и уверенность положительно связаны с эмоциональной окраской выбора.

Модели, где характеристики временной перспективы выступали бы зависимыми переменными, а параметры выбора — предикторами, оказались статистически незначимыми. Например, для целеустремленности в будущем p

= 0,461 ($R^2 = 0,043$), для эмоциональности $p = 0,78$ ($R^2 = 0,179$). Следовательно, в 14 лет именно особенности временной перспективы определяют психологические характеристики профессионального выбора, а не наоборот.

4.3.2. Ранняя юность

В группе ранней юности ($N = 48$) корреляционный анализ выявил отрицательную связь причинных негативных событийных связей с самостоятельностью выбора ($r = -0,318$, $p < 0,05$). Удовлетворенность выбором положительно коррелирует с количеством актуальных событий ($r = 0,305$, $p < 0,05$), целеустремленностью в настоящем ($r = 0,352$, $p < 0,05$) и ожидаемой продолжительностью жизни ($r = 0,440$, $p < 0,05$). Так, высокая удовлетворенность связана как с включенностью в текущие события, так и с верой в долгое будущее.

Регрессионный анализ дал только одну значимую модель ($F = 5,538$, $p = 0,007$), где зависимой переменной выступает удовлетворенность выбором (Приложение 12). Модель включает два предиктора: ожидаемую продолжительность жизни и целеустремленность в настоящем и объясняет 16% дисперсии ($Adj R^2 = 0,162$). При этом значимым предиктором является только ожидаемая продолжительность жизни ($\beta = 0,355$, $p = 0,011$); целеустремленность в настоящем проявляет лишь тенденцию ($\beta = 0,246$, $p = 0,070$). Ожидаемая продолжительность жизни положительно связана с удовлетворенностью выбором.

Модели обратного направления (параметры выбора как предикторы временных характеристик) не достигли значимости: для причинных негативных связей $p = 0,332$ ($R^2 = 0,048$), для ожидаемой продолжительности жизни $p = 0,79$ ($R^2 = 0,141$). Таким образом, в ранней юности сохраняется логика, выявленная в подростковом возрасте: временная перспектива (прежде всего ожидаемая продолжительность жизни) предсказывает удовлетворенность выбором, но не наоборот.

4.3.3. Поздняя юность

В поздней юности ($N = 38$) корреляционный анализ показал отрицательные связи самостоятельности выбора с общим количеством потенциальных событийных связей ($r = -0,324$, $p < 0,05$) и с целеустремленностью в будущем ($r = -0,344$, $p < 0,05$). Выявленная корреляция подчеркивает, что высокая самостоятельность в выборе связана со слабой представленностью будущего. Уверенность, напротив, положительно коррелирует с эмоциональной окраской выбора ($r = 0,326$, $p < 0,05$), самостоятельностью ($r = 0,340$, $p < 0,05$) и удовлетворенностью ($r = 0,386$, $p < 0,05$).

Регрессионный анализ выявил три значимые модели, в которых зависимыми переменными выступают параметры выбора, а предикторами — характеристики временной перспективы (Приложение 12).

1. Самостоятельность выбора (модель 1). Предикторы: общее количество потенциальных связей и уверенность. Модель значима ($F = 7,315$, $p = 0,002$, $Adj R^2 = 0,254$). Потенциальные связи выступают отрицательным предиктором самостоятельности выбора ($\beta = -0,335$, $p = 0,041$); уверенность проявляет положительную тенденцию, но не достигает значимости ($\beta = 0,304$, $p = 0,063$). Чем больше планов и ожиданий относительно будущих событий, тем ниже субъективная самостоятельность в текущем профессиональном выборе.

2. Удовлетворенность выбором. Простая модель с одним предиктором — уверенностью ($F = 4,914$, $p = 0,033$, $Adj R^2 = 0,096$). Уверенность выступает предиктором удовлетворенности выбором ($\beta = 0,347$, $p = 0,033$).

3. Самостоятельность выбора (модель 2). Предикторы: целеустремленность в будущем и уверенность. Модель значима ($F = 7,368$, $p = 0,002$, $Adj R^2 = 0,256$). Целеустремленность в будущем выступает отрицательным предиктором самостоятельности выбора ($\beta = -0,350$, $p = 0,040$); уверенность вновь незначима ($\beta = 0,276$, $p = 0,101$). Этот результат

согласуется с первой моделью: ориентация на будущие цели может подрывать ощущение авторства в настоящем выборе.

Модели, где характеристики временной перспективы (зависимые переменные) предсказываются параметрами выбора, снова оказались либо не значимыми, либо в них невозможно определить вклад параметров выбора. Например, модель, где параметры выбора (удовлетворенность, самостоятельность, эмоциональная окраска) должны были предсказывать уверенность, значима с небольшим размером эффекта ($p = 0,042$, $Adj R^2 = 0,142$), но ни один из отдельных предикторов не является значимым. Таким образом, несмотря на изменение структуры связей (появление негативной роли будущего), направление влияния остается прежним: в поздней юности особенности параметров времени определяют характеристики выбора.

4.3.4. Ранняя взрослость

В ранней взрослости ($N = 32$) картина взаимосвязей качественно меняется. Корреляционный анализ показывает, что удовлетворенность выбором и самовыражение тесно связаны с различными аспектами временной перспективы — позитивными и негативными событийными связями, целеустремленностью в прошлом, настоящем и будущем, ожидаемой продолжительностью жизни (Приложение 11). Особенно важно, что появляются положительные корреляции с негативными событийными связями, во-первых, удовлетворенности (целевые негативные: $r = 0,416$, $p < 0,05$; причинные негативные: $r = 0,446$, $p < 0,05$), во-вторых, самовыражения (целевые негативные: $r = 0,395$, $p < 0,05$; причинные негативные: $r = 0,387$, $p < 0,05$). Это может отражать процесс интеграции трудного опыта в смысловую структуру жизни, когда даже негативные события воспринимаются как часть пути, ведущего к удовлетворяющему выбору. Это согласуется с идеей Д.А. Леонтьева о том, что даже трудный, но внутренне принятый выбор ведет к удовлетворенности.

Одновременно обнаружены сильные отрицательные связи самостоятельности выбора с показателями насыщенности настоящего (целеустремленность настоящего: $r = -0,584$, $p < 0,001$; субъективный возраст настоящего: $r = -0,471$, $p < 0,01$; количество актуальных связей: $r = -0,595$, $p < 0,01$; актуальность настоящего: $r = -0,471$, $p < 0,01$; насыщенность настоящего: $r = -0,471$, $p < 0,01$). Это указывает на то, что в данном возрасте высокая включенность в текущие дела и давление «быть взрослым» могут парадоксально сочетаться с пониженным чувством свободы выбора.

Также положительные корреляции выявлены между удовлетворенностью и позитивными событийными связями (целевые позитивные: $0,404$, $p < 0,05$; причинные позитивные: $r = 0,481$, $p < 0,01$), самовыражением (целевые позитивные: $r = 0,442$, $p < 0,05$; причинные позитивные: $0,449$, $p < 0,05$) и продуманностью (причинные позитивные: $r = 0,357$, $p < 0,05$). Наличие значимых, положительно окрашенных событий, как в прошлом, так и в будущем связано с осуществлением продуманного, внутренне удовлетворяющего выбора, через который личность может выразить свою подлинную сущность. Также выявлены положительные связи удовлетворенности выбором с общим количеством причинных ($r = 0,511$, $p < 0,01$), реализованных ($r = 0,392$, $p < 0,05$), целевых ($r = 0,412$, $p < 0,05$) связей и самовыражения — с общим количеством причинных ($r = 0,465$, $p < 0,01$), реализованных ($r = 0,426$, $p < 0,05$), целевых ($r = 0,446$, $p < 0,05$) связей. Это позволяет предполагать, что понимание одних событий своей жизни как причин других тесно переплетено с чувством удовлетворенности и ощущением возможности выражать себя. Ожидаемая продолжительность жизни связана с удовлетворенностью выбором ($r = 0,489$, $p < 0,01$) и самовыражением ($r = 0,435$, $p < 0,05$). Также, целеустремленность связана с удовлетворенностью выбором (прошлого: $r = 0,388$, $p < 0,05$; будущего: $r = 0,407$, $p < 0,05$) и самовыражением (прошлого: $r = 0,413$, $p < 0,05$; будущего: $r = 0,410$, $p < 0,05$), а эмоциональность в оценке событий своей жизни отрицательно связана с удовлетворенностью выбором ($r = -0,360$, $p < 0,05$).

Самый неожиданный результат — сильные отрицательные корреляции уверенности с продуманностью ($r = -0,493$, $p < 0,01$), удовлетворенностью ($r = -0,490$, $p < 0,01$) и самовыражением ($r = -0,497$, $p < 0,01$). Высокая уверенность в событиях своей жизни, которая в юности была ресурсом, здесь «противоречит» продуманному и удовлетворяющему выбору. Это может свидетельствовать о компенсаторном механизме: ригидная уверенность становится психологической защитой от когнитивного диссонанса между ожиданиями и реальностью [Festinger, 2022], блокируя более глубокую рефлексию и подлинное самовыражение.

Регрессионный анализ (Приложение 12) дает девять значимых моделей, и все они имеют обратную направленность: зависимыми переменными выступают характеристики временной перспективы, а предикторами — параметры профессионального выбора. Это кардинально отличает раннюю взрослость от предыдущих возрастов. Опишем эти модели подробнее.

1. Причинные позитивные связи. Модель объясняет 46% дисперсии ($\text{Adj } R^2 = 0,460$, $F = 14,196$, $p < 0,001$). Удовлетворенность выбором является сильным положительным предиктором ($\beta = 0,686$, $p < 0,001$), тогда как самовыражение — отрицательным ($\beta = -0,532$, $p < 0,001$). Чем выше удовлетворенность выбором, тем больше позитивных причин в прошлом видит человек; стремление к самовыражению, напротив, снижает количество таких связей, возможно, смещая фокус на внутренние, ценностные аспекты.

2. Целевые негативные связи. Модель объясняет 19% дисперсии ($\text{Adj } R^2 = 0,194$, $F = 3,481$, $p = 0,029$). Удовлетворенность выбором положительно связана с негативными целевыми связями ($\beta = 0,391$, $p = 0,034$). Люди, удовлетворенные выбором, более реалистично оценивают возможные негативные последствия своих целей. В модель также включены шкала самовыражения и продуманность выбора, которые незначимы.

3. Целевые позитивные связи. Модель объясняет 35% дисперсии ($\text{Adj } R^2 = 0,345$, $F = 9,163$, $p = 0,001$). Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,663$, $p < 0,001$)

выступает положительным предиктором позитивных целевых связей; самовыражение незначимо.

4. Общее количество причинных связей. Очень сильная модель ($Adj R^2 = 0,473$, $F = 14,897$, $p < 0,001$). Удовлетворенность ($\beta = 0,517$, $p = 0,002$) и самовыражение ($\beta = 0,703$, $p = 0,001$) выступают положительными предикторами общего числа причинных межсобытийных связей. Это говорит о том, что пережитый и внутренне принятый выбор способствует более разветвленному восприятию причинно-следственных связей в жизни.

5. Количество реализованных связей. Модель объясняет 19% дисперсии ($Adj R^2 = 0,186$, $F = 4,544$, $p = 0,019$). Удовлетворенность выбором положительно связана с количеством реализованных связей ($\beta = 0,520$, $p = 0,005$). В эту модель также включена шкала самовыражения.

6. Уверенность. Модель объясняет 20% дисперсии ($Adj R^2 = 0,200$, $F = 4,871$, $p = 0,015$). Удовлетворенность выбором отрицательно связана с уверенностью ($\beta = -0,501$, $p = 0,007$); в модель также включена шкала самовыражения, которая незначима. Удовлетворенность выбором выступает отрицательным предиктором уверенности, что согласуется с корреляционными данными и интерпретацией защитной функции уверенности.

7. Целеустремленность в будущем. Очень сильная модель ($Adj R^2 = 0,492$, $F = 16,090$, $p < 0,001$). С целеустремленностью в будущем положительно связана удовлетворенность выбором ($\beta = 0,619$, $p < 0,001$) и отрицательно — самовыражение ($\beta = -0,657$, $p < 0,001$). Высокое самовыражение, вероятно, связано с ориентацией на настоящее, а не на отдаленные цели.

8. Целеустремленность в прошлом. Модель объясняет 34% дисперсии ($Adj R^2 = 0,341$, $F = 9,011$, $p = 0,001$). Удовлетворенность выступает положительным предиктором целеустремленности в прошлом ($\beta = 0,638$, $p < 0,001$), а самовыражение — отрицательным ($\beta = -0,392$, $p = 0,018$).

9. Общее количество целевых связей. Модель объясняет 36% дисперсии ($Adj R^2 = 0,364$, $F = 9,873$, $p = 0,001$). Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,678$,

$p < 0,001$) выступает положительным предиктором общего количества целевых связей; самовыражение проявляет тенденцию ($\beta = 0,303$, $p = 0,058$).

Таким образом, в ранней взрослости удовлетворенность сделанным профессиональным выбором становится центральным фактором, формирующим позитивную событийную картину прошлого и будущего, увеличивая количество воспринимаемых межсобытийных связей и целеустремленность [Шилова, 2025в]. Самовыражение через выбор также вносит вклад, но часто в противоположном направлении (например, снижая ориентацию на будущее и количество позитивных причинных связей), что может отражать переориентацию с внешних планов на внутреннюю самореализацию. Эта качественная трансформация согласуется с объективно зафиксированным нами ранее сдвигом в структуре временной перспективы у этой возрастной группы — снижением ориентации на будущее и ростом значимости реализованного прошлого и уверенности.

Модели, где психологические параметры выбора (зависимые переменные) предсказываются характеристиками временной перспективы, в этой группе либо незначимы, либо статистически ненадежны из-за высокого уровня мультиколлинеарности ($VIF > 10$). Например, развернутая модель для предсказания удовлетворенности выбором с 11 предикторами, формально будучи значимой ($p < 0,001$), содержит множество коллинеарных переменных, что делает ее интерпретацию некорректной. Отсутствие простых и надежных моделей с временными предикторами подтверждает смену направления связей.

Сформулируем основные выводы о связи временной перспективы и профессионального выбора в возрастной динамике.

1. В старшем подростковом возрасте (14 лет) выбор критически зависит от уверенности. Негативный опыт и негативные ожидания (причинные/целевые связи) снижают автономию и самовыражение, тогда как уверенность, эмоциональность и ожидаемая продолжительность жизни выступают ресурсными факторами. Ориентация на будущее (целеустремленность)

способствует автономии. На этом этапе временная перспектива является предиктором характеристик выбора.

2. В ранней юности (15–18 лет) прослеживается аналогичная закономерность: более высокая ожидаемая продолжительность жизни выступает позитивным предиктором удовлетворенности выбором. Остальные связи проявляются слабее, что может быть объяснено переходным характером периода.

3. В поздней юности (19–23 года) временная перспектива по-прежнему определяет характеристики выбора, однако структура связей меняется: насыщенное будущее (множество потенциальных связей и высокая целеустремленность) начинает препятствовать ощущению самостоятельности в настоящем выборе. Уверенность сохраняет свою позитивную роль для удовлетворенности выбором.

4. В ранней взрослости (24–28 лет) происходит качественная трансформация: пережитый, осмысленный и оцененный профессиональный выбор становится ведущим фактором, формирующим субъективную картину времени. Удовлетворенность выбором и самовыражение через него предсказывают разнообразные параметры временной перспективы — от количества межсобытийных связей до целеустремленности в прошлом и будущем. Парадоксальная отрицательная связь уверенности с удовлетворенностью выбором указывает на возможную защитную функцию излишней категоричности.

Таким образом, эмпирически выявлено, что при переходе к ранней взрослости происходит принципиальное изменение взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора. Если на этапах от подростничества до поздней юности временная перспектива выступает предиктором характеристик выбора, то в ранней взрослости направление предикции меняется на противоположное: удовлетворенность и самовыражение, достигнутые в результате выбора, начинают предсказывать то, как человек структурирует свою жизнь во времени.

4.4. Анализ половых различий в представлениях о будущем

Из общей выборки этого этапа ($N = 156$, возраст 14–28 лет) в исследовании участвовали 78 юношей ($Me = 18,00$; $SD = 4,50$) и 78 девушек ($Me = 18$ года, $SD = 3,84$). Описательные статистики по группам юношей и девушек приведены в Приложении 6. Различия изучались с помощью критерия Манна-Уитни; данные анализа различий приведены в Приложении 7.

«Результаты свидетельствуют о высокой степени сходства юношей и девушек по широкому спектру исследуемых психологических характеристик, связанных с временной перспективой (уверенность, удовлетворенность жизнью, эмоциональность)» [Шилова, 2026]. В исследовании не было выявлено влияния пола на дифференциацию групп по этим параметрам.

Вместе с тем, несмотря на общее сходство, зафиксированы принципиальные различия в психологических характеристиках, сопряженных с профессиональным выбором. Девушки демонстрируют статистически значимо более высокие показатели эмоциональной окраски сделанного выбора ($U = 2185,5$, $p = 0,002$, d -Коэна = $0,543$), удовлетворенности сделанным выбором ($U = 2275,5$, $p = 0,007$, d -Коэна = $0,473$) и уровня самовыражения ($U = 2221,5$, $p = 0,004$, d -Коэна = $0,508$) по сравнению с юношами. Величина эффекта и доверительные интервалы (не включающие 0) подтверждают устойчивость этих различий (Приложение 10).

Описательные статистики данных юношей по этим показателям показывают следующее: а) умеренную эмоциональную окраску выбора ($Me = 8,5$; $SD = 5,67$), у 28,2% респондентов наблюдается нейтральная позиция; б) высокий уровень самовыражения ($Me = 42$, $SD = 5,53$), модальное значение (42) совпадает с медианой, что указывает на однородность данных, минимальные значения (28 баллов) зафиксированы у 7,7% выборки; в) умеренную удовлетворенность выбором ($Me = 14$; $SD = 8,35$), при этом у 3,8% респондентов обнаружена выраженная неудовлетворенность выбором (значения ≤ -8).

Описательные статистики данных девушек по этим показателям показывают, что профессиональный выбор характеризуется самовыражением на среднем уровне ($Me = 39$, $SD = 8,33$), удовлетворенностью ($Me = 7,5$, $SD = 10,46$) с поляризацией (пики на цифрах -1 и $7,5$) и эмоциональной окраской ($Me = 5,5$, $SD = 7,78$) выше среднего уровня. Поляризация удовлетворенности выбором зеркально отражает бимодальность, указывая на существование двух контрастных подгрупп в восприятии своего профессионального пути.

Сформулируем основные отличия по полу, выявленные в ходе проведения корреляционного анализа данных параметров временной перспективы (методика «LifeLine») и профессионального выбора (тесты самодетерминации и «Субъективное качество выбора профиля обучения»), значимые связи ($p < 0,05$ и $p < 0,01$) (Приложение 11).

Ожидаемая продолжительность жизни по-разному связана с профессиональным выбором у девушек и юношей. У девушек этот показатель играет противоречивую роль: он положительно связан с удовлетворенностью выбором ($r = 0,405$, $p = 0,000$) и автономией ($r = 0,295$, $p = 0,009$), но отрицательно — с самостоятельностью выбора ($r = -0,245$, $p = 0,030$). У юношей связь исключительно позитивная: ожидаемая продолжительность жизни положительно связана с продуманностью выбора ($r = 0,264$, $p = 0,020$), его эмоциональной окраской ($r = 0,284$, $p = 0,012$) и самостоятельностью выбора ($r = 0,322$, $p = 0,004$), а также удовлетворенностью им ($r = 0,387$, $p = 0,000$).

У девушек выявлены значимые положительные корреляции между удовлетворенностью выбором и целевыми позитивными межсобытийными связями ($r = 0,248$, $p = 0,029$), а также общим количеством целевых ($r = 0,258$, $p = 0,023$) и актуальных связей ($r = 0,233$, $p = 0,040$). У юношей зафиксированы отрицательные корреляции между потенциальными межсобытийными связями и самостоятельностью выбора ($r = -0,249$, $p = 0,028$), причинными негативными связями и удовлетворенностью выбором ($r = -0,306$, $p = 0,006$), автономией ($r = -0,246$, $p = 0,030$) и самовыражением ($r = -0,342$, $p = 0,002$).

Кроме того, только у юношей насыщенность будущего отрицательно связана с самостоятельностью выбора ($r = -0,227$, $p = 0,046$), а насыщенность прошлого — положительно с самостоятельностью ($r = 0,225$, $p = 0,048$) и отрицательно с продуманностью выбора ($r = -0,232$, $p = 0,041$).

Целеустремленность также демонстрирует различия. У девушек актуальная ($r = 0,224$, $p = 0,048$) и будущая целеустремленность ($r = 0,240$, $p = 0,035$) позитивно связаны с удовлетворенностью выбором. У юношей будущая целеустремленность отрицательно связана с самостоятельностью выбора ($r = -0,245$, $p = 0,030$).

Только в группе девушек самовыражение связано с удовлетворенностью в показателях временной перспективы ($r = 0,263$, $p = 0,020$), а уверенность — с самостоятельностью выбора ($r = 0,329$, $p = 0,003$).

Связи с восприятием возраста значимы только для юношей: самостоятельность выбора связана с психологическим возрастом ($r = 0,341$, $p = 0,002$), коэффициентом взрослости ($r = 0,372$, $p = 0,001$), субъективным возрастом в прошлом ($r = 0,244$, $p = 0,032$), а продуманность выбора — с субъективным возрастом в будущем ($r = 0,226$, $p = 0,049$).

Данные регрессионного анализа (Приложение 12) свидетельствуют о том, что характер связи между временной перспективой и профессиональным выбором имеет обусловленную половыми различиями специфику. При этом все значимые регрессионные модели, полученные в ходе анализа, имели структуру простой линейной регрессии с единственным предиктором.

У юношей ожидаемая продолжительность жизни является положительным предиктором самостоятельности выбора и удовлетворенности им. Ожидаемая продолжительность жизни у юношей положительно связана с удовлетворенностью выбором ($\beta = 0,277$, $p = 0,014$; модель: $F = 6,311$, $p = 0,014$, $R^2 = 0,077$, 7,7% дисперсии) и с его самостоятельностью ($\beta = 0,428$, $p = 0,013$, модель: $F = 3,973$, $p = 0,001$, $R^2 = 0,319$, 31,9% дисперсии). Целеустремленность в будущем у юношей положительно связана с самостоятельностью выбора ($\beta = -0,390$, $p = 0,000$,

модель: $F = 13,636$, $p = 0,001$, $R^2 = 0,152$). Коэффициент взрослости и психологический возраст у юношей отрицательно связаны с самостоятельностью выбора. Модели значимы $F = 5,131$, $p = 0,026$, $R^2 = 0,063$ и $F = 6,792$, $p = 0,011$, $R^2 = 0,070$, соответственно. Параметры, относящиеся к прошлому (его насыщенность, реализованность), не влияют на выбор или исключаются из моделей из-за коллинеарности. Эмоциональная окраска выбора, автономия и самовыражение не зависят от исследованных параметров времени.

Ожидаемая продолжительность жизни у девушек положительно связана с удовлетворенностью выбором ($\beta = 0,400$, $p = 0,000$, модель: $F = 14,466$, $p = 0,000$, $R^2 = 0,160$, 16% дисперсии). Девушки с более длительной ожидаемой продолжительностью жизни ($\beta = 0,326$, $p = 0,004$) демонстрируют бóльшую автономию. Модель значима: $F = 9,047$, $p = 0,004$, $R^2 = 0,106$ (объясняет 10,6% дисперсии). Удовлетворенность временной перспективой ($\beta = 0,305$, $p = 0,007$) положительно связана с самовыражением у девушек. Модель значима: $F = 7,772$, $p = 0,007$, $R^2 = 0,093$ (объясняет 9,3% дисперсии).

Целеустремленность в будущем и настоящем, а также количество актуальных межсобытийных связей у девушек положительно связаны с удовлетворенностью выбором. Все три модели значимы ($F = 5,910$, $p = 0,017$, $R^2 = 0,072$; $F = 6,217$, $p = 0,015$, $R^2 = 0,063$; $F = 6,377$, $p = 0,014$, $R^2 = 0,065$, соответственно).

Таким образом, ожидаемая продолжительность жизни предсказывает удовлетворенность выбором у обоих полов, автономию — только у девушек. У девушек удовлетворенность временной перспективой предсказывает уровень самовыражения, а целеустремленность в будущем и в настоящем, а также количество актуальных межсобытийных связей предсказывают удовлетворенность выбором. В отличие от девушек, самостоятельность в профессиональном самоопределении юношей значимо отрицательно связана с их возрастной идентичностью и целеустремленностью в будущем.

Выводы по четвертой главе

1. Качественная трансформация в развитии представлений о будущем состоит в следующем: 1) старших подростков (14 лет) по сравнению с респондентами более старшего возраста отличает высокий показатель насыщенности будущего межсобытийными связями, у них много планов, целей и предполагаемых событий в разных сферах жизни; 2) различия между юношами/девушками ранней (15–18 года) и поздней юности (19–23 года) характеризуются усилением эмоциональной оценки сделанного профессионального выбора; 3) респонденты возраста ранней зрелости (24–28 лет) отличаются от респондентов раннего возраста более высоким показателем уверенности в жизненных событиях и одновременно снижением межсобытийных связей.

2. Специфика связи временной перспективы и характеристик профессионального самоопределения с возрастом существенно меняется. В подростковом возрасте (14 лет) выбор в значительной степени реактивен, сильно зависит от эмоциональных факторов и уверенности, при этом негативный опыт подрывает автономию. У юношей/девушек (15–18 лет) ожидаемая продолжительность жизни выступает ключевым предиктором удовлетворенности выбором. В поздней юности (19–23 года) уверенность приобретает предиктивную роль для повышения самостоятельности выбора и удовлетворенности им; также предиктивную роль в повышении самостоятельности выбора играют потенциальные межсобытийные связи. В ранней зрелости (24–28 лет) структура взаимосвязей меняется: удовлетворенность осуществленным выбором и самовыражение становятся предикторами для широкого спектра параметров временной перспективы.

3. Несмотря на общее сходство юношей и девушек по базовым параметрам временной перспективы, выявлены устойчивые различия в сфере профессионального выбора и его связи с восприятием времени жизни. Девушки демонстрируют достоверно более высокие показатели эмоциональной окраски, удовлетворенности и самовыражения в

профессиональном выборе. Взаимосвязи характеристик выбора с параметрами временной перспективы также различаются по полу. Так, ожидаемая продолжительность жизни у девушек позитивно предсказывает автономию и удовлетворенность выбором, а удовлетворенность жизненными событиями позитивно предсказывает самовыражение. Кроме того, для девушек удовлетворенность выбором положительно предсказывается целеустремленностью будущего и настоящего, а также общим количеством актуальных межсобытийных связей. У юношей ожидаемая продолжительность жизни является важным предиктором, вносящим позитивный вклад в формирование самостоятельного и удовлетворяющего профессионального выбора. В отличие от девушек, профессиональное самоопределение юношей значимо отрицательно связано с их возрастной идентичностью (психологическим возрастом, коэффициентом зрелости); кроме того, оно находится под влиянием негативного представления о будущих целях, которые снижают самостоятельность выбора.

ГЛАВА 5. КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В ПЕРИОД ОТ СТАРШЕГО ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

5.1. Содержание концепции развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости

По итогам теоретического исследования разработана концепция развития представлений о будущем человека в возрасте от старшего подростничества до ранней взрослости.

1. При разработке концептуального понимания «представлений о будущем» мы опираемся на положение о том, что данный феномен — это не просто интуитивные ожидания личности относительно своего будущего, а динамическое и системное психологическое образование, являющееся непрерывным процессом внутренней работы по самоопределению и рефлексии, определяющее способность человека сознательно и мысленно предвидеть, прогнозировать будущее, а также формировать образы себя в нем, что является частью психологической перспективы личности (по К.А. Абульхановой-Славской). Представления о будущем тесно связаны с личностной перспективой (готовностью к будущему в настоящем, установкой на него) и жизненной перспективой (условиями и возможностями для оптимального жизненного продвижения). Таким образом, представления о будущем объединяют когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты, направленные на проектирование жизненного пути.

Концепция основывается на положениях, обозначенных К.А. Абульхановой-Славской, которая предлагает разделять «...психологическую, личностную и жизненную перспективы личности» [Абульханова-Славская, 1991]. При этом, психологическая перспектива, по ее мнению, — это «...способность человека сознательно, мысленно, предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем» [там же, с. 144], а представления о будущем «...для одних старших подростков связываются с

профессиональным выбором, для других — с личностными притязаниями и со своими будущими достижениями (удачная карьера), у третьих — с личными устремлениями и потребностями (дружба, любовь, семья)» [там же]. Личностная перспектива определяется К.А. Абульхановой-Славской как готовность к будущему в настоящем, как установка на будущее, а «...жизненная перспектива включает совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают возможность для оптимального жизненного продвижения личности» [там же, с. 144–145].

Г. Олпорт подчеркивает, что представления человека о будущем формируют его мышление и поступки [Олпорт, 2002]. Способность воспринимать будущее, как отмечают К.Н. Белогай и Н.А. Бугрова, играет важную роль в построении субъективной картины личностного роста. Они связывают «психологическое будущее» с познавательными процессами и отношением индивида к временной перспективе. Ф. Зимбардо и Д. Бойд указывают, что люди, ориентированные на будущее, способны предвосхищать, планировать и достигать будущие цели, в чем проявляется активное, оценочное рефлексивное поведение [Zimbardo, Boyd, 1999]. Соответственно, представление о будущем показывает внутренний мир личности, в котором потребности осмысляются и преобразуются в индивидуальные цели и модели поведения, основанные на волевых характеристиках индивида.

Представления о будущем включают как образ желаемого будущего, так и планы по его достижению, что акцентирует значимость для личности поиска личностного смысла, самопринятия и жизни в согласии с собственными ценностями. При этом образ будущего — пространственно-временное, ценностно-смысловое новообразование, выступающее в качестве определенной конструктивной жизненной перспективы [Леонтьев, 2004]; его структурные составляющие: индивидуальная модель мира, мировоззрение личности, жизненная позиция и образ жизни [Анцыферова, 1981]. Основным условием представления о будущем является наличие у человека не только

образа желаемого результата, но и представления о средствах и способах его достижения, а также о ресурсах, которые могут понадобиться.

Таким образом, под представлениями о будущем в рамках проведенного исследования понимается процесс конструирования человеком своей жизненной перспективы на основе ответственного выбора и осознанных потребностей, соотносимых с образом «Я» и реальными возможностями личности. Это динамическое и системное психологическое образование, являющееся непрерывным процессом внутренней работы по самоопределению и рефлексии. В нем интегрируются: способность сознательно прогнозировать и мысленно конструировать будущее; образ себя в будущем; ориентация во временной перспективе, связывающая прошлое, настоящее и будущее через осознанный выбор, значимые события и смыслы.

2. В работах Л.И. Божович, И.В. Дубровиной, В.И. Ковалева, К. Левина, Ж. Нюттена было показано, что, начиная со старшего подросткового возраста, понимание собственного будущего становится важной с психологической точки зрения возрастной задачей. Как отмечает К. Левин, смена возрастных этапов от подросткового к юношескому сопровождается трансформацией восприятия времени: «...если подросток осмысливает будущее сквозь призму текущих событий, то юноша/девушка анализирует настоящее через ожидаемые перспективы, что закладывает фундамент взрослого мировосприятия» [Левин, 2000]. Этот переходный этап между подростничеством и взрослостью признается решающим для становления представлений о будущем. Согласно К. Левину, личностное развитие связано с расширением «жизненного пространства», которое подразумевает рост социальных взаимодействий, разделение и систематизацию сфер активности, а также динамику гибкости/ригидности этих структур. Юность, по его мнению, выполняет роль социально-психологического связующего звена между детской зависимостью и взрослой автономией, отличаясь маргинальностью позиции. В своей теории самоопределения Э. Деси и Р. Райан выделяют автономию как потребность чувствовать себя источником

своих действий, иметь выбор и свободу [Deci, Ryan, 1985; Deci, Ryan, 2017]. Жизненное пространство юноши/девушки постепенно структурируется и усложняется, приближаясь к взрослой организации жизненного пространства, но не достигая ее полноты.

Одним из фундаментальных изменений (качественной трансформацией) в юношеском возрасте К. Левин считает масштаб временной перспективы: вместо краткосрочных целей (дни, недели), характерных для подростков, появляется ориентация на годы. Профессиональный выбор становится первой значимой «идеальной целью», предполагающей согласование притязаний с ресурсами, что ученый называет «пробой самоопределения» [Левин, 2000]. Д.А. Леонтьев связывает «...переход к выбору как самоопределению с расширением горизонтов понимания этого конструкта, включая проблемы поиска и принятия позиции по отношению к происходящим событиям, поиска критериев выбора или осознанного отказа от конкретных критериев, а также окончательности выбора» [Леонтьев и др., 2015, с. 62]. Он указывает, что «...в ситуации выбора профессии, выбора места работы после окончания школы или вуза человек отталкивается не от самих альтернатив, а от своего Я, строя свои временные перспективы, планирует будущее и выбирает те варианты, которые в наибольшей степени соотносятся с собственным образом себя в будущем, меняясь в соответствии с тем, что и как выбирается. Это ответственный выбор одного из возможных в данный момент будущих» [там же, с. 64–65].

Представленные позиции К. Левина и Д.А. Леонтьева едины в признании фундаментального расширения временной перспективы в юношеском возрасте как ключевого изменения. Они дополняют друг друга в понимании природы профессионального выбора как акта самоопределения. К. Левин акцентирует глубокое изменение временной перспективы от ориентации на ближайшее будущее к планированию на годы вперед. Первый серьезный выбор (профессия) становится «идеальной целью» и «пробой самоопределения», требующей соотнесения притязаний с возможностями.

Д.А. Леонтьев углубляет понимание, трактуя выбор (в том числе профессиональный) не просто как оценку внешних альтернатив, а как акт самоопределения, исходящий из «Я». Человек строит свои временные перспективы, планирует будущее и выбирает варианты, максимально соответствующие его образу себя в будущем, где важным становится констатация, которая возвращает человека к осознанию его непосредственного опыта [Перлз, 1998]. При этом в настоящее время принципиальную значимость приобретает не столько проектирование будущей профессиональной принадлежности, сколько поиск своего места в социуме. Таким образом, профессиональный выбор в юношестве предстает не просто выбором сферы профессиональной деятельности, а сложным психологическим актом самоопределения. Он знаменует переход к долгосрочному планированию (по К. Левину) и предполагает активное конструирование будущего через призму формирующегося «Я» и его ценностей, где сам выбор и его последствия становятся фактором развития личности (по Д.А. Леонтьеву). Этот выбор подразумевает поиск и занятие личной позиции, включая категоричность (уверенность) в суждениях, что требует времени, чтобы либо принять, либо отбросить критерии, лежащие в основе выбора.

3. Современное определение границ юношеского возраста требует комплексного подхода, учитывающего как биологическое созревание, так и социокультурный контекст. Если ранее ключевыми маркерами были профессиональное самоопределение и финансовая независимость, то сегодня акцент смещается на психологическую зрелость (взрослость) и гибкость в условиях неопределенности и многозадачности. Восприятие взросления изучается в классической культурно-исторической концепции «...как соотношение идеальной и реальной форм» [Выготский, 1982], где идеальная форма, говоря словами Б.Д. Эльконина, является «...образом взрослости, в котором представлены и выражены совершенство и образцовость» [Эльконин, 2001, с. 10]. По Эльконину, «Я реальное» — это отражение сегодняшнего

места личности в системе человеческих отношений, осознание своих актуальных возможностей и ограничений, своих текущих прав и обязанностей. Таким образом, соотношение реального и идеального «Я» представляет собой не просто статичное сравнение, а динамический процесс, в котором образ желаемого будущего («идеальная форма») постоянно воздействует на настоящее, побуждая человека к овладению новыми средствами и способами деятельности, реализуя его целеустремленность, направленную на личностный успех. При этом целеустремленность может различаться по типу временной ориентации и характеру. В современных исследованиях в части социального благополучия, например, А.Д. Андреевой, было показано, что и «...в позднем юношеском возрасте нереализованность жизненных планов воспринимается как профессиональная неуспешность, одиночество и недостаток самореализации, что формирует негативный образ взрослости» [Андреева, 2023].

Юность все чаще воспринимается не как фиксированный этап, а как временной интервал, в котором человек постепенно обретает автономию в процессе взросления, сохраняя связь с поддерживающим его окружением. В основе этого подхода лежат идеи культурно-исторической теории, рассматривающей социальную ситуацию развития как уникальный тип отношений между индивидом и социумом, характерный для конкретного возрастного этапа. Согласно концепции Л.С. Выготского, именно социальная ситуация развития задает траекторию личностного роста, трансформируя общественные влияния в индивидуальные качества [Выготский, 1982].

Основываясь на культурно-исторической концепции (Л.С. Выготский; Л.И. Божович; В.В. Давыдов; Д.Б. Эльконин; Б.Д. Эльконин), мы принимаем за аксиому, что основным принципом теории развития является «...отношение между индивидом и обществом» [Кравцов, Кравцова, 2020], а «...переход от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослой жизни выступает важным и неизбежным этапом развития» [Выготский, 2000]. Формализация постепенного перехода из старшего подростничества

(окончания детства) во взрослость делает изучение возрастной динамики этого периода, выявление основных фаз развития личности и условий смены этих фаз не только научной, но и социально значимой задачей, помогающей лучше понимать вызовы, с которыми сталкиваются современные молодые люди.

В российской традиции юность разделяется на раннюю и позднюю; в частности И.С. Кон (1989) указал период ранней юности от 14–15 до 18 лет и поздней — от 18 до 23–25 лет. В современных зарубежных подходах границы перехода ко взрослости расширяются, выделяется возрастной период «emerging adulthood» (18–29 лет), появляющийся под влиянием удлинения периода получения образования, экономических факторов и изменения социальных норм (Дж. Арнетт). Акцент в этом расширенном периоде смещается на поиск идентичности и отсрочку приобретения «маркеров взрослости».

В настоящее время исследователи сходятся во мнении, что ключевая роль в определении юношеского возраста и перехода к взрослости принадлежит внутренним, психологическим критериям, такие как ощущение независимости, чувство ответственности и самостоятельности при выборе будущего и принятии решений, личностное восприятие образа взросления и образа взрослости [Литвинова, 2020; Манукян, 2022; Arnett, 2014б; Ayotte, Revell, Belanger, 2020; Sgaramella, Foresta, 2022; Shanahan, 2000].

Следовательно, определение границ юношеского возраста требует учета как личностно-психологических особенностей и культурно-исторической специфики развития человека. Подобная взаимозависимость внутренних и внешних факторов требует перехода от изолированного изучения отдельных аспектов этого возрастного периода к комплексному системному подходу, что позволит интегрировать данные о психологических, социокультурных и исторических детерминантах развития, рассматривая их не как набор независимых переменных, а как элементы динамической системы развития личности. Это особенно важно в условиях современных вызовов, где

цифровизация, глобализация и трансформация социальных институтов создают новые траектории взросления и развития.

4. Перечисленные далее положения системного подхода создают методологическую основу для анализа качественной трансформации, лежащей в основе изменения представлений о будущем в период от старшего подросткового возраста до ранней взрослости.

Согласно Б.Ф. Ломову, психические явления представляют собой многоуровневые системы, детерминированные совокупностью причинно-следственных связей, внешних и внутренних факторов, социальных предпосылок и опосредующих звеньев. Он подчеркивает, что «...любое явление определяется их системой» [Ломов, 2003, с. 98]. Развитие представлений о будущем следует рассматривать как результат взаимодействия разноуровневых детерминант: от личностных характеристик до социальных условий. При этом Ломов акцентирует роль динамики развития, где «...качественно новые свойства возникают в ходе эволюции систем» [Ломов, 1996, с. 76], что особенно значимо для переходных этапов развития.

Согласно субъектно-деятельностному подходу С. Л. Рубинштейна, «...субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них созидается и определяется» [Рубинштейн, 2012]. Системно-субъектный подход Е.А. Сергиенко является новым витком в развитии психологии субъекта и объединяет в себе системный и субъектно-деятельностный подходы [Сергиенко, 2011], позволяя выделить ряд ключевых механизмов детерминации в развитии представлений о будущем у старших подростков, юношей/девушек. Эти механизмы базируются на принципах целостности, уровневой организации и взаимодействия внутренних и внешних факторов. Представления о будущем формируются в контексте культурных норм и социальных взаимодействий, где «...на первый план выходят свобода воли, свобода самоопределения и выбора (самодетерминация) субъекта» [там же, с.121]. Автор также отмечает,

что «...структура Я в подростковом возрасте проходит путь интенсивных изменений и реорганизации, поисков индивидуальных смыслов и жизненных ориентаций. При этом в старшем подростковом возрасте происходит стабилизация Я-концепции, <...> Этот тип развития субъектности можно обозначить как *определяющаяся субъектность*, что означает существенный рост всех видов субъектных выборов и поведения» [Сергиенко, 2021, с. 247]. В подростковом возрасте представление о себе активно трансформируется: все компоненты самосознания (от восприятия своего тела до понимания себя в отношениях с другими и во времени) качественно преобразуются, позволяя выстраивать взаимодействие с миром на уровне, приближающемся к взрослому.

Б.Г. Ананьев, анализируя жизненный путь личности, также выделяет его тесную связь с историческим контекстом и общественными условиями. Он отмечает, что «...структура жизненного пути и его временные характеристики определяются общественно-классовым статусом личности, ее функциями и ролями в определенном обществе» [Ананьев, 1968, с. 45]. Это предполагает, что представления о будущем формируются не только под влиянием индивидуальных психологических процессов, но и через усвоение социальных норм, ценностей и программ, связанных с профессиональным выбором и «стартом самостоятельной жизни» [Ананьев, 1968]. В.В. Знаков указывает, что «...понимая будущее, человек должен предсказывать не столько то, что произойдет, сколько определять точки, в которых возможны и несовместимы несколько различных результатов, некоторые из которых сбудутся, а другие нет. Следовательно, для понимания будущего важнее предсказать точки выбора, а не конечные результаты» [Знаков, 2023, с. 22]. В этом ключе развитие представлений о будущем рассматривается нами как динамический процесс самоорганизации, где внешние вызовы взаимодействуют с внутренними ресурсами. Из этого следует, что представления о будущем у личности — это продукт двустороннего взаимодействия. С одной стороны, на него влияют внутренние, психологические факторы (мечты, способности,

эмоции), а с другой — внешние, социальные, усвоенные от общества «сценарии» успешной жизни, ожидаемый возраст для достижения тех или иных целей (например, «нормативный» возраст для карьерного старта), а также доступные в данном социуме возможности для их реализации. Ключевым становится тезис о гетерохронности развития: неравномерность изменений в разных сферах личности требует комбинации продольных и поперечных срезов для выявления «оптимумов» и критических точек переходов между фазами [Ананьев, 1968, с. 57].

Исследование динамики того или иного психического процесса предполагает, по мнению Б.Ф. Ломова, выявление его основных фаз, закономерностей последовательности этих фаз и условий, обеспечивающих переход от одной фазы к другой [Ломов, 1996, с. 85]. В работах отдельных ученых прослеживается некоторая этапность в изменениях представлений о будущем в юношестве. Так, Н.Н. Толстых указывает, что в возрасте ранней юности уменьшается смысловая мотивация к учебе и увеличивается смысловая мотивация, относящаяся к будущей взрослой жизни и связанная с собственной личностью [Толстых, 2010, с. 369]. В поздней юности, по данным Н.И. Трубниковой, преобладает среднесрочная временная перспектива (от 1 года до 3 лет), в период которой молодые люди планируют состояться в выбранной профессии. Содержательная мотивация связывается ими с окончанием вуза как «путевкой в жизнь», с обретением материальной независимости, основанной на социально-экономических ценностях общества [Трубникова, 2010; Шилова, 2021б]. И.В. Дубровина пишет, что человек, сориентировавшись во внешнем мире, «...осуществляет поиск, выбор, оценку и создает перспективу будущего, осознав цель — ориентир, освещающий движение в выбранном направлении, что и является главным результатом» [Дубровина, 1991] этого возрастного периода. М.Р. Гинзбург отмечает, что функции психологического будущего заключаются в обеспечении смысловой и «хронологической» (временной) перспективы личности [Гинзбург, 1987; Гинзбург, 1994]. Смысловое, или, в нашем понимании, наполненное

содержанием будущее, трактуется М.Р. Гинзбургом как личностное проецирование себя в будущее. Поскольку смысловое будущее существует прежде всего в субъективной реальности человека, его способность мотивировать и направлять поведение критически зависит от удовлетворенности и эмоциональной окрашенности.

Представления о будущем в юности детерминированы сложным взаимодействием возрастных закономерностей и социокультурных условий. Так, представления о будущем в периоде от старшего подростничества до ранней взрослости характеризуется доминированием профессионального контекста. У 95% учащихся представления о будущем связаны с профессией, независимо от возраста [Толстых, 2010, с. 308]. Современный рынок труда, характеризующийся мультипликацией профессиональных умений, снизил психологическую напряженность выбора: «...профессия перестала восприниматься как судьбоносное решение на всю жизнь» [Андреева, Лисичкина, Бегунова, 2025]. По мнению А.Д. Андреевой и коллег, указанные обстоятельства породили новые паттерны: «...доминирование оптимизма в отношении профессионального будущего; нерешительность выбора интерпретируется как рациональная стратегия в условиях гибкого рынка труда; “зависимость” отражает инфантильные ожидания, но не является патологичной в контексте замедленного взросления» [там же]. Изменения в обществе, снизившие фатальность выбора, не отменяют фундаментальной психологической потребности и способности человека к осознанному, ответственному самоопределению.

Готовность к самоопределению как важная часть личностного потенциала зависит от психологической зрелости [Леонтьев и др., 2015, с. 76]. Д.А. Леонтьев отмечает, что выбор — это осознанный процесс, направленный на снижение неопределенности в жизни человека. Он имеет мотивационную, смысловую и практическую составляющую, требует определенных навыков. Важен не столько результат выбора, а то, как человек его делает: осознанный

и уверенный выбор ведет к ответственности и дальнейшей вовлеченности, тогда как вынужденный и необдуманый — к неудовлетворенности.

Таким образом, ключевые тенденции современности — снижение «судьбоносности» профессионального выбора, рост значимости субъективной зрелости и внутренних критериев зрелости [Андреева, Лисичкина, Бегунова, 2025], где представления о будущем возникают из мотивационных объектов (целей, стремлений), которые обладают внутренними «темпоральными знаками» (временной локализацией) (Ж. Нюттен, Н.Н. Толстых). Соответственно, перспективным направлением развития становится «компетентность в проектировании времени» как личностного ресурса, позволяющего молодежи конструктивно преодолевать кризисы развития в условиях неопределенности будущего, — ведь современная ситуация предполагает переход от жесткого жизненного планирования к гибкому проектированию будущего.

Несмотря на выводы перечисленных исследований, целостной системы, описывающей каждую фазу в формировании представлений о будущем в исследуемом возрастном периоде, упомянутыми авторами представлено не было. Во второй главе диссертационного исследования было показано, что будущее — это место конструирования поведения и развития человека в настоящем, а пространство жизни наполнено значимыми жизненными событиями, под которыми понимаются ситуации, определяющие жизнь человека на достаточно длительный период и оказывающие на него значительное влияние. При этом четких научных сведений о динамике представлений о будущем в период перехода от старшего подростничества до ранней зрелости и эмпирических данных, позволяющих говорить о характере связей в целостной системе трансформации личности и самосознания юношей/девушек, недостаточно. Таким образом, сделать целостное описание исследуемого возрастного периода в структуре возрастнопсихологического знания на материале имеющихся на сегодняшний день исследований затруднительно.

Для того чтобы эмпирически выявить развитие представлений о будущем необходимо операционализировать возрастную динамику этих представлений через систему параметров.

1. «Хронологическая» перспектива будущего — характеризует временную протяженность, связность и насыщенность событийной картины будущего.
2. «Смысловая» перспектива будущего — отражает ценностно-целевую структуру, содержание жизненных планов и притязаний личности.
3. «Субъективная» роль в событиях жизни — фиксирует позицию личности на континууме «субъектность – объектность», то есть меру ее активности как автора собственной жизни.
4. «Рефлексивное» отношение к событиям жизни — определяет способ осмысления событий, их эмоционально-смысловую проработку на континууме «оценочность — констатация».

Именно эти четыре параметра, рассмотренные в их динамике и взаимосвязи, позволяют, согласно нашей концепции, эмпирически зафиксировать и описать развитие представлений о будущем.

Соответственно, проведенный комплексный анализ показывает необходимость формирования модели развития представлений о собственном будущем современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет. Отталкиваясь от перечисленных ранее выводов фундаментальных работ, описывающих психологические аспекты профессионального и личностного развития в юности, можно выделить динамику развития компетентности в проектировании времени, где одной из возрастных задач юношества является формирование представлений о своем будущем. Учитывая, что описанные авторами механизмы взросления и развития в юношестве, опирающиеся на представления о будущем, носят взаимосвязанный характер, где взаимосвязи могут быть разнонаправленными в определенных возрастных интервалах, представляется необходимым исследовать направления развития представлений о будущем, включая содержательные и временные

характеристики. Ряд авторов рассматривали различные фазы развития личности (эпохи, периоды, этапы), соответственно и представления о будущем могут существенно изменяться в подобных фазах. Выявление таких трансформаций позволит систематизировать динамику.

На основе разработанной концепции были сформулированы гипотезы: основная теоретическая и четыре частных.

Основная теоретическая гипотеза нашего исследования: развитие представлений о собственном будущем современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет характеризуется упорядоченной возрастной динамикой, включающей качественную трансформацию во взаимосвязи параметров выбора и времени жизни.

Исследовательская работа по практической проверке теоретической гипотезы базируется на следующих частных гипотезах.

1. Динамика представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости задана возрастными изменениями роли субъекта и его отношения к событиям жизни.
2. Развитие представлений о будущем происходит путем чередования фаз, в которых доминирует формирование временных характеристик жизненной перспективы, и фаз, характеризующихся содержательным наполнением будущего.
3. В период от старшего подростничества до ранней взрослости различия в представлениях о будущем проявляются в параметрах выбора и восприятия времени жизни.
4. В период от поздней юности до ранней взрослости происходит принципиальное изменение взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора: если на предшествующих этапах параметры временной перспективы выступают предикторами характеристик выбора, то в ранней взрослости удовлетворенность выбором становится значимым предиктором восприятия времени жизни.

5.2. Эмпирическая верификация концепции развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости

На основе теоретической концепции развития представлений о будущем была проведена серия эмпирических исследований, в ходе которых была выявлена и описана возрастная динамика развития этих представлений и механизмы качественной трансформации этих представлений.

Эмпирическое исследование состояло из двух этапов.

1. Изучение изменений в представлениях о будущем в юношеском возрасте. Систематизация изменений временных (темпоральных) и содержательных характеристик представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости (2012–2021 годы, основной срез в 2018 году).

2. Изучение качественной трансформации представлений юношей/девушек о будущем (2015–2025 годы).

На первом этапе использовались методики:

- «Прошлое, настоящее, будущее» А.Л. Венгера и Ю.М. Десятиковой;
- «Я через 5 лет» И.С. Кона.

Выборка составила 1538 человек в возрасте от 14 до 28 лет, в том числе 610 юношей и 928 девушек. Респондентами в возрасте 14 лет стали 304 человека ($M = 14,0$), от 15 до 18 лет — 500 человек ($M = 16,5$), от 19 до 23 лет — 381 человек ($M = 20,9$) и от 24 до 28 лет — 353 человека ($M = 26,0$).

На этом этапе исследования мы придерживались позиции Б.Г. Ананьева, который, рассматривая вопрос об «...определении продолжительности каждого из явлений развития (фаз и дискретных моментов)» [Ананьев, 1968, с. 56], утверждал, что требуются «...дробные поперечные возрастные срезы (год за годом) <...> что даст возможность установить фазы, их нижние и верхние границы, дискретные состояния переходов от одной фазы к другой» [там же, с. 57]. Соответственно, анализ по методике «Прошлое, настоящее, будущее» А.Л. Венгера и Ю.М. Десятиковой строился по поперечным возрастным срезам (год за годом). В рамках исследования по данной методике

респондентам предлагалось назвать по пять значимых событий из их прошлого, настоящего и будущего и временной отрезок, в который произошли или произойдут эти события [Венгер, Десятникова, 1995]. Методика позволила выявить ключевые параметры, обозначившие границы фаз развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости на основе фиксации значимых изменений их динамических значений.

Далее на основе выявленных статистических различий с выделенными возрастными группами был проведен анализ по методике И.С. Кона «Я через 5 лет», которая позволила определить компоненты прогнозирования представления о будущем респондента за счет его свободного описания в тексте сочинения на тему «Я через 5 лет». Пятилетний временной диапазон в описании своего будущего дает возможность участнику исследования, независимо от его реальных личностных характеристик, увидеть обозримый временной промежуток. Качественный анализ текстов сочинений с представлениями о будущем позволил обнаружить дискретные состояния переходов от одной фазы к другой, то есть процесс изменений между стабильными состояниями.

На втором этапе было проведено исследование в период 2022–2025 годов (срез в 2024 году). Исследовательский срез 2024 года проводился очно в компьютерном классе образовательной организации (школа, организация СПО, вуз). Выборка среза составила 156 респондентов (78 юношей и 78 девушек), в том числе 39 школьников, 26 студентов СПО, 23 студента вуза и 33 респондента, которые одновременно учатся и работают. Выборка формировалась из учащихся и сотрудников двух школ, двух организаций СПО и двух вузов. Одна из организаций каждого уровня была из Москвы, вторая — из небольшого города Владимирской области. Респондентам пояснялось, что участие в исследовании является добровольным, и в любой момент каждый может из него выйти. Нами были запрошены согласия на участие в

исследовании; от родителей (законных представителей) несовершеннолетних респондентов согласия были получены в письменной форме.

На этом этапе исследования использовались методики: «LifeLine» А.А. Кроника; тест самодетерминации, разработанный Е.Н. Осиным на основе исправленной и существенно дополненной шкалы самодетерминации К. Шелдона; тест «Субъективное качество выбора профиля обучения», подготовленный Д.А. Леонтьевым, Е.Ю. Мандриковой, А.Х. Фам. На этом этапе был проведено также изучение восприятия образа взросления при помощи исследовательского приема, связанного с интерпретацией образа взросления, показанного в художественном произведении. Респондентам предлагалось посмотреть фрагменты фильма «Розыгрыш» В. Меньшова (1976 г.), а затем фрагменты фильма «Страна Саша» (2022 г.) и ответить на вопросы по ним. Согласно М.М. Бахтину, осмысление художественного образа предполагает как постижение авторского замысла, так и проекцию произведения на собственный жизненный опыт [Бахтин, 1975]. Таким образом, анализ восприятия киноперсонажей дает возможность изучить представления юношей и девушек о собственном взрослении.

Комплексирование перечисленных методов необходимо для достижения цели исследования на этом этапе. Каждый из примененных методов решал уникальную задачу и вносил свой вклад в общую картину исследования, что сделало их использование взаимодополняющим, а результат исследования целостным. Методика «LifeLine» применялась для изучения представлений о будущем, способности личности относиться к прошлому как к достижениям и ресурсам для будущего и к будущему — как к целям для настоящего. Эта методика была необходима для количественной оценки временной перспективы личности: ее способности структурировать прошлое, настоящее и будущее через призму значимых событий и их взаимосвязей, что позволило зафиксировать, возрастную динамику в восприятии времени и переходы от формирования временных характеристик к содержательным изменениям. Методика «LifeLine» позволяет

спроектировать жизненный путь как формулирование значимых событий своей жизни, а также указать связи между событиями и их значимостью (А.А. Кроник). Тест самодетерминации (Е.Н. Осин) и тест «Субъективное качество выбора профиля обучения» (Д.А. Леонтьев и др.) были использованы для изучения осознанности и автономии профессионального выбора — ключевого аспекта самоопределения в юношеском возрасте [Леонтьев, Осин, 2022; Osin, Boniwell, 2010; Леонтьев, Мандрикова, Фам, 2007]. Тест «Субъективное качество выбора профиля обучения» изучает отличительные черты переживания респондентом выбора профиля и результата сделанного выбора. Тест самодетерминации выявляет переживание респондентом соответствия происходящего в его жизни своим собственным желаниям и возможности самому определять свою жизнь. Эти данные выявили феномен «отчужденного выбора» и его возрастную специфику, а также, в связке с методикой «LifeLine», — изменение фокуса с определения представлений о будущем на основе выбора на профессиональный выбор, определяющий жизненную стратегию, что стало важными выводами исследования.

Качественный анализ художественных образов (на примере кинофрагментов) дал возможность дополнить данные стандартизированных опросников глубинными, личностно-окрашенными сведениями о восприятии взросления. Это позволило содержательно осмыслить статистические показатели «психологического возраста» и «коэффициента взрослости» по методике «LifeLine» и интегрировать результаты, полученные с помощью разных методических инструментов. Таким образом, ни один из методов не мог быть исключен без потери важной части исследовательской картины, и их сочетание позволило раскрыть трансформацию представлений о будущем на уровне как объективных показателей, так и субъективных смыслов, что соответствует комплексному характеру изучаемого феномена.

Всего исследование охватило 1694 человека. Выборка вносит ограничение в наше исследование, поскольку все респонденты связаны с системой образования. Участниками исследования стали учащиеся школ,

молодые педагоги, студенты организаций СПО, вузов, включая заочников и аспирантов.

По итогам проведения первого этапа эмпирического исследования были изучены представления о будущем в юношеском возрасте и систематизированы изменения временных (темпоральных) и содержательных характеристик представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости.

Сравнительный анализ характеристик представлений о будущем, полученных с использованием методики «Прошлое, настоящее и будущее» на последовательных годовых интервалах от 14 до 28 лет, показал разнородный характер возрастной динамики исследуемых показателей. Такие параметры как «субъектность – объектность», (роль респондента в называемых им событиях жизни) и «оценочность – констатация» (рефлексивное отношение к событиям) позволили определить фазовый характер возрастной динамики, а статистические методы — установить границы фаз. Зафиксировано четыре периода в динамике данных параметров (14 лет, 15–18 лет, 19–23 года и 24–28 лет); при этом субъектность и констатация развиваются в противофазе к объектности и оценочности.

Значимые изменения в сфере «субъектности – объектности» обнаружены между возрастными 14 и 15 лет. У 15-летних респондентов достоверно повышается субъектность (активная роль в событиях), и снижается объектность (воспринимающая роль) по сравнению с 14-летними. Также фиксируются увеличение частоты упоминания глобальных событий в настоящем и констатирующих высказываний к 15 годам.

Сильные и средние по величине эффекта различия выявлены между возрастными 18–19 лет. Группа 18-летних демонстрирует более высокую субъектность и склонность к констатации, тогда как 19-летние — более высокую объектность и оценочность (рефлексивное отношение). Эти изменения находят отражение на следующей паре возрастов (20–21 год) в виде

менее выраженных различий, свидетельствующих на продолжение этого движения в самовосприятии.

Значимые изменения умеренной и сильной выраженности зафиксированы между возрастaми 23–24 года. В 24 года наблюдается очередная фаза роста субъектности, снижения объектности и уменьшения рефлексивной оценочности по сравнению с 23 годами. Эти изменения отражаются на следующей паре возрастaов (24–25 лет) в виде изменений в сфере восприятия будущего и рефлексии.

Полученные данные позволяют констатировать, что развитие представлений о будущем происходит через чередование выраженных изменений и стабилизации этих изменений. Изменения параметров («субъектность – объектность», «оценочность – констатация») точно отражают описанные ранее психологические процессы: становление субъектной позиции (Д.А. Леонтьев), рефлексивное осмысление жизненных событий (М.Р. Гинзбург) и переход от оценки к действию в процессе проектирования будущего на каждом витке такого развития. Полученные данные об этапности в развитии представлений о будущем позволяют перейти от общих теоретических положений к построению основы комплексной фазовой модели развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости.

Основные изменения в представлениях о будущем в период от подростничества до ранней взрослости можно описать следующим образом:

- с подростками (14 лет) будущее «случается с позиции настоящего»; представления о будущем строятся вокруг слов «буду», «хочу», «надеюсь»; представления лишены конкретики: мечты, возможности и темы семьи/друзей сливаются в единое целое, где стремления к самостоятельности и взрослости базируются на личных желаниях и надеждах; при этом в поиске себя («своего») проявляются желания быть как все и в тоже время быть уникальными;

- в представлениях о будущем юношей/девушек возраста 15–18 лет происходит осознание причинно-следственных связей между усилиями в настоящем и результатами в будущем — анализ и оценка своих возможностей с присущими возрасту чувствами удовлетворенности или неполноценности («возможно»); представления о будущем в ранней юности все еще глубоко эмоциональны и личностно окрашены; при этом цели конкретизируются вокруг двух основных сфер: профессиональной («учеба», «вуз», «работа») и личной («счастливая семья», «любовь», «другой город»). В этом возрасте юноши и девушки начинают воспринимать образование не как самоцель, а как инструмент для построения успешной профессиональной карьеры и, как следствие, всей дальнейшей жизни;

- в поздней юности (19–23 года) появление реалистичного и стратегического компонента в мышлении выражается в формировании связи «времени» и «возможностей», что указывает на осознание временной перспективы и понимание того, что возможности требуют их реализации в определенные жизненные сроки; представления о будущем приобретают более глубокий характер с осознанностью времени («знаю», «могу») и взглядом на жизнь («вижу», «работать», «жизнь»), где желания («хочу») подкрепляются личностными ресурсами и стратегическим пониманием возможностей; при этом неопределенность и свойственное для этого возраста чувство «подвешенного состояния» балансирует между ощущением «бесконечных возможностей» и чувством неудовлетворенности;

- в период ранней взрослости (24–28 лет) прослеживается структурированность представлений о будущем, что свидетельствует о более зрелом и системном мировоззрении («жизнь» + «время»); формируется ценностно-экзистенциальная сфера, включающая абстрактные, но глубоко проработанные категории («добро», «надеюсь», «люблю»), а также фундаментальные ценности здоровья и гармонии; в целом будущее характеризует баланс и интеграцию ключевых жизненных сфер в представления о будущем, оно воспринимается не как набор разрозненных

желаний, а как целостный проект, где профессиональные амбиции неотделимы от семейного благополучия и личностного развития; при этом чувство личной удовлетворенности становится значимым фактором в сфере профессиональной деятельности и личных отношений.

Выявленные изменения происходят в рамках чередования фаз временного осмысления будущего и его содержательного наполнения. Структурно последовательность этих фаз представлена на схеме изменений представлений о будущем (см. гл. 3, рис. 16). Такая последовательность предполагает фундаментальные (качественные) трансформации, которые служат основой для формирования новых уровней развития представлений о будущем.

В контексте представленного ранее анализа работ авторов, работающих в близких направлениях, результаты первого этапа проведенного эмпирического исследования говорят о том, что для старших подростков будущее «случится» когда-то потом. Этот вывод согласуется с идеей Л.И. Божович, которая указывает, что «...невозможность практически изменить свой образ жизни в подростковом возрасте порождает мечты <...> в которых всегда имеет место то или иное “моделирование” своего будущего и себя в этом будущем» [Божович, 2008, с. 352], а также с описанием этого возрастного перехода К. Левиным и Н.Н. Толстых, в соответствии с которым подростки смотрят в будущее «с позиции настоящего», а юноши/девушки — «на настоящее с позиции будущего» [Толстых, 2010, с. 305–306]. При этом, основываясь на понимании соотношения идеальной и реальной форм из классической культурно-исторической концепции [Выготский, 1982], где идеальная форма, по Б.Д. Эльконину, является «образом взрослости, в его совершенстве и образцовости» [Эльконин, 2001, с. 10], мы можем утверждать, что этот идеальный образ подросток и видит в своем будущем. Следовательно, поздний подростковый возраст фиксирует пережитые частные события, и на этой базе выстраивается расширение идеализированных представлений о будущем.

Результаты проведенного исследования показывают, что на фазе ранней юности развитие представлений о будущем строится через его наполнение содержанием: выбор направления профессионального образования, формирование представлений о собственной семье и осознание своих жизненных возможностей. Говоря словами Д.А. Леонтьева, «...разные аспекты отношения к будущему в анализе проблемы неопределенности выступают на передний план. Будущее — это то, чего пока еще не было и нет, мы не можем знать точно, что будет в будущем, однако всегда что-то ожидаем, обычно с высокой степенью субъективной определенности» [Леонтьев и др., 2015, с. 110]. Здесь важным становится «...экзистенциальный выбор, требующий построения вариантов возможного будущего» [там же, с. 65] и соотнесения этих вариантов с идентичностью «мое — не мое» при самоопределении [там же, с. 61]. Эта фаза становится процессом соотнесения альтернатив с собственной идентичностью [там же, с. 209], а осознанный выбор позволяет принять на себя ответственность как субъективную причинность, где «...ощущение ответственности за что-то означает, что я ощущаю себя основной и главной причиной этих событий» [там же, с. 66]. Ключевыми условиями для выбора здесь становятся: толерантность к неопределенности [там же, с. 112], осмысленность жизни [Сергиенко, Эйдельман, 2014, с. 268], готовность платить «цену выбора» (время, ресурсы, отношения) [Леонтьев и др., 2015, с. 71–72]. Таким образом, представление о будущем наполняется рефлексивным отношением к событиям собственной жизни.

Наше исследование показало, что на фазе поздней юности представление о будущем снова трансформируется за счет расширения времени; юноши и девушки описывают это через увязывание собственных возможностей со временем. Согласно К. Левину, «...ясная временная перспектива и определенные цели на будущее взаимосвязаны с активной жизненной позицией и продуктивной деятельностью в настоящем» [Левин, 1935]. «Молодые люди сейчас не спешат взрослеть <...> потому что меняются

времена и условия современной жизни» [Радаев, 2019], возникают сомнения в своих возможностях: принять ответственность на себя или переложить ее на влияние обстоятельств и других людей. Механизм влияния может быть представлен в виде следующей схемы: низкое психологическое благополучие → пессимистичный взгляд на мир и отторжение себя от мира → избегание контакта с будущим [Сергиенко, Эйдельман, 2014, с. 265]. И обратный механизм: высокое благополучие → восприятие мира как реального, конкретного, своего → стремление к активному контакту с будущим [там же]. Наше исследование подтверждает, что кажущаяся невозможность разобраться в своих желаниях и возможностях затрудняет процесс формирования четкого и позитивного представления о будущем, усиливая неопределенность в этой фазе. При этом в этой фазе появляются более четкие контуры своего будущего, юноши и девушки сопоставляют их со своими желаниями и реальными возможностями. Таким образом, выбор, сделанный на этой фазе, имеет долгосрочные последствия и отражается на всей дальнейшей жизни.

На последней исследуемой фазе ранней взрослости, согласно полученным данным, представление о будущем формируется за счет наполнения содержанием. На первый план выходит профессиональная деятельность, которая становится центром, интегрирующим другие сферы (семья, самоидентификация). Это находит прямое подтверждение в эмпирических данных В.Р. Манукян, где с помощью факторного анализа были выделены паттерны возрастной идентификации, различающиеся степенью осознанности и значимости характеристик возраста в структуре самоидентификации, степенью согласованности. Профессиональный статус (наличие работы) оказывается ключевым фактором субъективного ощущения взрослости ($N = 70$, 19–26 лет), значимо превосходя по влиянию хронологический возраст [Манукян, 2024]. Этот возраст связывается нами с психологическим благополучием/неблагополучием по Е.А. Сергиенко и Г.А. Эйдельман: «Можно предположить, что психологическое благополучие как состояние выбора выступает важным психологическим фактором

субъективной картины мира» [Сергиенко, Эйдельман, 2014, с. 269]. Это возраст содержательной вовлеченности в профессиональную деятельность и семью, где удовлетворенность собственным выбором является отражением психологического благополучия.

На втором этапе исследования изучались качественные характеристики развития представлений о будущем в каждой выделенной фазе. Развитие представлений о будущем в период от 14 до 28 лет представляет собой нелинейный процесс, обусловленный взаимодействием комплекса факторов, связанных с восприятием планируемых событий своей будущей жизни, межсобытийных связей и характеристик профессионального выбора.

Старшие подростки (14 лет) демонстрируют по сравнению с респондентами более старшего возраста высокий показатель насыщенности будущего, у них много планов, целей и предполагаемых событий в разных сферах жизни. При этом насыщенность будущего у подростков не всегда говорит о его реалистичности. Будущее в их представлениях может включать грезы, мечты, в том числе и маловероятные события. Общая емкость будущего достаточно велика, в ней представления о будущем образуют сложную сеть потенциальных возможностей подростка, что порождает ощущение простора, свободы выбора и неограниченных возможностей. При этом качественные характеристики этих возможностей образуют высокую потенциальность жизненного пути в контексте желаний и значимых для подростка событий. Возраст отличается количественным увеличением изучаемых характеристик будущего. Подростковое видение проецируется из текущего «Я» в будущее, где подростки внутренне ощущают себя существенно старше, целеустремленность формирует процесс поиска «себя», направленного на подражание и/или личную автономию и уникальность. Для изучения динамики развития представления о будущем наиболее высокое значение имеют «целеустремленность в будущее» и «ожидаемая продолжительность жизни», как отражающие движение в будущее, в отличие от статичных характеристик.

В то же время этот «пик будущего» сопровождается внутренним диссонансом. Подросток находится в состоянии конфликта между сильными инстинктивными побуждениями и столь же сильными попытками их сдержать [Фрейд, 1993]; отношения с обществом проявляются с особой интенсивностью и амбивалентностью: подросток пытается «влииться» в общество, чтобы обрести в нем опору, и в то же время активно от него сепарироваться [Мухина, 2010], что является причиной яркой эмоциональной окраски подросткового выбора. Негативные целевые межсобытийные связи снижают способность к автономному выбору, а негативные причинные — к самовыражению в выборе. При этом высокий коэффициент взрослости, то есть стремление казаться старше, связано с понижением реальной автономии подростка в выборе, а целеустремленность в будущее, наоборот, связана с повышением автономии. Эмоциональное отношение к событиям своей жизни играет важную роль в усилении самовыражения, а уверенность (категоричность) в своей временной перспективе усиливает самостоятельность выбора, удовлетворенность выбором, придает ему более яркую эмоциональную окраску. В то же время подростки демонстрируют выбор без глубинного присвоения смыслов времени жизни, что подтверждает тезис о незавершенности идентичности [Эриксон, 1996]. Нашим исследованием подтверждено, что повышение целеустремленности в будущее повышает автономию выбора, а повышение ожидаемой продолжительности жизни усиливает положительную эмоциональную окраску выбора. Таким образом, характеристики времени выступают предикторами для параметров выбора в этом возрасте. Мотивационные и эмоциональные характеристики выбора в подростковом возрасте зависят от временных параметров и в итоге определяют характер психологической независимости следующих лет в представлениях о будущем.

Ранняя юность характеризуется тем, что выбор профиля обучения воспринимается как более осмысленный. Абсолютные значения характеристик целеустремленности по сравнению с подростковым возрастом снижаются. В то же время, как было показано ранее, представление о будущем

в ранней юности отличается качественной трансформацией представлений: юноша/девушка начинает анализировать настоящее через представления ожидаемого будущего, а не просто видит будущее сквозь призму текущих событий как подросток (К. Левин). Это является весомым фактором для включения этой трансформации в динамично организованную модель развития представлений о будущем. Серьезный диссонанс между ожиданиями и действительностью, неопределенность в реализации жизненных планов трансформируется в повышенное количество негативных межсобытийных связей. При этом оптимистичный взгляд на дальнейшую жизнь, выражаемый в увеличении ожидаемой продолжительности жизни, выполняет функцию психологического ресурса: вера в долгое будущее повышает удовлетворенность текущим выбором. Соответственно, вера в долгосрочное будущее смягчает когнитивный диссонанс текущего выбора [Фестингер, 2018].

Поздняя юность (19–23 года) характеризуется усилением эмоциональной оценки сделанного профессионального выбора по сравнению с предыдущим возрастом ранней юности. Юноши и девушки этого возраста испытывают преимущественно позитивные эмоции относительно своего выбора. Двойственный характер поздней юности проявляется как перевес ретроспективной оценки над проспективной: прошлое воспринимается как насыщенное и реализованное, тогда как будущее минимизируется (у 26,3% респондентов показатели будущего близки к нулю), а накапливаемая неопределенность разрешается через поляризацию стратегий выбора: 60–65% респондентов демонстрируют подлинный выбор с высокой рефлексией и автономией, в то время как 20–25% показывают конформный выбор. В то же время восприятие времени остается основой для выбора. Так, уверенность/категоричность в межсобытийных связях в этом возрасте усиливает удовлетворенность выбором, а увеличение потенциальных межсобытийных связей и увеличение целеустремленности в будущее ограничивают самостоятельность выбора. Таким образом, попытки сохранить

контроль над расширяющимся полем межсобытийных связей приводят к регрессии; это подтверждает идею о «накопленной неопределенности» как драйвере экзистенциального кризиса (Д.А. Леонтьев). В возрасте поздней юности, в отличие от подросткового, выбор несет с собой ответственность: подростки выбирали на основе «предпочтений», а юноши/девушки — на основе «целесообразности», полученной при первом опыте. Этот возраст характеризуется появлением ретроспективной оценки. Если для подростка прошлое — это лишь фон для будущего, то для молодого человека 19–23 лет прошлый опыт (первые сессии, первая работа, первые серьезные отношения) становится решающим ресурсом, материалом для анализа и основой для коррекции планов на будущее. Соответственно, «будущее минимизируется» и фокус внимания смещается на качественную реализацию уже выбранного пути в настоящем, при этом горизонт планирования становится более конкретным и приземленным. Целеустремленность в будущее, высокая у подростков, в поздней юности выступает отрицательным предиктором самостоятельности выбора. Кризисный характер поздней юности (поляризация стратегий, накопленная неопределенность) является прямым следствием этой трансформации. Это уже не кризис идентичности в эриксоновском понимании («Кто я?»), который проявляется в диффузности и незавершенности выбора. Это кризис реализации идентичности, связанный с экзистенциальной ответственностью за сделанный выбор: в этом возрасте происходит качественная трансформация представлений на основе обретения идентичности, характеризуемой осознанностью модели будущего (Д.А. Леонтьев). Если подросток примерял к себе роли, то молодой человек возраста поздней юности осознает ответственность за последствия выбора профессиональной и жизненной траектории, что и порождает напряженность и необходимость рефлексивного переосмысления.

В ранней взрослости (24–28 лет) социальное давление («быть взрослым») способствует компенсаторной ригидности, когда внешняя уверенность маскирует экзистенциальную неудовлетворенность. В целом

переход от предыдущей фазы характеризуется увеличением уверенности в жизненной перспективе (событиях). Удовлетворенность профессиональным выбором становится центральным интегрирующим фактором, усиливающим позитивные событийные связи и целеустремленность, но при этом снижающим уверенность. Это свидетельствует о переходе от подростковой уверенности в будущем к взрослой рефлексии о прошлом (Е.И. Головаха, А.А. Кроник). В этом возрасте качественная трансформация представлений о будущем выражается в принципиальном изменении предиктивной роли во взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора, показывающей переход к субъектности жизненного пути (С.Л. Рубинштейн). Однако для части группы выбор сохраняет черты отчуждения: рационализация преобладает над личностным смыслом, что проявляется в критическом снижении эмоциональной вовлеченности.

Ранее мы зафиксировали, что в поздней юности формируется способность к самостоятельному выбору, но она еще не становится универсальным признаком зрелости, а выявленная трансформация в ранней взрослости (24–28 лет) показывает принципиальную трансформацию: на смену паттерну, в котором восприятие времени выступало предиктором выбора, приходит паттерн, в котором удовлетворенность выбором и самовыражение становятся предикторами восприятия времени. Это означает, что человек не просто реагирует на обстоятельства, а активно строит свои представления о будущем на основе сделанного выбора. Такой переход отражает сформированность проактивной позиции, когда личность сама становится источником планирования и реализации жизненных целей. Этот переход определяет возрастную границу между юношеским возрастом и началом взрослых возрастов в вопросе развития представлений о будущем.

Таким образом, проведенное исследование процесса развития представлений о будущем и связанных с этим развитием психологических аспектов личности, эволюции ее взросления раскрывает содержательную сторону этого процесса, который является сложным, многокомпонентным, в

нем присутствуют как циклические взаимодополняющие параметры, так и иерархические изменения. При этом многообразие выбора на каждой фазе дает возможность личности находиться на разных уровнях самоорганизации.

5.3. Модель развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости

Суть разработанной модели заключается в следующем: развитие представлений о будущем от 14 до 28 лет представляет собой циклический процесс чередования фаз расширения временного горизонта и его содержательного наполнения. На каждом цикле происходят качественные трансформации: 1) «Будущее формирует настоящее» (переход от подростничества к ранней юности); 2) «Осознанная модель будущего» (переход к поздней юности); 3) «Выбор влияет на время» (переход к ранней взрослости, выявленной эмпирически). Модель включает четыре возрастные фазы и три качественных перехода (рис. 19). Модель является апостериорной, построена на основе эмпирических данных и синтезирует известные теоретические положения (К. Левина, Д.А. Леонтьева, В.Р. Манукян) с вновь выявленной качественной трансформацией.

Разрабатывая модель, мы руководствовались подходом, позволяющим разворачивать и реализовывать психологическое моделирование поэтапно, от концепции изучаемого явления через адекватное измерение признаков к формальному представлению [Носс, Ковалева, 2019; Mesly, 2015]. При этом мы учитывали выводы современных исследователей, показывающих, что модели с линейной логикой не отражают реалии сложных циклических процессов с их переплетением прошлого, настоящего и будущего [Hejazi, 2025]. В частности, в визуальной модели временной перспективы будущего, предложенной Дж. Гусман и коллегами, наряду с удлинением временной перспективы предлагается учитывать такие параметры, как степень ее четкости / размытости и ее качественную структуру [Reconceptualizing Future Time Perspective Extension..., 2025]. Однако подобные модели, несмотря на их детализацию, сосредоточены на оценке текущего состояния и не позволяют исследовать динамику развития. Примером современной модели, учитывающей именно развитие субъекта, может служить схема развития уровней в онтогенезе, в котором осуществляется «...постепенный процесс,

шаг за шагом происходит интеграция уникальных и универсальных способностей и достижений человека на пути становления все новых уровней субъектности» [Сергиенко, 2021]. Учитывая цикличность исследуемых параметров, для визуализации нашей модели мы обратились к спиральной динамической схеме. В отличие от статичных или линейных построений, она позволяет описать развитие представлений о будущем как непрерывный циклический процесс с выраженными этапами и уровнями, характеризующимися качественной трансформацией, где развитие происходит непрерывно: каждый этап закономерно вырастает из предыдущего.

Модель развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости, построенная нами, включает формирующие фазы и качественные трансформации. При построении модели мы использовали концептуально-теоретическое и предметно-содержательное моделирование, которое позволило нам систематизировать существующие знания и описать структуру развития представлений о будущем, выявленную эмпирически.

В ходе концептуально-теоретического моделирования был изучен период развития личности от старшего подростничества до ранней взрослости в работах отечественных и зарубежных психологов и проведен теоретико-методологический анализ научных представлений о будущем (главы 1 и 2). На основе проанализированных и обобщенных данных был сформирован концепт представлений о будущем; выявлено, что, начиная со старшего подросткового возраста, понимание собственного будущего становится важной с психологической точки зрения возрастной задачей, что отражено в концепции данной работы (параграф 5.1). Указано, что представления о будущем — это процесс конструирования человеком своей жизненной перспективы на основе ответственного выбора и осознанных потребностей, соотносимых с образом «Я» и реальными возможностями личности. Это динамическое и системное психологическое образование, являющееся непрерывным процессом

внутренней работы по самоопределению и рефлексии. В нем интегрируются: способность сознательно прогнозировать и мысленно конструировать будущее; образ себя в будущем; ориентация во временной перспективе, связывающая прошлое, настоящее и будущее через осознанный выбор, значимые события и смыслы. Определено, что именно через акты осознанного и ответственного выбора (прежде всего профессионального в изучаемом возрастном периоде) человек конструирует свою жизненную перспективу и формирует образ себя в будущем, что в том числе обосновано в авторских работах [Шилова, 2018а; 2018б; 2023г; 2025а].

Модель сформирована в возрастных границах от 14 до 28 лет, выделенных на основе систематизации авторского опыта, классических подходов и современных представлений о продлении периода перехода ко взрослости. В модели учитывается разделение юности на раннюю и позднюю [Кон, 1989], расширение границ перехода ко взрослости (возрастной период «emerging adulthood», по Дж. Арнетту), психологическое содержание в котором смещается на поиск идентичности и отсрочку приобретения «маркеров взрослости». Для обеспечения целостности модели в исследовании был применен системный подход, учитывающий многоуровневые детерминанты развития представлений о будущем. Такой подход обеспечил формирование модели как системы понятий, принципов, логических связей, объясняющих развитие представлений о будущем. Модель представлена в форме вербального описания, графической схемы и в табличном виде.

Предлагаемая модель является не только теоретическим обобщением, но прежде всего продуктом эмпирической верификации. Обобщая и интерпретируя результаты проведенного эмпирического исследования, мы приходим к построению целостной модели развития представлений о будущем. Данная модель синтезирует и структурирует выявленные нами закономерности, представляя их в виде последовательности фаз и качественных трансформаций, которые ранее не были описаны в литературе как единая система. Структура и качественные трансформации модели были

выявлены и подтверждены в ходе двухэтапного исследования с общей выборкой, включившей 1694 человека.

В ходе предметно-содержательного моделирования был создан конкретный, содержательный образ-аналог развития представлений о будущем, выделены его компоненты и структура посредством проведения серии эмпирических исследований. Методы первого этапа исследования (поперечные срезы по методике «Прошлое, настоящее, будущее» и последующий качественный анализ сочинений) позволили выявить динамику и статистически значимые фазы в развитии представлений о будущем. На втором этапе сочетание методики «LifeLine», интерпретации художественных образов, тестов самодетерминации и субъективного качества выбора профиля обучения позволило комплексно исследовать механизмы этой трансформации, обеспечив взаимную верификацию количественных данных и глубинных личностных смыслов. Комплексирование отобранных методов позволило многогранно оценить параметры развития представлений о будущем и зафиксировать динамику, отразив ее в построенной модели.

В ходе эмпирического исследования с использованием методики «Прошлое, настоящее, будущее» (А.Л. Венгер, Ю.М. Десятикова) и «Я через 5 лет» (И.С. Кон) были выявлены формирующие фазы и зафиксирована возрастная динамика представлений о будущем в модели (гл. 3). Уникальная конфигурация параметров («субъектность – объектность», «оценочность – констатация») отражена в различиях между возрастными этапами. На основании этой конфигурации в модели отображены четыре возрастных периода в динамике данных параметров (14 лет, 15–18 лет, 19–23 года и 24–28 лет). Модель показывает чередование процессов расширения времени и наполнения его содержанием, что соответствует эмпирически выявленной цикличности: на каждом этапе преобладает либо временное, либо содержательное преобразование представлений о будущем. Формирующие фазы отражают изменения временных (темпоральных) и содержательных характеристик в представлениях личности о будущем в период от

подростничества до ранней взрослости. Цикличность отображена в виде спиральной динамики на графическом эскизе модели, где каждому периоду соответствует фаза расширения времени или наполнения содержанием.

Динамика развития представлений о будущем разворачивается как чередование двух взаимосвязанных фаз.

1. Фаза расширения времени, когда преимущественно реализуется функция самоопределения во времени, а именно происходит выбор целей и стратегий жизненного пути. В.Д. Шадриков, проводя различие между хотением (осознанием диффузной потребности) и желанием (конкретной устремленностью к объекту/цели), описывает механизм трансформации неопределенного содержания в четкую временную цель: «Осознание потребностей как своих желаний и хотений становится поворотным моментом в мотивации поведения» [Шадриков, 2013, с. 70]. Параметры «объектность» и «оценочность» выходят в этой фазе на первый план, побуждая личность к постановке новых целей, поиску альтернатив и осуществлению выбора. Как указывают Шипперс и Циглер, проектирование жизни — это активный процесс, в ходе которого люди «...ставят цели <...> и предпринимают действия» [Schippers, Ziegler, 2019]. Здесь ведущую роль играет рефлексивное отношение, проявляющееся в оценочности. Человек возвращается к образам будущего, чтобы наполнить их ценностно-смысловым содержанием.

2. Фаза наполнения содержанием, когда происходит конструирование образов будущего. Как отмечает В.Д. Шадриков, «...восприятие, представление, воображение и сознание обеспечивают психическую деятельность содержанием, которое отражает как внешний предметный мир, так и внутренний мир человека» [Шадриков, 2014]. Именно это содержание, проходя через призму субъективного опыта, становится основой для построения образа желаемого будущего. Ключевыми параметрами данной фазы выступают «субъектность» и «констатация». Они позволяют зафиксировать переход от абстрактного планирования к созданию не просто операционального плана, но ценностно-насыщенного образа «Я в

будущем». Субъектность здесь подчеркивает субъективный характер образов будущего, а констатация — их осознанную фиксацию как значимого ориентира. Оба параметра находят отражение в классических подходах к изучению образа будущего. Согласно Г. Олпорту, такой образ представляет собой субъективную картину личностного развития, причем ожидания человека от будущего во многом направляют его мысли и действия [Олпорт, 2002]. Близкую позицию занимает В. Франкл, который в рамках экзистенциального подхода рассматривает ориентацию на будущее как ключевой фактор обретения смысла жизни [Франкл, 1990]. В свою очередь, Д.А. Леонтьев и Н.В. Пилипко связывают этот процесс с «...личностным осмыслением различных сторон и граней имеющихся альтернатив, расширением и упорядочением системы субъективных конструкторов» [Леонтьев, Пилипко, 1995, с. 100]. Таким образом, осмысление значимых жизненных событий наполняет представления о будущем личностными смыслами.

Модель включает в себя три качественные трансформации представлений о будущем, описанные в проведенном исследовании с применением методики «LifeLine» А.А. Кроника, тестов самодетерминации Е.Н. Осина и субъективного качества выбора профиля обучения Д.А. Леонтьева (гл. 4).

Данные, полученные с помощью методики «LifeLine», показывают, у старших подростков (14 лет) фиксируются высокие показатели по параметрам насыщенности будущего межсобытийными связями, целеустремленности в будущее и субъективного возраста будущего, что отражает специфику фазы активного временного расширения и фантазирования. Регрессионным исследованием подтверждено, что повышение целеустремленности в будущее повышает автономию выбора у старших подростков, а повышение ожидаемой продолжительности жизни усиливает положительную эмоциональную окраску их выбора. Однако уже в возрасте ранней юности наблюдается статистически значимое снижение этих показателей и смещение фокуса на

содержательное наполнение будущего. Это подтверждается кластерным анализом высказываний, где у группы ранней юности доминируют темы самореализации («цель», «добиваться»), прагматичной оценки образования и поиска баланса между внешним давлением и внутренними устремлениями. При этом оптимистичный взгляд на дальнейшую жизнь, выражаемый в увеличении ожидаемой продолжительности жизни, выполняет функцию психологического ресурса: вера в долгое будущее повышает удовлетворенность текущим выбором. Таким образом, качественная трансформация в период от старшего подростничества до ранней юности выражается в изменении видения временной перспективы: если подросток смотрит на будущее «из настоящего», то в ранней юности настоящее начинает оцениваться через призму будущего (выделено ранее в исследованиях К. Левина).

Различия между юношами/девушками ранней и поздней юности характеризуются усилением эмоциональной оценки сделанного профессионального выбора. В ранней юности выбор характеризуется относительной гармоничностью, автономией и аутентичностью. В поздней юности данные выявляют поляризацию выбора в группе: 60–65% респондентов демонстрируют подлинный выбор с высокой рефлексией и эмоциональной включенностью, в то время как 20–25% — выбор конформный, с экстернальностью и фрустрацией. Содержательный анализ высказываний этой группы подтверждает углубление профессионального самоопределения: кластеры отражают темы карьеры, переоценки образования, осознания ценности времени и рационализации конфликтов. Это свидетельствует о становлении осознанной модели будущего, где профессиональный выбор становится центральным смыслообразующим элементом временной перспективы. Таким образом, следующая трансформация от ранней юности (15–18 лет) к поздней (19–23 года) отображает становление осознанной модели будущего, связанной с профессиональным самоопределением (выделено ранее Д.А. Леонтьевым,

В.Р. Манукян, Е.А. Сергиенко, Г.Н. Эйдельман). Эта трансформация была подтверждена эмпирическим путем в ходе исследования.

Третья качественная трансформация между поздней юностью и ранней взрослостью, отображенная в проекции оси трансформации нашей модели, впервые обнаружена в проведенном эмпирическом исследовании. Регрессионный анализ данных выявил принципиальное изменение структуры взаимосвязей в возрасте ранней взрослости: удовлетворенность профессиональным выбором и самовыражение становятся ведущими предикторами для параметров временной перспективы. Удовлетворенность выбором статистически значимо усиливает позитивные событийные связи, целевую устремленность в прошлое и будущее и одновременно снижает показатель уверенности. Самовыражение, в свою очередь, связано с переоценкой прошлых целей и снижением целеустремленности. Суть этой трансформации, обозначенной в модели как «выбор влияет на время», заключается в переходе от доминирования предиктивной роли параметров временной перспективы к появлению предиктивной роли удовлетворенности сделанным выбором и самовыражения, что согласуется с объективно зафиксированными возрастными сдвигами.

Все три трансформации образуют непрерывную систему закономерных последовательных изменений развития представлений о будущем, происходящих на стыке фаз, где каждая предыдущая создает предпосылки для следующей. Систематизация качественных трансформаций позволила сформировать уровни развития представлений о будущем, которые представлены в графическом и табличном виде модели. На графическом представлении модели качественные трансформации, формирующиеся на переходах между фазами, отображены в проекции оси трансформации в виде стрелок, показывающих направление развития.

Выделенные в модели фазы и качественные трансформации напрямую соотносятся с частными гипотезами исследования и результатами их проверки.

1. Гипотеза о существовании динамики представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости, определяемых на основе возрастных изменений роли субъекта и его отношения к событиям жизни подтверждена статистически значимыми различиями в параметрах «субъектность – объектность» и «оценочность – констатация» (методика «Прошлое, настоящее, будущее») на выборке из 1381 респондента и фиксирует в модели последовательность возрастных этапов.

2. Гипотеза о развитии представлений о будущем, происходящем путем чередования фаз, в которых доминирует формирование временных характеристик жизненной перспективы, и фаз, характеризующихся содержательным наполнением будущего (постановкой целей, определением ценностей, конкретизацией планов), нашла отражение в структуре модели в виде чередования фаз «расширение времени — наполнение содержанием» и получила эмпирическое подтверждение в ходе кластерного анализа сочинений «Я через 5 лет».

3. Гипотеза об изменениях параметров выбора и восприятия времени жизни как основе различий в представлениях о будущем верифицирована с помощью теста самодетерминации (Е.Н. Осин), теста «субъективного качества выбора профиля обучения» (Д.А. Леонтьев и др.) и данными методики «LifeLine», выявивших динамику и закономерности развития представлений о будущем в период от старшего подростничества к ранней взрослости.

4. Гипотеза о качественной трансформации в период от поздней юности к ранней взрослости получила подтверждение в результате проведения регрессионного анализа (тест самодетерминации, тест «субъективное качество выбора профиля обучения» и методика «LifeLine»), показавшего смену предиктивной роли: переход от доминирования «восприятия времени как предиктора выбора» к «удовлетворенности выбором и самовыражению как предикторам восприятия времени».

Каждой возрастной фазе (старшее подростничество, ранняя юность, поздняя юность и ранняя взрослость) в модели соответствует определенная динамическая фаза («расширение времени» или «наполнение содержанием»). На стыках этих фаз происходят три ключевые качественные трансформации: 1) «Будущее формирует настоящее» (переход от подростничества к ранней юности); 2) «Осознанная модель будущего» (переход к поздней юности); 3) «Выбор влияет на время» (переход к ранней взрослости, выявленной эмпирически). Модель развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости представлена в таблице 10.

Таблица 10. Модель развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости

Возрастной этап	Старшее подростничество	Ранняя юность	Поздняя юность	Ранняя взрослость
Фаза	Расширение времени	Наполнение содержанием	Расширение времени	Наполнение содержанием
Качественная трансформация				Выбор влияет на время
			Осознанная модель будущего	
		Будущее формирует настоящее		

Таким образом, динамика становления представлений о будущем раскрывается через взаимосвязь и смену двух системообразующих параметров — «смысловой» (содержание) и «хронологической» (время) перспектив. Этот единый принцип проходит через все возрастные этапы, обеспечивая целостность модели.

Визуально модель изображена в виде динамической спирали, которая представляет собой череду циклов представлений о будущем, где с каждым витком первоначальные характеристики этих представлений прирастают новыми качественными значениями. При этом выявленные процессы

отображены в плоскости: «расширение времени — наполнение содержанием» (рис. 19). Таким образом, графическое представление в виде спирали наглядно показывает, что развитие — это процесс не линейный, а циклический, с «восхождением» на новый уровень. Каждый виток спирали включает в себя и расширение времени, и наполнение его содержанием, с качественным усложнением на каждом новом возрастном этапе. Это объединяет все элементы в единую динамическую картину.

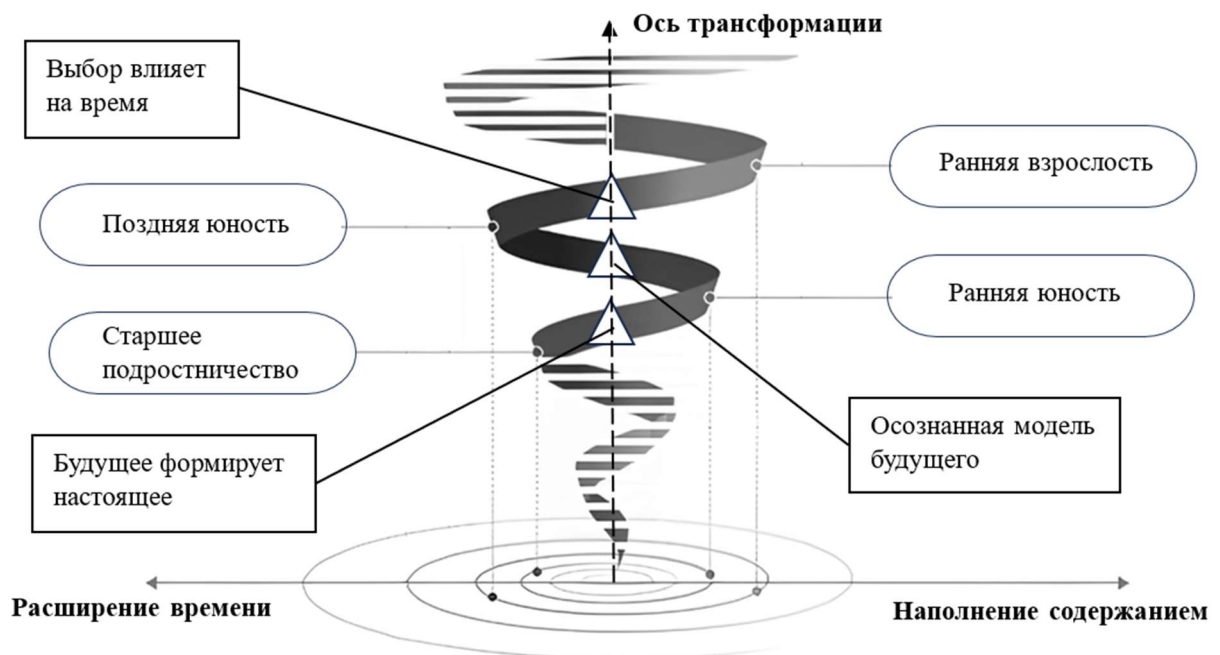

Рис. 19. Визуализация модели развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней зрелости

Визуализация модели (рис. 19) построена с учетом направленности качественной трансформации в развитии представлений о будущем и смены фаз системообразующих параметров, влияющих на представление о будущем, что подразумевает развитие этих представлений в результате чередования «смысловой» (содержание) и «хронологической» (время) перспектив личности. Чередование «смысловой» и «хронологической» фаз отражены на шкале развития представлений о будущем и соответствует четырем возрастным этапам: старшее подростничество, ранняя юность, поздняя юность, ранняя зрелость. Соответствие смены фаз определенным

возрастными периодами выявлено эмпирически, но может хронологически отличаться в онтогенезе конкретной личности. Эти перспективы являются неразрывными и взаимодополняющими, а фазовый характер показывает приоритет одного параметра перед другим. На каждом витке развития представлений о будущем происходит качественная трансформация видения будущего. Определены три качественные трансформации, которые формируются на переходах между фазами и отображаются на графическом представлении модели в проекции оси трансформации. Так, в рамках исследования впервые выделен качественный переход от поздней юности к ранней взрослости, когда на смену паттерну, в котором восприятие времени выступало предиктором выбора, приходит паттерн, в котором удовлетворенность выбором и самовыражение становятся предикторами восприятия времени. Кроме выявленной эмпирическим путем трансформации «выбор влияет на время», которая подразумевает, что уровень удовлетворенности выбором и самовыражение прогнозируют изменение характеристик временной перспективы, в модель включены доказанные ранее исследователями трансформации: «будущее формирует настоящее» на переходе из старшего подростничества в возраст ранней юности (К. Левин) и «осознанная модель будущего» на переходе из ранней юности в возраст поздней юности (Д.А. Леонтьев, В.Р. Манукян, Г.Н. Эйдельман, Е.А. Сергиенко).

Таким образом, предложенная модель прошла многоуровневую эмпирическую проверку. Концептуальные переходы («будущее формирует настоящее», «осознанная модель будущего») были не только заимствованы из теоретических работ (К. Левин, Д.А. Леонтьев), но и подтверждены нашими данными: сдвигом в рефлексивной позиции и ростом осознанности в соответствующих возрастных интервалах. Центральная, эмпирически выявленная трансформация «выбор влияет на время» была статистически верифицирована через изменение структуры взаимосвязей между показателями удовлетворенности выбором и самовыражения с параметрами

временной перспективы в возрасте 24–28 лет. Следовательно, модель представляет собой верифицированную схему, в которой каждый элемент (фазы, цикличность, трансформации) имеет конкретное методическое обоснование и эмпирический референт в данных исследования и впервые в отечественной практике:

- объединяет темпоральный и содержательный аспекты представлений о будущем в единую циклическую модель;

- эмпирически подтверждает переход от реактивного планирования к проактивному жизненному проектированию на границе юности и взрослости;

- предлагает практико-ориентированный конструкт — «компетентность в проектировании времени», — имеющий высокую значимость для образовательной и консультационной практики.

Итак, модель представляет собой связанную систему понятий, принципов и эмпирически подтвержденных связей, где все части логически и содержательно взаимосвязаны. Это целостная схема, объясняющая механизм развития представлений о будущем на протяжении важнейшего периода становления личности (14–28 лет). Именно эта внутренняя связанность и делает модель весомым, системным вкладом в возрастную психологию. Модель задает новый стандарт изучения возрастного развития в условиях «отложенной взрослости» и открывает перспективы для дальнейших исследований в области возрастной психологии, психологии будущего, самоопределения и жизнотворчества.

5.4. Практическое применение теоретико-методологической концепции и модели развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости

Описанная динамическая система является существенным вкладом в разработку нормативных показателей развития личности в юношестве. Концепция обосновывает необходимость развития «компетентности в проектировании времени» — личностного ресурса для совмещения гибкости жизненных траекторий с осознанным выбором. Соответственно важное значение концепции связано с развитием будущего в картине жизненного пути личности. Концепция может быть основой процесса возрастнопсихологического консультирования и психотерапевтической практики для коррекции негативных представлений о будущем.

Кроме того, представление о будущем становится ключевым фактором успешной образовательной стратегии, устойчивости образовательных интересов. Практическое значение концепции состоит в возможности ее использования в образовательной практике при выработке стратегии проектирования специальных образовательных мероприятий (тренингов, семинаров, образовательных сессий) по обсуждению с юношами и девушками их будущего, созданию условий для их профессионального самоопределения в период от старшего подростничества до ранней взрослости, для разработки технологии педагогического сопровождения индивидуальных образовательных программ обучающихся, а также в сфере повышения квалификации работников образования. Как показывают предыдущие работы, социокультурный контекст напрямую связан с формированием представлений о будущем. Например, Н.Н. Толстых было зафиксировано, что масштабные изменения в обществе (такие, например, как реформы 1980–1990-х годов) модифицируют профессиональные и временные перспективы молодежи, подчас сужая их. В ответ на это «уровень получаемого образования» становится важным внешним механизмом, способным противостоять внешней детерминации и выступать условием для конструктивного развития.

Исследования М. Броер и коллег доказывают, что долгосрочные учебные цели являются ключевым мотиватором ежедневной активности [Broer et al., 2019]. А.Ю. Бухарина и Н.Н. Толстых выявили, что выбор конкретных образовательных стратегий коррелирует с успеваемостью и формированием осознанной жизненной программы. Непосредственная связь между ориентацией на будущее и образовательными достижениями показана в работах И.В. Пономаренко и И.А. Курусь: хорошо успевающие студенты демонстрируют устойчивую ориентацию на будущее. М.Д. Кондратьев доказал, что такая ориентация способствует эффективному использованию учебного времени и высоким результатам [Кондратьев, 2017].

В нашей работе была описана динамика и качественная трансформация представлений о будущем. Разработанная концепция и модель развития представлений о будущем задают ориентиры для психолого-педагогической практики. В частности, формирование компетентности в проектировании времени должно опираться на учет индивидуальных особенностей обработки информации, в том числе когнитивных стилей учащихся [Холодная, 2004], которые определяют, как именно человек структурирует свой опыт и проецирует его на будущее. Обнаруженные различия и качественные трансформации существенны для формирования нормативных показателей развития личности в юношестве.

Тем самым данное исследование впервые раскрывает целостную возрастную динамику представлений о будущем от старшего подростничества до ранней взрослости, что создает научно обоснованную базу для своевременной психолого-педагогической поддержки юношей и девушек на этапах профессионального и личностного самоопределения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования была достигнута его цель, решены поставленные задачи, подтверждены выдвинутые гипотезы. Основной целью исследования было выявление динамики, включающей качественную трансформацию представлений о собственном будущем в юношестве и ранней взрослости. Значимость изучения этого направления в возрастной психологии связана с существующими сегодня противоречиями между теоретической изученностью отдельных аспектов представлений о будущем и отсутствием целостной модели развития представлений о будущем; между признанием фундаментальными принципов нелинейности, цикличности для понимания характера развития представлений о будущем и отсутствием системного выделения его периодизации; между выявленным удлинением возрастных границ юности и отсутствием описания трансформации, определяющей развитие представлений о будущем после возраста поздней юности.

В начале исследования было сделано предположение о том, что развитие представлений о собственном будущем современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет характеризуется упорядоченной возрастной динамикой, включающей качественную трансформацию, в том числе за счет изменения восприятия личностью параметров выбора и времени жизни. Сделанное предположение было подвергнуто теоретической и эмпирической проверке, в результате чего были получены основания для подтверждения выдвинутых гипотез.

Основные выводы диссертационного исследования

1. Решена сложная проблема возрастной психологии: показана динамика и закономерности развития представлений о будущем, фазность и нелинейность этого процесса в период от старшего подростничества до ранней взрослости, что восполняет пробелы в изучении данной проблемы.

Разработана и эмпирически верифицирована концепция развития представлений о будущем.

2. Впервые описана и эмпирически обоснована качественная трансформация характера связи между восприятием времени и профессиональным выбором, которая знаменует собой переход на этап ранней взрослости. Период, в котором восприятие времени выступало значимым предиктором выбора, сменяется периодом, в котором сделанный выбор (удовлетворенность им и самовыражение) становятся значимыми предикторами восприятия времени жизни. Удовлетворенность профессиональным путем демонстрирует статистически значимую связь с тем, как человек выстраивает дальнейшие планы и оценивает свой жизненный путь. Этот переход определяет возрастную границу между юношеским возрастом и началом взрослых возрастов в вопросе развития представлений о будущем.

3. Описана модель качественной трансформации развития представлений о будущем и смены системообразующих параметров, влияющих на представление о нем, что подразумевает развитие этих представлений в результате чередования «смысловой» (содержание) и «хронологической» (временной) фаз. Эти перспективы являются неразрывными и взаимодополняющими, а фазовый характер показывает приоритет одного параметра перед другим. На каждом витке развития представлений о будущем происходит качественная трансформация. Кроме выявленной эмпирическим путем трансформации «выбор влияет на время», которая подразумевает, что уровень удовлетворенности выбором и самовыражение прогнозируют изменение характеристик временной перспективы, в модель включены доказанные ранее трансформации «будущее формирует настоящее» на переходе из старшего подростничества в возраст ранней юности (К. Левин) и «осознанная модель будущего» на переходе из возраста ранней юности в возраст поздней (Д.А. Леонтьев, В.Р. Манукян, Г.Н. Эйдельман, Е.А. Сергиенко).

4. На основании сравнительного анализа параметров представлений о будущем на последовательных годовых интервалах от 14 до 28 лет показан разнородный характер возрастной динамики в представлениях о будущем. Такие параметры как «субъектность – объектность» (роль респондента в называемых им событиях жизни) и «оценочность – констатация» (рефлексивное отношение к событиям) позволили определить характер динамики, а статистические методы — установить границы фаз. Зафиксированы статистически значимые различия между возрастными группами 14 лет, 15–18 лет, 19–23 года и 24–28 лет, что позволяет говорить о нелинейном характере возрастных изменений; при этом на переходах между этими периодами субъектность и констатация развиваются в противофазе к объектности и оценочности.

5. В период от старшего подростничества до ранней взрослости в содержательных и временных характеристиках представлений молодых людей о будущем происходят изменения. Для подростков будущее «случается». Для представителей ранней юности содержание будущего основано на трех основных тематиках: профессиональное образование, жизненные возможности, своя семья. В поздней юности ключевым аспектом осмысления образа будущего становится связь возможностей со временем. Основу представлений о будущем в возрасте ранней взрослости составляет связь профессиональной деятельности с семьей и личностью самого человека. Выявленные изменения происходят в рамках чередования фаз временного осмысления будущего и его содержательного наполнения.

6. Описана качественная трансформация развития представлений о будущем в возрасте от 14 до 28 лет: от романтизированного, насыщенного возможностями, но внутренне конфликтного видения в подростковом возрасте к более реалистичному, ответственному и рефлексивному конструированию жизненной траектории в возрасте ранней взрослости. На каждом возрастном этапе действует своя специфическая система детерминант:

- в подростковом возрасте (14 лет) «пик будущего» с высокой насыщенностью и потенциалностью сочетается с внутренним диссонансом и незавершенностью идентичности. Ключевую роль играют динамические характеристики («целеустремленность в будущее» и «ожидаемая продолжительность жизни»), которые напрямую повышают автономию и положительную эмоциональную окраску выбора;

- в ранней юности (15–18 лет) будущее начинает определять настоящее. На этом этапе вера в долгую жизнь становится психологическим ресурсом, смягчающим когнитивный диссонанс от растущей неопределенности;

- в поздней юности (19–23 года) на первый план выходит кризис реализации идентичности, характеризующийся поляризацией стратегий выбора (подлинный или конформный) и «накопленной неопределенностью». Прошлый опыт становится решающим ресурсом, а фокус смещается с поиска пути на качественную реализацию уже сделанного выбора, что приводит к относительной «минимизации будущего»;

- в ранней взрослости (24–28 лет) наблюдается принципиальное изменение паттерна взаимосвязей: не временная перспектива выступает предиктором выбора, а характеристики сделанного выбора (прежде всего, удовлетворенность им) становятся значимыми предикторами восприятия времени.

7. Также выявлено, что при общем психологическом сходстве существуют устойчивые половые различия в профессиональном самоопределении и его связи с восприятием времени. Девушки демонстрируют более позитивные показатели выбора, а удовлетворенность играет для них интегрирующую роль. У юношей показатели выбора слабее, их связь со временем и возрастной идентичностью более прямая, но конфликтная (например, самостоятельность связана с низким коэффициентом взрослости).

С учетом подтверждения выдвинутых частных гипотез общая гипотеза о том, что развитие представлений о собственном будущем современных

подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет характеризуется упорядоченной возрастной динамикой, включающей качественную трансформацию, в том числе за счет изменения восприятия личностью параметров выбора и времени жизни, получила свое подтверждение.

Ограничением проведенного исследования является включение в выборку только представителей учащейся молодежи. Все участники исследования тем или иным образом связаны с образовательной сферой деятельности. Это школьники, студенты организаций СПО, студенты вузов очной и заочной форм обучения, молодые преподаватели и аспиранты.

Указанные результаты и ограничения создают предпосылки для определения дальнейших перспективных направлений исследований.

– Выявленная трансформация дает основание не просто констатировать, что юность «растянулась», а выделить внутри этого увеличившегося периода ключевое качественное изменение, связанное с развитием представлений о будущем. Это позволяет спроектировать перспективные исследования качественного изменения процесса взросления в периоде «становящейся взрослости».

– Также заслуживает внимания планирование исследования, основанного на разработанных принципах качественной трансформации и динамики развития представлений о собственном будущем юношей/девушек из профессиональных сфер, не связанных с образованием, что позволит сформировать более полную психологическую картину развития представлений о будущем в исследуемых возрастах.

– Разработанный подход позволяет расширять возрастные границы исследования на весь подростковый период и более поздний взрослый возраст, изучая наличие и характер качественных трансформаций, аналогичных по проявлениям тем, которые были выявлены или подтверждены результатами настоящего исследования.

– Перспективным направлением исследований можно считать изучение механизмов детерминации и взаимопереходов между чередующимися фазами временного осмысления будущего и его содержательного наполнения.

Нами была решена проблема исследования: выявлена динамика представлений о своем будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости. Поставленные в начале исследования задачи выполнены, подтверждены общая и частные гипотезы исследования, а также намечены перспективы дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова, К.А. Время личности и ее жизненного пути / К.А. Абульханова // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 165–200.
2. Абульханова-Славская, К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина. – СПб. : Алетейя, 2001. – 304 с.
3. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
4. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер ; пер. с нем. Е. Цыпина. – М. : АСТ, 2021. – 317 с. – (Философия – Neoclassic).
5. Акименко, А.К. Представления о прошлом, настоящем и будущем в системе социально-психологической адаптации личности / А.К. Акименко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – Т. 3, № 2. – С. 131–142.
6. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М. : Наука, 1977. – 380 с.
7. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1968. – 340 с.
8. Андреева, А.Д. Диагностика профессиональных установок современных учащихся юношеского возраста / Андреева А.Д., Лисичкина А.Г., Бегунова Л.А. // Психолого-педагогические исследования. – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 113–130. – DOI 10.17759/psyedu.2025170108.
9. Андреева, А.Д. Образ собственного будущего у старшеклассников и студентов колледжа / А.Д. Андреева // Психолого-педагогические исследования. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 3–18. – DOI 10.17759/psyedu.2022140201.
10. Андреева, А.Д. Особенности внутренней позиции взрослого у современных учащихся раннего юношеского возраста / А.Д. Андреева, Л.А.

Бегунова, А.Г. Лисичкина // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 58–69. – DOI 10.17759/pse.2023280205.

11. Аристотель. Физика : пер. с древнегр. / Аристотель. – М. : URSS, 2022. – 232 с. – (Классики науки ; № 58).

12. Басюк, В.С. Методологическое обоснование формирования делинквентного поведения у детей и подростков и способов его преодоления / В.С. Басюк // Развитие личности. – 2025. – № 2. – С. 38–51. – DOI 10.31862/2073-9788-2025-2-38-51.

13. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики : исслед. разных лет / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 502 с.

14. Белановская, О.В. Временная перспектива жизненных планов в юношестве [Электронный ресурс] / О.В. Белановская // Проблемы социальной психологии личности : сб. тез. по проблемам психологии личности / отв. ред. Р.М. Шамионов. – Саратов : СГУ, 2008. – URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30275 (дата обращения: 21.01.2023).

15. Белогай, К.Н. Формирование образа будущего в период юности как проблема профессионального образования / К.Н. Белогай, Н.А. Бугрова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 43. – С. 205–215.

16. Бережковская, Е.Л. Проблема психологического возраста современных старшеклассников / Е.Л. Бережковская, Г.Б. Ховрина // Цели и задачи образования, способствующие психическому и личностному развитию : сборник научных статей : в рамках выполнения проекта «Разработка и апробация психологических критериев и показателей для учета и оценки достижений школьников в электронном портфолио МЭШ». – М. : Белый ветер, 2020. – С. 27–50.

17. Бессуднов, А.Р. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней

школы / А.Р. Бессуднов, В.М. Малик // Вопросы образования. – 2016. – № 1. – С. 135–167.

18. Билан, М.А. Ценностные компоненты жизненных стратегий выпускников учреждений среднего профессионального образования / М.А. Билан, Е.Н. Ермолаева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 727–734. – DOI 10.21603/2078-8975-2020-22-3-727-734.

19. Богачева, Н.В. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е.В. Сивак. – М. : НИУ ВШЭ, 2019. – 64 с. – (Современная аналитика образования ; № 1 (22)).

20. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб. : Питер, 2008. – 464 с.

21. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности : избр. психол. тр. / Л.И. Божович ; под ред. Д.И. Фельдштейна. – М. : Ин-т практ. психологии, 1997. – 351 с.

22. Бойко, О.В. Проблема психологического времени в юношеском возрасте / О.В. Бойко // Гуманитарный вестник (Горловка). – 2019. – № 8. – С. 18–25.

23. Бороздина, Л.В. Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых / Л.В. Бороздина, О.Н. Молчанова / Л.В. Бороздина. – Москва : Проект-Ф, 2001. – 204 с.

24. Бредун, Е.В. Типологические особенности субъективного восприятия времени в контексте хронотопической жизни человека / Е.В. Бредун, О.М. Краснорядцева, Э.А. Щеглова // Сибирский психологический журнал. – 2018. – № 68. – С. 32–45. – DOI 10.17223/17267080/68/2.

25. Бруданова, Н.П. Класс, клуб, группа: межличностное общение / Н.П. Бруданова // Учитель. – 2002. – № 4. – С. 77–79.

26. Брушлинский, А.В. Взаимосвязь процессуального и личностного мышления: методол. анализ / А.В. Брушлинский // Мышление: процесс, деятельность, общение / отв. ред. А.В. Брушлинский. – М. : Наука, 1982. – С. 5–49.

27. Брушлинский, А.В. Психология субъекта / Рос. акад. наук. Ин-т психологии ; А.В. Брушлинский ; отв. ред. В.В. Знаков. – СПб. : Алетейя, 2003. – 272 с.
28. Бухарина, А.Ю. Временная перспектива и временная компетентность как факторы учебной мотивации / А.Ю. Бухарина, Н.Н. Толстых // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 36–48. – DOI 10.17759/jmfr.2019080204.
29. Быкова, Е.Б. Образ будущего в картине мира и Я-концепции личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Елена Борисовна Быкова. – СПб., 2003. – 22 с.
30. Бюлер, Ш. Что такое пубертатный период / Ш. Бюлер // Педология юности : сборник статей / под ред. И. Арямова. – М. : Учпедгиз, 1931. – С. 37–46.
31. Васильева, Н.П. Динамика разрешения конфликтов развития в юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Васильева Наталья Петровна. – Красноярск, 2006. – 198 с.
32. Васильева, Н.П. Динамика юношеского возраста / Н.П. Васильева. – Красноярск : СФУ, 2007. – 102 с.
33. Вачков, И.В. Анализ метафоры жизненного пути как инструмент взаимодействия в рамках психолого-педагогического сопровождения студентов [Электронный ресурс] / И.В. Вачков, Э.М.В. Саликова // Вестник практической психологии образования. – 2024. – Т. 21. № 2–3. – С. 177–185. – DOI 10.17759/bpre.2024210222.
34. Веденева, Е.В. Модель психологического времени личности, включенной в процесс глобализации (на материале исследования студентов) / Е.В. Веденева, Е.В. Забелина // Научно-педагогическое обозрение. – 2019. – № 5 (27). – С. 166–177. – DOI 10.23951/2307-6127-2019-5-166-177.
35. Венгер, А.Л. Групповая работа со старшеклассниками, направленная на их адаптацию к новым социальным условиям / А.Л. Венгер, Ю.М. Десятникова // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 25–33.

36. Веселкова, Н.В. Растянутое взросление / Н.В. Веселкова, Н.В. Ершова, Е.В. Прямикова // Отечественные записки. – 2014. – № 5 (62). – С. 37–48.
37. Взаимосвязь образовательных достижений старшеклассников и их цифрового следа в социальной сети / В.В. Кашпур, А.В. Губанов, А.В. Фещенко (и др.) // Педагогика и просвещение. – 2020. – № 4. – С. 37–51. – DOI 10.7256/2454-0676.2020.4.33952.
38. Возрастно-ориентированная старшая школа : к реализации новых образовательных стандартов : монография / П.А. Сергоманов, А.В. Лученков, Н.П. Васильева, Н.Ф. Логинова. – М. : URSS, 2014. – 288 с. – (Психология, педагогика, технология обучения ; № 39).
39. Волохова, В.И. Исследование динамики психологического времени в эпоху юности / В.И. Волохова, М.И. Кошенова, Д.М. Шабанов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2020. – № 4 (48). – С. 75–90. – DOI 10.17673/vsgtu-pps.2020.4.7.
40. Волохова, В.И. Темпоральная компетентность как показатель личностной зрелости / В.И. Волохова // Современная реальность в социально-психологическом контексте : сб. науч. материалов / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой. – Новосибирск : НГПУ, 2018. – С. 14–17.
41. Воронин, А.Н. Об объекте психологического исследования / А.Н. Воронин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2, № 3. – С. 125–129.
42. Воронцова, Ю. Представления «поколения Z» о своей будущей семье (на примере литовских старшеклассников) / Ю. Воронцова, В.В. Ермолаев // Психолог. – 2016. – № 1. – С. 1–12. – DOI 10.7256/2409-8701.2016.1.16664.
43. Вундт, В. Введение в психологию / В. Вундт ; пер. с нем. Н. Самсонов. – М. : Либроком, 2010. – 168 с.
44. Выготский, Л.С. Психология / Л.С. Выготский. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.

45. Выготский, Л.С. Психология развития [Электронный ресурс] : избр. работы / Л.С. Выготский. – М. : Юрайт, 2023. – 281 с. – (Антология мысли) . – URL: <https://urait.ru/bcode/513888> (дата обращения: 13.11.2023).
46. Выготский, Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Л.С. Выготский ; под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1982. – 488 с.
47. Выготский, Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Детская психология / Л.С. Выготский ; под ред. Д.Б. Эльконина. – М. : Педагогика, 1984. – 433 с.
48. Галактионов, И.В. Теоретические и эмпирические подходы к исследованию специфики проявления и развития жизненных стратегий в юношеском возрасте / И.В. Галактионов, В.Э. Верхотуров // Экология человеческих отношений как проблема практической психологии в современном обществе : сб. науч. тр. : Хабаровск, 22–28 ноября 2017 г. / под ред. Е.Н. Ткач. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2018. – С. 108-115.
49. Гаранина, Ж.Г. Роль самоотношения в личностно-профессиональном саморазвитии студентов высшей школы / Ж.Г. Гаранина, С.И. Баляев, М.С. Ионова // Образование и наука. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 82–96. – DOI 10.17853/1994-5639-2019-1-82-96.
50. Гаулд, Р. Ступени жизни / Р. Гаулд, Д. Левинсон, Д. Вейлант // Наука и жизнь. – 1977. – № 2. – С. 135–136.
51. Гегель. Наука логики. Том I. Объективная логика / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. – [Чехов] : Primedia E-launch LLC, 2017. – 540 с.
52. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. / Гегель ; отв. ред. Е.П. Ситковский ; редкол. Б.М. Кедров [и др.] – М. : Мысль, 1977. – 471 с.
53. Гезелл, А.Л. Педология раннего возраста / под ред. В.Г. Штефко. – М. : Учпедгиз, 1932. – 247 с.
54. Гинзбург, М.Р. Жизненные планы как проявление личностного самоопределения старшеклассников / М.Р. Гинзбург // Психологические условия формирования социальной ответственности школьников : сборник

научных трудов / под ред. М.Р. Гинзбурга, Л.А. Радзиховского. – М. : АПН СССР, 1987. – С. 18–22.

55. Гинзбург, М.Р. Психологическое содержание жизненного поля личности старшего подростка / М.Р. Гинзбург // Мир психологии и психология в мире. – 1995. – № 3. – С. 21–27.

56. Гинзбург, М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43–52.

57. Головаха, Е.И. Понятие психологического времени / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Категория материалистической диалектики в психологии. – М. : Педагогика, 1988. – С. 199–215.

58. Головаха, Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Смысл, 2008. – 267 с.

59. Горская, Г.Б. Психологические ресурсы и барьеры включения личности в современный жизненный мир / Г.Б. Горская, В.И. Компаниец // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2018. – № 2. – С. 4–10. – DOI 10.25513/2410-6364.2018.2.4-10.

60. Гриднева, Д.А. Временная перспектива современных старших подростков на пути их профессионального самоопределения / Д.А. Гриднева, Н.Н. Толстых // Социальная психология: вопросы теории и практики : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. памяти М.Ю. Кондратьева : Москва, 12–13 мая 2022 г. – М. : МГППУ, 2022. – С. 97–99.

61. Гурова, О.С. Психологическое время как фактор переживания одиночества в юношеском возрасте / О.С. Гурова, Н.А. Лужбина, Г.Ф. Кроян // Человеческий капитал. – 2018. – № 11 (119). – С. 94–104. – DOI 10.25629/НС.2018.11.11.

62. Гут, Ю.Н. Особенности временной перспективы личности на этапе профессионального самоопределения / Ю.Н. Гут, М.К. Кабардов // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 85–97. – DOI 10.18413/2313-8971-2019-5-3-0-7.

63. Гут, Ю.Н. Роль временной перспективы в процессе профессионального самоопределения и становления личности / Ю.Н. Гут // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 140–148. – DOI 10.25730/VSU.7606.19.045.
64. Давыдов, В.В. Виды обобщения в обучении : логико-психологические проблемы построения учебных предметов / В.В. Давыдов. – 2-е изд. – М. : Педагогическое общество России, 2000. – 480 с.
65. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. Р–V. / В.И. Даль. – 8-е изд. – М. : Русский язык, 1982. – 683 с.
66. Данилов, А.Н. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры / А.Н. Данилов, Ж.М. Грищенко, Т.В. Щелкова // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2017. – № 1. – С. 109–118.
67. Данилова, Н.С. Целевая составляющая образа будущего в юношеском возрасте / Н.С. Данилова // Научные исследования XXI века. – 2020. – № 1 (3). – С. 394–400.
68. Дегтярев, А.В. Эмоциональный интеллект, психологическая граница личности и самоотношение в юношеском возрасте / А.В. Дегтярев, Д.И. Дегтярева // Психология и право. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 92–105. – DOI 10.17759/psylaw.2017070408.
69. Деревянко, Ю.П. Исследование временной перспективы студентов с разным уровнем сформированности саморегуляции / Ю.П. Деревянко // Проблема психологии личности в условиях социокультурных вызовов российскому обществу : сб. ст. / отв. ред. Т.Н. Разуваева. – Белгород : НИУ БелГУ, 2018. – С. 11–21.
70. Дзукаева, В.П. Культурно-специфические и семейные факторы сепарации от родительской семьи в юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Дзукаева Вероника Петровна. – М., 2016. – 278 с.
71. Дружинин, В.Н. Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии / В. Н. Дружинин. – СПб : Питер, 2010. – 155 с.

72. Дружинин, В.Н. Психология способностей : избр. тр. / В.Н. Дружинин. – М. : Институт психологии РАН, 2007. – 541 с.
73. Дубровина, И.В. Школьная психологическая служба : вопросы теории и практики / И.В. Дубровина. – М. : Педагогика, 1991. – 232 с.
74. Дудик, Г.С. Взаимосвязь личностных качеств студентов и результатов ЕГЭ с результатами успешного окончания вуза / Г.С. Дудик // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2016. – С. 60–61.
75. Духновский, С.В. Человек и Время: отношение, оценка, управление : монография / С.В. Духновский. – СПб. : СПбУ МВД России. – 2025. – 208 с.
76. Егоренко, Т.А. Методы активизации профессионального самоопределения личности на этапе допрофессионального развития: опыт зарубежных стран / Т.А. Егоренко // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 61–70. DOI 10.17759/jmfp.2022110306.
77. Егоренко, Т.А. Роль социального интеллекта в процессе профессионального становления личности на этапе обучения в вузе / Т.А. Егоренко // Современная зарубежная психология. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 109–114. DOI 10.17759/jmfp.2018070310.
78. Егорова, М.С. Психология индивидуальных различий / М.С. Егорова. – М. : Планета детей, 1997. – 328с.
79. Жизненные перспективы учащейся молодежи: ценности и смыслы бытия / И.А. Виноградова, Г.А. Винокурова, К.К. Голубушина [и др.] ; под ред. О.И. Ключко. – Москва, 2015. – 224 с.
80. Жилинская, А.В. Подходы к изучению построения подростками траектории жизненного пути / А.В. Жилинская, А.А. Бочавер // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 1. – С. 36–45. – DOI 10.7868/S020595921801004X.
81. Завалова, Н.Д. Образ в системе психической регуляции деятельности / Завалова ; отв. ред. Ю.М. Забродин. – М. : Наука, 1986. – 172 с.

82. Захарова, А.Ю. Временная перспектива личности при аффективных расстройствах: обзор научных исследований / А.Ю. Захарова, А.В. Трусова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 435–450. – DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-3-435-450.
83. Зеер, Э.Ф. Взаимосвязь самоактуализации, параметров психологического времени и характеристик личности на этапе профессиональной подготовки / Э.Ф. Зеер, Д.П. Заводчиков, М.В. Зиннатова // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 419–435. – DOI 10.24224/2227-1295-2017-12-419-435.
84. Знаков, В.В. Возможностное мышление. Психология понимания прошлого и будущего / В.В. Знаков. – М. : Издательство ФГБУН «Институт психологии РАН». – 2025. – 295 с.
85. Знаков, В.В. Понимание будущего и возможностное мышление / В.В. Знаков // Ярославский психологический вестник. – 2023. – № 3 (57). – С. 20–26.
86. Исаева, О.М. Факторы психологического благополучия российской молодежи / О.М. Исаева, А.Ю. Акимова, Е.Н. Волкова // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 24–35. – DOI 10.17759/pse.2022270403.
87. Калитеевская, Е.Р. Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте / Е.Р. Калитеевская, Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 49–55.
88. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Пер. с нем. Н.О. Лосского. – М. : Академический проект, 2020. – 567 с. – (Философские технологии. Классическая немецкая философия).
89. Капиренкова, О.Н. Содержание психологического пространства в юношеском возрасте / О.Н. Капиренкова // Психология когнитивных процессов. – 2018. – № 7. – С. 59–65.

90. Карьерное консультирование в современном мире: Теории и практики в России и за рубежом / Е.В. Минина, Е.С. Павленко, М.А. Кирюшина, А.А. Якубовская. – М. : НИУ ВШЭ, 2021. – 102 с. – (Современная аналитика образования ; № 2 (51)).
91. Катькало, К.Д. Типы личностно-профессиональной самореализации студентов-психологов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология / К.Д. Катькало, А.А. Печеркина. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 186–206. – DOI 10.25688/2076-9121.2022.16.4.11.
92. Кашапов, М.М. Эмпатия как интересующий ресурс вузовской адаптации студентов в условиях цифровизации образовательной среды / М.М. Кашапов, А.А. Смирнов, Е.В. Соловьева // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 2 (56). – С. 153-167. – DOI 10.32744/pse.2022.2.9.
93. Кле, М. Психология подростка : психосексуальное развитие / М. Кле. – М. : Педагогика, 1991. – 176 с.
94. Клементьева, М.В. «Подлинное Я» как предиктор формирующейся взрослости студентов / М.В. Клементьева // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 64–74. – DOI 10.17759/pse.2020250306.
95. Ковалев, В.И. Личностное время и жизненный путь человека / В.И. Ковалев // Психология личности и время : тезисы ... конференции : в 2 частях / отв. ред. В.И. Ковалев. – Черновцы : ЧГУ, 1991а. – Ч. 1. – С. 4–8.
96. Ковалев, В.И. Особенности личностной организации времени жизни / В.И. Ковалев // Гуманистические проблемы психологической теории / ред. К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский. – М. : Наука, 1995. – С. 179–185.
97. Ковалев, В.И. Особенности субъективной регуляции времени жизни / В.И. Ковалев // Время деятельности личности : психол. исследования : сб. науч. докл. / отв. ред. В.И. Ковалев. – Черновцы : ЧГУ, 1991. – С. 67–75.
98. Колтачук, Е.В. Гендерные особенности переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости / Е.В. Колтачук, И.В. Вачков

// Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7, № 3. – С. 47–59. – DOI 10.17759/sps.2016070304.

99. Кольцова, И.В. Роль временной компетентности в личностно-профессиональном становлении студентов педагогического вуза [Электронный ресурс] / И.В. Кольцова, Д.М. Мельникова // Sci-article.ru. – 2015. – № 22. – С. 156–165. – URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1434624190> (дата обращения 15.10.2020).

100. Кон, И.С. Психология ранней юности: кн. для учителя / И.С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 255 с.

101. Кондратьев, М.Д. Особенности временной перспективы одаренных подростков и их сверстников / М.Д. Кондратьев // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 106–114. – DOI 10.17759/psyedu.2017090111.

102. Коржова, Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека / Е.Ю. Коржова // СПб. : Издательство РХГА. – 2006. – 384 с.

103. Кормакова, В.Н. Жизненные стратегии в системе профессионального самоопределения личности / В.Н. Кормакова // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – № 1 (9). – С. 154–161.

104. Корнилова, Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 1. – С. 7–17.

105. Королева, Н.Н. Траектории взросления в психологической автобиографии учащихся общеобразовательной школы подросткового возраста / Н.Н. Королева, И.М. Богдановская, А.Б. Углова // Интеграция образования. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 163–179. – DOI 10.15507/1991-9468.106.026.202201.163-179.

106. Косилова, Е.В. Парадигмы субъектности / Е.В. Косилова. – СПб. : Алетейя, 2021. – 168 с.

107. Кравцов, Г.Г. Культурно-исторический подход к вопросам образования / Г.Г. Кравцов, Е.Е. Кравцова // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 4–13. – DOI 10.17759/chp.2020160401.
108. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – СПб. : Питер, 2021. – 939 с.
109. Кроник, А.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути / А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров – 2-е издание, исправленное и дополненное. – М. : Смысл. – 2008. – 294 с.
110. Кузьмин, М.Ю. Устойчивость и изменчивость идентичности в подростковом и юношеском возрасте / М.Ю. Кузьмин, И.А. Конопак // Российский психологический журнал. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 113–141. – DOI 10.21702/rpj.2018.4.6.
111. Кулакова, А.Б. Поколение Z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 2 (42). – С. 6. – DOI 10.15838/tdi.2018.2.42.6.
112. Курденко, А.Н. Временная «картина мира» студентов, склонных к академической прокрастинации / А.Н. Курденко, М.И. Кошенова // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2019. – № 3. – С. 86–98.
113. Курусь, И.А. Взаимосвязь кризисов, кризисных переживаний и направленности временной перспективы у студентов на начальном этапе обучения в вузе / И.А. Курусь // Образование и наука. – 2016. – № 2 (131). – С. 68–79.
114. Курусь, И.А. Направленность и специфика временной трансспективы в связи с интенсивностью кризисных переживаний в юношеском возрасте / И.А. Курусь, Е.Л. Солдатова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2020. – № 2 (41). – С. 43–48. – DOI 10.18323/2221-5662-2020-2-43-48.
115. Куфтяк, Е.В. Предикторы проактивного преодоления на этапе ранней взрослости: кросскультурное исследование / Е.В. Куфтяк, А.А. Бехтер, О.А. Филатова, Н.М. Газзаева, Е.Г. Сиукаева // Клиническая и специальная

психология. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 164–191. – DOI 10.17759/cpse.2023120208.

116. Кьеркегор, С. Наслаждение и долг / С. Кьеркегор. – Киев : AirLand, 1994. – 504 с.

117. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб. : Речь, 2000. – 368 с.

118. Леонтьев Д. А. Психология выбора / Д. А. Леонтьев — НПФ «Смысл», 2015, 294 с.

119. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2004. – 352 с.

120. Леонтьев, Д.А. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования / Д.А. Леонтьев, Н.В. Пилипко // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 97–110.

121. Леонтьев, Д.А. Личное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д.А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова / под общ. ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2002. – Вып. 1. – С. 56–65.

122. Леонтьев, Д.А. Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора / Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Мандрикова, А.Х. Фам // Психологическая диагностика. – 2007. – № 6. – С. 4–25.

123. Леонтьев, Д.А. Субъективное качество времени как объект психологической диагностики / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Сибирский психологический журнал. – 2022. – № 83. – С. 223–229. – DOI 10.17223/17267080/83/12.

124. Леснянская, Ж.А. Временная компетентность и временная перспектива студентов вуза, будущих социальных работников / Ж.А. Леснянская // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 5 (64). – С. 104–109.

125. Литвинова, А.В. Психологическая сепарация от родителей как условие развития целеполагания студентов / А.В. Литвинова // Психолого-

педагогические исследования. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 59–71. – DOI 10.17759/psyedu.2020120105.

126. Логинова, Н.А. Психобиографический метод исследования и количества личности : учеб. пособие / Н.А. Логинова. – Алматы : Қазақ университеті, 2001. – 172 с.

127. Лодкина, Е.В. Психологическое содержание жизненных стратегий студенческой молодежи / Е.В. Лодкина, Е.А. Толпыгина, И.Г. Горбань // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2012. – № 1 (8). – С. 86–94.

128. Ломов, Б.Ф. Система человек-машина и engineering psychology / Психологическая наука в России XX столетия : проблемы теории и истории. – М. : Изд-во «Ин-т психологии РАН, 2003.

129. Ломов, Б.Ф. О системном подходе в психологии / Б.Ф. Ломов // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 31–45.

130. Ломов, Б.Ф. Системность в психологии : избранные психологические труды / Б.Ф. Ломов. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 1996. – 384 с. – (Психологи Отечества : избранные психологические труды : в 70-ти томах).

131. Лукина, Н.Л. Временная перспектива обучающихся средних профессиональных и высших образовательных учреждений / Н.Л. Лукина, Е.А. Соловьева // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2019. – № 3 (55). – С. 170–176.

132. Луков, В.А. Биосоциология молодежи : теоретико-методологические основания : науч. моногр. / В.А. Луков. – М. : Изд-во МосГУ, 2013. – 430 с.

133. Магун, В.С. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985–2005 годы) / В.С. Магун, М.В. Энговатов // Отечественные записки. – 2006. – № 30 (3). – С. 76–96.

134. Макушина, О.П. Восприятие прошлого, настоящего и будущего студентами с разным психологическим возрастом / О.П. Макушина // Вестник

Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2019. – № 3. – С. 46–50.

135. Маленова, А.Ю. Сепарация взрослеющих детей: свобода для или от? : монография / А.Ю. Маленова, Ю.В. Потапова. – Омск : Изд-во ОГУ, 2020. – 311 с.

136. Малых, С.Б. Выбор направления обучения: сеть мотивов и мотивационные профили студентов / С.Б. Малых, А.О. Табуева, Ю.В. Кузьмина, П.В. Колясников, А.С. Малых // Высшее образование в России. – 2026. – Т. 35, № 3. – С. 10–32. – DOI: 10.31992/0869-36172026-35-3-10-32.

137. Манукян, В.Р. Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет / В.Р. Манукян // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 129–140. – DOI 10.17759/pse.2022270310.

138. Манукян, В.Р. Переход во взрослость: интегративный взгляд в многообразии контекстов / В.Р. Манукян // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 55-5. – С. 335–342.

139. Манукян, В.Р. Опыт исследования возрастной идентификации взрослого человека / В.Р. Манукян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2024. – Т. 14. Вып. 1. – С. 79–95. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.105>.

140. Меднікова, Г.І. Специфіка взаємозв'язку смисложиттєвих і ціннісних орієнтацій студентів з різними особливостями ставлення до себе = [Специфика взаимосвязи смысложизненных и ценностных ориентаций студентов с различными особенностями самоотношения] [Электронный ресурс] / Г.І. Меднікова // Науковий огляд = [Научное обозрение]. – 2014. – Т. 3, № 2-2. – С. 114–122.

141. Мельникова, Д.М. Временные детерминанты самоактуализации в профессиональном становлении педагогов [Электронный ресурс] / Д.М. Мельникова // Ломоносов-2015 : материалы Междунар. молодеж. науч. форума / отв. ред. А.И. Андреев [и др.]. – М. : МАКС Пресс, 2015. – С. (1–2) –

- (Психология, ст. 5). – URL: https://olymp.msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/section_22_6929_doc_name.htm (дата обращения: 21.01.2023).
142. Мид, М. Культура и мир детства : избр. произведения / М. Мид. – М. : Наука, 1988. – 429 с.
143. Митрофанова, Е.С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян / Е.С. Митрофанова // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 36–61. – DOI 10.17323/demreview.v7i4.12043.
144. Михеева, Е.В. Сравнительный анализ психологического содержания понятий «временная перспектива», «образ будущего» и «цель» / Е.В. Михеева // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 5–22. – DOI 10.17673/vsgtu-pps.2022.3.1.
145. Мосунова, Л.А. К определению смыслового восприятия художественного произведения / Л.А. Мосунова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 16. – С. 112–118.
146. Мухина, В.С. Восприятие как высшая психическая функция / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2012. – № 3. – С. 100–127.
147. Мухина, В.С. Глубинный смысл предопределенного «пора» в контексте жизненного пути / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2010. – № 1. – С. 16–48.
148. Мухина, В.С. Человек в пространстве пересечения созданных им реалий / В.С. Мухина // Мир психологии. – 2012. – № 4 (72). – С. 58–68.
149. Мухина, В.С. Юность / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2020. – № 4. – С. 136–158.
150. Мухина, В.С. Юность / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2022. – № 1. – С. 10–80. – DOI 10.31862/2073-9788-2022-1-10-80.
151. Нартова-Бочавер, С.К. Психологическое пространство личности : монография / С.К. Нартова-Бочавер. – М. : Прометей, 2005. – 312 с.

152. Нартова-Бочавер, С.К. Ситуационно-событийный подход к пониманию психологического благополучия/неблагополучия студенческой молодежи / С.К. Нартова-Бочавер, Э.Н. Ходаковская, В.Ю. Юрчук // Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 41—50. – DOI <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130404>.
153. Нестик, Т.А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / Нестик Тимофей Александрович. – М., 2015. – 479 с.
154. Неяскина, Ю.Ю. Особенности конструирования будущего при разных уровнях толерантности к неопределенности (на примере юношеского возраста) / Ю.Ю. Неяскина, В.О. Пронькина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 3 (71). – С. 143–152. – DOI [10.21603/2078-8975-2017-3-143-152](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-143-152).
155. Носс, И.Н. Моделирование в психологическом исследовании / И.Н. Носс, М.Е. Ковалева // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2019 – Т. 12, № 2 – С. 63–70.
156. Нуркова, В.В. Автобиографическая память (Структура, функции, механизмы) : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» / Вероника Валерьевна Нуркова. – М., 1998. – 305 с.
157. Нуркова, В.В. Жизнь – инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария / В.В. Нуркова // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – № 1 (30). – С. 55–73.
158. Нуркова, В.В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности [Электронный ресурс] / В.В. Нуркова // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19, № 4. – С. 22–30. – URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2014_n4/73078 (дата обращения: 21.01.2023).

159. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2004. – 608 с.
160. Олпорт, Г. Становление личности : избр. тр. / под общ. ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2002. – 462 с.
161. Омельченко, Е.Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века / Е.Л. Омельченко // Рубеж : альманах социальных исследований. – 2003. – № 18. – С. 145–166.
162. Особенности временной перспективы студентов в зависимости от специфики проявлений кризиса идентичности / Ю.В. Сарычева, И.А. Курусь, И.В. Пономаренко, К.В. Хафизова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2020. – № 2. – С. 49–54. – DOI 10.18323/2221-5662-2020-2-49-54.
163. Особенности психологического времени личности студентов, склонных к прокрастинации / Е.В. Веденеева, Е.В. Забелина, И.А. Трушина, Ю.В. Честюнина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 289–292.
164. Павленко, Е.С. Взросление как процесс формирования идентичности: возможности анализа нарративов / Е.С. Павленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 258–269.
165. Павленко, Е.С. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий / Е.С. Павленко, А.А. Якубовская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3 (157). – С. 376–390. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1604.
166. Пайн, Б.Д. II. Экономика впечатлений : Как превратить покупку в захватывающее действие / Б.Д. II Пайн, Дж.Х. Гилмор. – М. : Альпина Паблишер, 2020. – 394 с.
167. Палмер, Дж. Секреты поведения Homo Sapiens : эволюционная психология = The ultimate origins of human behavior : evolutionary psychology /

Дж. Палмер, Л. Палмер. – 2-е междунар. изд. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. – 384 с.

168. Панов, В.И. Пространство, время и движение — парадигмальные сдвиги / В.И. Панов // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2017. – Т. 21, № 4. – С. 572–581. – DOI 10.22363/2313-2302-2017-21-4-572-581.

169. Панов, В.И. Становление субъектности в контексте психодидактики [Электронный ресурс] / В.И. Панов // Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании : материалы международной научно-практической конференции : Москва, 06–07 декабря 2021 года / отв. ред. Н.Н. Ивков. – М. : Российская академия образования, 2022. – С. 255–258. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50387292> (дата обращения: 21.01.2023).

170. Панченко, Л.Л. Психологическая зрелость выпускников вузов: гендерный аспект / Л.Л. Панченко, У.А. Богатырь // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 353–357.

171. Перлз, Ф. Гештальт-семинары : гештальт-терапия дословно / Ф. Перлз. – М. : Институт общегуманитарных исследований (ИОИ), 1998. – 330 с. – (Современная психология: теория и практика. Тексты гештальт-терапии).

172. Петренко, В.Ф. . Пейзаж души. Психосемантическое исследование восприятия живописи / В.Ф. Петренко, Е.А. Коротченко // Экспериментальная психология. – 2008. – Т. 1, № 1. – С. 84–101.

173. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с.

174. Петрова, В.Н. Образ будущего как предиктор профессионального развития : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Петрова Валерия Николаевна. – Томск, 2019. – 32с.

175. Петровский, А.В. Психология и время. – СПб. : Питер, 2007. – 448 с.

176. Полак, Ф. Образ будущего / Ф. Полак // Мир нашего завтра : антол. соврем. классич. прогностики / ред.-сост. И.В. Бестужев-Лада. – М. : Эксмо, 2003. – С. 220–233.

177. Поливанова, К.Н. Детство в меняющемся мире / К.Н. Поливанова // Современная зарубежная психология. – 2016. – Т. 5, №2. – С. 5–10. – DOI 10.17759/jmfr.2016050201.
178. Поливанова, К.Н. Общественно-культурный образ детства (на материале анализа советских и российских художественных фильмов о детях) / К.Н. Поливанова, М.А. Шакарова // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 255–268. – DOI 10.17759/chp.2016120315.
179. Поливанова, К.Н. Периодизация ложь – да в ней намек [Электронный ресурс] / К.Н. Поливанова // Деятельностный подход в образовании : коллективная монография / Е.А. Бугрименко, А.Л. Венгер, Т.Н. Ле-ван [и др.]. – М. : Авторский Клуб, 2020. – С. 65–103. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47445735_94807259.pdf (дата обращения: 21.01.2023).
180. Поливанова, К.Н. Что в профиле тебе моем: данные «ВКонтакте» как инструмент изучения интересов современных подростков / К.Н. Поливанова, И.Б. Смирнов // Вопросы образования. – 2017. – № 2. – С. 134–152. – DOI 10.17323/1814-9545-2017-2-134-152.
181. Поливанова, К.Н. Что могут рассказать о современных детях их чтение и игры / К.Н. Поливанова, Е.В. Сазонова, М.А. Шакарова // Вопросы образования. – 2013. – № 4. – С. 283–299. – DOI 10.17323/1814-9545-2013-4-283-299.
182. Пономаренко, И.В. Динамика временной перспективы и ее взаимосвязь с академической успеваемостью в юношеском возрасте / И.В. Пономаренко, И.А. Курусь // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9, № 1 (30). – С. 377–380. – DOI 10.26140/anip-2020-0901-0092.
183. Попов, Д.С. Современные образовательные траектории школьников и студентов / Д.С. Попов, Ю.А. Тюменева, Ю.В. Кузьмина // Социологические исследования. – 2012. – № 2 (334). – С. 135–142.
184. Практический интеллект / Р.Дж. Стернберг, Дж.Б. Форсайт, Дж. Хедланд [и др.]. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.

185. Прусова, Э.В. Проблема взаимосвязи образа будущего личности с удовлетворенностью профессиональным выбором в юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Прусова Элла Владиленовна. – Краснодар, 2006. – 24 с.
186. Психология человека как субъекта жизнедеятельности и жизненного пути личности: основные итоги исследований [Электронный ресурс] / Е.Ю. Коржова, Е.Н. Волкова, О.В. Рудыхина, Е.Н. Туманова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2018. – № 187. – С. 40–50. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36529623> (дата обращения: 21.01.2023).
187. Психологическая зрелость личности : монография / под общ. ред. Л.А. Головей. – СПб. : Скифия-принт, 2014. – 240 с.
188. Психология развивающейся личности / под ред. А.В. Петровского. – М. : Педагогика, 1987. – 238 с.
189. Психология формирования и развития личности / отв. ред. Л.И. Анцыферова. – М. : Наука, 1981. – 365 с.
190. Рабочая книга школьного психолога / под ред. И.В. Дубровиной. – М. : Просвещение, 1991. – 303 с.
191. Радаев, В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В.В. Радаев // Социологические исследования. – 2018. – № 3 (407). – С. 15–33. – DOI 10.7868/S0132162518030029.
192. Радаев, В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) / В.В. Радаев // Социологический журнал. – 2020а. – Т. 26, № 4. – С. 31–60. – DOI 10.19181/socjour.2020.26.4.7641.
193. Радаев, В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) / В.В. Радаев // Социологический журнал. – 2020б. – Т. 26, № 3. – С. 30–63. – DOI 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.

194. Разгоняева, Е.В. Личностная обусловленность процесса построения образа будущего : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Разгоняева Екатерина Васильевна. – Барнаул, 2004. – 23 с.
195. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс, К. Долджин. – 12-е изд. – СПб. : Питер, 2014. – 812 с.
196. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М. : Прогресс, 2002. – 401 с.
197. Рождественская, Е.Ю. Надежность качественных методов и качество данных / Е.Ю. Рождественская // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2014. – Т. 6, № 8. – С. 16–29.
198. Розин, В.М. Трансформация взросления под влиянием смены социально-культурной формации / В.М. Розин // Мир психологии. – 2019. – № 4 (100). – С. 26–35.
199. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2019. – 713 с.
200. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / отв. ред. Е.В. Шорохова. – 2-е изд. – М. : Педагогика, 1976. – 424 с.
201. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2012. – 224 с.
202. Руководство практического психолога : психологические программы развития личности в подростковом и старшем школьном возрасте : методическое пособие / ред. И.В. Дубровина. – М. : Академия, 1995. – 128 с.
203. Савенков, А.И. Одаренность как предиктор жизненной успешности / А.И. Савенков // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 2 (2). – С. 86–94.
204. Савенков, А.И. Подготовка будущих педагогов к формированию социального опыта у школьников в цифровой среде / А.И. Савенков, Т.Д. Савенкова // Педагогическое образование и наука. – 2023. – № 4. – С. 24–29. – DOI 10.56163/2072-2524-2023-4-24-30.

205. Савенков, А.И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха / А.И. Савенков // Вестник практической психологии образования. – 2006. – № 1. – С. 30–38.
206. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М. : Республика, 2004. – 640 с.
207. Сергиенко, Е.А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода / Е.А. Сергиенко. – М. : Институт психологии РАН, 2021. – 279 с. (Методология, теория и история психологии).
208. Сергиенко, Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива / Е.А. Сергиенко // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 1. – С. 120–132.
209. Сергиенко, Е.А. Субъективная картина мира, психологическое благополучие в состоянии самоопределения у современных молодых людей / Е.А. Сергиенко, Г.Н. Эйдельман // Психология психических состояний : сб. ст. Вып. 9 / под ред. А.О. Прохорова. – Казань : Отечество, 2014. – С. 256–271.
210. Сергоманов, П.А. Вопросы профессионального самоопределения старшеклассников и доступность высшего образования / П.А. Сергоманов, Н.П. Бруданова // Инновации в образовании. – 2005. – № 2. – С. 122–124.
211. Сергоманов, П.А. Вопросы профессионального самоопределения старшеклассников и доступность высшего образования / П.А. Сергоманов, Н.П. Бруданова // Образование в современной школе. – 2003. – № 10. – С. 51–55.
212. Сергоманов, П.А. Динамика в становлении действий планирования у юношей и девушек / П.А. Сергоманов, Н.П. Васильева // Педагогика развития: социальная ситуация развития и образовательные среды : материалы XII науч.-практ. конф. : Красноярск, 25–27 апр. 2005 г. / редкол. В.В. Башев [и др.]. – Красноярск : [б. и.], 2006. – С. 130–138.
213. Сергоманов, П.А. Институциональные механизмы и условия перехода к самостоятельности и ответственности / П.А. Сергоманов, Н.П. Васильева // Педагогика развития: юношеский возраст – вершина детства и/или начало

- взрослости : материалы XIII науч.-практ. конф. : Красноярск, 19–21 апр. 2006 г. / редкол.: В.В. Башев [и др.]. – Красноярск : [б. и.], 2007. – С. 54–66.
214. Сергоманов, П.А. К вопросу о содержании и переживании конфликтов развития в юношеском возрасте / П.А. Сергоманов, Н.П. Васильева // Журнал практического психолога. – 2004. – № 3. – С. 23–50.
215. Серый, А.В. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации [Электронный ресурс] / А.В. Серый, М.С. Яницкий // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 43. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (дата обращения: 10.09.2023).
216. Система ценностных ориентаций «поколения z»: социальные, культурные и демографические детерминанты / М.С. Яницкий, А.В. Серый, О.А. Браун [и др.] // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 72. – С. 46–67. – DOI 10.17223/17267080/72/3.
217. Слободчиков, В.И. Антропологический принцип в психологии развития / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 3–17.
218. Слободчиков, В.И. Введение в психологическую антропологию : [монография] / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – Биробиджан : ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2012. – 214 с.
219. Слугина, Л.Б. Динамика временной перспективы как психологическая характеристика перехода от младшего школьного к подростковому возрасту : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.13 / Слугина Людмила Борисовна. – Москва, 1999. – 15 с.
220. Смирнов, В.Е. Психология юношеского возраста / В.Е. Смирнов. – М. : Молодая гвардия, 1929. – 334 с.
221. Солоницына, М.А. Представления об ургентной аддикции в концепции Нины Тасси (N. Tassi): теоретический аспект / М.А. Солоницына // Современная реальность в социально-психологическом контексте : сб. науч.

материалов / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой. – Новосибирск : НГПУ, 2018. – С. 252–259.

222. Старшая школа: возрастно-ориентированная модель : монография / П.А. Сергоманов, А.В. Лученков, Н.П. Васильева, Логинова Н.Ф. – Красноярск : КК ИПКиППРО, 2012. – 231 с.

223. Сушко, В.А. Сетевое поколение растёт или взросление в социальных сетях / В.А. Сушко, Г.Б. Прончев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 173–187. – DOI 10.24290/1029-3736-2021-27-1-173-187.

224. Сырцова, А. Возрастная динамика временной перспективы личности : автореф. дисс. ... канд. психол. наук / Сырцова Анна ; Московский городской психолого-педагогический институт. – М., 2008. – 24 с.

225. Тарасова, Л.Е. Взаимосвязь самоотношения с трансспективой личности [Электронный ресурс] / Л. Е. Тарасова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 2. – С. [1–8] (art. nr 38PSMN220). – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN220.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).

226. Темпоральные особенности студентов как когнитивные диагностические характеристики: контекст адаптивного образования / Е.В. Бредун, Д.Ю. Баланёв, Т.А. Ваулина [и др.] // Российский психологический журнал. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 60–73. – DOI 10.21702/rpj.2020.1.5.

227. Тепсуркаева, З.В. Психологические предикторы развития личностной успешности старшеклассников / З.В. Тепсуркаева, И.В. Мусханова, А.Н. Богачев // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2020. – № 7 (160). – С. 205–219. – DOI 10.25588/CSPU.2020.160.7.013.

228. Толстых, А.В. Возрасты жизни / А.В. Толстых. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 223 с.

229. Толстых, Н.Н. Варианты временной перспективы / Н.Н. Толстых // Формирование личности старшеклассника / под ред. И.В. Дубровиной. – М. : Педагогика, 1989. – С. 41–56.

230. Толстых, Н.Н. Время думать о будущем / Н.Н. Толстых // Мир психологии. – 2013. – № 2 (74). – С. 96–107.
231. Толстых, Н.Н. Жизненные планы старшеклассников / Н.Н. Толстых // Формирование личности старшеклассника / под ред. И.В. Дубровиной. – М. : Педагогика, 1989. – С. 25–41.
232. Толстых, Н.Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Толстых Наталия Николаевна. – М., 2010. – 545 с.
233. Толстых, Н.Н. Современное взросление / Н.Н. Толстых // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Т. 23, № 4. – С. 7–24. – DOI 10.17759/cpp.2015230402.
234. Трубникова, Н.И. Временная перспектива как важнейший компонент жизненного самоопределения / Н.И. Трубникова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 5 (24). – С. 137–138.
235. Фельдштейн, Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности : избр. тр. / Д.И. Фельдштейн. – 2-е изд. – М. : Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004. – 672 с.
236. Фельдштейн, Д.И. Социальное развитие в пространстве-времени детства / Д.И. Фельдштейн. – М. : Московский психолого-социальный институт, 1997. – 160 с.
237. Феномен и категория зрелости в психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М. : Институт психологии РАН, 2007. – 223 с.
238. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – М. : Эксмо, 2018. – 251 с.
239. Флорида, Р. Креативный класс : люди, которые создают будущее / Р. Флорида. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.
240. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

241. Фрейд, А. Психология «Я» и защитные механизмы / А. Фрейд. – Москва : Педагогика-Пресс, 1993. – 144 с.
242. Фрейд, З. Психоанализ и теория сексуальности / З. Фрейд. – М. : АСТ, 2006. – 448 с.
243. Фресс, П. Восприятие и оценка времени / П. Фресс // Экспериментальная психология = *Traite de psychologie experimentale*. Вып. 6 / ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже ; предисл. и общ. ред. А.Н. Леонтьева. – М. : Прогресс, 1978. – С. 88–135.
244. Фрумин, И.Д., Образовательное пространство как пространство развития / И.Д. Фрумин, Б.Д. Эльконин // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 24–31.
245. Харитоновна, Е.В. К проблеме адаптации выпускника школы к обучению в системе СПО / Е.В. Харитоновна // Вопросы педагогики. – 2019. – № 11–2. – С. 270–274.
246. Харламенкова, Н.Е. Психологическая сепарация: феномен, понятие, концепция / Н.Е. Харламенкова // Разработка понятий в современной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. – М.: Ин-т психологии РАН, 2019. – Т. 2. – С. 346–374.
247. Харламенкова, Н.Е. Самоутверждение подростка: монография / Н.Е. Харламенкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Ин-т психологии РАН, 2007. – 384 с.
248. Хачатурова, М.Р. Образ мышления и субъективное благополучие обучающихся в период «становящейся взрослости» / М.Р. Хачатурова, В.Г. Ерофеева, В.А. Бардадымов // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 121–135. – DOI 10.17759/pse.2022270110.
249. Хегай, А.С. Факторная структура русскоязычной версии Шкалы юношеского отношения ко времени (Adolescent Time Attitude Scale — ATAS) / А.С. Хегай // Консультативная психология и психотерапия. – 2025. – Т. 33, № 2. – С. 72—96. – DOI 10.17759/cpp.2025330204.

250. Холл, С. Инстинкты и чувства в юношеском возрасте / под ред. Л.Г. Оршанского. – 2-е изд. – Петроград: Школа жизни, 1920. – 88 с.
251. Холл, С. История одной кучи песку / С. Холл // Очерки по изучению ребенка / С. Холл. – [Б. м.] : Пучина, 1925. – С. 125–141.
252. Холодная, М.А. Когнитивные стили как проявление индивидуального интеллекта: методологические аспекты диагностики [Электронный ресурс] / М.А. Холодная // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 4. – С. 22–33. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43210987> (дата обращения: 28.10.2025).
253. Чередниченко, Г.А. Положение на рынке труда выпускников системы высшего и среднего профессионального образования / Г.А. Чередниченко // Вопросы образования. – 2020. – № 1. – С. 256–282. – DOI 10.17323/1814-9545-2020-1-256-282.
254. Черниговская, Т.В. Позднее взросление как тревожный симптом / Т.В. Черниговская // Отечественные записки. – 2014. – № 5 (62). – С. 72–80.
255. Чеснокова, О.Б. Профессиональное самоопределение в юношеском возрасте как структурный компонент будущего профессионализма: социокогнитивные и креативные факторы / О.Б. Чеснокова, С.М. Чурбанова, С.В. Молчанов // Культурно-историческая психология. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 109–118. – DOI 10.17759/chp.2019150411.
256. Чудновский, В.Э. Становление личности и проблемы смысла жизни : избр. тр. / В. Э. Чудновский. – М. : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : МОДЭК. – 2006. – 768 с. – (Психологи России).
257. Шадриков, В.Д. Психология деятельности человека / В.Д. Шадриков. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 464 с.
258. Шилова, Н.П. Взаимосвязь временной перспективы и профессионального самоопределения у юношей и девушек: половые различия / Н.П. Шилова // Психологическая наука и образование. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 68–81. DOI 10.17759/pse.2026310103.

259. Шилова, Н.П. Взаимосвязь значимых жизненных событий и переживаний в юношестве / Н.П. Шилова // Российский психологический журнал. – 2021а. – Т. 18, № 3. – С. 70–85. – DOI 10.21702/rpj.2021.3.5.
260. Шилова, Н.П. Взаимосвязь интересов в собственном образовании и сформированности умения делать выбор в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Психолого-педагогические исследования. – 2023г. – Т. 15, № 2. – С. 32–48. – DOI 10.17759/psyedu.2023150203.
261. Шилова, Н.П. Взаимосвязь представлений о будущем в юношеском возрасте и образовательных результатов / Н.П. Шилова // Давыдовские чтения: сб. тезисов II Междунар. науч.-практ. конф. : Москва, 12–13 сен. 2022 г. / отв. ред. В.В. Рубцов, А.В. Конокотин. – М.: МГППУ, 2022г. – С. 170–172.
262. Шилова, Н.П. Взаимосвязь представлений о будущем в юношеском возрасте и результатов государственной итоговой аттестации/ Н.П. Шилова // Подросток в мегаполисе: новая реальность : сб. тр. XVI Междунар. науч.-практ. конф. : Москва, 4–5 апр. 2023 г. / отв. ред. А.А. Бочавер. – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – С. 136–140.
263. Шилова, Н.П. Взаимосвязь представлений о будущем и образовательных результатов в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Российский психологический журнал. – 2022б. Т. 19, № 1. – С. 76–88. – DOI 10.21702/rpj.2022.1.6.
264. Шилова, Н.П. Взросление в представлениях современных юношей и девушек / Н.П. Шилова // Современная зарубежная психология. – 2023д. – Т. 12, № 3. – С. 163–172. – DOI 10.17759/jmfp.2023120315.
265. Шилова, Н.П. Взросление в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Вестник МГППУ. Серия: Педагогика и психология. – 2020а. – № 4 (54). – С. 37–49. – DOI 10.25688/2076-9121.2020.54.4.03.
266. Шилова, Н.П. Возрастные различия в представлениях о будущем от подростничества до взрослости / Н.П. Шилова // Психологическая наука и образование. – 2023а. – Т. 28, № 3. – С. 62–74. – DOI 10.17759/pse.2023280305.

267. Шилова, Н.П. Временная перспектива в современных зарубежных исследованиях: возрастные, культурные и социальные аспекты / Н.П. Шилова // Современная зарубежная психология. – 2025б. – Т. 14, № 3. – С. 105–114. – DOI 10.17759/jmfp.2025140309
268. Шилова, Н.П. Временная перспектива и важность жизненных событий в юношестве / Н.П. Шилова, А.К. Владыко // Вестник университета. – 2023. – № 3. – С. 218–226. – DOI 10.26425/1816-4277-2023-3-218-226.
269. Шилова, Н.П. Гендерные особенности формирования временной перспективы будущего в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Психолог. – 2019б. – № 5. – С. 66–72. – DOI 10.25136/2409-8701.2019.5.31066.
270. Шилова, Н.П. Динамика в формировании образа будущего от подростничества до взрослости / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». – 2024б. № 3. – С. 133–147. DOI: 10.25688/2076-9121.2024.18.1-2.15
271. Шилова, Н.П. Изменение представлений об образе будущего в юношеском возрасте / Н.П. Шилова, П.П. Бруданов // Психолог. – 2020. – № 4. – С. 45–59. – DOI 10.25136/2409-8701.2020.4.32736.
272. Шилова, Н.П. Исследование взросления в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Педагогика. – 2019а. – № 7. – С. 65–71.
273. Шилова, Н.П. Качественная трансформация во взаимосвязи временной перспективы и профессионального выбора на рубеже ранней взрослости / Н.П. Шилова // Психолого-педагогические исследования. – 2025в. – Т. 17, № 4. – С. 196–212. DOI: 10.17759/psyedu.2025170412.
274. Шилова, Н.П. Особенности временной перспективы в юношестве в зависимости от уровня получаемого образования: результаты сравнительно исследования / Н.П. Шилова // Психология и психотехника. – 2024а. № 1. – С. 128–142. DOI 10.7256/2454-0722.2024.1.69796.
275. Шилова, Н.П. Особенности временной трансперспективы студентов среднего профессионального образования: результаты сравнительного исследования / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и

- психология. – 2022в. – Т. 16, № 1. – С. 94–110. – DOI 10.25688/2076-9121.2022.16.1.05.
276. Шилова, Н.П. Половые различия в формировании временной перспективы в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». – 2023в. – №3. – С. 133–147. – DOI: 10.25688/2076-9121.2023.17.3.07.
277. Шилова, Н.П. Построение поля собственной жизни юношами и девушками в зависимости от уровня получаемого образования / Н.П. Шилова // Педагогика. – 2020в. – № 4. – С. 76–81.
278. Шилова, Н.П. Представление о будущих видах деятельности у современных юношей и девушек / Н.П. Шилова // Психология и Психотехника. – 2021в. – № 4. – С. 143–154. – DOI 10.7256/2454-0722.2021.4.34855.
279. Шилова, Н.П. Представления о жизненном пути в юношестве / Н.П. Шилова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2020б. – Т. 13, № 3. – С. 29–37.
280. Шилова, Н.П. Представления юношей и девушек о будущем, раскрытые через художественный образ взросления [Электронный ресурс] / Н.П. Шилова // Психолого-педагогические исследования. – 2024в. – Том 16. № 1. – С. 58–75. DOI:10.17759/psyedu.2024160104
281. Шилова, Н.П. Психолого-педагогические основания формирования устойчивых образовательных интересов в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Живая психология. – 2018а. – Т. 5, № 2. – С. 95–106. – DOI 10.18334/jp.5.2.39219.
282. Шилова, Н.П. Результаты исследования представлений о взрослении современных юношей и девушек / Н.П. Шилова // Подросток в мегаполисе: новая реальность : сб. тр. XV Междунар. науч.-практ. конф. : Москва, 5–6 апр. 2022 г. / отв. ред. А. А. Бочавер. – М.: НИУ ВШЭ, 2022а. – С. 123–126.

283. Шилова, Н.П. Самоуправление в школе: опыт организации (по отзывам учителей и школьников) / Н.П. Шилова, Н.Ф. Логинова, А.В. Лученков // Педагогика. – 2018а. – № 9. – С. 52–63.
284. Шилова, Н.П. Самоуправление как задача воспитательной работы в школе: ситуация, опыт, рекомендации / Н.П. Шилова, Н.Ф. Логинова, А.В. Лученков // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2018б. – № 3 (45). – С. 73–83.
285. Шилова, Н.П. Современный культурный контекст представлений о будущем в юношеском возрасте / Н. П. Шилова, А. К. Владыко // Сибирский психологический журнал. – 2022. – № 86. – С. 103– 118. – DOI 10.17223/17267080/86/6.
286. Шилова, Н.П. Структура образовательных интересов в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2018б. – № 4 (46). – С. 41–50. – DOI 10.25688/2076-9121.2018.46.4.04.
287. Шилова, Н.П. Субъективация смыслов взросления юношами и девушками / Н.П. Шилова // Психологическая наука и образование. – 2025а. - Т. 30, № 1. - С. 22-35. DOI 10.17759/pse.2025300102.
288. Шилова, Н.П. Формирование временной перспективы современных юношей и девушек / Н.П. Шилова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2021б. – Т. 14, № 1. – С. 34–42.
289. Шилова, Н.П. Формирование жизненного пространства в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Психология и психотехника. – 2023е. – № 2. – С. 11–23. DOI 10.7256/2454-0722.2023.2.39131.
290. Шилова, Н.П. Этапы взросления в российской современной культуре / Н.П. Шилова, А.К. Владыко // Сибирский психологический журнал. – 2021. – № 82. – С. 37–53. – DOI 10.17223/17267080/82/3.
291. Эльконин, Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития / Б.Д. Эльконин // Вопросы психологии. – 1992. – № 4. – С. 7–13.

292. Эльконин, Б.Д. Психология развития: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Б.Д. Эльконин. – М. : Академия, 2001. – 144 с.
293. Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды. Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко / Д.Б. Эльконин. – М. : Педагогика, 1989. – 560 с.
294. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
295. Яремчук, С.В. Особенности жизненного мира юношей и девушек разных возрастных периодов / С.В. Яремчук, А.В. Бакина, С.М. Ситяева // Российский психологический журнал. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 34–46. – DOI 10.21702/rpj.2021.1.3.
296. LifeLine и другие : новые методы психологии жизненного пути / сост. и общ. ред. А.А. Кроника. – М. : Прогресс-Культура, 1993. – 230 с.
297. A Cross-Cultural Perspective on the Relationships between Emotional Separation, Parental Trust, and Identity in Adolescents / K. Sugimura, E. Crocetti, K. Hatano (et al.) // Journal of Youth and Adolescence. – 2018. – Vol. 47, № 4. – P. 749–759. – DOI 10.1007/s10964-018-0819-4.
298. A Developmental Perspective on Young Adult Romantic Relationships: Examining Family and Individual Factors in Adolescence / M. Xia, G.M. Fosco, M.A. Lippold, M.E. Feinberg // Journal of Youth and Adolescence. – 2018. – Vol. 47, № 7. – P. 1499–1516. – DOI 10.1007/s10964-018-0815-8.
299. A New Multidimensional Model of Time Perspective / V.E.C. Ortuno, I.N. Janeiro, M.P. Paixao, C. Esteves, P. Cordeiro // Revista iberoamericana de diagnostico y evaluacion-e avaliacao psicologica. – 2017. – Vol. 3, №. 45. – P. 71–84. DOI 10.21865/RIDEP45.3.06.
300. A novel smartphone based intervention aimed at increasing future orientation via the future self: a pilot randomized controlled trial of a prototype application / E.C.A. Mertens, A.M. Siezenga, J. van der Schalk, J.L. van Gelder // Prevention Science. – 2024. – Vol. 25. – P. 392–405. – DOI 10.1007/s11121-023-01609-y.
301. A Systematic Review Approach to Find Robust Items of the Zimbardo Time Perspective Inventory / C. Peng, C. Yue, A. Avitt, Y. Chen // Frontiers in

- Psychology. – 2021. – Vol. 12. – P. [1–8] (art. nr 627578). – DOI 10.3389/fpsyg.2021.627578.
302. Arnett, J.J. Brief report: Danish emerging adults' conceptions of adulthood / J.J. Arnett, L.M. Padilla-Walker // *Journal of Adolescence*. – 2015. – Vol. 38. – P. 39–44. – DOI 10.1016/j.adolescence.2014.10.011.
303. Arnett, J.J. Conceptions of the Transition to Adulthood: Perspectives From Adolescence Through Midlife / J.J. Arnett // *Journal of Adult Development*. – 2001. – Vol. 8, № 2. – P. 133–143. – DOI 10.1023/A:1026450103225.
304. Arnett, J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties / J.J. Arnett // *American Psychologist*. – 2000. – Vol. 55, № 5. – P. 469–480. – DOI 10.1037//0003-066X.55.5.469.
305. Arnett, J.J. *Emerging Adulthood: The Winding Road From the Late Teens Through the Twenties* / J.J. Arnett. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2014a. – 394 p. – DOI 10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001.
306. Arnett, J.J. *Grown-up kid grow up?: Loving and Understanding Your Emerging Adult* / J.J. Arnett, E. Fishel. – New York: Workman Publ., 2013. – 293 p.
307. Arnett, J.J. Learning to Stand Alone: The Contemporary American Transition to Adulthood in Cultural and Historical Context / J.J. Arnett // *Human Development*. – 1998. – Vol. 41, № 5/6. – P. 295–315. – DOI 10.1159/000022591.
308. Arnett, J.J. Life Stage Concepts across History and Cultures: Proposal for a New Field on Indigenous Life Stages / J.J. Arnett // *Human Development*. – 2016. – Vol. 59, № 5. – P. 290–316. – DOI 10.1159/000453627.
309. Arnett, J.J. Presidential Address: The Emergence of Emerging Adulthood: A Personal History / J.J. Arnett // *Emerging Adulthood*. – 2014b. – Vol. 2, № 3. – P. 155–162. – DOI 10.1177/2167696814541096.
310. Arnett, J.J. Young People's Conceptions of the Transition to Adulthood / J.J. Arnett // *Youth and Society*. – 1997. – Vol. 29, № 1. – P. 3–23. – DOI 10.1177/0044118X97029001001.

311. Aspirations and expectations measures for adolescents and emerging adults: A scoping review / V. Coscioni, B.C. de Oliveira, G. Marques, J.M.T. da Silva // *Current Psychology*. – Publ. 2022. – 10 Aug. – P. (1–17). – DOI 10.1007/s12144-022-03576-z.
312. Atkinson, J.W. Motivational determinants of risk-taking behavior / J.W. Atkinson // *Psychological Review*. – 1957. – Vol. 64 (6, Pt. 1). – P. 359–372. – DOI 10.1037/h0043445.
313. Attributions, future time perspective and career maturity in nursing undergraduates: correlational study design / C. Cheng, L. Yang, Y. Chen (et al.) // *BMC Medical Education*. – 2016. – Vol. 16. – P. (1–8) (art. nr 26). – DOI 10.1186/s12909-016-0552-1.
314. Ayotte, B. The Examination of Instrumental Activities of Daily Living and Perceived Adulthood in Emerging Adults / B. Ayotte, A. Revell, N. Belanger // *International Journal of Aging and Human Development*. – 2020. – Vol. 91, № 4. – P. 467–475. – DOI 10.1177/0091415020907312.
315. Badger, S. Perceptions of the transition to adulthood among Chinese and American emerging adults / S. Badger, L.J. Nelson, C.M. Barry // *International Journal of Behavioral Development*. – 2006. – Vol. 30, № 1. – P. 84–93. – DOI 10.1177/0165025406062128.
316. Bayanova, L.F. Perceptions of “Good Life” of Teenagers Inclined to Deviant Behavior / L.F. Bayanova, O.A. Belobrykina, M.I. Koshenova // *Education and Educational Psychology – IFTE 2019 : proc. of the 5th Intern. Forum on Teacher Education (Kazan, 29–31 May 2019)* / ed. R.A. Valeeva. – London : European Publ., 2019. – P. 587–596. – (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences; vol. 78). – DOI 10.15405/epsbs.2020.01.64.
317. Bellingtier, J.A. Daily Subjective Age in Emerging Adults: “Now We’re Stressed Out” / J.A. Bellingtier, S.D. Neupert // *Emerging Adulthood*. – 2019. – Vol. 7, № 6. – P. 468–477. – DOI 10.1177/2167696818785081.
318. Bezanson, L. Connecting Career Development and Lifelong Learning [Электронный ресурс] : a Background Paper on The Contribution of Career

Development to a Productive Learning and Working Force / L. Bezanson. – Ottawa : Canad. Career Development Found, 2003. – 6 p. – (Working Connection : the Pan-Canad. Symp. On Career Development, Lifelong-Learning and Workforce Development (Toronto, 17–18 Nov. 2003). Series: Food for Thought ; doc. no. 4). – URL:

http://www.iaevg.org/crc/files/communication_strategy_no.4_bezanson694_2.pdf
(дата обращения: 27.08.2018).

319. Bi, X. The Relationship Between Family Communication Quality and the Career Maturity of Adolescents: The Role of Time Perspective / X. Bi, S. Wang // *Psychology Research and Behavior Management*. – 2023. – Vol. 16. – P. 3385–3398. – DOI 10.2147/PRBM.S420962.

320. Böker, M.M. Future time perspective and it's relation to substance-use in adolescents a scoping review / M.M. Böker, University of Twente. – [Enschede], 2022. – 44 p.

321. Booyesen, D. Motivation for professional studies in psychology: an exploratory study / D. Booyesen, L. Nel // *Journal of Psychology in Africa*. – 2019. – Vol. 29, № 5. – P. 527–533. – DOI 10.1080/14330237.2019.1667152.

322. Boyd, J.N. Time Perspective, Health and Risk Taking / J.N. Boyd, P.G. Zimbardo // *Understanding Behavior in the Context of Time: Theory, Research and Applications* / eds. A. Strahman, J. Joireman. – Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 2005. – P. 85–107. – DOI 10.4324/9781410613516.

323. Brianza, E. Future Time Perspective and Real-Life Utterances. About the Future in Young and Older Adults / E. Brianza, B. Demiray // *GeroPsych*. – 2019. – Vol. 32, № 4. – P. 161–173. – DOI 10.1024/1662-9647/a000216.

324. Broer, M. A Review of the Literature on Socioeconomic Status and Educational Achievement / M. Broer, Y. Bai, F. Fonseca // *Socioeconomic Inequality and Educational Outcomes: Evidence from Twenty Years of TIMSS* / M. Broer, Y. Bai, F. Fonseca. – Cham: Springer, 2019. – P. 7–17. – (IEA Research for Education ; vol. 5). – DOI 10.1007/978-3-030-11991-1_2.

325. Bronfenbrenner, U. Nature-Nurture Reconceptualized in Developmental Perspective: A Bioecological Model / U. Bronfenbrenner, S.J. Ceci // *Psychological Review*. – 1994. – Vol. 101, № 4. – P. 568–586. – DOI 10.1037/0033-295X.101.4.568.
326. Bude, H. Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen – eine Antwort auf die Frage, was die Biographieforschung bringt / H. Bude // *Biographie und soziale Wirklichkeit: Neue Beiträge und Forschungsperspektiven* / Hrsg. M. Kohli, G. Robert. – Stuttgart : Metzler, 1984. – P. 7–28.
327. Carver, C.S. Self-regulation of action and affect / C.S. Carver, M.F. Scheier // *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications* / eds. K.D. Vohs, R.F. Baumeister – 3rd edition. – New York, NY : Guilford Press, 2016. – P. 3–23.
328. Chen, Q. Influence of Career-Related Parental Support on Adolescents' Career Maturity: A Two-Wave Moderated Mediation Model / Q. Chen, M. Zhong, L. Lu // *Journal of Career Development*. – 2023. – Vol. 50, № 3. – P. 580–594. – DOI 10.1177/08948453221118927.
329. Chu, L. Association between age and intellectual curiosity: the mediating roles of future time perspective and importance of curiosity / L. Chu, J.L. Tsai, H.H. Fung // *European Journal of Ageing*. – 2021. – Vol. 18, № 1. – P. 45–53. – DOI 10.1007/s10433-020-00567-6.
330. Clark, W. Delayed transitions of young adults / W. Clark // *Canadian Social Trends*. – 2007. – № 84. – P. 13–21.
331. Côté J.E. Emerging Adulthood as an Institutionalized Moratorium: Risks and Benefits to Identity Formation / J.E. Côté // *Emerging adults in America: Coming of age in the 21st century* / eds. J.J. Arnett, J.L. Tanner. – Washington : American Psychological Association, 2006. – P. 85–116. – DOI 10.1037/11381-004.
332. Crocetti, E. Are Being Responsible, having a Stable Job, and Caring for the Family Important for Adulthood? : examining the importance of different criteria for adulthood in Italian emerging adults / E. Crocetti, S. Tagliabue // *Emerging Adulthood in a European Context* / ed. R. Žukauskienė. – London : Routledge, 2016. – P. 17–53. – DOI 10.4324/9781315750620.

333. D'Alessio, M. Testing Zimbardo's Stanford Time Perspective Inventory (STPI)—Short Form / M. D'Alessio, A. Guarino, V. De Pascalis, P.G. Zimbardo // *Time & Society* – 2003. № 12. – P. 333–347
334. Deci, E.L. *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior* / E.L. Deci, R.M. Ryan. – New York : Springer, 1985. – 372 p. – DOI 10.1007/978-1-4899-2271-7.
335. Different Version, Similar Result? A Critical Analysis of the Multiplicity of Shortened Versions of the Zimbardo Time Perspective Inventory / J. L. Perry, E.C. Temple, F.C. Worrell [et al.] // *SAGE Open*. – 2020. – Vol. 10, № 2. – P. 1–15. – DOI 10.1177/2158244020923351.
336. du Bois-Reymond M. 'I Don't Want to Commit Myself Yet': Young People's Life Concepts / M. du Bois-Reymond. // *Journal of Youth Studies*. – 1998. – Vol. 1, № 1. – P. 63–79. – DOI 10.1080/13676261.1998.10592995.
337. Dwivedi, A. Predicting Social Well-being Using Time Perspective in Emerging Adults / A. Dwivedi, R. Rastogi // *Journal of Health Management*. – 2019. – Vol. 21, № 4. – P. 547–558. – DOI 10.1177/0972063419884416.
338. Dynamic mechanism of constructing future time perspective in a daily life and life-span development / T. Shirai, A. Higata, T. Nakamura, L. Andre, Th. Peetsma // *Revista de Psicologia*. – 2025. Vol. 43, № 2. – P. 1074–1097. DOI 10.18800/psico.202502.016
339. Effects of time perspective and self-control on procrastination and Internet addiction / J. Kim, H. Hong, J. Lee, M.H. Hyun // *Journal of Behavioral Addictions*. – 2017. – Vol. 6, № 2. – P. 229–236. – DOI 10.1556/2006.6.2017.017.
340. Ely, R. Time perspective and autobiographical memory: Individual and gender differences in experiencing time and remembering the past. *Time and Society* / R. Ely, A. Mercurio. – 2011. – Vol. 20, № 3. – P. 375–400. – DOI 10.1177/0961463X10366081.
341. Emerging Adults and COVID-19: The Role of Individualism-Collectivism on Perceived Risks and Psychological Maladjustment / A. Germani, L. Buratta, E. Delvecchio, C. Mazzeschi // *International Journal of Environmental Research and*

Public Health. – 2020. – Vol. 17, № 10. – P. (1–15) (art. nr 3497). – DOI 10.3390/ijerph17103497.

342. Emerging Adults Thinking About Their Future: Development of the Portuguese Version of the Hopes and Fears Questionnaire / G. Fonseca, J.T. da Silva, M.P. Paixã (et al.) // *Emerging Adulthood*. – 2019. – Vol. 7, № 6. – P. 444–450. – DOI 10.1177/2167696818778136.

343. Emerging Adults' Outlook on the Future in the Midst of COVID-19: The Role of Personality Profiles / M. Lind, E. Mroz, S. Sharma, D. Lee, S. Bluck // *Journal of Adult Development*. – 2022. – Vol. 29. – P. 108–120. – DOI 10.1007/s10804-022-09395-7.

344. Exploring the Role of Time Perspective in Emerging Adult Couples: A Mediation Model / M.C. Gugliandolo, S. Costa, M.L. Cricchio, F. Liga // *Journal of Happiness Studies*. – 2021. – Vol. 22, № 7. – P. 3221–3239. – DOI 10.1007/s10902-021-00368-3.

345. Fabio, A. Job Crafting Scale [Электронный ресурс] : proprietà psicometriche della versione italiana per lavoratori / A. Fabio // *Counseling*. – 2020. – Vol. 13, № 1. – P. 105–113. – URL: <https://flore.unifi.it/retrieve/e398c37f-f4cd-179a-e053-3705fe0a4cff/Di%20Fabio%20Job%20Crafting%20Scale%20Counseling%20febbraio%202020.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).

346. Feeling closer to the future self and doing better: temporal psychological mechanisms underlying academic performance / R.M. Adelman, S.D. Herrmann, J.E. Bodford (et al.) // *Journal of Personality*. – 2017. – Vol. 85, № 3. – P. 398–408. – DOI 10.1111/jopy.12248.

347. Five-week of solution-focused group counseling successfully reduces internet addiction among college students: A pilot study / Y. Pu, Y. Liu, Y. Qi (et al.) // *Journal of Behavioral Addictions*. – 2023. – Vol. 12, № 4. – P. 964–971. – DOI 10.1556/2006.2023.00064.

348. Fraisse, P. *Psychologie du temps* / P. Fraisse. – 2e éd., rev. et augm. – Paris : Presses Universitaires de France, 1967. – 360 p.

349. Frank, L.K. Time perspectives / L.K. Frank // *Journal of Social Philosophy*. – 1939. – Vol. 4. – P. 293–312.
350. From future vision to current action: the relationship between future self-identification and goal achievement / T. Tettero, E.C.A. Mertens, A.M. Siezenga, J.-L. van Gelder // *Personality and Individual Differences*. – 2026. – Vol. 254. – P. [1–7] (art. nr 113645). – DOI 10.1016/j.paid.2026.113645.
351. Furstenberg, F.F. Becoming Adults: Challenges in the Transition to Adult Roles / F.F. Furstenberg // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 2015. – Vol. 85, № 5, suppl. iss. – P. S14–S21. – DOI 10.1037/ort0000107.
352. Furstenberg, F.F. On a new schedule: transitions to adulthood and family change / F.F. Furstenberg // *The Future of Children*. – 2010. – Vol. 20, № 1. – P. 67–87. – DOI 10.1353/foc.0.0038.
353. Fussell, E. The Transition to Adulthood during the Twentieth Century: Race, Nativity, and Gender / E. Fussell, F.F. Furstenberg // *On the Frontier of Adulthood : Theory, Research, and Public Policy* / eds. R.A. Settersten, F.F. Furstenberg, R.G. Rumbaut. – Chicago, IL : University of Chicago Press, 2005. – P. 29–75. – DOI 10.7208/ chicago/9780226748924.003.0002.
354. Future Hopes and Fears of Portuguese Emerging Adults in Macroeconomic Hard Times: The Role of Economic Strain and Family Functioning / G. Fonseca, J.T. da Silva, M.P. Paixã [et al.] // *Emerging Adulthood*. – 2020. – Vol. 8, № 6. – P. 476–484. – DOI 10.1177/2167696819874956.
355. Future negative time perspective and risk-taking behaviors among Chinese adolescents: A longitudinal moderated mediation model / K. Dou, M.C. Zhang, L.X. Wang, Y. Liang // *Current Psychology*. – 2023. – Vol. 42, № 32. – P. 28381–28393. – DOI 10.1007/s12144-022-03808-2.
356. Future Time Perspective and Self-Control Mediate the Links between Parental Autonomy Support and Adolescents' Digital Citizenship Behavior / H. Wang, J. Geng, K. Liu (et al.) // *Youth and Society*. – 2022. – Vol. 54, № 6. – P. 1077–1096. – DOI 10.1177/0044118X211020778.

357. Future time perspective as a motivational variable: Content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation / W. Lens, M.P. Paixao, D. Herrera, A. Grobler // *Japanese Psychological Research. Special issue: Time perspective study now.* – 2012. – Vol. 54, № 3. – P. 321–333. – DOI 10.1111/j.1468-5884.2012.00520.x.
358. Gelanaki, E. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among Greek studying youth / E. Gelanaki, S. Leontopoulou // *Europe's Journal of Psychology.* – 2017. – Vol. 13 (3). – P. 417–440. – DOI 10.5964/ejop.v13i3.1327.
359. Giordano, P.J. Science, Culture, and the Study of Personality / P. J. Giordano // *Psychology in Russia: State of the Art.* – 2019. – Vol. 12, № 2. – P. 69–78. – DOI 10.11621/pir.2019.0206.
360. Gomes Carvalho, R.G. Personality Traits, Future Time Perspective and Adaptive Behavior in Adolescence / R.G. Gomes Carvalho, R.F. Novo // *Spanish Journal of Psychology.* – 2015. – Vol. 18. – P. (1–10) (art. nr e18). – DOI 10.1017/sjp.2015.20.
361. Greene, B.A. Gender and Orientations Toward the Future: Links to Motivation / B.A. Greene, T.K. Debacker // *Educational Psychology Review.* – 2004. – Vol. 16, – P. 91–120.
362. Gunawan, W. Development and Initial Validation of a Perceived Future Employability Scale for Young Adults / W. Gunawan, P.A. Creed, A.I. Glendon // *Journal of Career Assessment.* – 2019. – Vol. 27, № 4. – P. 610–627. – DOI 10.1177/1069072718788645.
363. Gunawan, W. Young adults' perceived future employability: antecedents and consequences / W. Gunawan, P.A. Creed, A.I. Glendon // *International Journal for Educational and Vocational Guidance.* – 2021. – Vol. 21, № 1. – P. 101–122. – DOI 10.1007/s10775-020-09430-7.
364. Habermas, T. Getting a life takes time: The development of the life story in adolescence, its precursors and consequences / T. Habermas, E. Reese // *Human Development.* – 2015. – Vol. 58, № 3. – P. 172–201. – DOI 10.1159/000437245.

365. Hejazi, A. Addressing the limitations of the futures cone: introducing the adaptive futures mesh / A. Hejazi // *Foresight and STI Governance*. – 2025. – Vol. 19, № 2. – P. 6–18. – DOI 10.17323/fstg.2025.24819.
366. Hochberg, Z. Emerging Adulthood, a Pre-adult Life-History Stage / Z. Hochberg, M. Konner // *Frontiers in Endocrinology*. – 2020. – Vol. 10. – P. (1–12) (art. nr 918). – DOI 10.3389/fendo.2019.00918.
367. Holman, E.A. Time Perspective and Social Relations: A Stress and Coping Perspective / E.A. Holman // *Time Perspective Theory; Review, Research and Application* / eds. M. Stolarski, N. Fieulaine, W. van Beek. – Cham : Springer International Publishing, 2015. – P. 419–436.
368. Hoppe, F. Erfolg und Mierfolg / F. Hoppe // *Psychologie Forschung*. – 1931. – Vol. 14. – P. 1–62. DOI 10.1007/BF00403870.
369. How positive emotions affect entrepreneurial intention of college students: a moderated mediation model / L. Pan, J. Li, T. Du [et al.] // *Heliyon*. – 2025. – Vol. 11, № 4. – P. [1–13] (art. nr e42842). – DOI 10.1016/j.heliyon.2025.e42842.
370. I was, I am, I will be: Identity and time perspective before and during COVID-19 / B. Bobba, L.S. Lynch, K. Sugimura, E. Crocetti // *Journal of Research on Adolescence*. – 2023. – Vol. 33, № 3. – P. 762–773. – DOI 10.1111/jora.12836.
371. Isanejad, O. Reliability, validity, and factor structure of future time perspective scale for adolescents and young adults (FTPS-AYA) in an Iranian female sample / O. Isanejad, F. Kargar // *Current Psychology*. – 2023. – Vol. 42, № 8. – P. 6722–6731. – DOI 10.1007/s12144-021-01950-x.
372. Ishii, R. Predicting adolescents' suicidal desire using Balanced Random Forest / R. Ishii // *The Japanese Journal of Psychology*. – 2023. – Vol. 94, № 2. – P. 149–159. – DOI 10.4992/jjpsy.94.22005.
373. Italian university students' future time perspective and well-being during the COVID-19 pandemic / S. Parrello, J. Postiglione, L.S. Sica, (et al.) // *Frontiers in Psychology*. – 2024. – Vol. 15. – P. (1–14) (art. nr 1404952). – DOI 10.3389/fpsyg.2024.1404952.

374. Iyengar S. *The Art of Choosing* / S. Iyengar. – New York : Twelve Books, 2010. – 352 p.
375. Iyengar, S.S. Rethinking the Value of Choice: A Cultural Perspective on Intrinsic Motivation / S.S. Iyengar, M.R. Lepper // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – Vol. 76, № 3. – P. 349–366.
376. Jacoby, J. Time and Consumer Behavior: An Interdisciplinary Overview / J. Jacoby, G.J. Szybillo, C.K. Berning // *Journal of Consumer Research*. – 1976. – Vol. 2, № 4. – P. 320–339. – DOI 10.1086/208644.
377. Jiang, T. The relationship between autonomous motivation and goal pursuit: A cross-cultural perspective / T. Jiang, J. S. Gore // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2016. – Vol. 19, № 2. – P. 101–111. – DOI 10.1111 /ajsp.12115.
378. Juaneda, C. Prospective student’s motivations, perceptions and choice factors of a bachelor’s degree in tourism / C. Juaneda, R. Herranz, J.J. Montaña // *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*. – 2017. – Vol. 20. – P. 55–64. – DOI 10.1016/j.jhlste.2017.02.001.
379. Karimi, S. The mediating role of intrinsic motivation in the relationship between basic psychological needs satisfaction and academic engagement in agriculture students. *Teaching in Higher Education* / S. Karimi, B. Sotoodeh. – 2019. – P. 959–975. – DOI 10.1080/1356 2517.2019.1623775.
380. Katz, I. “I’ll do it later”: type of motivation, self-efficacy and homework procrastination / I. Katz, K. Eilat, N. Nevo // *Motivation and Emotion*. – 2014. – Vol. 38, № 1. – P. 111–119. – DOI 10.1007/s11031-013-9366-1.
381. Kauffman, D.F. Effects of time perspective on student motivation: introduction to a special issue / D.F. Kauffman, J. Husman // *Educational Psychology Review*. – 2004. – Vol. 16. – P. 1–7. – DOI 10.1023/B:EDPR.0000012342.37854.58.
382. Krems, J.A. Individual Perceptions of Self-Actualization: What Functional Motives Are Linked to Fulfilling One’s Full Potential? / J.A. Krems, D.T. Kenrick, R. Neel // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2017. – Vol. 43, № 9. – P. 1337–1352. – DOI 10.1177/0146167217713191.

383. Kvasková, L. Career Development in the Emerging Adulthood Context [Электронный ресурс] : doctoral thesis / L. Kvasková. – Brno, 2021. – 184 p. – URL: https://is.muni.cz/th/y6tlj/Disertace_Kvaskova.pdf (дата обращения: 21.01.2023).
384. Kvasková, L. Time Perspective and Career Decision-Making Self-Efficacy: A Longitudinal Examination Among Young Adult Students / L. Kvasková, C.A. Almenara // *Journal of Career Development*. – 2021. – Vol. 48, № 3. – P. 229–242. – DOI 10.1177/0894845319847292.
385. Lent, R.W. Social cognitive career theory at 25: Empirical status of the interest, choice, and performance models / R.W. Lent, S.D. Brown // *Journal of Vocational Behavior*. – 2019. – Vol. 115. – P. (1–14) (art. nr 103316). – DOI 10.1016/j.jvb.2019.06.004.
386. Lewin, K. *Field Theory in Social Science : sel. theoretical papers* / ed. D. Cartwright. – New York : Harper & Row, 1951. – 346 p.
387. Li, X. Another way to measure balanced time perspective: development and validation of the Time Perspective Inventory / X. Li, H. Lyu, Z.R. Mello // *PsyCh Journal*. – 2024 – Vol. 13, № 3. – P. 407–420. – DOI 10.1002/pchj.725.
388. LI, X. Balanced time perspective and mental health: Mechanisms and theoretical framework = 李小保, 于旭晨, 吕厚超. 平衡时间洞察力与心理健康的关系 : 作用机制与理论框架 / 李小保, 于旭晨, 吕厚超 / X. LI, X. YU, H.LYU // *Advances in Psychological Science* = 心理科学进展. – 2024. – Vol. 32, № 1. – P. 138–150. – DOI 10.3724/SP.J.1042.2024.00138.
389. Li, X. The longitudinal relationship between future time perspective and life satisfaction among Chinese adolescents / X. Li, X. Zhang, H. Lyu // *Personality and Individual Differences*. – 2023. – Vol. 202. – P. [1–6] (art. nr 111998). – DOI 10.1016/j.paid.2022.111998.
390. Longitudinal association between parental involvement and internet gaming disorder among Chinese adolescents: Consideration of future consequences as a mediator and peer victimization as a moderator / K. Dou, X.K. Feng, L.X. Wang,

J.B. Li // *Journal of Behavioral Addictions*. – 2022. – Vol. 11, № 3. – P. 820–830. – DOI 10.1556/2006.2022.00056.

391. Longitudinal links between time perspective and problematic internet use among Chinese adolescents: testing a dual-path model of coping style / Y.-Z. He, X.-Q. Yuan, W.-Y. Ye (et al.) // *Current Psychology*. – 2024. – Vol. 43, № 28. – P. 23517–23525. – DOI 10.1007/s12144-024-06120-3.

392. Macałka, E. Students' Depression and School Burnout in the Context of Family Network Acceptance and Deviation from Balanced Time Perspective / E. Macałka, K. Tomaszek, J. Kossewska // *Education Sciences*. – 2022. – Vol. 12, № 3. – P. (1–13) (art. nr157). – DOI 10.3390/educsci12030157.

393. Macek, P. Contemporary Czech Emerging Adults: Generation Growing Up in the Period of Social Changes / P. Macek, J. Bejček, J. Vaníčková // *Journal of Adolescent Research*. – 2007. – Vol. 22, № 5. – P. 444–475. – DOI 10.1177/0743558407305417.

394. Marková, I. The making of the theory of social representations / I. Marková // *Cadernos de Pesquisa*. – 2017. – Vol. 47, № 163. – P. 358–374. – DOI 10.1590/198053143760.

395. Marques, L.P. Mental health on TikTok: themes and content creators behind the hashtag #saudemental in Brazil / L.P. Marques, A.L.V. Taboga, C.M. Corradi-Webster // *Academia Mental Health and Well-Being*. – 2026. – Vol. 3, № 2. – P. [1–12]. – DOI 10.20935/MHealthWellB8264.

396. Martoni, M., Fabbri, M., Russo, P.M. The Italian Validation of the Zimbardo Time Perspective Inventory and Its Comparison with Three Time Perspective Inventories / M. Martoni, M. Fabbri, P.M. Russo // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. – 2023. – 20, 2590. – DOI 10.3390/ijerph20032590.

397. Maximizing versus Satisficing: Happiness Is a Matter of Choice / B. Schwartz, A. Ward, J. Monterosso (et al.) // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 83, № 5. – P. 1178–1197. – DOI 10.1037/0022-3514.83.5.1178.

398. Mayer, J.D. How Human Personality Will Change With the Use of Artificial Intelligence / J.D. Mayer // *Personality Science*. – 2025. – Vol. 6. – P. 1–19. – DOI 10.1177/27000710251386963.
399. McLean, K.C. The content and processes of autobiographical reasoning in narrative identity / K.C. McLean, M.A. Fournier // *Journal of Research in Personality*. – 2008. – Vol. 42, № 3. – P. 527–545. – DOI 10.1016/j.jrp.2007.08.003.
400. Mehta, C.M. LaRiviere K. “You Have Those Adult Responsibilities, But You’re Still Getting Your Feet on the Ground”: The Lived Experience of Established Adulthood / C.M. Mehta // *Journal of Adult Development*. – 2022. – Vol. 30, № 1. – P. 36–52. – DOI 10.1007/s10804-022-09410-x.
401. Mello, Z.R. The Relationship of Time Perspective to Age, Gender, and Academic Achievement among Academically Talented Adolescents / Z.R. Mello, F.C. Worrell // *Journal for the Education of the Gifted*. – 2006. – Vol. 29, № 3. – P. 271–289. – DOI 10.1177/016235320602900302.
402. Mesly, O. *Creating Models in Psychological Research* / O. Mesly // Springer Cham. – 2015. – 126 p. – DOI 10.1007/978-3-319-15753-5.
403. Milgram, N. Personality correlates of decisional and task avoidant procrastination / N. Milgram, R. Tenne // *European Journal of Personality*. – 2000. – Vol. 14. – P. 141–156. – DOI 10.1002/(SICI)1099-0984(200003/04)14:2<141::AID-PER369>3.0.CO;2-V.
404. Mind the generation: Differences between young and old in everyday lexical categories / A. White, G. Storms, B.C. Malt, S. Verheyen // *Journal of Memory and Language*. – 2018. – Vol 98. – P. 12–25. – DOI 10.1016/j.jml.2017.09.001
405. Mindfulness and Balanced Time Perspective: Predictive Model of Psychological Well-Being and Gender Differences in College Students / A. Fuentes, C. Oyanadel, P. Zimbardo (et al.) // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. – 2022. – Vol. 12, № 3. – P. 306–318. – DOI 10.3390/ejihpe12030022.

406. Negru, O. The time of your life: Emerging adulthood characteristics in a sample of Roma-nian high-school and university students / O. Negru // *Cognition, Brain, Behavior*. – 2012. – Vol. 16, № 3. – P. 357–387.
407. Nelson, L.J. An examination of emerging adulthood in Romanian college students / L.J. Nelson // *International Journal of Behavioral Development*. – 2009. – Vol. 33, № 5. – P. 402–411. – DOI 10.1177/0165025409340093.
408. Nuttin, J. *Future Time Perspective and Motivation : Theory and Research Method* / J. Nuttin, W. Lens. – Leuven : Leuven Univ. Press, 1985. – 235 p.
409. Nuttin, J. *Motivation, planning, and action: A relational theory of behavior dynamics* / J. Nuttin. – Leuven : Leuven Univ. Press, 1984. – 251 p.
410. Objective and subjective markers of transition to adulthood in emerging adults: Their mediating role in explaining the link between parental trust and life satisfaction / R. Žukauskienė, G. Kaniušonyt, L.J. Nelson (et al.) // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 2020. – Vol. 37, № 12. – P. 3006–3027. – DOI 10.1177/0265407520948621.
411. Osin, E. N. Self-determination and Well-being. Poster presented at the 2010 Self-Determination Theory Conference / E. N. Osin, I. Boniwell. Ghent, Belgium. – 2010.
412. Parola, A. Youth unemployment and health outcomes: the moderation role of the future time perspective / A. Parola, J. Marcionetti // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. – 2022. – Vol. 22, № 2. – P. 327–345. – DOI 10.1007/s10775-021-09488-x.
413. Phan, H.P. *Future Time Perspective and the Achievement of Optimal Best: Reflections, Conceptualizations, and Future Directions for Development* / H.P. Phan, B.H. Ngu, K. McQueen // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – P. [1–13] (art. nr 1037). – DOI 10.3389/fpsyg.2020.01037.
414. Pichayayothin, N.B. *Investigating Balanced Time Perspective in Adults Across the Life Span [Электронный ресурс]* : dissertation submitted to the Eberly College of Arts and Sciences at West Virginia University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Psychology. Morgantown, –

2014. – 115 p. // Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports. 6418. URL: <https://researchrepository.wvu.edu/etd/6418> (дата обращения: 10.09.2023).
415. Pinto, J.C. Social intelligence in Portuguese students: Differences according to the school grade / J.C. Pinto, L. Faria, M. do Céu Taveira // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 116, P. 56–62. – DOI 10.1016/j.sbspro.2014.01.168
416. Positivity in Younger and in Older Age: Associations With Future Time Perspective and Socioemotional Functioning / M. Erbey, J. Roebbig, A. Babayan, D. Kumral, J. Reinelt, A.M.F. Reiter, L. Schaare, M. Uhlig, T. Nierhaus, E. Van der Meer, M. Gaebler, A. Villringer // *Front. Psychol.* – 2020. – 11:567133. – DOI 10.3389/fpsyg.2020.567133.
417. Postman, N. *The Disappearance of Childhood* / N. Postman. – N. Y. : Delacorte Press, 1982. – 177 p.
418. Predicting High-risk Behaviors Based on Time Perspective in Iranian Adolescents by Emphasizing the Mediating Role of Decision Making and Inhibitory Response: Path Analysis / F. Bagherian, N. Mozafari, A.Z. Mohammadi, M.Heidari // *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*. – 2022. – Vol. 11, № 1. – P. (1–8) (art. nr e114519). – DOI 10.5812/ijhrba.114519.
419. Przepiorka, A. The role of depression, personality, and future time perspective in internet addiction in adolescents and emerging adults / A. Przepiorka, A. Blachnio, A. Cudo // *Psychiatry Research*. – 2019. – Vol. 272. – P. 340–348. – DOI 10.1016/j.psychres.2018.12.086.
420. *Psychology and History : Interdisciplinary Explorations*. / eds. C. Tileag, J. Byford. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 306 p.
421. Ranta, M. Career and romantic relationship goals and concerns during emerging adulthood / M. Ranta, J. Dietrich, K. Salmela-Aro // *Emerging Adulthood*. 2014. – Vol. 2, № 1. – P. 17–26. – DOI 10.1177/2167696813515852.
422. Ready or not? : Criteria for marriage readiness among emerging adults / J.S. Carroll, S. Badger, B.J. Willoughby (et al.) // *Journal of Adolescent Research*. – 2009. – Vol. 24, № 3. – P. 349–375. – DOI 10.1177/0743558409334253.

423. Recinos, A.E. Time Perspective as Mediator of the Relationship Between Parenting and Academic Success Among Emerging Adults [Электронный ресурс] : a thesis submitted to the fac. of San Francisco State Univ. in partial (- of the requirements for the degree : master of arts in psychology : developmental psychology / A.E. Recinos. – San Francisco, 2022. – 42 p. – URL: <https://scholarworks.calstate.edu/downloads/nv935892z> (дата обращения: 21.01.2023).
424. Reciprocal relationships between future time perspective and self-control among adolescents in China: A longitudinal study / H. Hao, X. Li, X. Shen (et al.) // *Current Psychology*. – 2024. – Vol. 43, № 12. – P. 11062–11070. – DOI 10.1007/s12144-023-05222-8.
425. Reconceptualizing Future Time Perspective Extension through Episodic Future Thinking / J. Husman, M.C. Graham, D. White, B. Sullivan, D. Livelybrooks // *Revista de Psicologia* – 2025. – Vol. 43, № 2. – P. 1035–1073. – DOI 10.18800/psico.202502.015.
426. Reifman, A. Emerging adulthood: Theory, assessment and application / A. Reifman, J.J. Arnett, M.J. Colwell // *Journal of Youth Development*. – 2007. – Vol. 2, № 1. – P. 37–48. – DOI 10.5195/jyd.2007.359.
427. Reitzle, M. The Connections between Adulthood Transitions and the Self-Perception of Being Adult in the Changing Contexts of East and West Germany / M. Reitzle // *European Psychologist*. – 2006. – Vol. 11, № 1. – P. 25–38. – DOI 10.1027/1016-9040.11.1.25.
428. Roberts, S.E. The Identity Issues Inventory: Identity Stage Resolution in the Prolonged Transition to Adulthood / S.E. Roberts, J.E. Côté // *Journal of Adult Development*. – 2014. – Vol. 21, № 4. – P. 225–238. – DOI 10.1007/s10804-014-9194-x. Rubin
429. Rubin, D.C. Autobiographical memory across the lifespan / D.C. Rubin, E.W. Scott, R.D. Nebes // *Autobiographical Memory* / ed. D.C. Rubin. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. – P. 202–221. – DOI 10.1017/CBO9780511558313.018.

430. Ryan, R. M. *Self-Determination Theory : Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness* / R. M. Ryan, E. L. Deci. — New York : The Guilford Press, 2017. — 756 p. — DOI 10.7208/chicago/9780226762258.001.0001
431. Schippers, M.C. *Life crafting as a way to find purpose and meaning in life* / M.C. Schippers, N. Ziegler // *Frontiers in Psychology*. — 2019. — P. [1–10] (art. nr 2778). — DOI 10.3389/fpsyg.2019.02778.
432. Schwarzer, R. *Self-efficacy in the Adoption and Maintenance of Health Behaviors: Theoretical Approaches and a New Model* / R. Schwarzer // *Self-efficacy: Thought Control of Action* / ed. by R. Schwarzer. — New York : Taylor and Francis, 1992. — P 217–243. — DOI 10.4324/9781315800820.
433. Seginer, R. *Adolescent future orientation: Anintegrated cultural and ecological perspective* / R. Seginer // *Online Readings in Psychology and Culture*. — 2003. — Vol. 6, № 1. — P. [1–13] (Art. nr 5). — DOI 10.9707/2307-0919.1056.
434. Seiter, L.N. *An Examination of Emerging Adulthood in College Students and Nonstudents in India* / L.N. Seiter, L.J. Nelson // *Journal of Adolescent Research*. — 2011. — Vol. 26, № 4. — P. 506–536. — DOI 10.1177/0743558410391262.
435. Sergomanov, P.A. *Institutional Mechanisms and Conditions for the Transition to Independence and Responsibility. Adolescence as a Transition* / P.A. Sergomanov, N.P. Vasilyeva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. — 2012. — Vol. 5, № 11. — P. 1660–1670.
436. Settersten, R.A. *The Measurement of Age, Age Structuring, and the Life Course* / R.A. Settersten, K.U. Mayer // *Annual Review of Sociology*. — 1997. — Vol. 23. — P. 233–261. — DOI 10.1146/annurev.soc.23.1.233.
437. Sgaramella, T.M. *Navigating Adult Life from Emerging to Middle Adulthood: Patterns of Systemic Influences and Time Perspective in Migrants* / T.M. Sgaramella, A. Zammitti, P. Magnano // *Behavioral Sciences*. — 2024. — Vol. 14, № 2. — P. [1–17] (art. nr 86). — DOI 10.3390/bs14020086.
438. Sgaramella, T.M. *Unraveling the role of socio-emotional competencies between future time perspective and subjective wellbeing across adulthood* / T.M.

- Sgaramella, L. Foresta // *Psychological Applications and Trends : comp. of papers presented at the Intern. Psychol. Applications Conf. and Trends (Funchal, 23–25 Apr. 2022)* / eds. C. Pracana, M. Wang. – Lisboa : inScience Press, 2022. – P. 136–140. – DOI 10.36315/2022inpact030.
439. Shanahan, M.J. Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective / M.J. Shanahan // *Annual Review of Sociology*. – 2000. – Vol. 26. – P. 667–692. – DOI 10.1146/annurev.soc.26.1.667.
440. Sheldon, K.M. Creativity and Self-determination in Personality / K.M. Sheldon // *Creativity Research Journal*. – 1995. – Vol. 8, № 1. – P. 25–36. – DOI 10.1207/s15326934crj0801_3.
441. Shirai, T. Time orientation and identity formation: long-term longitudinal dynamics in emerging adulthood / T. Shirai, T. Nakamura, K. Katsuma // *Japanese Psychological Research. Special issue: Time perspective study now*. – 2012. – Vol. 54, № 3. – P. 274–284. – DOI 10.1111/j.1468-5884.2012.00528.x.
442. Shirai, T. Dynamic mechanism of constructing future time perspective in a daily life and life-span development / T. Shirai, A. Higata, T. Nakamura, L. Andre, Th. Peetsma // *Revista de Psicología*. – 2025. – Vol. 43, no. 2. – P. 1074–1097. – DOI 10.18800/psico.202502.016.
443. Shulman, S. Understanding emerging adulthood from a goal-setting perspective / S. Shulman, J.E. Nurmi // *New Directions for Child and Adolescent Development*. – 2010. – Vol. 130. – P. 1–11. DOI 10.1002/cd.277.
444. Sirois, F.M. Trait procrastination and future time orientation: Multi-sample tests of the stress orientation hypothesis / F.M. Sirois, J.K. Hirsch // *Personality and Individual Differences*. – 2026. – Vol. 255. – P. [1–9] (art. nr 113683). – DOI 10.1016/j.paid.2026.113683.
445. Sobol-Kwapinska, M. The structure of time perspective: Age-related differences in Poland / M. Sobol-Kwapinska, A. Przepiorka, P.G. Zimbardo // *Time and Society*. – 2019. – Vol. 28, № 1. – P. 5–32. – DOI 10.1177/0961463X16656851.

446. Spéder, Z. Are Conceptions of Adulthood Universal and Uni-sex? Ages and Social Markers in 25 European Countries / Z. Spéder, L. Murinkó, R.A. Settersten // *Social Forces*. – 2014. – Vol. 92, № 3. – P. 873–898. – DOI 10.1093/sf/sot100.
447. Spišáková, D. Emerging adulthood features: an overview of the research in approaches and perspectives in goals area / D. Spišáková, B. Ráczová // *Človek a spoločnosť* = [Individual and Society]. – 2020. – Vol. 23, № 1. – P. 1–16. – DOI 10.31577/cas.2020.01.565.
448. Steel, P. The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure / P. Steel // *Psychological Bulletin*. – 2007. – Vol. 133, № 1. – P. 65–94. – DOI 10.1037/0033-2909.133.1.65.
449. Student motivation to learn: is self-belief the key to transition and first year performance in an undergraduate health professions program? // S. Edgar, S.E. Carr, J. Connaughton, A. Celenza // *BMC Medical Education*. – 2019. – Vol. 19 (111). – DOI 10.1186/s12909-019-1539-5.
450. Subjective well-being and adaptation to life events : a meta-analysis on differences between cognitive and affective well-being / M. Luhmann, W. Hofmann, M. Eid, R.E. Lucas // *Journal of personality and social psychology*. – 2012. – T. 102, № 3. – P. 592–615. – DOI 10.1037/a0025948.
451. Suddendorf, T. Mental time travel and the evolution of the human mind [Электронный ресурс] / T. Suddendorf, M.C. Corballis // *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. – 1997. – Vol. 123, № 2. – P. 133–167. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Thomas-Suddendorf/publication/292514522_Mental_Time_Travel_and_the_Evolution_of_the_Human_Mind/links/56af070908ae19a38516666f/Mental-Time-Travel-and-the-Evolution-of-the-Human-Mind.pdf (дата обращения: 21.01.2023).
452. Suddendorf, T. Mental time travel and the shaping of the human mind / T. Suddendorf, M.C. Corballis // *Philosophical Transactions of the Royal Society B : Biological Sciences*. – 2009. – Vol. 364, № 1521. – P. 1317–1324. – DOI 10.1098/rstb.2008.0301.

453. Testing Zimbardo's Stanford Time Perspective Inventory (STPI)-Short Form / M. D'Alessio, A. Guarino, V. de Pascalis, P.G. Zimbardo // *Time & Society*. – 2003. – Vol. 12, № 2/3. – P. 333–347.
454. The effects of a non-adaptive school-to-work transition on transition to adulthood, time perspective and internalizing and externalizing problems / A. Parola, J. Marcionetti, L.S. Sica, L. Donsì [et al.] // *Current Psychology*. – 2022. – Vol. 42. – P. [1–15]. – DOI 10.1007/s12144-022-03605-x.
455. The relationship between time perspective and meaning in life across different age stages in adulthood / R. Baikeli, D. Li, L. Zhu, Z. Wang // *Personality and Individual Differences*. – 2021. – Vol. 174. – P. [1–6] (art. nr 110668). – DOI 10.1016/j.paid.2021.110668.
456. The Role of Intrinsic Motivation and the Satisfaction of Basic Psychological Needs Under Conditions of Severe Resource Scarcity / M.C. van Egmond, A. Navarrete Berges, T. Omarshah, J. Benton // *Psychological Science*. – 2017. – Vol. 28, № 6. – P. 822–828. – DOI 10.1177/0956797617698138.
457. Thinking about the past, present, and future: Time perspective and self-esteem in adolescents, young adults, middle-aged adults, and older adults / Z.R. Mello, S.J. Barber, S.A. Vasilenko [et al.] // *British Journal of Developmental Psychology*. – 2022. – Vol. 40, № 1. – P. 92–111. – DOI 10.1111/bjdp.12393.
458. Thinking about time: The mediating role of time perspective in the relation between self-efficacy beliefs and (mal) adjustment / C. Remondi, M. Gerbino, F. Cirimele [et al.] // *Personality and Individual Differences*. – 2026. – Vol. 250. – P. [1–7] (art. nr 113527). – DOI 10.1016/j.paid.2025.113527.
459. Time Perspective and Experience of Depression, Stress, and Loneliness Among Adolescents in Youth Educational Centres / A. Dąbrowska, J. Marek-Banach, P. Zimbardo [et al.] // *Przegląd Badań Edukacyjnych = Educational Studies Review*. – 2022. – Vol. 1, № 36. – P. 91–119. – DOI 10.12775/PBE.2022.005.
460. Time perspective, approaches to learning, and academic achievement in secondary students / I.N. Janeiro, A.M. Duarte, A.M. Araújo, A.I. Gomes //

- Learning and Individual Differences. – 2017. – Vol. 55. – P. 61–68. – DOI 10.1016/j.lindif.2017.03.007.
461. Tolman, E. C. A Behaviorist's Definition of Consciousness / E. C. Tolman // *Psychological Review*. – 1927. – Vol. 34, No. 6. – Pp. 433-439. – DOI 10.1037/h0072254.
462. Transition-To-Adulthood Profiles and Well-Being: Similarities and Distinctions Among Urban and Remote Contexts / S. Boisvert, J. Dion, F. Poulin [et al.] // *Emerging Adulthood*. – 2022. – Vol. 10, № 5. – P. 1191–1203. – DOI 10.1177/2167696820983040.
463. Tsuzuki, M. Examination about the Effects of Future Career Choice on Time Perspective in Japanese High School Students / M. Tsuzuki // *Spanish Journal of Psychology*. – 2015. – Vol. 18. – P. [1–6] (art. nr 17). – DOI 10.1017/sjp.2015.21.
464. Turkle, S. Alone together: Why we expect more from technology and less from each other / S. Turkle. – New York : Basic Books, 2011. – 360 p.
465. Um Novo Modelo Multidimensional da Perspetiva Temporal / V.E.C. Ortuño, I.N. Janeiro, M.P. Paixão [et al.] // *Revista Iberoamericana de Diagnóstico y Evaluación – e Avaliação Psicológica*. – 2017. – Vol. 45, № 3. – P. 71–84. – DOI 10.21865/RIDEP45.3.06.
466. Value tradeoffs propel and inhibit behavior: Validating the 19 refined values in four countries / S.H. Schwartz, J. Cieciuch, M. Vecchione, C. Torres, O. Dirilen-Gumus, T. Butenko // *European Journal of Social Psychology*, 2017. – Vol. 47, № 3. – P. 241–258. – DOI 10.1002/ejsp.2228.
467. Vocational Identity Resources in Emerging Adulthood: Associations With Facets of Dispositional Mindfulness / R. Feldt, M. Bejar, J. Lee, R. Louison // *The Career Development Quarterly*. – 2021. – Vol. 69, № 1. – P. 2–18. – DOI 10.1002/cdq.12245.
468. Westberg, A. Forever Young? Young People's Conception of Adulthood: The Swedish Case / A. Westberg // *Journal of Youth Studies*. – 2004. – Vol. 7, № 1. – P. 35–53. – DOI 10.1080/1367626042000209949.

469. Willoughby, B.J. Associations Between Sexual Behavior, Sexual Attitudes, and Marital Horizons During Emerging Adulthood / B.J. Willoughby // *Journal of Adult Development*. – 2012. – Vol. 19, № 2. – P. 100–110. – DOI 10.1007/s10804-011-9138-7.
470. Willoughby, B.J. The Relationships Between Emerging Adults' Expressed Desire to Marry and Frequency of Participation in Risk-Taking Behaviors / B.J. Willoughby, J. Dworkin // *Youth and Society*. – 2009. – Vol. 40, № 3. – P. 426–450.
471. Worrell, F.C. Concurrent validity of Zimbardo Time Perspective Inventory profiles: a secondary analysis of data from the United Kingdom / F.C. Worrell, M.T. McKay, J.R. Andretta // *Journal of Adolescence*. – 2015. – Vol. 42. – P. 128–139. – DOI 10.1016/j.adolescence.2015.04.006.
472. Worrell, F.C. The Reliability and Validity of Zimbardo Time Perspective Inventory Scores in Academically Talented Adolescents / F.C. Worrell, Z.R. Mello // *Educational and Psychological Measurement*. – 2007. – Vol. 67, № 3. – P. 487–504. – DOI 10.1177/0013164406296985.
473. Zabelina, E.V. Readiness for Self-study and a Temporary Perspective: Results of Cross-cultural Research of Youth in Russia and Japan / E.V. Zabelina, S. Kurnosova, A.Y. Telitsyna // *ARPHA Proceedings. Iss 1. V International Forum on Teacher Education : Kazan, 29–31 May 2019. Pt. 2. Educational Environment and Management / ed. R. Valeeva*. – Sofia : Pensoft, 2019. – P. 1243–1250. – DOI 10.3897/ap.1.e1181.
474. Zhong, J. Conceptions of adulthood among migrant women workers in China / J. Zhong, J.J. Arnett // *International Journal of Behavioral Development*. – 2014. – Vol. 38, № 3. – P. 255–265. – DOI 10.1177/0165025413515133.
475. Zhu, X-Y., Chen, Sh-M., Lyu, H. Relationship between future time perspective and academic self-efficacy: the chain mediating roles of personal growth initiative and learning engagement / X-Y. Zhu, Sh-M. Chen, H. Lyu // *BMC Psychology*. – 2025. – Vol. 13. – P. [1–8] (art. nr 1012). – DOI 10.1186/s40359-025-03254-2.

476. Zimbardo, P.G. Present time perspective as a predictor of risky driving / P.G. Zimbardo, K.A. Keough, J.N. Boyd // *Personality and individual differences*. – 1997. – Vol. 23, № 6. – P. 1007–1023. – DOI 10.1016/S0191-8869(97)00113-X.
477. Zimbardo, P.G. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric / P.G. Zimbardo, J.N. Boyd // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – Vol. 77, № 6. – P. 1271–1288. – DOI 10.1037/0022-3514.77.6.1271.

Приложение 1. Инструкция экспертам для проведения контент-анализа

Добрый день, уважаемый коллега!

Просим оказать помощь в проведении исследования представлений о своем будущем от подростничества до взрослости.

В рамках диссертационного исследования, посвященного изучению динамики представлений о будущем, Вам предлагается принять участие в контент-анализе ответов респондентов. Данная инструкция содержит подробное описание целей, процедуры и критериев оценки.

1. Цель исследования

Целью данного этапа исследования является выявление и квалификация содержательных и временных характеристик значимых жизненных событий, которые респонденты в возрасте от 14 до 28 лет относят к своему прошлому, настоящему и будущему.

2. Материал для анализа

Материалом служат ответы респондентов на вопросы методики «Прошлое, настоящее, будущее» (авторы: А.Л. Венгер, Ю.М. Десятикова). Каждому респонденту предлагалось назвать по пять наиболее значимых событий из своего прошлого, настоящего и будущего, а также указать примерное время (год или возраст), когда это событие произошло или произойдет.

Таким образом, объектом анализа являются отдельные высказывания (события), сгруппированные по трем временным модусам: прошлое, настоящее, будущее.

3. Важное методологическое примечание.

Уважаемый эксперт! Ваша задача — оценить психологическое содержание события, а не литературные или речевые способности респондента. Респонденты обладают разным словарным запасом и склонностью к подробному описанию. Один может написать сухо: «Закончу

вуз», а другой — эмоционально и красочно: «Наконец-то получу диплом и выдохну!»).

Ваша задача — за вербальной формой увидеть суть. В обоих случаях событие одно и то же, и его оценка по шкалам должна быть одинаковой, если одинакова его психологическая роль для респондента (например, «Завершение важного этапа»).

Ориентируйтесь не на количество слов или эпитетов, а на интенцию (намерение, смысл) высказывания. Задавайте себе вопрос: «Какую роль это событие играет в жизни человека, судя по тому, как и зачем он его упомянул?».

4. Процедура работы эксперта

Процесс анализа является индивидуальным и состоит из двух основных этапов для каждого события:

1. Оценка временного параметра. На этом этапе проводится фиксация хронологической удаленности события от момента исследования (подробнее в пункте 5.1 данной инструкции).

2. Оценка содержательных параметров. На этом этапе необходимо отнести каждое событие, названное респондентом, к одной из полярных категорий по четырем биполярным шкалам (подробнее в пункте 5.2 данной инструкции).

Все оценки заносятся в заранее подготовленную таблицу (см. раздел 6 инструкции). Важно работать внимательно, фиксируя первое впечатление, но при необходимости возвращаясь к описанию критериев.

5. Критерии и параметры анализа

5.1. Временной анализ

Для каждого события фиксируется его временная удаленность от момента настоящего (текущего возраста респондента на момент опроса).

Удаленность событий прошлого от настоящего оценивается количеством лет, прошедших с момента самого далекого события прошлого до настоящего. Например, если респондент в 18 лет указывает событие «пошел в школу», удаленность составит 11 лет.

События настоящего условно принимаются за точку «0», так как происходят «сейчас», «сегодня», «в этом месяце».

Удаленность событий будущего от настоящего оценивается количеством лет, которое, по мнению респондента, отделяет самое далекое событие от настоящего момента.

Параметры удаленность событий прошлого и удаленность событий будущего служат для последующего расчета симметричности/асимметричности временной перспективы респондента (соотношения глубины прошлого и будущего).

5.2. Содержательный анализ (по биполярным шкалам)

Это ключевая часть работы эксперта. Каждое событие необходимо оценить по четырем биполярным шкалам, выбрав одно из двух полярных значений. Оценка производится на основе смыслового контекста высказывания респондента. По каждой шкале событию присваивается 1 балл в пользу одного из двух полюсов.

Шкала 1: глобальность – частность.

Оценивает масштаб и значимость события для жизненного пути в целом.

Глобальные события это жизненно важные, судьбоносные события, определяющие стратегию, основные вехи и направление жизни человека. Они меняют жизненный контекст. Примеры: «поступление в университет», «свадьба», «рождение ребенка», «выбор профессии», «переезд в другую страну», «защита диссертации».

Частные события это ситуативные, преходящие события, которые важны здесь и сейчас, но не меняют кардинально жизненную траекторию. Они отражают текущую повседневную активность или эмоциональные переживания. Примеры: «ссора с другом», «поездка на море», «сдача экзамена» (если это не итоговый, судьбоносный экзамен), «участие в концерте», «провел время с семьей».

Шкала 2: субъектность – объектность.

Оценивает роль, которую респондент отводит себе в данном событии. Является ли он активным деятелем или пассивным участником/наблюдателем?

Субъектность показывает, что респондент выступает активным автором, инициатором, источником события. В формулировке присутствует активное действие, исходящее от самого человека. Примеры: «я поступлю в магистратуру», «я буду строить карьеру», «я сменил работу», «я помог другу», «я добился повышения».

Объектность показывает, что респондент выступает в роли участника, объекта, на которого направлено действие, или событие происходит с ним независимо от его воли. Примеры: «меня повысят в должности», «родители купили мне машину», «случилась пандемия», «придется подчиниться обстоятельствам», «мне дали премию», «экзамен».

Важный нюанс: разбор событий, которые можно отнести и к субъектности и к объектности, например, событие «мы поженились». Если контекст подразумевает «мы приняли решение и сделали это» — это субъектность. Если это просто факт свершения «свадьба» — в этом случае (акцент на событии, а не на активном «я решил жениться») относится к объектности.

Шкала 3: оценочность – констатация

Оценивает отношение респондента к событию. Содержит ли высказывание эмоциональную оценку или же является нейтральным, фактологическим описанием? Эта шкала отражает рефлексивное, интеллектуальное отношение к событиям.

Оценочность показывает, что высказывание содержит явную или скрытую эмоциональную оценку, выражение чувств, переживаний, отношения к событию (позитивного или негативного). Примеры: «счастливый брак», «ужасная ссора с родителями», «интересная работа», «боюсь не поступить», «очень надеюсь на это путешествие», «горжусь своим дипломом».

Констатация показывает, что высказывание представляет собой сухую, фактологическую констатацию события, без эмоциональной окраски. Описывается сам факт. Примеры: «окончание школы», «получу диплом», «устроюсь на работу», «квартира», «встреча с одноклассниками», «отпуск», «встреча».

Важный нюанс: «закончил школу» — констатация. А «наконец-то закончил эту школу!» — уже оценка (облегчение/радость).

Шкала 4: конфликтность – адаптивность

Оценивает эмоциональный фон, аффективную окраску события с точки зрения его связи с преодолением трудностей, противоречий или, напротив, с гармонией и принятием. Это скорее оценка валентности события в контексте жизненной ситуации.

Конфликтность показывает, что событие связано с переживанием трудностей, противоречий, стресса, борьбы, разногласий (внутренних или внешних). Фон события — негативный или напряженный. Примеры: «сильно поругался с отцом», «развод», «провал на экзамене», «сильная ссора», «чувство одиночества».

Адаптивность показывает, что событие отражает гармоничное течение жизни, принятие, решение проблем, позитивные изменения, успешное приспособление к обстоятельствам. Фон события — позитивный или нейтрально-стабильный. Примеры: «защита проекта», «рождение ребенка» (как радостное событие), «путешествие мечты», «стабильная работа», «получение прав».

6. Форма фиксации результатов

Результаты заносятся в электронную таблицу (Excel) со следующими колонками:

1. ID респондента: Код.
2. Возраст: возраст респондента.
3. Образование: школа, СПО или вуз.
4. Пол: женский или мужской.

5. Удаленность прошлого от настоящего: (число лет).
6. Удаленность будущего от настоящего: (число лет).
7. Модус: прошлое / настоящее / будущее.
8. Текст события: дословная формулировка.
9. Глобальность: (1 балл, если глобальное, иначе 0).
10. Частность: (1 балл, если частное, иначе 0).
11. Субъектность: (1 балл, если событие характеризуется субъектностью, иначе 0).
12. Объектность: (1 балл, если событие характеризуется объектностью, иначе 0).
13. Оценочность: (1 балл, если событие характеризуется оценочностью, иначе 0).
14. Констатация: (1 балл, если событие характеризуется констатацией, иначе 0).
15. Конфликтность: (1 балл, если, если событие характеризуется конфликтностью, иначе 0).
16. Адаптивность: (1 балл, если событие характеризуется адаптивностью, иначе 0).

Благодарим Вас за участие в экспертной работе! Ваша помощь неоценима для обеспечения объективности и глубины данного исследования.

Приложение 2. Согласие оценок экспертов при проведении контент анализа по методике «Прошлое, настоящее и будущее» (коэффициент Каппа Флейса)

Показатель	Каппа	Среднеквадратичная ошибка	В	Значимость	Доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
Глобальные события прошлого	0,971	0,007	138,411	0,000	0,958	0,985
Частные события прошлого	0,971	0,007	138,362	0,000	0,957	0,985
Глобальные события настоящего	0,970	0,008	124,671	0,000	0,955	0,985
Глобальные события будущего	0,972	0,007	134,390	0,000	0,957	0,986
Частные события настоящего	0,964	0,007	130,688	0,000	0,950	0,979
Частные события будущего	0,964	0,007	131,002	0,000	0,950	0,979
Объектность	0,975	0,004	230,310	0,000	0,966	0,983
Субъектность	0,975	0,004	234,202	0,000	0,966	0,983
Оценочность	0,969	0,007	138,051	0,000	0,955	0,983
Констатация	0,973	0,006	158,894	0,000	0,961	0,985
Конфликтность	0,937	0,011	82,368	0,000	0,915	0,960
Адаптивность	0,958	0,008	112,853	0,000	0,942	0,975

Данные выборки содержат 1381 действующих объектов и 3 оценивающих.

Приложение 3. Описательные статистики по методике «Прошлое, настоящее, будущее»

Общие данные по всей выборке

N= 1381	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Асимметрия	Экцентрис	Диапазон	Минимум	Максимум
Возраст	19,87	0,118	19	14	4,402	19,379	0,368	-1,126	14	14	28
Образование	2,23	0,023	2	3	0,84	0,705	-0,448	-1,437	2	1	3
Пол	1,59	0,013	2	2	0,493	0,243	-0,355	-1,877	1	1	2
Глобальные события прошлого	2,54	0,043	3	3	1,602	2,566	-0,052	-1,117	5	0	5
Частные события прошлого	2,41	0,046	2	2	1,711	2,926	0,376	-0,348	5	0	5
Глобальные события настоящего	1,83	0,037	2	2	1,391	1,935	0,277	-0,739	5	0	5
Глобальные события будущего	2,95	0,042	3	3	1,577	2,488	-0,390	-0,907	5	0	5
Частные события настоящего	2,82	0,040	3	3	1,492	2,227	-0,168	-0,736	5	0	5
Частные события будущего	1,85	0,044	2	0	1,618	2,616	0,547	-0,518	5	0	5
Субъектность	7,65	0,123	7	5	4,564	20,834	0,043	-1,197	18	0	18
Объектность	6,46	0,119	6	5	4,421	19,543	0,266	-1,011	15	0	15
Оценочность	2,20	0,085	1	0	3,142	9,872	1,868	3,469	15	0	15
Констатация	11,96	0,098	13	15	3,624	13,131	-1,399	1,543	17	0	17
Конфликтность	0,37	0,026	0	0	0,977	0,955	6,246	68,514	15	0	15
Адаптивность	13,79	0,068	15	15	2,532	6,413	-2,848	9,528	18	0	18
Время прошлое	10,11	0,247	9	10	9,175	84,185	7,179	135,105	200	0	200
Время будущее	7,866	0,3497	4	0	12,9946	168,861	3,369	11,873	82	0	82
Симметричность	2,245	0,3748	3	0	13,929	194,02	0,655	34,554	280	-80	200
Время всего	17,978	0,4754	15	15	17,666	312,07	3,134	14,890	200	0	200

Описательные статистики по группе респондентов 14 лет

N=147	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экцентрис
Возраст	14	0	14	14	0	0	0	14	14		

Образование	1,01	0,01	1	1	0,08	0,01	1	1	2	12,1	147
Пол	1,54	0,04	2	2	0,5	0,25	1	1	2	-0,18	-2
Глобальные события прошлого	1,86	0,132	2	0	1,603	2,570	5	0	5	0,356	-1,033
Частные события прошлого	3,03	0,164	3	2	1,988	3,951	5	0	5	0,430	0,461
Глобальные события настоящего	1,27	0,12	1	0	1,41	1,99	5	0	5	0,93	0,09
Глобальные события будущего	2,69	0,14	3	3	1,69	2,85	5	0	5	-0,18	-1,23
Частные события настоящего	3,25	0,14	4	5	1,74	3,04	5	0	5	-0,59	-0,94
Частные события будущего	1,95	0,14	2	0	1,7	2,9	5	0	5	0,38	-1,15
Субъектность	6,77	0,43	6	0	5,22	27,2	15	0	15	0,16	-1,41
Объектность	6,84	0,43	6	6а	5,15	26,5	15	0	15	0,31	-1,2
Оценочность	2,36	0,31	1	0	3,7	13,7	15	0	15	2,02	3,71
Констатация	11,5	0,33	13	15	4,04	16,3	15	0	15	-1,31	1,11
Конфликтность	0,11	0,03	0	0	0,41	0,17	3	0	3	4,5	23,1
Адаптивность	13,5	0,25	15	15	3,02	9,11	16	0	16	-2,33	5,64
Время прошлое	8,13	0,59	8	8	7,16	51,3	73	0	73	5,08	45,4
Время будущее	7,34	0,96	4	1	11,6	135	80	0	80	4,42	23,5
Симметричность	0,79	1,11	1	-2,0а	13,5	182	143	-71	72	-1,63	16,3
Время всего	15,5	1,14	15	15	13,8	191	94	0	94	3,31	15

Описательные статистики по группе респондентов 15 лет

N=129	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Эксцесс
Возраст	15	0	15	15	0	0	0	15	15		
Образование	1,19	0,041	1	1	0,469	0,22	2	1	3	2,438	5,374
Пол	1,56	0,044	2	2	0,499	0,249	1	1	2	-0,237	-1,975
Глобальные события прошлого	2,21	0,157	2	1	1,780	3,167	5	0	5	0,261	-1,333
Частные события прошлого	2,65	0,169	3	4	1,923	3,698	5	0	5	0,080	-1,073
Глобальные события настоящего	1,62	0,123	2	0	1,393	1,941	5	0	5	0,356	-0,895

Глобальные события будущего	2,71	0,135	3	4	1,533	2,35	5	0	5	-0,244	-0,919
Частные события настоящего	3,05	0,136	3	5	1,545	2,388	5	0	5	-0,259	-1,021
Частные события будущего	1,97	0,133	2	1	1,515	2,296	5	0	5	0,341	-0,855
Субъектность	9,34	0,469	11	15	5,332	28,43	15	0	15	-0,509	-1,196
Объектность	4,64	0,427	3	0	4,847	23,5	15	0	15	0,842	-0,514
Оценочность	1,61	0,237	0	0	2,696	7,27	15	0	15	2,289	6,111
Констатация	12,25	0,333	14	15	3,781	14,3	15	0	15	-1,711	2,535
Конфликтность	0,1	0,059	0	0	0,671	0,451	7	0	7	9,007	89,35
Адаптивность	13,95	0,255	15	15	2,892	8,364	15	0	15	-3,376	12,12
Время прошлое	8,06	0,531	8	15	6,028	36,34	43	0	43	1,484	7,17
Время будущее	6,71	0,731	4	1	8,298	68,85	60	0	60	3,211	14,89
Симметричность	1,36	0,94	2	0 ^a	10,67	113,9	99	-57	42	-1,462	8,48
Время всего	14,77	0,865	14	11	9,823	96,49	63	0	63	1,699	5,516

Описательные статистики по группе респондентов 16 лет

N=123	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная ошибка отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экцентрис
Возраст	16	0	16	16	0	0	0	16	16		
Образование	1,63	0,051	2	2	0,562	0,316	2	1	3	0,156	-0,771
Пол	1,54	0,045	2	2	0,501	0,251	1	1	2	-0,149	-2,011
Глобальные события прошлого	2,19	0,138	2	2	1,533	2,350	5	0	5	0,179	-0,823
Частные события прошлого	2,67	0,159	3	3	1,767	2,123	5	0	5	0,208	-0,612
Глобальные события настоящего	1,59	0,131	1	0	1,448	2,097	5	0	5	0,445	-1,004
Глобальные события будущего	2,67	0,151	3	4	1,673	2,798	5	0	5	-0,301	-1,165
Частные события настоящего	3,05	0,151	3	5	1,678	2,817	8	0	8	-0,12	-0,714
Частные события будущего	2,26	0,166	2	1	1,846	3,407	10	0	10	0,81	0,976
Субъектность	9,46	0,379	10	14	4,199	17,63	18	0	18	-0,478	-0,557
Объектность	4,49	0,314	4	1	3,479	12,1	15	0	15	0,835	0,609
Оценочность	1,73	0,24	1	0	2,664	7,1	13	0	13	2,22	5,488
Констатация	12,11	0,333	14	15	3,689	13,61	17	0	17	-1,388	1,205
Конфликтность	0,16	0,039	0	0	0,432	0,186	2	0	2	2,729	7,116
Адаптивность	13,92	0,243	15	15	2,694	7,256	18	0	18	-2,874	8,96

Время прошлое	7,05	0,471	6	1 ^a	5,229	27,34	17	0	17	0,458	-1,011
Время будущее	7,41	0,825	5	3	9,154	83,8	60	0	60	3,349	14,49
Симметричность	-0,36	0,907	0	2	10,06	101,1	72	-55	17	-2,737	12,4
Время всего	14,46	0,993	13	4	11,01	121,2	65	0	65	1,684	4,515

Описательные статистики по группе респондентов 17 лет

N=126	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экцентрис
Возраст	17	0	17	17	0	0	0	17	17		
Образование	1,79	0,05	2	2	0,56	0,314	2	1	3	-0,025	-0,22
Пол	1,47	0,045	1	1	0,501	0,251	1	1	2	0,129	-2,016
Глобальные события прошлого	2,31	0,143	2	3	1,607	2,583	5	0	5	-0,001	-1,166
Частные события прошлого	2,78	0,161	3	1 ^a	1,802	3,246	5	0	5	0,339	-0,833
Глобальные события настоящего	1,56	0,123	2	0	1,383	1,913	5	0	5	0,307	-1,098
Глобальные события будущего	2,93	0,146	3	4	1,64	2,691	5	0	5	-0,447	-0,981
Частные события настоящего	3,17	0,138	3	5	1,548	2,396	5	0	5	-0,297	-1,15
Частные события будущего	1,94	0,152	2	0	1,705	2,908	5	0	5	0,435	-1,058
Субъектность	9,23	0,363	9,5	15	4,072	16,58	15	0	15	-0,12	-1,223
Объектность	5,01	0,329	5	0	3,695	13,66	15	0	15	0,361	-0,601
Оценочность	1,67	0,25	0	0	2,805	7,869	14	0	14	2,223	5,042
Констатация	12,3	0,309	14	15	3,467	12,02	15	0	15	-1,615	2,295
Конфликтность	0,24	0,057	0	0	0,638	0,407	3	0	3	2,944	8,427
Адаптивность	13,98	0,178	15	15	1,994	3,975	11	5	16	-2,108	4,16
Время прошлое	8,35	0,52	9	1	5,836	34,05	20	0	20	0,22	-1,329
Время будущее	7,233	1,02	4	1	11,45	131,2	82	0	82	4,793	27,7
Симметричность	1,117	1,137	3	-2,0 ^a	12,76	162,8	95	-80	15	-3,751	20,15
Время всего	15,58	1,154	13	11,0 ^a	12,95	167,6	93	0	93	3,072	14,55

Описательные статистики по группе респондентов 18 лет

N=122	Среднее	Стандартная ошибка среднего	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экцентрис
-------	---------	-----------------------------	---------	------	------------------------	-----------	----------	---------	----------	------------	-----------

		значе ния									
Возраст	18	0	18	18	0	0	0	18	18		
Образование	2,19	0,056	2	2	0,621	0,386	2	1	3	-0,148	-0,503
Пол	1,67	0,043	2	2	0,471	0,222	1	1	2	-0,743	-1,473
Глобальные события прошлого	2,33	0,147	2	3	1,623	2,635	5	0	5	0,102	-1,099
Частные события прошлого	2,75	0,149	3	2	1,649	2,72	5	0	5	-0,045	-1,042
Глобальные события настоящего	1,53	0,117	1	1	1,287	1,656	5	0	5	0,506	-0,547
Глобальные события будущего	2,79	0,135	3	3	1,495	2,235	5	0	5	-0,02	-0,984
Частные события настоящего	3,18	0,132	3	4	1,46	2,133	5	0	5	-0,546	-0,514
Частные события будущего	2,14	0,139	2	2	1,534	2,352	5	0	5	0,041	-1,036
Субъектность	8,9	0,417	10	15	4,608	21,23	16	0	16	-0,226	-1,258
Объектность	5,66	0,4	5	0	4,423	19,564	15	0	15	0,385	-1,048
Оценочность	1,75	0,257	1	0	2,844	8,088	13	0	13	2,068	3,821
Констатация	12,85	0,28	14	15	3,087	9,532	15	0	15	-1,822	3,283
Конфликтность	0,53	0,189	0	0	2,086	4,35	15	0	15	5,687	33,671
Адаптивность	14,18	0,219	15	15	2,416	5,835	15	0	15	-3,963	16,99
Время прошлое	8,03	0,54	7	3	5,961	35,536	20	0	20	0,411	-1,037
Время будущее	6,76	0,941	4	0	10,396	108,08	62	0	62	3,485	14,519
Симметричность	1,27	1,002	2	0	11,071	122,56	81	-61	20	-2,93	14,119
Время всего	14,8	1,162	12	11	12,833	164,68	68	0	68	1,964	5,157

Описательные статистики по группе респондентов 19 лет

N=86	Средне е	Стандарт ная ошибка среднего значения	Ме диа на	Мо да	Станда ртная отклон ения	Диспе рсия	Диа пазон	Мин имум	Ма кси мум	Асим метрия	Эксц есс
Возраст	19	0	19	19	0	0	0	19	19		
Образование	2,69	0,056	3	3	0,515	0,265	2	1	3	-1,34	0,82
Пол	1,57	0,054	2	2	0,498	0,248	1	1	2	-0,29	-1,96
Глобальные события прошлого	2,22	0,14	2	3	1,296	1,68	5	0	5	0,074	-0,71
Частные события прошлого	2,71	0,146	3	2	1,354	1,832	5	0	5	-0,12	-0,69

Глобальные события настоящего	1,79	0,147	2	1 ^a	1,364	1,862	5	0	5	0,503	-0,34
Глобальные события будущего	2,7	0,172	3	2 ^a	1,595	2,543	5	0	5	-0,08	-1,16
Частные события настоящего	3,06	0,155	3	4	1,442	2,079	5	0	5	-0,56	-0,37
Частные события будущего	2,28	0,171	2	1 ^a	1,584	2,509	5	0	5	0,108	-1,12
Субъектность	5,87	0,438	5	5	4,061	16,49	15	0	15	0,739	-0,28
Объектность	8,91	0,456	10	10	4,233	17,92	15	0	15	-0,74	-0,38
Оценочность	2,07	0,324	0	0	3,001	9,007	12	0	12	1,37	0,762
Констатация	12,66	0,35	14	15	3,249	10,56	12	3	15	-1,33	0,781
Конфликтность	0,2	0,054	0	0	0,505	0,255	2	0	2	2,579	5,861
Адаптивность	14,57	0,156	15	15	1,443	2,083	11	4	15	-5,53	35,8
Время прошлое	8,58	0,762	8,5	0	7,065	49,92	20	0	20	0,225	-1,47
Время будущее	7,03	1,12	4	0	10,39	107,9	58	0	58	3,051	10,48
Симметричность	1,55	1,086	2	0	10,08	101,5	59	-40	19	-1,86	5,963
Время всего	15,62	1,578	13	4	14,64	214,2	77	0	77	1,722	4,089

Описательные статистики по группе респондентов 20 лет

N=85	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экцентрис
Возраст	20	0	20	20	0	0	0	20	20		
Образование	2,76	0,06	3	3	0,5	0,25	2	1	3	-2,09	3,67
Пол	1,59	0,05	2	2	0,5	0,25	1	1	2	-0,37	-1,91
Глобальные события прошлого	2,48	0,13	2	2	1,2	1,44	5	0	5	-0,04	-0,22
Частные события прошлого	2,48	0,13	2	3	1,2	1,44	5	0	5	0,09	-0,21
Глобальные события настоящего	1,88	0,13	2	2	1,18	1,39	5	0	5	0,14	-0,43
Глобальные события будущего	2,64	0,14	3	3	1,33	1,76	5	0	5	-0,21	-0,65

Частные события настоящего	3,04	0,13	3	3	1,17	1,37	5	0	5	-0,12	-0,43
Частные события будущего	2,32	0,14	2	2	1,33	1,77	5	0	5	0,17	-0,7
Субъектность	6,29	0,42	6	5	3,85	14,9	15	0	15	0,33	-0,7
Объектность	8,39	0,42	9	10	3,84	14,7	15	0	15	-0,35	-0,67
Оценочность	3,96	0,41	3	0	3,8	14,5	14	0	14	0,86	0,04
Констатация	10,9	0,42	11	15	3,9	15,2	14	1	15	-0,85	-0,04
Конфликтность	0,28	0,07	0	0	0,67	0,44	4	0	4	3,08	11,8
Адаптивность	14,5	0,15	15	15	1,35	1,82	10	5	15	-4,97	30,5
Время прошлое	12,5	0,9	15	20	8,28	68,5	35	0	35	-0,17	-1,02
Время будущее	7,26	1,11	5	0	10,2	105	60	0	60	3,21	12,2
Симметричность	5,21	1,28	5	0	11,8	138	92	-57	35	-2,03	9,37
Время всего	19,7	1,57	22	0 ^a	14,4	208	67	0	67	0,93	1,75

Описательные статистики по группе респондентов 21 лет

N=67	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Сумма	Асимметрия	Экцентрис
Возраст	21	0	21	21	0	0	0	21	21	1407		
Образование	2,87	0,047	3	3	0,385	0,148	2	1	3	192	-2,98	8,972
Пол	1,7	0,056	2	2	0,461	0,213	1	1	2	114	-0,9	-1,23
Глобальные события прошлого	1,99	0,147	2	2	1,2	1,439	5	0	5	133	0,355	-0,44
Частные события прошлого	3	0,144	3	3	1,181	1,394	5	0	5	201	-0,4	-0,41
Глобальные события настоящего	1,81	0,149	2	2	1,222	1,492	4	0	4	121	0,076	-0,89
Глобальные события будущего	2,55	0,192	3	3	1,569	2,463	5	0	5	171	-0,26	-0,92
Частные события настоящего	3	0,165	3	3	1,348	1,818	5	0	5	201	-0,31	-0,49
Частные события будущего	2,36	0,193	2	2	1,583	2,506	5	0	5	158	0,257	-0,89
Субъектность	4,91	0,43	5	5	3,524	12,42	15	0	15	329	0,736	0,512
Объектность	9,69	0,45	10	10	3,685	13,58	15	0	15	649	-0,77	0,425

Оценочность	4,61	0,62	3	0	5,078	25,79	15	0	15	309	0,881	-0,5
Констатация	10	0,623	11	15	5,102	26,03	15	0	15	670	-0,72	-0,76
Конфликтность	0,19	0,08	0	0	0,657	0,431	4	0	4	13	4,405	21,32
Адаптивность	14,4	0,24	15	15	1,962	3,85	11	4	15	965	-4,31	19,34
Время прошлое	10,51	1,413	8	0	11,57	133,8	76	0	76	704	2,775	14,3
Время будущее	6,82	1,018	5	0	8,33	69,39	54	0	54	457	3,021	14,63
Симметричность	3,69	1,484	1	0	12,15	147,5	96	-33	63	247	1,328	8,422
Время всего	17,33	1,966	17	0	16,09	258,9	89	0	89	1161	1,96	6,617

Описательные статистики по группе респондентов 22 лет

N=74	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экссес
Возраст	22	0	22	22	0	0	0	22	22		
Образование	2,86	0,044	3	3	0,382	0,146	2	1	3	-2,906	8,469
Пол	1,66	0,055	2	2	0,476	0,227	1	1	2	-0,7	-1,553
Глобальные события прошлого	2,92	0,141	3	4	1,214	1,473	5	0	5	-0,503	-0,583
Частные события прошлого	2,05	0,136	2	1	1,169	1,367	5	0	5	0,421	-0,708
Глобальные события настоящего	2,16	0,15	2	1	1,293	1,672	5	0	5	0,744	-0,22
Глобальные события будущего	3,19	0,165	3	4	1,421	2,019	4	1	5	-0,197	-1,315
Частные события настоящего	2,65	0,158	3	4	1,359	1,847	5	0	5	-0,676	-0,542
Частные события будущего	1,77	0,168	1,5	0	1,448	2,097	4	0	4	0,22	-1,356
Субъектность	5,07	0,414	5	2 ^a	3,563	12,694	14	0	14	0,67	-0,164
Объектность	9,43	0,435	10	13	3,738	13,975	15	0	15	-0,646	-0,248
Оценочность	3,18	0,432	2	0	3,717	13,818	15	0	15	1,287	1,261
Констатация	11,32	0,457	13	15	3,928	15,428	15	0	15	-1,172	0,919
Конфликтность	0,34	0,106	0	0	0,911	0,83	4	0	4	2,847	7,509
Адаптивность	14,36	0,172	15	15	1,477	2,18	9	6	15	-3,415	14,496
Время прошлое	12,77	2,708	9	2	23,295	542,65	200	0	200	7,282	58,959
Время будущее	5,77	0,862	3	0	7,416	55,001	47	0	47	3,163	13,945
Симметричность	7	2,839	4	1	24,423	596,49	243	-43	200	6,813	55,152
Время всего	18,54	2,845	14,5	6	24,47	598,8	200	0	200	5,749	42,005

Описательные статистики по группе респондентов 23 лет

N=69	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Эксцесс
Возраст	23	0	23	23	0	0	0	23	23		
Образование	2,78	0,061	3	3	0,511	0,261	2	1	3	-2,355	4,84
Пол	1,68	0,057	2	2	0,469	0,22	1	1	2	-0,795	-1,41
Глобальные события прошлого	3	0,169	3	4	1,404	1,971	5	0	5	-0,46	-0,597
Частные события прошлого	1,9	0,16	2	1	1,33	1,769	5	0	5	0,384	-0,643
Глобальные события настоящего	1,86	0,152	2	1	1,263	1,596	5	0	5	1,002	0,68
Глобальные события будущего	3,13	0,191	4	4	1,59	2,527	5	0	5	-0,424	-1,059
Частные события настоящего	2,78	0,161	3	4	1,338	1,79	5	0	5	-0,954	0,026
Частные события будущего	1,58	0,177	1	0	1,469	2,159	5	0	5	0,541	-0,988
Субъектность	4,8	0,314	5	5	2,604	6,782	13	0	13	0,389	0,186
Объектность	9,45	0,426	10	10	3,542	12,545	15	0	15	-0,987	0,947
Оценочность	3,01	0,427	1	0	3,55	12,603	11	0	11	0,843	-0,639
Констатация	10,88	0,523	13	15	4,344	18,869	15	0	15	-0,623	-1,034
Конфликтность	0,09	0,045	0	0	0,373	0,139	2	0	2	4,506	20,162
Адаптивность	14,09	0,346	15	15	2,874	8,257	15	0	15	-3,533	11,977
Время прошлое	13,7	0,996	12	23	8,277	68,509	25	0	25	-0,142	-1,456
Время будущее	8,16	1,203	5	0	9,995	99,901	47	0	47	2,265	5,675
Симметричность	5,54	1,503	5	5	12,482	155,811	67	-43	24	-1,762	5,511
Время всего	21,86	1,62	24	24	13,454	181,008	55	0	55	0,598	0,264

Описательные статистики по группе респондентов 24 лет

N=75	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Эксцесс
Возраст	24	0	24	24	0	0	0	24	24		
Образование	2,89	0,036	3	3	0,311	0,097	1	2	3	-2,601	4,894
Пол	1,64	0,056	2	2	0,483	0,234	1	1	2	-0,595	-1,691
Глобальные события прошлого	2,93	0,196	4	4	1,695	2,874	5	0	5	-0,543	-1,017
Частные события прошлого	1,89	0,216	1	1	1,871	3,502	5	0	5	1,011	0,031

Глобальные события настоящего	1,83	0,146	2	2	1,267	1,605	5	0	5	-0,033	-0,598
Глобальные события будущего	2,83	0,179	3	3	1,554	2,415	5	0	5	-0,502	-0,698
Частные события настоящего	2,45	0,15	3	3	1,298	1,684	5	0	5	-0,143	-0,024
Частные события будущего	1,6	0,182	1	0	1,577	2,486	5	0	5	0,693	-0,579
Субъектность	6,89	0,533	5	5a	4,62	21,34	14	0	14	0,111	-1,525
Объектность	6,04	0,483	5	5	4,186	17,525	15	0	15	0,666	-0,669
Оценочность	1,12	0,214	1	0	1,852	3,431	10	0	10	3,096	11,284
Констатация	11,83	0,438	13	15	3,79	14,361	15	0	15	-1,708	2,938
Конфликтность	0,68	0,113	0	0	0,975	0,95	3	0	3	1,408	0,936
Адаптивность	12,32	0,435	14	15	3,767	14,194	17	0	17	-1,898	3,876
Время прошлое	9,49	0,664	10	6	5,748	33,037	19	0	19	0,013	-1,083
Время будущее	5,09	0,635	5	5	5,502	30,275	32	0	32	2,072	6,704
Симметричность	4,4	0,904	4	5	7,829	61,297	38	-21	17	-0,27	0,25
Время всего	14,59	0,933	15	11	8,083	65,327	43	0	43	0,614	1,159

Описательные статистики по группе респондентов 25 лет

N=64	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экссесс
Возраст	25	0	25	25	0	0	0	25	25		
Образование	2,89	0,039	3	3	0,315	0,099	1	2	3	-2,564	4,719
Пол	1,66	0,06	2	2	0,479	0,229	1	1	2	-0,674	-1,597
Глобальные события прошлого	2,61	0,187	3	3	1,497	2,242	5	0	5	0,119	-0,945
Частные события прошлого	2,31	0,186	2	2	1,489	2,218	5	0	5	-0,114	-0,990
Глобальные события будущего	3,44	0,162	3	3	1,296	1,679	5	0	5	-0,83	0,762
Частные события настоящего	2,52	0,118	2	2	0,943	0,889	5	0	5	0,892	1,739
Частные события будущего	1,09	0,166	1	0	1,33	1,769	5	0	5	1,244	1,088
Субъектность	7,77	0,453	10	11	3,624	13,135	13	0	13	-0,534	-0,957
Объектность	5,98	0,409	5	5	3,273	10,714	15	0	15	1,363	1,149
Оценочность	2,06	0,232	2	1	1,859	3,456	7	0	7	0,916	-0,268
Констатация	12,47	0,259	13	13	2,07	4,285	7	8	15	-0,536	-1,116
Конфликтность	1	0,154	0,5	0	1,234	1,524	3	0	3	0,836	-0,983
Адаптивность	12,75	0,354	14	15	2,834	8,032	15	0	15	-1,716	4,874
Время прошлое	12,92	1,016	10	10 ^a	8,125	66,01	27	0	27	0,631	-0,707

Время будущее	15,14	2,923	5	5	23,385	546,85 3	63	0	63	1,573	0,594
Симметричность	-2,22	2,148	2	-36 а	17,181	295,18 9	51	-36	15	-1,266	0,205
Время всего	28,06	3,813	15	15	30,505	930,53 6	90	0	90	1,514	0,503

Описательные статистики по группе респондентов 26 лет

N=61	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Эксцесс
Возраст	26	0	26	26	0	0	0	26	26		
Образование	2,9	0,038	3	3	0,3	0,09	1	2	3	-2,766	5,84
Пол	1,66	0,061	2	2	0,479	0,23	1	1	2	-0,672	-1,602
Глобальные события прошлого	2,89	0,203	3	3	1,582	2,503	5	0	5	-0,144	-1,063
Частные события прошлого	2,11	0,203	2	2	1,582	2,503	5	0	5	0,144	-1,063
Глобальные события настоящего	2,2	0,175	2	3	1,364	1,861	5	0	5	-0,247	-0,684
Глобальные события будущего	3,62	0,148	4	3	1,157	1,339	5	0	5	-0,944	1,646
Частные события настоящего	2,3	0,124	2	2	0,972	0,945	5	0	5	0,267	0,622
Частные события будущего	1,03	0,157	1	0	1,224	1,499	5	0	5	1,401	2,139
Субъектность	7,84	0,476	9	11	3,716	13,806	14	0	14	-0,126	-1,156
Объектность	5,75	0,416	5	5	3,249	10,555	14	1	15	1,205	1,051
Оценочность	1,82	0,227	1	0	1,775	3,15	5	0	5	0,819	-0,621
Констатация	11,93	0,288	13	10 ^а	2,25	5,062	6	9	15	0,03	-1,577
Конфликтность	0,93	0,155	0	0	1,209	1,462	3	0	3	0,948	-0,75
Адаптивность	12,82	0,303	14	15	2,37	5,617	6	9	15	-0,547	-1,276
Время прошлое	13,62	0,963	12	10 ^а	7,524	56,605	26	1	27	0,518	-0,639
Время будущее	14,54	3,006	5	5	23,474	551,019	70	0	70	1,64	0,824
Симметричность	-0,92	2,385	5	5	18,626	346,943	70	-51	19	-1,281	0,352
Время всего	28,16	3,773	15	15	29,467	868,306	84	6	90	1,635	0,817

Описательные статистики по группе респондентов 27 лет

N=80	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Эксцесс
Возраст	27	0	27	27	0	0	0	27	27		

Образование	2,89	0,036	3	3	0,318	0,101	1	2	3	-2,5	4,357
Пол	1,56	0,056	2	2	0,499	0,249	1	1	2	-0,257	-1,984
Глобальные события прошлого	3,35	0,18	4	5	1,608	2,585	5	0	5	-0,556	-1,058
Частные события прошлого	1,61	0,184	1	0	1,642	2,696	5	0	5	0,807	-0,07
Глобальные события настоящего	2,74	0,129	3	3	1,156	1,335	5	0	5	-0,374	0,715
Глобальные события будущего	3,4	0,179	4	5	1,604	2,572	5	0	5	-0,815	-0,266
Частные события настоящего	1,81	0,119	2	2	1,068	1,142	4	0	4	-0,317	-0,439
Частные события будущего	1,38	0,184	1	0	1,649	2,718	5	0	5	1,061	0,006
Субъектность	8,85	0,452	10	14	4,041	16,332	13	1	14	-0,26	-1,247
Объектность	5,15	0,409	5	5	3,66	13,395	14	0	14	0,795	-0,119
Оценочность	1,93	0,23	1	0	2,061	4,247	9	0	9	0,904	0,156
Констатация	12,69	0,258	13	15	2,309	5,331	9	6	15	-0,702	-0,518
Конфликтность	0,74	0,111	0	0	0,99	0,981	3	0	3	1,196	0,297
Адаптивность	13,28	0,272	14	15	2,429	5,898	12	3	15	-1,749	3,486
Время прошлое	14,2	0,943	12	27	8,431	71,073	27	1	28	0,433	-1,056
Время будущее	12,06	2,449	2,5	0	21,909	479,983	63	0	63	1,874	1,722
Симметричность	2,14	2,071	7	-36	18,52	342,981	64	-36	28	-1,078	0,28
Время всего	26,26	3,08	15	90	27,552	759,133	86	4	90	1,821	1,644

Описательные статистики по группе респондентов 28 лет

N=73	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Диапазон	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экссес
Возраст	28	0	28	28	0	0	0	28	28		
Образование	2,86	0,045	3	3	0,384	0,148	2	1	3	-2,881	8,303
Пол	1,48	0,059	1	1	0,503	0,253	1	1	2	0,084	-2,05
Глобальные события прошлого	4,25	0,12	4	5	1,024	1,049	5	0	5	-2,032	5,082
Частные события прошлого	0,73	0,119	0	0	1,017	1,035	5	0	5	2,126	5,521
Глобальные события настоящего	3,08	0,152	3	3	1,299	1,688	5	0	5	-0,274	-0,336
Глобальные события будущего	3,93	0,176	4	5	1,503	2,259	5	0	5	-1,672	2,022

Частные события настоящего	1,64	0,155	2	0	1,327	1,76	5	0	5	0,359	-0,605
Частные события будущего	1,04	0,176	0	0	1,504	2,262	5	0	5	1,716	2,14
Субъектность	9,22	0,486	9	13	4,154	17,257	13	1	14	-0,364	-1,192
Объектность	5,04	0,422	5	6	3,607	13,012	12	1	13	0,674	-0,507
Оценочность	1,38	0,222	0	0	1,898	3,601	8	0	8	1,32	1
Констатация	12,88	0,291	14	15	2,489	6,193	9	6	15	-0,967	-0,215
Конфликтность	0,71	0,082	1	1	0,697	0,486	2	0	2	0,46	-0,844
Адаптивность	13,55	0,189	14	14	1,616	2,612	5	10	15	-1,215	0,198
Время прошлое	12,77	0,976	10	19	8,338	69,514	28	0	28	0,46	-0,871
Время будущее	5,48	1,652	1	1	14,115	199,225	79	0	79	3,992	16,397
Симметричность	7,29	1,691	7	2	14,444	208,624	91	-63	28	-2,094	8,374
Время всего	18,25	2,122	12	9	18,134	328,855	95	0	95	2,818	9,342

а. Существует несколько модальных значений. Показано наименьшее значение

**Приложение 4. Анализ различий между возрастaми по методике
«Прошлoе, настоящее, будущее» (коэффициент Манна-Уитни)
Различия между возрастaми 14 лет (N=147) и 15 лет (N=129) по методике
«Прошлoе, настоящее, будущее»**

Параметр	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарти- зованная статистика критерия	Асимптоти- ческая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	10947	19332	10947	636,577	2,302	0,021*
Глобальные события будущего	9471	17856	9471	651,322	-0,016	0,987
Частные события настоящего	8587,5	16972,5	8587,5	646,097	-1,384	0,166
Частные события будущего	9699,5	18084,5	9699,5	649,495	0,336	0,737
Субъектность	12179	20564	12179	658,552	4,096	0,000**
Объектность	6986,5	15371,5	6986,5	657,556	-3,794	0,000**
Оценочность	8384	16769	8384	612,906	-1,791	0,073
Констатация	10900	19285	10900	643,043	2,206	0,027*

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^а	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Глобальные события настоящего	1,403	-0,248	-0,485	-0,01
Глобальные события будущего	1,617	-0,011	-0,248	0,225
Частные события настоящего	1,654	0,124	-0,113	0,361
Частные события будущего	1,617	-0,01	-0,247	0,226
Субъектность	5,272	-0,488	-0,727	-0,248
Объектность	5,011	0,439	0,199	0,678
Оценочность	3,436	0,277	0,039	0,514
Констатация	4,029	-0,239	-0,476	-0,001

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$, $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$, $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$, $d \geq 0,8$

**Различия между возрастaми 15 лет (N=129) и 16 лет (N=123) по методике
«Прошлoе, настоящее, будущее»**

Параметр	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарти- зованная статистика критерия	Асимптоти- ческая значимость (2-сторонний критерий)
----------	----------------------	-----------------	------------------------	-----------------------	--	---

Глобальные события настоящего	7795	15421	7795	562,546	-0,246	0,806
Глобальные события будущего	7925	15551	7925	568,504	-0,015	0,988
Частные события настоящего	7925,5	15551,5	7925,5	567,876	-0,014	0,989
Частные события будущего	8485	16111	8485	568,616	0,97	0,332
Субъектность	7533,5	15159,5	7533,5	575,8	-0,695	0,487
Объектность	8548,5	16174,5	8548,5	574,497	1,071	0,284
Оценочность	8439	16065	8439	533,914	0,947	0,344
Констатация	7625	15251	7625	557,866	-0,553	0,58

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

**Различия между возрастaми 16 лет (N=123) и 17 лет (N=126) по методике
«Прошлoе, настоящее, будущее»**

Параметр	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартиз ованная статистика критерия	Асимптотиче ская значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	7686,5	15687,5	7686,5	551,56	-0,113	0,91
Глобальные события будущего	8450	16451	8450	558,041	1,256	0,209
Частные события настоящего	8087,5	16088,5	8087,5	557,134	0,608	0,543
Частные события будущего	6991	14992	6991	558,381	-1,357	0,175
Субъектность	7459,5	15460,5	7459,5	566,303	-0,511	0,609
Объектность	8383	16384	8383	565,358	1,121	0,262
Оценочность	7381,5	15382,5	7381,5	528,183	-0,696	0,487
Констатация	7832	15833	7832	551,636	0,15	0,88

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

**Различия между возрастaми 17 лет (N=126) и 18 лет (N=122) по методике
«Прошлoе, настоящее, будущее»**

Параметр	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартиз ованная статистика критерия	Асимптотиче ская значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	7672	15175	7672	549,108	-0,025	0,98
Глобальные события будущего	7153,5	14656,5	7153,5	555,402	-0,959	0,338
Частные события настоящего	7688	15191	7688	553,22	0,004	0,997
Частные события будущего	8342	15845	8342	554,222	1,184	0,237
Субъектность	7420	14923	7420	562,714	-0,473	0,636
Объектность	8143	15646	8143	562,23	0,813	0,416

Оценочность	7917	15420	7917	523,108	0,442	0,659
Констатация	8437	15940	8437	543,356	1,382	0,167

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Различия между возрастными 18 лет (N=122) и 19 лет (N=86) по методике
«Прошлое, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартиз ованная статистика критерия	Асимптотиче ская значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	5786	9527	5786	416,462	1,297	0,195
Глобальные события будущего	5088	8829	5088	420,304	-0,376	0,707
Частные события настоящего	4981	8722	4981	417,94	-0,634	0,526
Частные события будущего	5497	9238	5497	420,157	0,597	0,55
Субъектность	3301,5	7042,5	3301,5	426,172	-4,563	0,000**
Объектность	7347,5	11088,5	7347,5	425,997	4,933	0,000**
Оценочность	7293,5	11034,5	7293,5	413,035	4,957	0,000**
Констатация	3520,5	7261,5	3520,5	415,939	-4,148	0,000**

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Глобальные события настоящего	1,319	-0,195	-0,472	0,081
Глобальные события будущего	1,537	0,058	-0,218	0,334
Частные события настоящего	1,453	0,084	-0,192	0,36
Частные события будущего	1,555	-0,09	-0,366	0,186
Субъектность	4,39	0,69	0,405	0,973
Объектность	4,346	-0,746	-1,031	-0,46
Оценочность	3,427	-0,73	-1,014	-0,444
Констатация	3,589	0,62	0,337	0,901

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,5$
- Большой эффект: $d \geq 0,5$

Различия между возрастными 19 лет (N=86) и 20 лет (N=85) по методике
«Прошлое, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарти- зованная статистика критерия	Асимптоти- ческая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	3887	7542	3887	314,946	0,737	0,461
Глобальные события будущего	3560	7215	3560	317,707	-0,299	0,765
Частные события настоящего	3482	7137	3482	315,1	-0,549	0,583
Частные события будущего	3727	7382	3727	317,601	0,227	0,821
Субъектность	3957	7612	3957	322,23	0,937	0,349
Объектность	3278,5	6933,5	3278,5	322,232	-1,168	0,243
Оценочность	3547	7202	3547	319,91	-0,338	0,736
Констатация	3763,5	7418,5	3763,5	319,843	0,339	0,734

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Различия между возрастaми 20 лет (N=85) и 21 лет (N=67) по методике
«Прошлое, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарти- зованная статистика критерия	Асимптоти- ческая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	2756,5	5034,5	2756,5	261,476	-0,348	0,728
Глобальные события будущего	2796,5	5074,5	2796,5	263,208	-0,194	0,846
Частные события настоящего	2844,5	5122,5	2844,5	261,839	-0,011	0,991
Частные события будущего	2856,5	5134,5	2856,5	263,304	0,034	0,973
Субъектность	2263,5	4541,5	2263,5	268,119	-2,178	0,029*
Объектность	3401	5679	3401	268,157	2,064	0,039*
Оценочность	2730	5008	2730	264,509	-0,444	0,657
Констатация	2829	5107	2829	265,012	-0,07	0,944

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Глобальные события настоящего	1,198	0,064	-0,257	0,384
Глобальные события будущего	1,438	0,058	-0,263	0,378
Частные события настоящего	1,251	0,028	-0,292	0,348
Частные события будущего	1,446	-0,028	-0,348	0,292

Субъектность	3,712	0,373	0,049	0,695
Объектность	3,771	-0,344	-0,666	-0,021
Оценочность	4,393	-0,079	-0,4	0,241
Констатация	4,467	0,139	-0,182	0,459

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$ $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$ $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$ $d \geq 0,8$

Различия между возрастaми 21 лет (N=67) и 22 лет (N=74) по методике «Прошлoе, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартизованная статистика критерия	Асимптотическая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	2773,5	5548,5	2773,5	235,117	1,253	0,21
Глобальные события будущего	3027	5802	3027	237,96	2,303	0,021*
Частные события настоящего	2183,5	4958,5	2183,5	235,769	-1,253	0,21
Частные события будущего	1978,5	4753,5	1978,5	237,978	-2,103	0,035
Субъектность	2546,5	5321,5	2546,5	241,01	0,28	0,779
Объектность	2360,5	5135,5	2360,5	241,036	-0,492	0,623
Оценочность	2333,5	5108,5	2333,5	236,053	-0,616	0,538
Констатация	2577,5	5352,5	2577,5	238,306	0,413	0,679

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^а	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Глобальные события настоящего	1,198	0,064	-0,257	0,384
Глобальные события будущего	1,438	0,058	-0,263	0,378
Частные события настоящего	1,251	0,028	-0,292	0,348
Частные события будущего	1,446	-0,028	-0,348	0,292
Субъектность	3,712	0,373	0,049	0,695
Объектность	3,771	-0,344	-0,666	-0,021
Оценочность	4,393	-0,079	-0,4	0,241
Констатация	4,467	0,139	-0,182	0,459

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$ $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$ $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$ $d \geq 0,8$

Различия между возрастaми 22 лет (N=74) и 23 лет (N=69) по методике «Прошлoе, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарти- зованная статистика критерия	Асимптоти- ческая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	2195,5	4610,5	2195,5	236,992	-1,508	0,131
Глобальные события будущего	2535,5	4950,5	2535,5	242,136	-0,072	0,942
Частные события настоящего	2705,5	5120,5	2705,5	238,465	0,64	0,522
Частные события будущего	2353	4768	2353	241,222	-0,829	0,407
Субъектность	2557,5	4972,5	2557,5	245,513	0,018	0,985
Объектность	2537,5	4952,5	2537,5	245,87	-0,063	0,95
Оценочность	2446	4861	2446	240,342	-0,445	0,656
Констатация	2195,5	4610,5	2195,5	236,992	-1,508	0,131

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Различия между возрастaми 23 лет (N=69) и 24 лет (N=73) по методике
«Прошлое, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарти- зованная статистика критерия	Асимптоти- ческая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	2699	5549	2699	242,32	0,46	0,645
Глобальные события будущего	2277,5	5127,5	2277,5	245,378	-1,263	0,206
Частные события настоящего	2064,5	4914,5	2064,5	241,272	-2,168	0,03*
Частные события будущего	2565	5415	2565	243,125	-0,093	0,926
Субъектность	3142	5992	3142	248,232	2,234	0,025*
Объектность	1373	4223	1373	249,25	-4,873	0,000**
Оценочность	1999,5	4849,5	1999,5	237,106	-2,48	0,013*
Констатация	2699	5549	2699	242,32	0,46	0,645

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Глобальные события настоящего	1,265	0,022	-0,305	0,349
Глобальные события будущего	1,571	0,193	-0,135	0,521
Частные события настоящего	1,317	0,25	-0,079	0,578
Частные события будущего	1,526	-0,013	-0,34	0,314

Субъектность	3,791	-0,553	-0,885	-0,219
Объектность	3,891	0,876	0,532	1,217
Оценочность	2,797	0,677	0,34	1,012
Констатация	4,064	-0,232	-0,56	0,097

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$

Различия между возрастaми 24 лет (N=75) и 25 лет (N=64) по методике «Прошлое, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартизованная статистика критерия	Асимптотическая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	2493,5	4573,5	2493,5	226,385	0,413	0,68
Глобальные события будущего	2915	4995	2915	229,07	2,248	0,025*
Частные события настоящего	2314	4394	2314	223,728	-0,384	0,701
Частные события будущего	1963,5	4043,5	1963,5	226,63	-1,926	0,054
Субъектность	2616	4696	2616	235,023	0,919	0,358
Объектность	2499	4579	2499	233,554	0,424	0,672
Оценочность	3266	5346	3266	227,573	3,805	0,000**
Констатация	2402,5	4482,5	2402,5	232,247	0,011	0,991

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^а	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Глобальные события настоящего	1,255	-0,001	-0,335	0,332
Глобальные события будущего	1,441	-0,424	-0,76	-0,086
Частные события настоящего	1,148	-0,054	-0,388	0,279
Частные события будущего	1,468	0,345	0,008	0,68
Субъектность	4,191	-0,208	-0,542	0,127
Объектность	3,794	0,015	-0,319	0,348
Оценочность	1,855	-0,508	-0,846	-0,168
Констатация	3,119	-0,206	-0,54	0,129

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$

Различия между возрастaми 25 лет (N=64) и 26 лет (N=61) по методике «Прошлое, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарти- зованная статистика критерия	Асимптоти- ческая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	2248,5	4139,5	2248,5	194,201	1,527	0,127
Глобальные события будущего	2097,5	3988,5	2097,5	192,368	0,756	0,449
Частные события настоящего	1728,5	3619,5	1728,5	184,857	-1,209	0,227
Частные события будущего	1940,5	3831,5	1940,5	190,206	-0,06	0,952
Субъектность	1936	3827	1936	199,417	-0,08	0,936
Объектность	1911	3802	1911	195,519	-0,21	0,834
Оценочность	1782	3673	1782	196,758	-0,864	0,388
Констатация	1692,5	3583,5	1692,5	198,285	-1,309	0,191

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Различия между возрастaми 26 лет (N=61) и 27 лет (N=80) по методике
«Прошлое, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарти- зованная статистика критерия	Асимптоти- ческая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	2961,5	6201,5	2961,5	228,531	2,282	0,022
Глобальные события будущего	2365,5	5605,5	2365,5	231,469	-0,322	0,748
Частные события настоящего	1917,5	5157,5	1917,5	224,147	-2,331	0,02*
Частные события будущего	2610	5850	2610	227,189	0,748	0,454
Субъектность	2807,5	6047,5	2807,5	238,543	1,541	0,123
Объектность	2197	5437	2197	236,236	-1,029	0,304
Оценочность	2098	5338	2098	230,905	-1,481	0,139
Констатация	2964	6204	2964	235,481	2,225	0,026*

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Глобальные события настоящего	1,25	-0,433	-0,769	-0,095
Глобальные события будущего	1,428	0,156	-0,178	0,489
Частные события настоящего	1,028	0,469	0,131	0,806
Частные события будущего	1,481	-0,231	-0,565	0,104

Субъектность	3,904	-0,26	-0,594	0,075
Объектность	3,488	0,173	-0,161	0,507
Оценочность	1,905	0,122	-0,212	0,455
Констатация	2,402	-0,324	-0,659	0,012

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$ $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$ $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$ $d \geq 0,8$

Различия между возрастaми 27 лет (N=80) и 28 лет (N=73) по методике «Прошлое, настоящее, будущее»

Параметр	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартизованная статистика критерия	Асимптотическая значимость (2-сторонний критерий)
Глобальные события настоящего	3344,5	6045,5	3344,5	262,988	1,614	0,106
Глобальные события будущего	3551	6252	3551	260,908	2,418	0,016*
Частные события настоящего	2660	5361	2660	264,103	-0,984	0,325
Частные события будущего	2594,5	5295,5	2594,5	256,482	-1,269	0,204
Субъектность	3037	5738	3037	271,821	0,43	0,667
Объектность	3004,5	5705,5	3004,5	270,635	0,312	0,755
Оценочность	2769,5	5470,5	2769,5	254,261	-0,592	0,554
Констатация	3030	5731	3030	263,447	0,418	0,676

* Различия значимы на уровне 0,05.

** Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^а	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Глобальные события настоящего	1,226	-0,281	-0,599	0,038
Глобальные события будущего	1,557	-0,341	-0,66	-0,021
Частные события настоящего	1,199	0,141	-0,177	0,458
Частные события будущего	1,581	0,211	-0,107	0,529
Субъектность	4,095	-0,09	-0,407	0,227
Объектность	3,635	0,03	-0,287	0,347
Оценочность	1,951	0,105	-0,213	0,422
Констатация	2,501	-0,066	-0,383	0,252

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$ $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$ $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$ $d \geq 0,8$

Приложение 5. Примеры сочинений на тему «Я через 5 лет»

В приложении представлены оригинальные тексты респондентов, отобранные из общей выборки (N=1538). Сочинения сгруппированы по четырем возрастным периодам: старшее подростничество (14 лет), ранняя юность (15–18 лет), поздняя юность (19–23 года) и ранняя взрослость (24–28 лет). Для каждого возраста приведены примеры, написанные девушками и юношами, что позволяет проследить как возрастную динамику, так и половые различия в представлениях о будущем. Ключевые лексемы, образующие смысловые кластеры (желания, ожидания, возможности, цели, достижения, ценности), выделены полужирным.

Возраст 14 лет (старшее подростничество)

Девушка, 14 лет, учащаяся средней школы: «Через пять лет я **вижжу** себя взрослым человеком, который **хочет** иметь цель в жизни и стремиться к ней. Я **буду** красивой, умной девушкой. Через пять лет я **хочу** накопить много денег и путешествовать по странам мира. В первую очередь я **хочу** посетить Южную Корею, посетить концерт моей любимой группы. **Хочу**, чтобы мой «биас» меня заметил. А также я **хочу** стать «айдолом», но в то же время я **хочу** работать визажистом или мастером маникюра. **Хочу быть** студенткой, жить в общежитии другого города возможно у себя в городе, но тогда **буду** жить с родителями. **Хочу**, наконец, научиться совмещать учебу и тренировки, и чтобы у меня было достаточно друзей которые меня поддержат. Я **буду** все выполнять, чтобы не потерять своё яркое **будущее**».

Юноша, 14 лет, ученик средней школы: «Привет, я из будущего! Через 5 лет я **буду** учиться в университете, буду снимать квартиру. Знакомые и преподаватели характеризуют меня как умного и спокойного человека. Я часто езжу к семье, помогаю бабушке и дедушке. Я **надеюсь**, что не сошел с пути и стал человеком, который чего-то добился. Я **буду** учиться на юриста, чтобы потом помогать людям. Ещё я **хочу** закончить курсы бариста и

подрабатывать в кафе. Я буду уверенным в себе и смелым, буду стараться не прогибаться под других. Хочу, чтобы мои родители мной гордились».

Возраст 15–18 лет (ранняя юность)

Девушка 17 лет, учащаяся средней школы: «Без долгих приветствий, я хочу узнать ты счастлива? Ты уверена, что делаешь все правильно? Уверена, что делаешь то, что считаешь нужным? Хочешь ли и можешь ли все изменить? Я очень надеюсь что ты чего-нибудь стоишь? Что ты с теми людьми, которых ты ценишь и которые ценят тебя? Возможно, у тебя все как в историях из книг – вы готовы жизнь друг за друга? Не хочу утверждать, что главное в жизни – настоящие друзья, но пока не понимаю, что может быть важнее? С кем из моих друзей ты еще общаешься? Ну в любом случае я верю в тебя Д. из будущего, потому что тебе почти всегда достаются классные ребята! Может ты сейчас где-нибудь в Пуэрто-Рико или в Огайо? Может быть, ты все-таки стала журналистом и даже пишешь стихи или книги? И вполне возможно, что у тебя уже неплохо получается? Надеюсь ты, не стала глупее пошлее и не начала курить? Очень надеюсь, что ты остаешься верной себе? Хотя я ведь не знаю, что ты испытала за эти пять лет. Но я уверена, что тебя не так просто сломить. Если честно для тебя у меня нет каких-то особых пожеланий или советов. Просто будь хорошим человеком. И может, ты сможешь повлиять на чью-нибудь жизнь.

Сейчас, мое сейчас! Я не стремлюсь добиваться каких-то высот, но может быть, ты все-таки развила в себе трудолюбие и стала значимым человеком, но значимым в хорошем смысле! Учись, раз тебе это нравится, делай ради того, чтобы делать. Для меня сейчас самое важное это учеба. И надеюсь, через 5 лет это также останется для меня важным приоритетом. Я уже перейду во взрослую жизнь. У меня уже будут цели. Конечно, семья тоже будет очень важна для меня. Для замужества к тому времени думаю рановато, но мы не знаем, что преподнесёт нам судьба. Главное в жизни не только обустроить свою карьеру, но также найти спутника по жизни и обзавестись детьми. Надеюсь, я буду хорошей мамой.»

Юноша, 18 лет, студент колледжа: «Через 5 лет я буду работать в ресторане су-шефом, буду жить в большом городе со своей девушкой, которая меня всегда поддержит. Куплю машину и квартиру, женюсь, сосредоточусь на своей цели и добьюсь успехов, чтобы содержать детей, и чтобы жизнь была не серой массой.

Я хочу, чтобы через пять лет у меня была стабильная работа, любимая рядом и возможность путешествовать. Надеюсь, что всё задуманное сбудется, и я не сверну с намеченного пути».

Возраст 19–23 года (поздняя юность)

Девушка, 21 год, студентка вуза: «Привет, Л.! Сейчас у нас с тобой сложный период в жизни, когда всё вроде бы катится к чертям собачьим, но-но-но... Я уверена, что мы справимся, потому что почему бы и нет.

Через пять лет я вижу нас счастливым творческим человеком, который принадлежит сам себе и может свободно высказывать свои мысли и делиться идеями с единомышленниками. Мы много путешествуем по разным странам, потому что саморазвитие – это наш приоритет. У нас есть любимая работа, которая приносит удовольствие и деньги (ну это прям желательно, потому что надо, что-то есть и на что-то, покупать билеты на самолёт). Нас будут окружать самые разные люди, готовые поделиться своим опытом, идеями, планами, позитивные (потому что отбывать срок в Таганроге – такое себе).

Я очень верю в то, что через 5 лет мы наконец-то поверим в себя и найдём свой уникальный талант.

Я очень надеюсь, что ты не обманула мои ожидания, стремления и намерения. Надеюсь, ты ни о чём не жалеешь, точнее не сделала ничего такого, о чём стоило бы жалеть. Ты же не забыла о том, что наша цель – заботиться о маме и со временем уменьшать и брать на себя все её заботы. У тебя семья. Интересно, какой у нас дом или квартира? В общем, думаю, за пять лет ты достигла гармонии с собой и нашла свою истину.

Сейчас мы заканчиваем университет, работаем, но пока что не по специальности – это пока. Как только закончим институт на красный диплом, устроимся на ту самую работу, о которой мы мечтаем. Еще мы очень хотим найти возможность сдать на права, и мы это сделаем сразу после окончания института».

Юноша, 23 года, студент магистратуры: «Ну здравствуй, дорогой, надеюсь, жив-здоров. Как там поживает наш пес, которого заведу через пару лет? В прошлом году понял, что машин должно быть две: одна на каждый день, а другая, которая приносит одни эмоции – конечно, положительные. Это олдскул – тройка БМВ или не олдскул – цешка мерс в темно-коричневом перламутре, V8 наверное.

А квартиру в Красе купил, как и планировал, на 3-м этаже в спальном районе. Хотя я тебя знаю – скорее всего, ты взял двухэтажный дом на 4 комнаты в Сочи, хотя оно и не надо было, тебе самому не вылезти из своих командировок по Востоку.

Семью хоть заведи – хотя бы для приличия. К тому времени я закончу ординатуру, буду работать в хорошей стоматологической клинике. Хочу, чтобы работа приносила удовольствие, принимать пациентов, знакомиться с людьми. По выходным стабильно выезжать загород. Если появится возможность, начну преподавать.

В общем, через пять лет вижу себя состоявшимся специалистом, с семьей, своим углом и двумя парами колёс для души. Надеюсь, так и будет».

Возраст 24–28 лет (ранняя взрослость)

Девушка, 27 лет, студентка магистратуры: «Какой я буду через 5 лет? Никогда не задавалась этим вопросом, как бы глупо это ни звучало, пока у меня не появилась семья. Вышла замуж, родилась доченька – и тут в моей голове возник вопрос: а что дальше? Вот я добилась того, чего хотела больше всего на свете, и что всё? Нет, я хочу развиваться дальше!

Через 5 лет я хотела бы видеть себя уже на другом месте работы – я дизайнер. Я хочу зарабатывать то количество средств, которых бы хватало

на мои желания и желания моей семьи. Через 5 лет мы с мужем планируем построить собственный дом, родить второго ребёнка. В общем, через 5 лет я вижу себя достаточно успешной женщиной в карьере, а также замечательной мамой и хорошей женой. Женщиной, умеющей балансировать между различными жизненными задачами. Красивой, стройной, здоровой и, что очень важно, любящей и любимой.

Думаю, если настроить себя правильно и действовать – стремиться к своим целям, непременно у тебя будет всё, что только ты захочешь. Через 5 лет я создаю коллекцию детской одежды, как повседневный вариант, так и на праздничные мероприятия. У меня здорово получается – я вне конкуренции. Я участвую в различных выставках, представляю на них не только красивые детские вечерние наряды, но и аксессуары к ним. Также не обходятся без внимания мамы – для них я создаю красивую бижутерию: серьги, кулоны, браслеты. Я мастер по выполнению декупажа на различных материалах: коже, ткани».

Юноша, 28 лет, трудоустроен: «Через пять лет я военный пенсионер, у которого собственный дом с мастерской, большая семья, много свободного времени для реализации своих увлечений – путешествия, мотоцикл, туризм и пр. Возможно, я подрабатываю по специальности, преподаю в техникуме – в своё удовольствие. Моя работа, как увлечение – приносит ощущение успеха и развития. Семья и близкие люди поддерживают в любой ситуации. Хочу верить, что несмотря ни на что, мы сможем сохранить человеческое достоинство и помочь друг другу.

Цель – к этому времени полностью закрыть ипотеку, поставить детей на ноги и наслаждаться жизнью. Я знаю, что это реально, если работать и не жалеть сил. Надеюсь, так и будет».

Примечание: во всех сочинениях сохранена авторская орфография, пунктуация и стиль.

**Приложение 6. Описательные статистики по второму этапу
исследования**

Общие данные по всей выборке

N=156	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Асимметрия	Экцентрис	Диапазон	Минимум	Максимум
Пол	1,5	0,04	1,5	1 ^a	0,502	0,252	0	-2,026	1	1	2
Возраст	18,68	0,335	18	14	4,184	17,51	0,547	-0,924	14	14	28
Занятость	2,43	0,107	2	1	1,34	1,795	0,332	-1,286	4	1	5
Причинные позитивные	46,94	2,486	44	21	31,044	963,751	1,588	5,123	211	0	211
Целевые позитивные	60,12	2,969	58	72	37,08	1374,895	1,178	2,939	221	0	221
Причинные негативные	6,28	0,959	1	0	11,978	143,468	3,366	13,622	76	0	76
Целевые негативные	7,54	1,46	2,5	0	18,239	332,662	6,649	57,851	184	0	184
Всего причинных	53,46	2,752	50,5	54	34,378	1181,837	1,229	2,584	211	0	211
Всего целевых	68,16	3,58	61	25 ^a	44,715	1999,464	1,326	2,659	249	0	249
Всего реализованных	60,51	4,563	43	11	56,992	3248,032	1,484	2,286	299	0	299
Всего актуальных	35,37	2,672	27	0	33,37	1113,59	1,524	3,507	196	0	196
Всего потенциальных	25,74	2,521	15	0	31,493	991,779	1,681	3,445	180	0	180
Реализованность – прошлое	48,65759	2,563505	41,41239	100	32,01816	1025,163	0,275	-1,168	100	0	100
Актуальность – настоящее	28,04874	1,386293	29,45058	0	17,3148	299,802	-0,181	-0,784	65,51724	0	65,51724

Потенциальность – будущее	22,65 264	1,8999 1	16,50 123	0	23,7298 7	563,107	1,133	0,754	100	0	100
Ожидаемая продолжительность жизни	84,46	1,56	85	80 ^a	19,482	379,54	-0,33 7	3,281	125	25	150
Психологический возраст	40,19 32	2,1580 9	36,45 57	0	26,9545 4	726,547	0,411	-0,704	100	0	100
Коэффициент взрослости	221,3 311	12,226 64	200,0 593	0	152,710 6	23320,54	0,565	-0,092	714,2 857	0	714,2 857
Насыщенность прошлое	48,65 759	2,5635 05	41,41 239	100	32,0181 6	1025,163	0,275	-1,168	100	0	100
Насыщенность настоящее	28,04 874	1,3862 93	29,45 058	0	17,3148	299,802	-0,18 1	-0,784	65,51 724	0	65,51 724
Насыщенность будущее	22,65 264	1,8999 1	16,50 123	0	23,7298 7	563,107	1,133	0,754	100	0	100
Целеустремленность прошлое	57,93 378	7,5223 98	24,55	0	93,9547 2	8827,489	3,819	20,567	746,8 5	0	746,8 5
Целеустремленность настоящее	35,02 295	4,9470 85	13,66	0	61,7890 7	3817,889	4,099	22,07	457,5 6	0	457,5 6
Целеустремленность будущее	17,06 833	2,2902 16	4,595	0	28,6047 9	818,234	3,646	19,846	226,1 6	0	226,1 6
Уверенность	71,51 074	1,4602 99	74,99 769	90	18,2391 3	332,666	-0,98 6	0,941	91,90 476	8,09 523 8	100
Удовлетворенность	19,92 456	0,8281 74	20	13,3 333 3	10,3438 9	106,996	0,485	-0,249	46,66 667	0	46,66 667
Эмоциональность	27,10 576	0,9006 84	26,66 667	20	11,2495 4	126,552	0,129	-0,115	60	0	60
Субъективный возраст прошлое	39,17 721	2,0485 43	33,41 772	80	25,5041 5	650,462	0,274	-1,171	80	0	80
Субъективный возраст настоящее	22,58 376	1,1066 62	23,82 979	0	13,7778 3	189,829	-0,18 8	-0,759	52,41 379	0	52,41 379
Субъективный возраст будущее	18,23 903	1,5252 33	13,23 741	0	18,989	360,582	1,126	0,741	80	0	80
Продуманность выбора	10,39	0,61	12,5	18	7,622	58,098	-1,48 4	1,956	36	-17	19
Самостоятельность выбора	8,01	0,323	9	12	4,033	16,264	-1,41 9	2,131	19	-6	13

Эмоциональная окраска выбора	7,09	0,563	7	6	7,029	49,411	-0,508	0,578	37	-18	19
Удовлетворенность выбором	8,84	0,776	11	14	9,696	94,019	-0,593	-0,259	46	-24	22
Шкала самовыражения	39,15	0,582	41	41 ^a	7,273	52,892	-1,316	2,129	36	14	50
Шкала автономии	38,61	0,521	39	38 ^a	6,507	42,343	-0,636	0,847	37	13	50

Описательные статистики по группе старшего подростничества (14 лет)

N=38	Среднее	Стандартная отклонения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Асимметрия	Эксцесс	Диапазон	Минимум	Максимум
Пол	1,47	0,082	1	1	0,506	0,256	0,11	-2,102	1	1	2
Возраст	1	0,000	1	1	0	0			0	1	1
Занятость	1	0,000	1	1	0	0			0	1	1
Успеваемость	4,2947	0,08590	4,18	4	0,52952	0,28	-0,545	0,044	2	3	5
Причинные позитивные	53,47	6,066	52	1	37,395	1398,418	0,636	0,508	146	1	147
Целевые позитивные	62,37	5,3113	69	71 ^a	32,738	1071,807	-0,07	-0,23	130	0	130
Причинные негативные	4,53	0,950	2	0	5,857	34,31	1,414	1,486	21	0	21
Целевые негативные	3,74	0,608	3	0	3,747	14,037	1,012	0,235	12	0	12
Всего причинных	58,05	6,219	54	54	38,338	1469,781	0,66	0,536	150	1	151
Всего целевых	68,05	5,990	72	54	36,927	1363,619	0,414	0,21	146	8	154
Всего реализованных	45,79	6,464	33	13 ^a	39,846	1587,738	1,335	1,806	161	0	161
Всего актуальных	44,37	5,331	42	0	32,865	1080,131	0,436	-0,794	105	0	105
Всего потенциальных	35,95	4,741	36	0 ^a	29,223	853,997	0,484	-1,064	88	0	88
Реализованность – прошлое	37,39073053	4,552354140657721	33,99014778	100	28,06259561	787,509	1,016	0,519	100	0	100
Актуальность – настоящее	31,69970388	2,755919539423980	37,36654804	0	16,988629	288,614	-0,689	-0,354	55,10204082	0	55,10204082

Потенциальность – будущее	30,909 56559	4,029164 32106128 4	27,800 82988	0	24,837 43696	616,898	1,132	1,422	100	0	100
Ожидаемая продолжительность жизни	90,79	3,610	90	100	22,255	495,306	-0,239	3,731	120	30	150
Психологический возраст	33,908 26252	3,816080 58728512 1	32,842 10526	,00 000 000 000 0 ^a	23,523 90061	553,374	0,958	1,504	100	0	100
Коэффициент взрослости	242,20 18751	27,25771 84806080 06	234,58 64662	,00 000 000 000 0 ^a	168,02 78615	28233,3 62	0,958	1,504	714,2 8571 43	0	714,2 8571 43
Насыщенность прошлое	37,390 73053	4,552354 14065772 0	33,990 14778	,00 000 000 000 0 ^a	28,062 59561	787,509	1,016	0,519	100	0	100
Насыщенность настоящее	31,699 70388	2,755919 53942398 0	37,366 54804	0	16,988 629	288,614	-0,689	-0,354	55,10 2040 82	0	55,10 2040 82
Насыщенность будущее	30,909 56559	4,029164 32106128 4	27,800 82988	0	24,837 43696	616,898	1,132	1,422	100	0	100
Целеустремленность прошлое	39,492 63158	7,253736 19023509 8	21,85	,00 000 000 000 0 ^a	44,715 03294	1999,43 4	1,392	0,803	148,9 3	0	148,9 3
Целеустремленность настоящее	39,887 36842	7,567398 00823956 8	23,75	0	46,648 57425	2176,08 9	1,571	1,975	174,2 2	0	174,2 2
Целеустремленность будущее	23,826 84211	4,027084 76186798 1	19,53	0	24,824 6177	616,262	1,526	2,637	98,67	0	98,67
Уверенность	74,304 17392	2,052276 32799591 8	75,862 06897	49, 264 705 882 352 940 a	12,651 08093	160,05	-0,135	-0,828	45,85 7245 34	49,2 647 058 8	95,12 1951 22
Удовлетворенность	21,876 49852	2,036061 73820647 6	21,052 63158	13, 333 333 33	12,551 12749	157,531	0,381	-1,101	38,98 8095 24	4,76 190 476 2	43,75

Причинные позитивные	42,98	3,263	39,5	35 ^a	22,60 8	511,1 27	0,568	0,306	102	0	102
Целевые позитивные	61,33	4,662	59,5	24 ^a	32,29 8	1043, 163	0,761	0,504	153	0	153
Причинные негативные	8,69	2,2	2	0	15,24	232,2 62	2,529	6,349	67	0	67
Целевые негативные	12,6	4,087	5,5	0	28,31 7	801,8 61	5,108	29,70 5	184	0	184
Всего причинных	52,33	4,32	49,5	23 ^a	29,93 3	895,9 72	0,804	0,587	136	0	136
Всего целевых	74,13	6,525	66	32 ^a	45,21	2043, 941	1,506	3,318	243	0	243
Всего реализованных	67,44	8,425	51,5	24	58,36 9	3406, 975	0,718	-0,51 2	204	0	204
Всего актуальных	33,48	4,811	25	0	33,33 1	1110, 978	1,65	3,636	161	0	161
Всего потенциальных	25,54	4,877	7	0	33,79 2	1141, 913	1,422	1,143	124	0	124
Реализованность – прошлое	51,21035 716	5,088087 891	54,91 7328 04	100	35,25 1306 96	1242, 655	0,023	-1,47 7	100	0	100
Актуальность – настоящее	25,59434 543	2,634327 758	26,29 9376 3	0	18,25 1158 08	333,1 05	0,224	-0,65 9	65,51 7241 38	0	65,51 7241 38
Потенциальность – будущее	21,11196 408	3,732271 972	6,707 9799 96	0	25,85 7938 73	668,6 33	1,111	-0,02 3	81,42 8571 43	0	81,42 8571 43
Ожидаемая продолжительность жизни	86,04	2,526	85	80	17,50 3	306,3 39	0,76	3,4	105	45	150
Психологический возраст	40,45670 535	3,945467 248	41,37 0967 74	,0000 0000 0000 000 ^a	27,33 4998 93	747,2 02	-0,02 8	-1,41 5	85,87 7862 6	0	85,87 7862 6
Коэффициент взрослости	243,3404 488	23,68680 941	248,4 2647 71	0	164,1 0702 94	2693 1,117	-0,01 3	-1,35 7	536,7 3664 12	0	536,7 3664 12
Насыщенность прошлое	51,21035 716	5,088087 891	54,91 7328 04	100	35,25 1306 96	1242, 655	0,023	-1,47 7	100	0	100
Насыщенность настоящее	25,59434 543	2,634327 758	26,29 9376 3	0	18,25 1158 08	333,1 05	0,224	-0,65 9	65,51 7241 38	0	65,51 7241 38
Насыщенность будущее	21,11196 408	3,732271 972	6,707 9799 96	0	25,85 7938 73	668,6 33	1,111	-0,02 3	81,42 8571 43	0	81,42 8571 43

Целеустремленность прошлое	63,75791 667	11,97416 262	25,38	1,160 0000 0000 0000 ^a	82,95 9432 15	6882, 267	1,938	3,642	342,2 4	0	342,2 4
Целеустремленность настоящее	37,58791 667	10,73022 423	13,93	0	74,34 1174 18	5526, 61	4,289	22,06 8	457,5 6	0	457,5 6
Целеустремленность будущее	16,92145 833	4,126097 264	4,595	0	28,58 6440 39	817,1 85	2,477	6,511	131,0 8	0	131,0 8
Уверенность	68,19500 906	2,682582 171	68,06 5799 69	86,73 4693 8775 5102 0 ^a	18,58 5474 46	345,4 2	-0,56	0,391	83,83 8383 84	16,16 1616 16	100
Удовлетворенность	20,61301 257	1,569885 746	20	13,33 3333 33	10,87 6487 49	118,2 98	0,483	-0,10 3	46,66 6666 67	0	46,66 6666 67
Эмоциональность	26,97958 003	1,691524 245	26,66 6666 67	20	11,71 9223 74	137,3 4	0,347	0,315	60	0	60
Субъективный возраст прошлое	41,83995 138	4,061560 32	44,86 7724 87	80	27,84 4654 69	775,3 25	-0,00 2	-1,47	77,41 9354 84	2,580 6451 61	80
Субъективный возраст настоящее	20,91112 478	2,106290 552	21,53 8461 54	0	14,44 0000 51	208,5 14	0,207	-0,61 7	52,41 3793 1	0	52,41 3793 1
Субъективный возраст будущее	17,24892 384	3,027865 771	6,349 2063 49	0	20,75 8001 9	430,8 95	1,082	-0,08 9	65,14 2857 14	0	65,14 2857 14
Продуманность выбора	10,81	1,068	13	18	7,402	54,79 4	-1,60 5	3,141	36	-17	19
Эмоциональная окраска выбора	5,96	0,977	6	6	6,766	45,78 5	-0,4	0,387	32	-14	18
Самостоятельность выбора	7,98	0,504	9	9 ^a	3,492	12,19 1	-0,65 8	-0,58 4	13	0	13
Удовлетворенность выбором	8,56	1,238	10	10 ^a	8,58	73,61 3	-0,47 8	-0,61 1	31	-10	21
Шкала автономии	38,13	0,974	38,5	38	6,747	45,51 6	-0,59 5	-0,25 3	29	20	49
Шкала самовыражения	39,38	0,891	41	34 ^a	6,173	38,11 2	-0,69 7	-0,21 2	25	23	48

Описательные статистики по группе поздней юности (19–23 год)

N=38	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартное отклонение	Дисперсия	Асимметрия	Экцентрис	Диапазон	Минимум	Максимум
------	---------	--------------------------------------	---------	------	------------------------	-----------	------------	-----------	----------	---------	----------

Пол	1,5	0,082	1,5	1 ^a	0,507	0,257	0	-2,11 4	1	1	2
Возраст	3	0	3	3	0	0			0	3	3
Занятость	3,18	0,145	3	4	0,896	0,803	-0,14 5	-1,30 7	3	2	5
Успеваемость	4,582 6	0,0769	4,81	5	0,47402	0,225	-0,85 3	-0,67 6	1,5	3,5	5
Причинные позитивные	52,76	6,18	49,5	14 ^a	38,094	1451, 159	2,174	7,251	198	13	211
Целевые позитивные	69,55	7,943	69	71 ^a	48,964	2397, 443	1,472	2,742	217	4	221
Причинные негативные	8,82	2,429	2,5	0	14,975	224,2 62	2,889	10,44 3	76	0	76
Целевые негативные	10,05	2,667	2	0	16,44	270,2 67	1,99	3,157	64	0	64
Всего причинных	61,68	6,612	56,5	61	40,76	1661, 357	1,519	3,592	198	13	211
Всего целевых	79,61	9,024	73,5	40 ^a	55,63	3094, 678	1,184	1,407	240	9	249
Всего реализованных	75,95	12,243	47,5	7 ^a	75,468	5695, 403	1,446	1,366	294	5	299
Всего актуальных	39,03	6,465	27	0	39,855	1588, 405	1,895	5,198	196	0	196
Всего потенциальных	26,32	6,168	9,5	0	38,024	1445, 789	2,219	6,141	180	0	180
Реализованность – прошлое	52,71 2056 4	5,295758 17	56,76 0027 7	100	32,64524 58	1065, 712	0,079	-1,52	94,53 125	5,46 875	100
Актуальность –настоящее	27,91 0005	2,877656 16	27,76 6798 4	0	17,73906 39	314,6 74	-0,03 3	-0,96 2	60,60 6060 6	0	60,6 060 606
Потенциальность – будущее	19,37 7938 6	3,432321 01	12,52 5546 5	0	21,15824 77	447,6 71	0,916	-0,21	70,37 0370 4	0	70,3 703 704
Ожидаемая продолжительност ь жизни	82,24	3,085	85	100	19,02	361,7 53	-1,57 2	2,399	75	25	100
Психологический возраст	43,16 2883 7	4,862194 08	39,20 3260 9	,0000 0000 0000 000 ^a	29,97257 73	898,3 55	0,275	-1,27 8	100	0	100

Коэффициент взрослости	212,1 5531 6	24,33336 73	201,6 3472 5	,0000 0000 0000 000 ^a	150,0009 5	2250 0,285	0,391	-1,00 3	526,3 1578 9	0	526, 315 789
Насыщенность прошлое	52,71 2056 4	5,295758 17	56,76 0027 7	100	32,64524 58	1065, 712	0,079	-1,52	94,53 125	5,46 875	100
Насыщенность настоящее	27,91 0005	2,877656 16	27,76 6798 4	0	17,73906 39	314,6 74	-0,03 3	-0,96 2	60,60 6060 6	0	60,6 060 606
Насыщенность будущее	19,37 7938 6	3,432321 01	12,52 5546 5	0	21,15824 77	447,6 71	0,916	-0,21	70,37 0370 4	0	70,3 703 704
Целеустремленнос ть прошлое	91,66 0263 2	24,54068 73	27,27	,4200 0000 0000 000 ^a	151,2789 56	2288 5,323	2,834	9,313	746,4 3	0,42	746, 85
Целеустремленнос ть настоящее	43,99 4736 8	12,52392 48	11,64	0	77,20265 73	5960, 25	3,381	13,63 2	409,3 4	0	409, 34
Целеустремленнос ть будущее	18,87 5526 3	6,269526 39	3,675	0	38,64795 63	1493, 665	4,408	23,13 4	226,1 6	0	226, 16
Уверенность	65,38 1206 8	3,529894 64	71,56 8439 6	50	21,75973 19	473,4 86	-0,80 1	0,191	90,68 5249 7	8,09 523 81	98,7 804 878
Удовлетворенност ь	18,22 3684 2	1,473322 2	17,70 8333 3	13,33 3333 3	9,082167 98	82,48 6	0,234	-0,43 8	40	0	40
Эмоциональность	25,74 5614	1,926734	26,66 6666 7	26,66 6666 7	11,87718 6	141,0 68	0,403	-0,14 3	53,33 3333 3	0	53,3 333 333
Субъективный возраст настоящее	22,32 8004	2,302124 93	22,21 3438 7	0	14,19125 12	201,3 92	-0,03 3	-0,96 2	48,48 4848 5	0	48,4 848 485
Субъективный возраст прошлое	42,16 9645 1	4,236606 53	45,40 8022 1	80	26,11619 66	682,0 56	0,079	-1,52	75,62 5	4,37 5	80
Субъективный возраст будущее	15,50 2350 9	2,745856 81	10,02 0437 2	0	16,92659 82	286,5 1	0,916	-0,21	56,29 6296 3	0	56,2 962 963
Продуманность выбора	9,84	1,288	12	15	7,941	63,05 5	-1,24 6	0,871	29	-10	19
Эмоциональная окраска выбора	8,68	1,432	10	18	8,829	77,95 2	-1,08 3	1,103	37	-18	19
Самостоятельност ь выбора	7,32	0,79	8	12	4,872	23,73 5	-1,36 6	1,227	18	-6	12
Удовлетворенност ь выбором	10,16	1,799	13	1	11,088	122,9 47	-1,21 2	1,225	46	-24	22
Шкала самовыражения	39,37	1,293	41,5	44	7,971	63,53 6	-1,19 1	1,615	35	15	50

Шкала автономии	38,92	1,257	39	41	7,751	60,07 5	-1,17 8	2,411	37	13	50
-----------------	-------	-------	----	----	-------	------------	------------	-------	----	----	----

Описательные статистики по группе ранней взрослости (24–28 лет)

N=32	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Асимметрия	Экцентрис	Диапазон	Минимум	Максимум
Пол	1,44	0,089	1	1	0,504	0,254	0,265	-2,06 3	1	1	2
Возраст	4	0	4	4	0	0			0	4	4
Занятость	3,94	0,134	4	4	0,759	0,577	0,107	-1,20 3	2	3	5
Успеваемость	4,727 5	0,0770 1	5	5	0,435 63	0,19	-1,09 7	-0,74 5	1	4	5
Причинные позитивные	38,19	3,731	33	21	21,10 6	445,4 48	1,082	0,746	78	14	92
Целевые позитивные	44,44	4,94	28,5	21 ^a	27,94 2	780,7 7	0,537	-1,35 6	82	12	94
Причинные негативные	1,75	0,679	0	0	3,844	14,77 4	2,836	7,858	15	0	15
Целевые негативные	1,5	0,412	0	0	2,328	5,419	1,473	0,742	7	0	7
Всего причинных	39,94	4,008	33	21 ^a	22,67 4	514,1 25	0,993	0,497	83	14	97
Всего целевых	45,75	5,133	29	25	29,03 7	843,1 61	0,583	-1,31 5	87	12	99
Всего реализованных	49,25	7,113	39,5	11 ^a	40,23 7	1619, 032	1,089	0,752	152	0	152
Всего актуальных	23,19	3,641	18,5	0	20,59 5	424,1 57	0,973	0,425	74	0	74
Всего потенциальных	13,25	2,459	7,5	0	13,91	193,4 84	1,042	0,341	47	0	47
Реализованность – прошлое	53,39 3149 92	5,0648 4056	48,805 21829	100	28,65 1064 85	820,8 84	0,288	-0,54 5	100	0	100
Актуальность – настоящее	27,55 9568 63	2,7838 2657	30,673 54369	0	15,74 7701 16	247,9 9	-0,58 7	-0,25 5	52,48 2269 5	0	52,48 2269 5
Потенциальность – будущее	19,04 7281 44	3,6114 97272	15,032 37743	0	20,42 9713 69	417,3 73	1,629	3,263	80	0	80

Психологический возраст	43,73 4811 37	4,6599 54424	40,260 77098	,0000 0000 0000 000 ^a	26,36 0682 99	694,8 86	0,755	0,075	100	0	100
Ожидаемая продолжительность жизни	77,19	3,045	80	80	17,22 4	296,6 73	-1,46 8	4,114	80	25	105
Коэффициент взрослости	174,4 2915 64	19,007 07963	158,05 16309	,0000 0000 0000 00 ^a	107,5 2027 92	1156 0,61	0,879	0,421	416,6 6666 67	0	416,6 6666 67
Насыщенность прошлое	53,39 3149 92	5,0648 4056	48,805 21829	100	28,65 1064 85	820,8 84	0,288	-0,54 5	100	0	100
Насыщенность настоящее	27,55 9568 63	2,7838 2657	30,673 54369	0	15,74 7701 16	247,9 9	-0,58 7	-0,25 5	52,48 2269 5	0	52,48 2269 5
Насыщенность будущее	19,04 7281 44	3,6114 97272	15,032 37743	0	20,42 9713 69	417,3 73	1,629	3,263	80	0	80
Целеустремленность прошлое	31,04 625	6,5952 25022	11,55	,0000 0000 0000 000 ^a	37,30 8226 69	1391, 904	1,43	1,087	124,6 4	0	124,6 4
Целеустремленность настоящее	14,74 5	3,6952 38654	4,895	0	20,90 3426 48	436,9 53	1,562	1,414	70,5	0	70,5
Целеустремленность будущее	7,116 9	2,3161	1,88	0	13,10 183	171,6 58	2,275	4,105	46,23	0	46,23
Уверенность	80,44 5972 25	2,6717 00234	84,207 40389	90	15,11 3418 82	228,4 15	-2,22 5	5,593	62,45 4611 47	31,37 2549 02	93,82 7160 49
Удовлетворенность	18,59 375	1,3506 40311	20	20	7,640 3753 85	58,37 5	-0,09 1	-0,50 6	26,66 6666 67	6,666 6666 67	33,33 3333 33
Эмоциональность	27,23 9583 33	1,4301 8999	31,25	33,33 3333 33	8,090 3763 24	65,45 4	-1,35 7	0,93	26,66 6666 67	6,666 6666 67	33,33 3333 33
Субъективный возраст прошлое	42,71 4519 94	4,0518 72448	39,044 17463	80	22,92 0851 88	525,3 65	0,288	-0,54 5	80	0	80
Субъективный возраст настоящее	22,04 7654 91	2,2270 61256	24,538 83495	0	12,59 8160 93	158,7 14	-0,58 7	-0,25 5	41,98 5815 6	0	41,98 5815 6
Субъективный возраст будущее	15,23 7825 15	2,8891 97817	12,025 90194	0	16,34 3770 95	267,1 19	1,629	3,263	64	0	64
Продуманность выбора	11,94	1,194	14	13 ^a	6,753	45,60 9	-1,39	1,256	24	-6	18
Эмоциональная окраска выбора	7,88	0,895	6,5	4 ^a	5,066	25,66 1	1,018	0,003	17	1	18
Самостоятельность в выборе	8,81	0,765	10	8	4,329	18,73 8	-2,63 3	7,55	18	-6	12

Удовлетворенность выбором	8,69	1,605	10	14 ^a	9,078	82,415	-0,043	-1,662	24	-4	20
Шкала автономии	38	0,944	39	34 ^a	5,34	28,516	0,019	-1,019	16	30	46
Шкала самовыражения	39,13	1,374	42	35 ^a	7,77	60,371	-1,474	2,306	30	17	47

Описательные статистики по группе юношей

N=78	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Асимметрия	Экцентрис	Диапазон	Минимум	Максимум
Пол	1	0	1	1	0	0			0	1	1
Возраст	19,05	0,509	18	14	4,498	20,231	0,52	-0,987	14	14	28
Занятость	2,53	0,16	2	1	1,412	1,993	0,302	-1,35	4	1	5
Успеваемость	4,4385	0,06342	4,53	5	0,56008	0,314	-0,651	-0,386	2	3	5
Причинные позитивные	42,91	3,538	42,5	52	31,244	976,187	2,204	10,004	211	0	211
Целевые позитивные	55,05	4,062	53	71	35,877	1287,192	1,348	4,108	211	0	211
Причинные негативные	5,94	1,277	1	0	11,281	127,256	3,81	19,525	76	0	76
Целевые негативные	6,69	1,325	3	0	11,704	136,995	3,518	14,074	70	0	70
Всего причинных	49,38	3,779	50,5	57	33,376	1113,98	1,73	6,371	211	0	211
Всего целевых	62,64	4,713	57,5	47 ^a	41,621	1732,311	1,161	1,68	211	0	211
Всего реализованных	51,22	5,439	41	0	48,034	2307,264	1,565	2,993	244	0	244
Всего актуальных	35,31	3,846	28	0	33,966	1153,67	1,778	5,432	196	0	196
Всего потенциальных	25,5	3,603	15	0	31,819	1012,435	2,178	6,814	180	0	180
Реализованность – прошлое	45,8134044	3,81079413	35,2415576	100	33,6560224	1132,728	0,431	-1,186	100	0	100

Актуальность – настоящее	28,90 5978 2	2,1507 9553	31,61 7647 1	0	18,99531 18	360,82 2	-0,19	-1,00 3	65,51 7241 4	0	65,5 172 414
Потенциальность – будущее	23,99 8566 2	2,8061 5112	17,23 1568 5	0	24,78325 56	614,21	1,131	0,935	100	0	100
Психологический возраст	83,78	2,799	85	100	24,722	611,16	-0,24	1,759	125	25	150
Ожидаемая продолжительност ь жизни	37,82 5120 2	3,2531 8198	32,84 2105 3	0	28,73132 53	825,48 9	0,607	-0,63 2	100	0	100
Коэффициент взрослости	205,6 3406 3	18,632 5187	158,2 8547 8	0	164,5579 49	27079, 319	0,927	0,626	714,2 8571 4	0	714, 285 714
Насыщенность прошлое	45,81 3404 4	3,8107 9413	35,24 1557 6	100	33,65602 24	1132,7 28	0,431	-1,18 6	100	0	100
Насыщенность настоящее	28,90 5978 2	2,1507 9553	31,61 7647 1	0	18,99531 18	360,82 2	-0,19	-1,00 3	65,51 7241 4	0	65,5 172 414
Насыщенность будущее	23,99 8566 2	2,8061 5112	17,23 1568 5	0	24,78325 56	614,21	1,131	0,935	100	0	100
Целеустремленнос ть прошлое	43,50 8076 9	7,6404 7403	15,64 5	0	67,47883 95	4553,3 94	3,283	14,17 4	429,3 5	0	429, 35
Целеустремленнос ть настоящее	32,53 7051 3	6,5742 9738	12,63	0	58,06262 23	3371,2 68	4,215	23,26 8	409,3 4	0	409, 34
Целеустремленнос ть будущее	16,79 7179 5	3,6142 7426	4,29	0	31,92040 6	1018,9 12	4,274	24,28	226,1 6	0	226, 16
Уверенность	72,97 3971 9	2,1506 0333	75,72 9255 2	31,3 725 490 196 078 40 ^a	18,99361 43	360,75 7	-1,258	1,612	91,90 4761 9	8,09 523 81	100
Удовлетворенност ь	19,39 2551 9	1,3054 9718	16,51 7857 1	13,3 333 333	11,52983 89	132,93 7	0,497	-0,67 6	46,66 6666 7	0	46,6 666 667
Эмоциональность	27,68 0097 7	1,4389 7244	26,66 6666 7	20	12,70866 05	161,51	0,156	-0,29 5	60	0	60
Субъективный возраст прошлое	37,12 6706 9	3,0506 128	28,20 1438 8	80	26,76901 87	716,58	0,425	-1,19 8	80	0	80
Субъективный возраст настоящее	23,42 5104 4	1,7163 7211	25,29 4117 6	0	15,06110 42	226,83 7	-0,21	-0,96 1	52,41 3793 1	0	52,4 137 931
Субъективный возраст будущее	19,44 8188 7	2,2601 9654	13,95 3488 4	0	19,83314 41	393,35 4	1,119	0,913	80	0	80
Продуманность выбора	9,72	0,929	12	18	8,208	67,374	-1,143	0,775	31	-12	19

Эмоциональная окраска выбора	8,94	0,641	8,5	6	5,665	32,087	-0,142	-0,58 3	26	-7	19
Самостоятельность выбора	8,46	0,445	9	12	3,927	15,421	-2,026	5,191	19	-6	13
Удовлетворенность выбором	11,08	0,946	14	14	8,352	69,76	-0,617	-0,60 8	30	-8	22
Шкала автономии	39,49	0,655	39	39	5,788	33,5	-0,49	0,425	29	21	50
Шкала самовыражения	40,95	0,626	42	42	5,529	30,569	-0,89	-0,15 9	20	28	48

Описательные статистики по группе девушек

N=78	Среднее	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Стандартная отклонения	Дисперсия	Асимметрия	Экцентрис	Диапазон	Минимум	Максимум
Пол	2	0	2	2	0	0			0	2	2
Возраст	18,31	0,435	18	14	3,839	14,735	0,496	-1,11 4	12	14	26
Занятость	2,33	0,143	2	1	1,266	1,602	0,327	-1,31 2	4	1	5
Успеваемость	4,503 6	0,0501	4,615	4	0,4425 1	0,196	-0,201	-1,59 2	1,4	3,6	5
Причинные позитивные	50,96	3,455	45	21 ^a	30,512	930,99 9	1,064	1,298	140	7	147
Целевые позитивные	65,19	4,279	62,5	26	37,794	1428,3 65	1,076	2,465	209	12	221
Причинные негативные	6,63	1,438	1	0	12,7	161,30 2	3,071	10,35 6	67	0	67
Целевые негативные	8,4	2,61	1	0	23,047	531,17 8	6,175	44,84 8	184	0	184
Всего причинных	57,54	3,973	50,5	21 ^a	35,091	1231,3 69	0,834	0,146	144	7	151
Всего целевых	73,68	5,348	72	27 ^a	47,232	2230,8 7	1,42	3,136	237	12	249
Всего реализованных	69,79	7,211	52,5	5 ^a	63,688	4056,1 91	1,304	1,471	296	3	299
Всего актуальных	35,44	3,735	26	0	32,984	1087,9 63	1,277	1,668	161	0	161
Всего потенциальных	25,99	3,552	13,5	0	31,367	983,88 3	1,196	0,23	115	0	115
Реализованность – прошлое	51,50 1773 09	3,424127 549	52,04 0816 33	100	30,241 07569	914,52 3	0,14	-1,06 2	96,77 4193 55	3,22 580 645 2	100

Актуальность – настоящее	27,19 1505 35	1,758449 177	27,27 2727 27	0	15,530 20263	241,18 7	-0,247	-0,52 7	60,60 6060 61	0	60,6 060 606 1
Потенциальность – будущее	21,30 6721 56	2,571157 292	16	0	22,707 84635	515,64 6	1,131	0,511	81,42 8571 43	0	81,4 285 714 3
Психологический возраст	42,56 1282 05	2,832230 68	45,10 4166 67	90	25,013 58408	625,67 9	0,223	-0,66 2	100	0	100
Ожидаемая продолжительность жизни	85,13	1,396	87,5	90	12,326	151,93 1	-0,27	0,266	70	50	120
Коэффициент взрослости	237,0 2808 82	15,75673 554	239,3 3693 33	25, 510 204 081 632 654 a	139,15 97203	19365, 428	0,129	-0,96 9	526,3 1578 95	0	526, 315 789 5
Насыщенность прошлое	51,50 1773 09	3,424127 549	52,04 0816 33	100	30,241 07569	914,52 3	0,14	-1,06 2	96,77 4193 55	3,22 580 645 2	100
Насыщенность настоящее	27,19 1505 35	1,758449 177	27,27 2727 27	0	15,530 20263	241,18 7	-0,247	-0,52 7	60,60 6060 61	0	60,6 060 606 1
Насыщенность будущее	21,30 6721 56	2,571157 292	16	0	22,707 84635	515,64 6	1,131	0,511	81,42 8571 43	0	81,4 285 714 3
Целеустремленность прошлое	72,35 9487 18	12,80755 974	34,35	1,2 400 000 000 00 ^a	113,11 33049	12794, 62	3,514	16,57 7	746,4 3	0,42	746, 85
Целеустремленность настоящее	37,50 8846 15	7,426194 49	15,02 5	0	65,586 37388	4301,5 72	4,04	21,91 9	457,5 6	0	457, 56
Целеустремленность будущее	17,33 9487 18	2,837551 814	5,13	0	25,060 57907	628,03 3	2,248	6,451	131,0 8	0	131, 08
Уверенность	70,04 7515 45	1,976000 184	70,94 5840 49	49, 264 705 882 352 940 a	17,451 5611	304,55 7	-0,72	0,449	79,71 4672 5	16,1 616 161 6	95,8 762 886 6
Удовлетворенность	20,45 6570 5	1,024514 461	20	26, 666 666 67	9,0482 66725	81,871	0,564	0,539	41,90 4761 9	4,76 190 476 2	46,6 666 666 7

Эмоциональность	26,53 1424 87	1,089398 883	26,66 6666 67	26, 666 666 67	9,6213 10426	92,57	-0,076	-0,37 6	41,90 4761 9	4,76 190 476 2	46,6 666 666 7
Субъективный возраст прошлое	41,20 1418 47	2,739302 04	41,63 2653 06	80	24,192 86055	585,29 5	0,14	-1,06 2	77,41 9354 84	2,58 064 516 1	80
Субъективный возраст настоящее	21,75 3204 28	1,406759 342	21,81 8181 82	0	12,424 1621	154,36	-0,247	-0,52 7	48,48 4848 48	0	48,4 848 484 8
Субъективный возраст будущее	17,04 5377 25	2,056925 833	12,8	0	18,166 27708	330,01 4	1,131	0,511	65,14 2857 14	0	65,1 428 571 4
Продуманность выбора	11,06	0,79	13	13	6,976	48,658	-1,972	4,278	36	-17	19
Эмоциональная окраска выбора	5,24	0,881	5,5	3 ^a	7,776	60,472	-0,367	0,369	36	-18	18
Самостоятельно сть выбора	7,55	0,465	8	12	4,111	16,9	-0,936	0,258	16	-4	12
Удовлетворенно сть выбором	6,6	1,184	7,5	-1	10,458	109,35 9	-0,411	-0,38 8	46	-24	22
Шкала автономии	37,73	0,802	38	34 ^a	7,083	50,173	-0,611	0,776	37	13	50
Шкала самовыражения	37,36	0,943	39	34	8,329	69,376	-1,155	1,367	36	14	50

Приложение 7. Описание содержания использованных в исследовании фрагментов фильма «Розыгрыш» В. Меньшова (1976г.)

Первый фрагмент (продолжительность 2,5 минуты).

На экране показана дверь в подсобное помещение, на которой табличка с надписью: «Тихо, идет процесс». В помещении полумрак, играет гитара, четверо старшеклассников разговаривают. Среди них новый ученик - Игорь Грушко, ставший лидером музыкального ансамбля.

«Конечно, если считать, что все это мура, то и начинать не стоит. Если действительно петь «де-ду-ла–де-де-ду-ла», значит тратить время на фигню, а времени и так нет.»

«Ух ты. Блеск. Так мы никогда не научимся.»

«Научитесь. Я ее в позапрошлом августе в первый раз в руки взял. А все-таки немного умеете. И вообще не это самое главное. Хорошо играть многие умеют, а вот групп настоящих на одной руке пальцев хватит пересчитать. Потому, что надо что-то свое сказать. Понимаете?»

«А что свое?»

«Да я и сам еще не знаю, я вот только чувствую, что-то такое...»

«А в той школе у вас получалось что-то такое? Свое?»

«Да в том то и дело, что нет. Мы так радовались поначалу, что просто играть научились, что на школьных вечерах выступали. Диск новый достанем – разучим и поем. Даже перевод не всегда знали. Еще, хвалили нас – не хуже чем у других получается. А потом, так мне все это вдруг скучно стало. Как-то ...»

«Все понятно, у вас не было своего творческого почерка»

«Слушайте, ведь это наверное ужасно трудно – чтобы свое? Чтобы люди захотели нас слушать – мы должны знать больше, чем они? Мы сами должны быть очень интересными людьми, правильно?»

«Не бойсь, послушай, мы же работать будем, репетировать. Мастерская в нашем распоряжении. Конспирация абсолютная, пока отец соберется туда ...» (показывает ключи)

Стук в дверь.

«Тшшш...»

Завуч: «Открыть немедленно.»

«Черт, завуч.»

«Ладно, открывай, че уж.»

Ребята включают свет, открывают дверь. В помещение заходит завуч.

Завуч: «Процесс, понимаете, у них идет. Какой процесс, а? Курили?»

«Нет.»

Завуч: «Можно верить?»

«Честно. Мы в туалете курим.»

Завуч: «Угу. А что с химией? Смылись?»

«Лабораторная работа. А у нас еще прошлая в тетрадях не переписана.»

Завуч: «Значит прогуливать лучше?»

«Ну с точки зрения теории хуже. Но практика показала, что лучше. В журнале ставится пропуск, и то не всегда. А так два балла – железно.»

Завуч: «Ты мне зубы то не заговаривай. Чем вы здесь занимались, а?»

«Видите ли, вот Игорь Грушко читал нам лекцию о современной музыке.»

Завуч: «Ох, лекторы. Вам бы еще чужие лекции слушать, а не свои читать. А мысли ваши, пока ей богу никому не интересны.»

«Семен Семенович, нам уже скоро по 16 лет. Мы уже не на верхнем уровне детскости, а на нижнем уровне взрослости. Пусть и на нижнем, но взрослости.»

«Вот, Грибоедов в 16 лет университет кончил, пять языков знал, а Вы знаете?»

«А Пушкина старик Державин уже давно заметил и в гроб сходя благословил.»

«Да все, которые что-нибудь стоят в 16 лет, уже вполне людьми были. Вон Моцарт в наши годы, черти что уже написал. Его в 30 с чем-то отравили.»

Завуч: «Иш вы каких в пример ставите. Гениев.»

«А что Вам о нас известно? Может Вы еще будете гордиться знакомством с нами.»

Второй фрагмент (продолжительность 1 минута).

Комната в квартире учительницы. В комнате учительница – Мария Васильевна Девятова, Игорь Грушко и Тая Петрова. На столе лежат тетради, которые проверяла учительница. Она встает со стула.

Учительница: «Вот послушайте, что я хотела сказать Грушко. Я подчеркиваю хотела, потому что сейчас - после этой песни я ... Видите ли, я стараюсь воспитывать своих учеников сильными людьми. Чтобы они не спасовали перед теми трудностями, которые неизбежно встретятся в жизни, потому что жизнь — это борьба. А вот в этом Вашем одержимом музицировании я вижу попытку уйти в какой-то искусственный мир – мир музыкальных грез, что ли.»

Игорь Грушко: «Можно сказать? Почему Вы, ну вообще все взрослые. Почему вы как-то пугаете нас жизнью? Чуть что – жизнь покажет, жизнь проучит. Ведь если всю дорогу только худшего ожидать, то так и будешь насупленным ходить. А вот я уверен, что все у нас будет прекрасно, всегда. А когда человеку хорошо – он песни поет, стихи сочиняет. Разве не так?»

Учительница: «Может быть, может быть так и надо. Зачем Вам мой опыт, когда у Вас такой запас оптимизма?»

Третий фрагмент (продолжительность четыре минуты сорок секунд).

Квартира семьи Олега Комаровского. Играет легкая музыка. В кухне стоит отец Олега смотрит в окно. Сын сидит за кухонным столом и что-то пишет в тетради.

Отец: «Природа шепчет. Эх если бы ты знал, как сейчас пахнет земля в лесу? А, товарищ сын, ты бы хоть доброе утро мне сказал?»

Сын: «Доброе, доброе.»

Отец: «А улыбка? А ласковый взгляд где?»

Отец берет тетрадь сына и начинает перелистывать.

Сын: «Ладно отдай.»

Отец: «Или Вы уже экзамен по улыбкам сдали? Кстати, я совсем забыл тебе сказать об этом. Олег, что, если тебе сегодня не ходить в школу? На природу махнешь со мной?»

Сын: «А как же занятия?»

Отец: «Я подумал об этом. Я напишу тебе записку, что у тебя болел зуб.»

Сын: «Ну у тебя ведь тоже работа?»

Отец: «И ты мне напишешь записку, что у меня болел зуб.»

Оба весело смеются.

Сын: «Ну ладно папа, кончай.»

Сын уходит в комнату – переодеваться. Отец садится за кухонный стол.

Отец: «Да ладно, что тебе слабо в самом деле. Я в твоём возрасте сачковал. Часто. Весной особенно. Дух вольный во мне просыпался. ... Солнце греет до седьмого пота и бушует, одурев овраг. Как у дюжей скотницы работа - дело у весны кипит в руках.»

Сын: «Слушай, что за антипедагогические разговоры? Солнце действует?»

Отец: «А на тебя, что солнце не действует? Ты что не такой Комаровский как я?»

Сын: «Одноименные заряды отталкиваются.»

Отец: «Как отталкиваются? Куда?»

Сын: «А вообще-то я совсем другой Комаровский.»

Отец: «Какой?»

Сын: «Другой. Сконструирован по-другому.»

Отец: «Ну и как же ты сконструирован?»

Сын: «С гораздо большим процентом честолубия.»

Отец: «А что же тебе этот процент дает?»

Сын: «Надежду, что проживу более яркую жизнь.»

Отец: «Чем моя?»

Сын: «Ну и твоя в том числе. Ты надеюсь не считаешь свою жизнь эталонной?»»

Отец: «А ты можешь дать определение эталонной жизни?»»

Сын: «Это уже философия. Ты же прекрасно знаешь, о чем я говорю?»»

Отец: «О чем?»»

Сын: «Подпиши.» Дает отцу дневник на подпись. Отец подписывает «Есть жизнь Менделеева, Энштейна, а есть...»»

Отец: «А есть моя»»

Сын: «Я этого не говорил.»»

Отец: «Ну что ты застенялся, говори, говори ...»»

Сын: «Хорошо, я скажу если ты хочешь. Папа, ты не обижайся папа, но мы с мамой так страдаем из-за тебя.»»

Отец: «Страдаете? Ты смотри? Каких только новостей не услышишь в собственном доме?»»

Сын: «Ты подумай кем бы ты мог стать, если бы сосредоточился на одном. Ведь когда мать вспоминает какие ты надежды подавал, у нее же руки трясутся. Этот твой Григорьев. Мать говорит, что он у тебя все курсовые сдувал, а он уже доктор наук. А у тебя - амурские волны.»»

Отец: «И на основании этого ты считаешь, что у Григорьева жизнь удалась, а у меня увы и ах...»»

Сын: «Нет, ты только не подводи меня под схему. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Можно ждать, как сложится жизнь, а можно ее самому складывать. Сейчас нельзя разбрасываться – темп жизни не тот.»»

Отец: «Кошмар, честное слово. Посмотри на нас со стороны, это не ты мне должен говорить, а я тебе. Откуда у тебя деловитость эта? Можно подумать, что у тебя за плечами лет 30-40?»»

Сын: «А что же мне все в мальчиках ходить?»»

Отец: «Не в мальчиках, в юношах. Трезвую расчетливость твою ведь надо выстрадать. Она приходит, когда шишки на лбу набьешь. А в юности как раз надо разбрасываться, надо всего хотеть, надо всего добиваться, вечный»»

двигатель изобретать. Цель в жизни вещь великая. Но цель то эта в ЖИЗНИ. А для тебя жизнь — это как болото, через которое ты мостки выстраиваешь к своей цели. Ну добежишь ты к ней первым. Оглянешься. А сзади, что у тебя? Беговая дорожка? Не скучно станет?»

Сын: «Нет, не скучно.»

Отец: «Ну смотри, смотри. Тебе жить».

Приложение 8. Описание содержания использованных в исследовании фрагментов фильма «Страна Саша» Ю. Трофимовой (2022 г.)
Первый фрагмент (продолжительность 1,35 минуты).

На экране показан юноша на пороге здания вуза. Он смотрит на вход в вуз озадаченным взглядом. Ему навстречу выходит девушка.

Девушка: «И что это такое. Я тебя сейчас ударю этой папкой. Реально, ты вообще собираешься документы подавать или как?»

«Да, я обязательно.»

Ребята вместе уходят от здания вуза.

«Обязательно?»

«Но, я не сегодня.»

«Не сегодня... А когда?» – девушка заглядывает ему в лицо.

«Ну, я не знаю. Пойдем.»

«Ты понимаешь, что ты можешь потом вообще забить на эти пары и не ходить. Я не понимаю просто, чего ты боишься, это же не как в школе.»

«Я не боюсь.»

«Боишься ты. Здесь полная свобода. Это же вуз. Ты уже взрослый.»

«А, да ладно... знаешь, что, ты просто выпендриваешься.»

«Да ладно.»

Склейка. Новая сцена: главный герой идет по улице и разговаривает с другой девушкой.

Юноша: «Короче, и мы переехали. И я уже здесь пятую школу уже заканчиваю – вот сейчас»

«И на кого ты будешь поступать?»

«Фантастика» (разочарованным голосом)

«Что?»

«Ну, видимо, моя мама умеет телепортироваться в тела других людей и задавать этот вопрос.»

«Подожди, но ты типа правда не знаешь, кем ты будешь?»

«Ну, а ты типа знаешь?»

«Да»

«Так?»

«Я всегда знала, что буду дизайнером одежды»

«Я просто думал, что мы про серьезные профессии с тобой говорим.

Типа экономист, там, бухгалтер, инженер, такое...»

«...дизайнер, музыкант, космонавт еще может быть», – девушка продолжает перечисление, глядя на юношу.

«Ну так - я люблю рисовать. Я не знаю, насколько это профессия, но я больше ничего не умею»

«Ну, слава богу, а то я-то уж думала, что ты какой-то бездельник без планов на будущее. Вух...», – оба улыбаются.

«Передам это маме», – юноша счастливо улыбается.

Второй фрагмент (продолжительность 2,06 минута).

Комната в квартире. Юноша сидит за столом, играет небольшой игрушкой в виде скейта. В комнату заходит его мама с кружкой, смотрит недовольно на его игрушки. Обессилено опирается спиной на дверной косяк

Мама: «Что, после выпускного ничего не меняется?», – мама кивает в сторону игрушек.

Саша: «А что должно было?»

Мама: «Понятия не имею! Но когда-нибудь же становятся взрослыми?»

Саша продолжает играть с ручным скейтом.

Мама: «В общем, я договорилась – тебя сегодня ждут в институте»

Саша: «Кто ждет?», – страшным голосом

Мама: «Саш...»

Саша: «Кто меня ждет?»

Мама: «Ну хватит дурачиться. Анна Михайловна сказала, чтобы ты подошел сегодня – все подписал. И тебя зачислят»

Саша: «Я сегодня Максу помогаю. Я не могу» – радостно восклицает он и продолжает играть.

Мама: «Макс твой подождет. Он уже выучился»

Саша: «Ну что-то эта учеба ему не помогла, мам»

Мама: «Саш, ну ты же не хочешь болтаться, как твой отец, правильно?»

Саша: «А я не знаю, как он болтается. Про это в гугле не написано», – улыбается ехидно.

Мама вздыхает.

«Все, в общем, сходи и подпиши. Целую тебя»

Склейка. Следующая сцена: Саша подходит к своему старшему другу Макс, который в это время рисует на стене картину в стиле граффити.

Макс: «Ничего себе. Ты как?»

Саша: «Нормально».

Стукаются кулаками в знак приветствия.

Макс: «У тебя же выпускной был вчера, ты чего приперся?»

Саша: «Я просто пораньше ушел, там скучно было»

Макс: «Ты что, не выпивал даже?»

Саша: «Ууу... А мы сегодня рыбок рисуем, да?» – перевел разговор Саша.

Макс: «Сегодня да, рыбок рисуем»

Саша: «Угу»

Макс: «Будешь помогать?»

Саша: «Ну, ты уже все сделал почти»

Макс: «Ну вот почему... ты можешь за эту рыбку нести полную ответственность»

Саша: «Я всю жизнь, Макс, мечтал нести ответственность за рыбку!» –

Саша улыбается...

Макс показывает Саше картинку с образом будущей рыбки на телефоне.

Макс: «Справишься?»

Саша: «Я постараюсь!», снимает рюкзак.

«Давай.» Оба разворачиваются к стене, на которой предстоит рисовать.

Макс: «Ты что даже не замутил ни с кем?»

Саша: «Там не с кем просто.»

Макс: «Чувак, какая жесьть. Я бы на твоём месте с любой семнадцатилетней замутил.»

Саша: «Ну ты бы да.»

Макс: «Но мне нельзя.»

«Но тебе нельзя», – Саша говорит уже в специальной маске

«Но тебе можно», – Макс тоже одевает маску.

Начинают рисовать краской из баллончиков. Звук подъезжающей машины, герои смотрят друг на друга. Раздается гудок машины. Оба оборачиваются. Макс снимает маску и подходит к машине, из которой выходит заказчик на работы, которое герои выполняют. Заказчик рассчитывается с Максом. Макс передает купюру Саше.

Макс: «Держи», – Саша берет деньги

Макс: «Квартиру себе купишь теперь», – усмехается.

Саша: «Ну нормально. Мама говорила этим не заработаешь», – убирает деньги в карман.

Макс: «Ну мама разбирается...», – продолжают рисовать.

Третий фрагмент (продолжительность 1,37 минуты).

Ресторан. За столом сидят Саша и его отец. Смотрят меню.

Саша: «Прикольная сережка, кстати», – смотря на отца.

Отец: «У тебя тоже ничего. Ладно заказывай, что хочешь – я плачу.»

Саша, перелистывая меню: «Да я и сам могу оплатить.»

Отец: «О. Круто. Молодец!» Но интонация в этот момент с недоверием, как в разговоре с маленьким ребенком.

Отец: «Ну рассказывай, какие планы на будущее? В институт собираешься поступать или что?»

Саша: «Ты серьезно?», – делает удивленное лицо

Отец: «Вполне.»

Саша: «Я просто думал, что ты не обычный...пап», – разочарованно

Фоном играет легкая музыка.

Отец: «Ну какой есть», – отец продолжает листать меню.

Саша тоже продолжает листать меню. Отец оборачивается

Отец: «Что за музыка у них тут», – говорит это зло

Саша: «По-моему нормальная музыка.»

Отец: «Да нет, плохая.»

Саша: «Да нет, нормальная, современная. Просто может ты...»

Отец: «Что?»

Саша: «Ну не отстал, а выпал...»

Отец: «Музыка объективно плохая.»

Саша: «Музыка объективно - ничего»

Отец: «Слушай ты же вроде мой сын? Ты же должен отличать нормальную музыку от плохой?»

Саша: «Тесты на отцовство не сдавал никто.» У отца изумленное лицо, он опускает взгляд в меню.

Отец: «Ладно. Спокойно.» Отец как будто успокаивает себя этими словами.

Саша тоже смотрит в меню. Саша поднимает взгляд на отца.

Отец: «Ну что?»

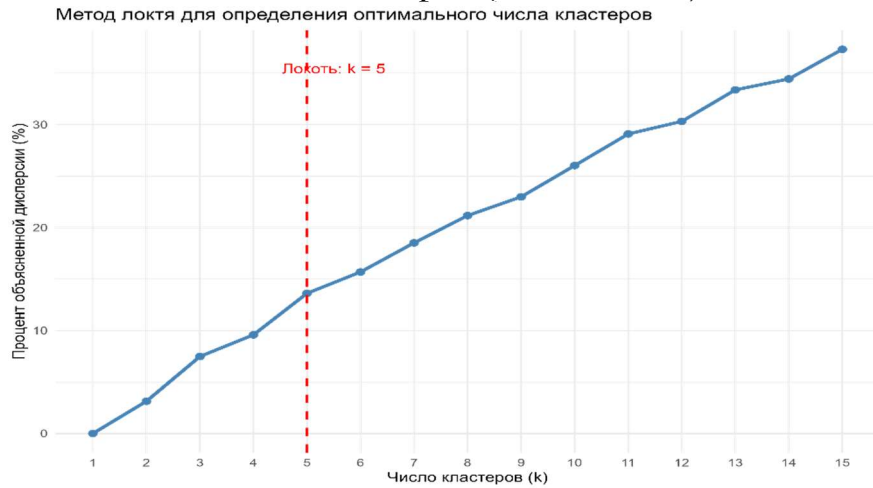
Саша: «Ничего». Саша закрывает меню.

Саша: «Есть перехотелось. Я пойду.» Саша встает.

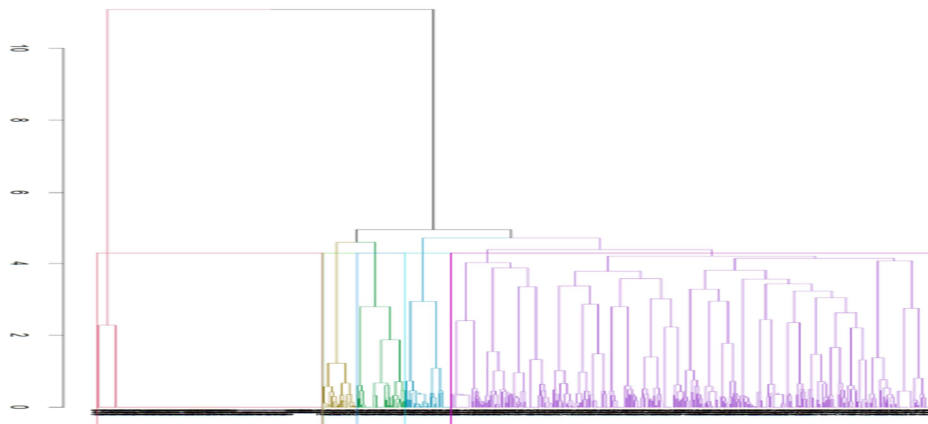
Саша: «Пока».

Приложение 9. Данные о результатах кластерного анализа по высказываниям о фрагментах фильмов «Розыгрыш» и «Страна Саша» 14 лет.

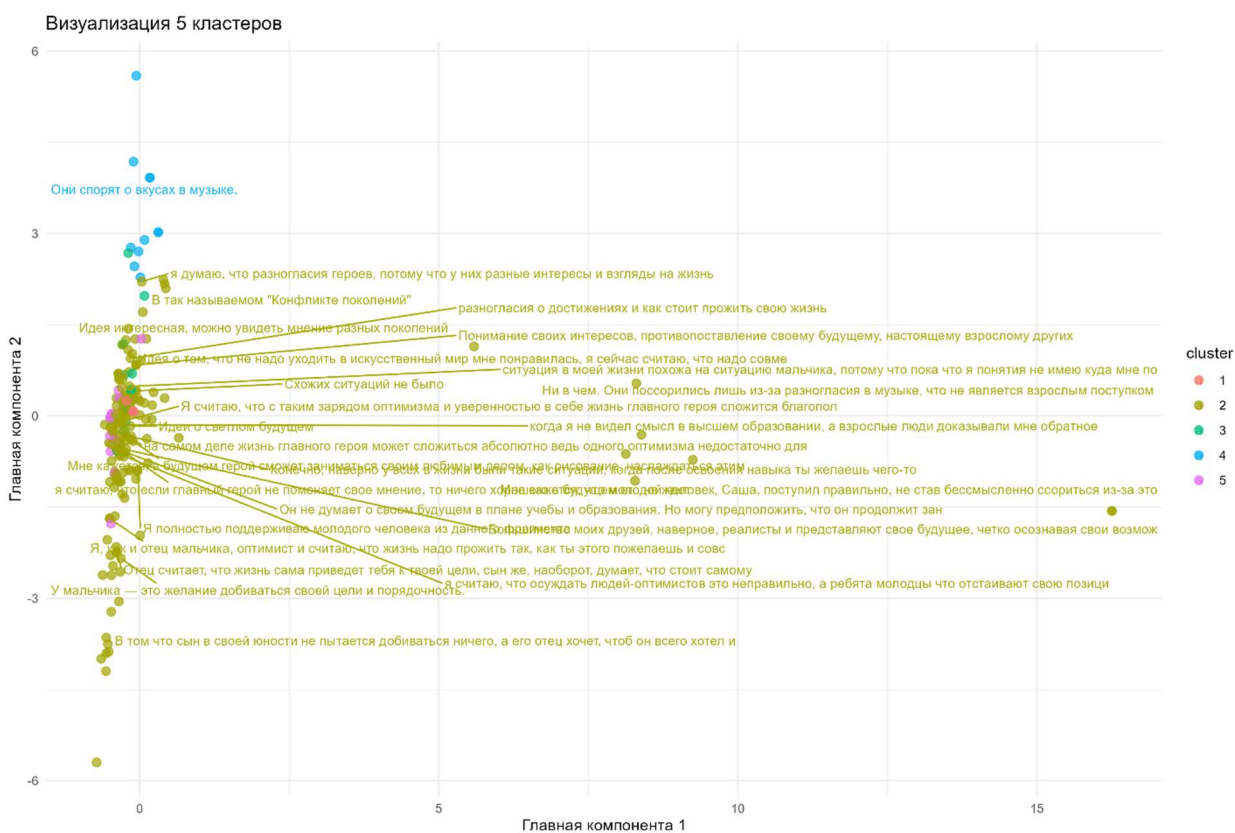
Определение количества кластеров (метод локтя)

Дендрограмма семантических связей в восприятии образа взросления в старшем подростковом возрасте (14 лет, N=38)

Визуализация кластеров

Для каждого кластера выделены топ-термины и отобраны примеры текстов.

В кластер 1 вошли слова: поколение, поступить, скорее, успех, юность, любимый, оптимизм, план. Характерные примеры текстов: «герой упрямый и с горящими глазами – как я», «не понятно кем герой станет, скорее его ждет успех, но точно не станет поступать на экономиста, как говорил».

В кластер 2 вошли слова: цель, отношение, ситуация, идея, профессия, учитель, учиться, заниматься. Характерные примеры текстов: «у мальчика – это желание добиваться своей цели и порядочность», «разногласия героев, потому что у них разные интересы и взгляды на жизнь» или «он не хочет учиться, а хочет саморазвиваться и увлекаться любимым делом».

В кластер 3 вошли слова: нравиться, поступать, определиться, выбор, будущее, будущий, интерес. Примеры текстов: «я и мои друзья считают, что и не обязательно то, что нравится одному, может нравится другому», «мы хотим попасть в те вузы, которые нравятся» или «понравились мысли ребят, которые заранее знают, куда они будут поступать и кем видят себя в будущем – они удивительны».

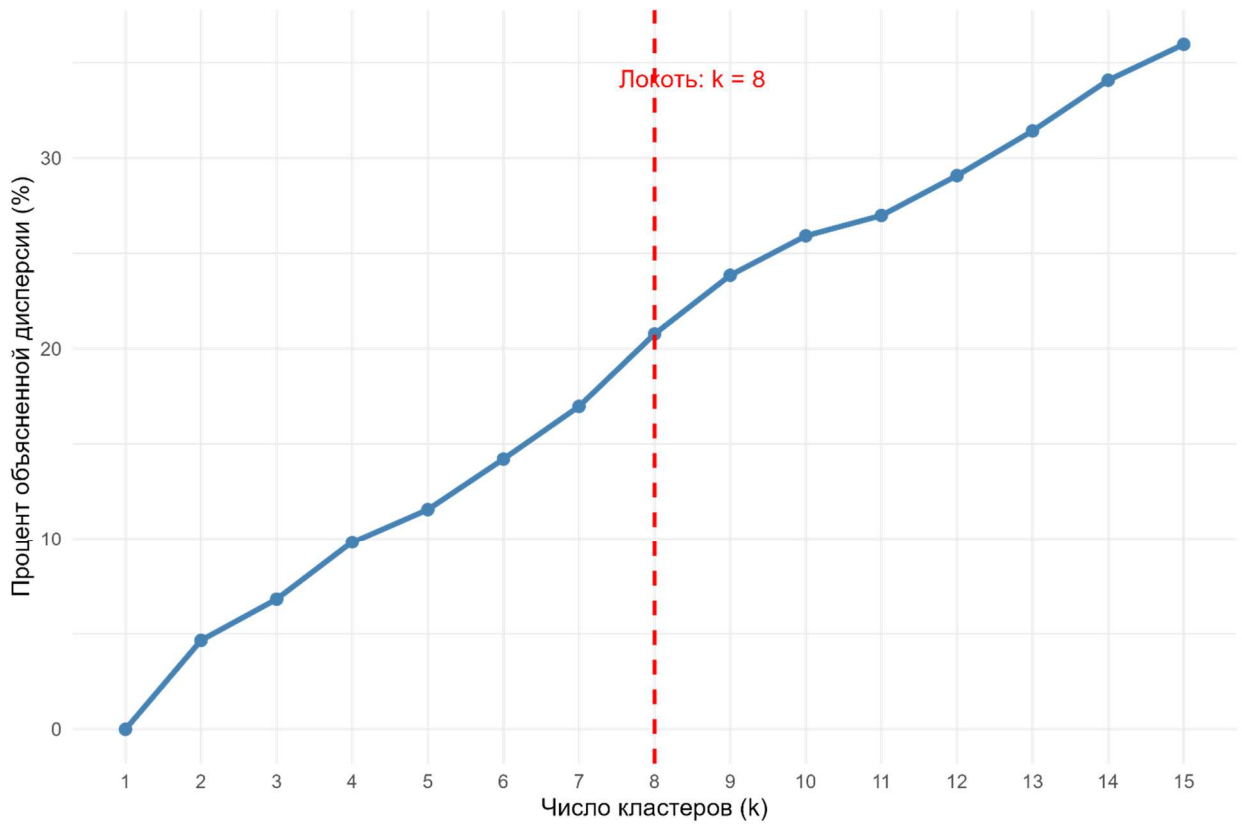
В кластер 4 вошли слова: разный, вкус, разногласие, музыка, поколение, отношение, смысл, показаться, позиция, понравиться. Примеры: «разногласия во вкусе к музыке», «в разном взгляде на окружающую среду и на будущее» или «разные друзья имеют разное мнение. Некоторые считают, что нужно готовиться к худшему, а некоторые – что нужно всегда быть оптимистичным и смотреть с радостью в светлое будущее».

В кластер 5 вошли слова: мысль, интересный, показаться, похожий, возраст, профессия, успех, добиваться, образование. Примеры: «с одной стороны он помогает другу и получает за это зарплату, с другой стороны он может выучиться в вузе и получить стабильную работу», «мне показалась интересной мысль о том, что в 16 лет человек еще ребенок. А также мысль о том, что не стоит недооценивать потенциал любого человека» или «Мне кажется, я похожа на отца мальчика. Его мысли и мнение это то, о чём я обычно боюсь сказать. Я согласна с тем, что жизнь надо проживать так, чтобы было о чём вспомнить, прокладывать её так, как хочешь ты, не боясь того, что скажут другие. Но также я нахожу сходства с мальчиком. Я считаю, что образование важно, и никогда не отношусь к урокам легкомысленно. Для меня трудно отметить сходства с кем-то одним».

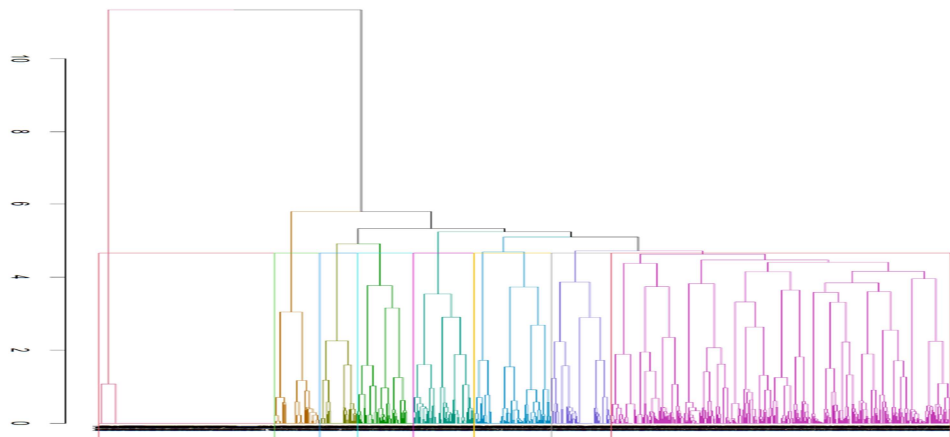
15–18 лет

Определение количества кластеров (метод локтя)

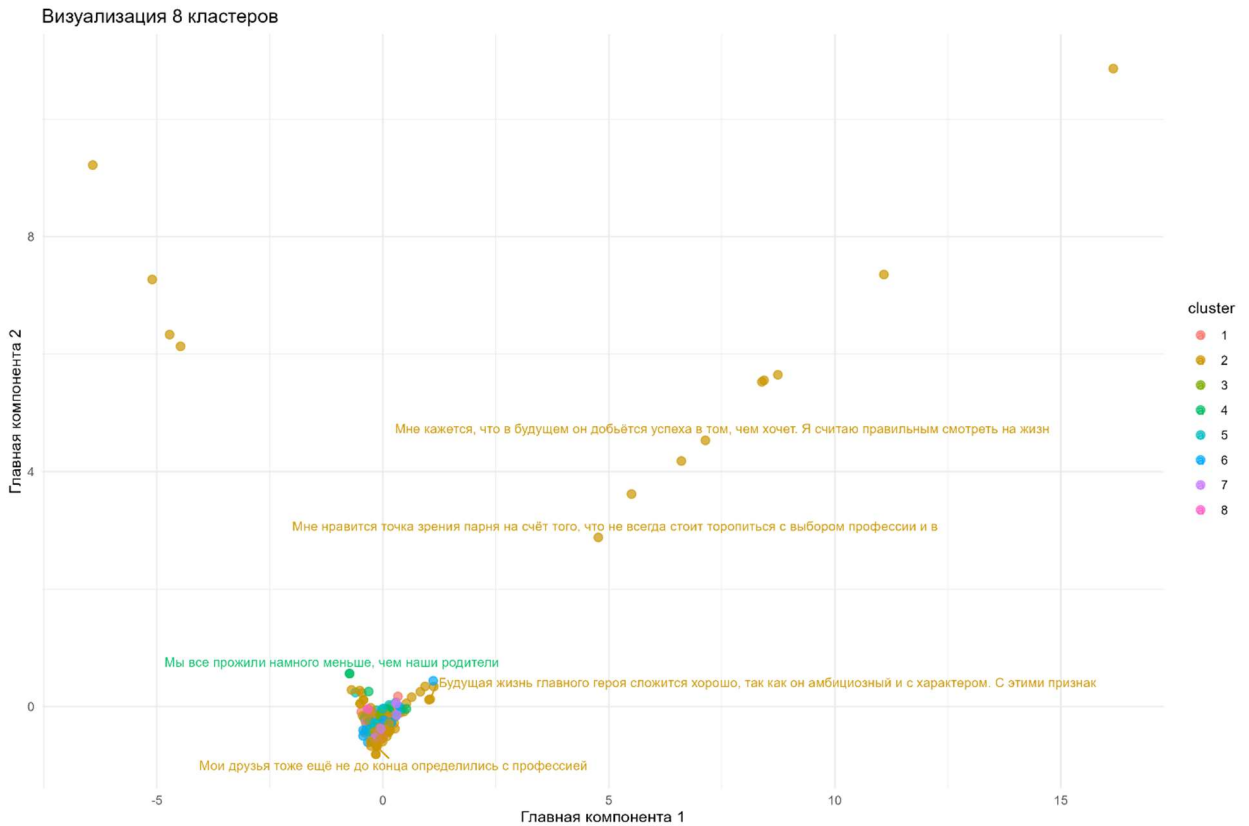
Метод локтя для определения оптимального числа кластеров

Дендрограмма семантических связей в восприятии образа взросления в ранней юности (15–18 лет, N=48)

Визуализация кластеров.

Для каждого кластера выделены топ-термины и отобраны примеры текстов.

В кластер 1 вошли слова: мысль, интересный, слушать, возраст, музыкант, стараться, нравится, правильный. Примеры текстов: «стараться более по-взрослому смотреть на жизнь», «мне понравилось то, что эти герои считают, что нельзя тратить время впустую, когда его, итак, нет. Промелькнула хорошая мысль о том, что нужно выражать что-то свое в их деле, и быть интересными, чтобы люди их слушали. И конечно же про ранее взросление (нижний уровень взрослости в 16) в этом я их полностью поддерживаю».

В кластер 2 вошли слова: профессия, ситуация, будущее, добиться, будущий, точка зрения, поступать, похожий. Примеры текстов: «с одной стороны, хорошо, когда близкие люди заботятся о тебе проявляя заботу, таким образом, но зачастую для парней в таком возрасте это только мешает и не факт, что им это нравится» или «я не согласна с педагогом, т.к. считаю, что хобби нужно иметь, ибо они помогают нам отдохнуть, погрузиться себя. Мне

нравится позиция мальчика, т.к. от настроен достаточно оптимистично и уверен в себе».

В кластер 3 вошли слова: близкий, возможность, готовый, достичь, направление, повод. Примеры текстов: «в ответственности», «благодаря работе я могу достаточно зарабатывать и ни от кого не зависеть» или «я также считаю, что нельзя пускать свою жизнь на самотек, всегда нужно держать ее в узде. Потому что, если упустить свой шанс, второго может уже не быть».

В кластер 4 вошли слова: цель, поэтому, прожить, возможность, добиться, скорее, заниматься. Примеры текстов: «я хоть и согласна с фразой, что надо самому строить свою жизнь, но не надо бежать вперед паровоза, ведь особо смысла, когда ты добьешься своей цели. Можно добиться своей цели в 18, угробив на это все свои подростковые годы, а можно спокойно в 25, прекрасно прожив часть своей жизни», «взрослый, в данном случае отец как будто не осознаёт цели и смысла жизни, не понимает, возможно, не знает того, что жизнь может быть красочной и разносторонней, считает если ты добьешься цели, ты просто развернёшься и пойдешь назад».

В кластер 5 вошли слова: отношение, разный, вкус, поколение, музыкальный, разногласие, повод, проблема, творчество. Примеры текстов: «взрослые могут не понимать людей моего поколения, но я пытаюсь им объяснить, что взгляды у всех абсолютно разные. Человек, особенно ребенок не должен жить по жестким правилам, а должен принимать решения самостоятельно, ведь это основное качество взрослого человека», «представлены совершенно разные понятия о смысле, цели жизни».

В кластер 6 вошли слова: лучший, пытаться, относиться, скорее, оптимизм, стоять, обязательно, идея. Примеры текстов: «некоторые мои друзья считают, что учеба — это не главное, главное наслаждаться свободной жизнью без обязательств, а я думаю, что учёба тоже очень важна, она не самое главное в жизни, но это то, что обеспечивает нам будущее», или «скорее всего жизнь героя сложится успешно, он открыт для нового и оптимистично настроен на жизнь».

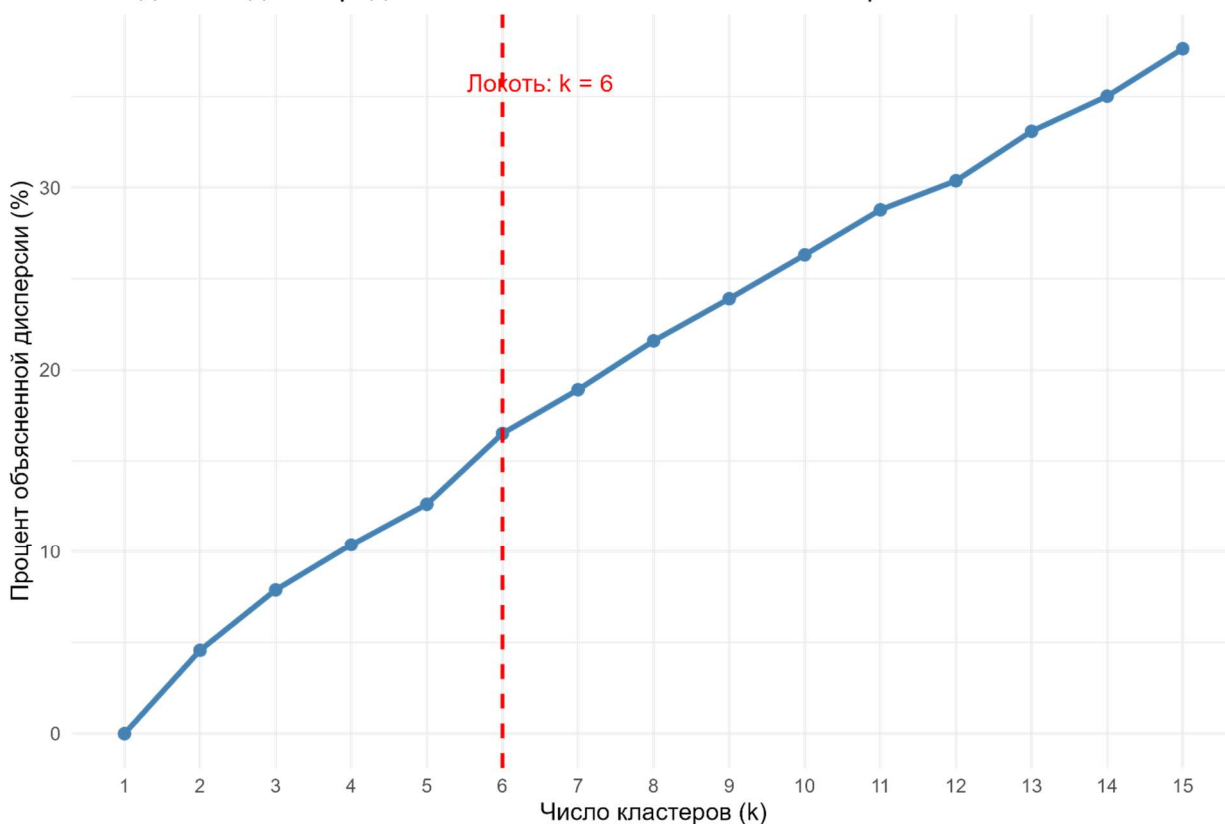
В кластер 7 вошли слова: образование, учитель, учиться, продолжать, сложиться. Примеры текстов: «если он продолжит заниматься тем, что ему по душе, тогда его жизнь сложится явно удачнее, нежели он пойдет учиться на нелюбимую профессию», «мне кажется, что у каждого человека должно быть образование, конечно хорошо если все получится и без него, но жизнь непредсказуема поэтому образование должно быть».

В кластер 8 вошли слова: музыка, заниматься, нравиться, современный, творческий, интересный, ситуация, идея. Примеры текстов: «молодой человек, сказал, что его возможно отец (под сомнением) выпал от современной жизни, но он это отрицает», «заниматься надо тем, что тебе нравится» или «юноше нравится более молодёжная музыка, а отец привык к старым исполнителям».

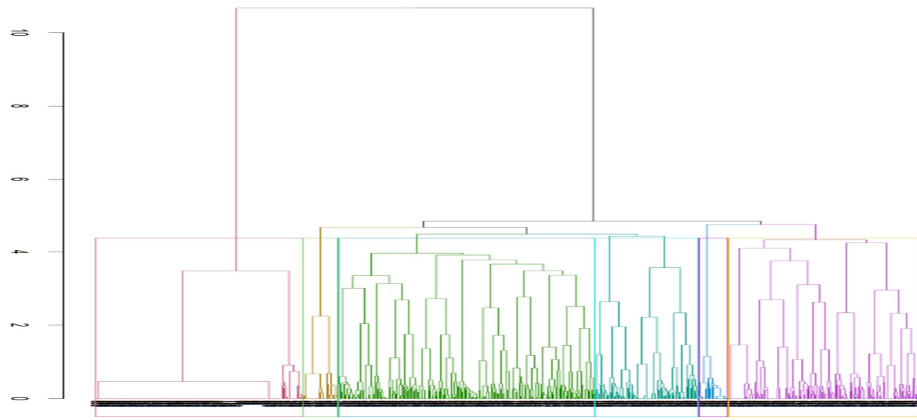
19–23 года

Определение числа кластеров (метод локтя)

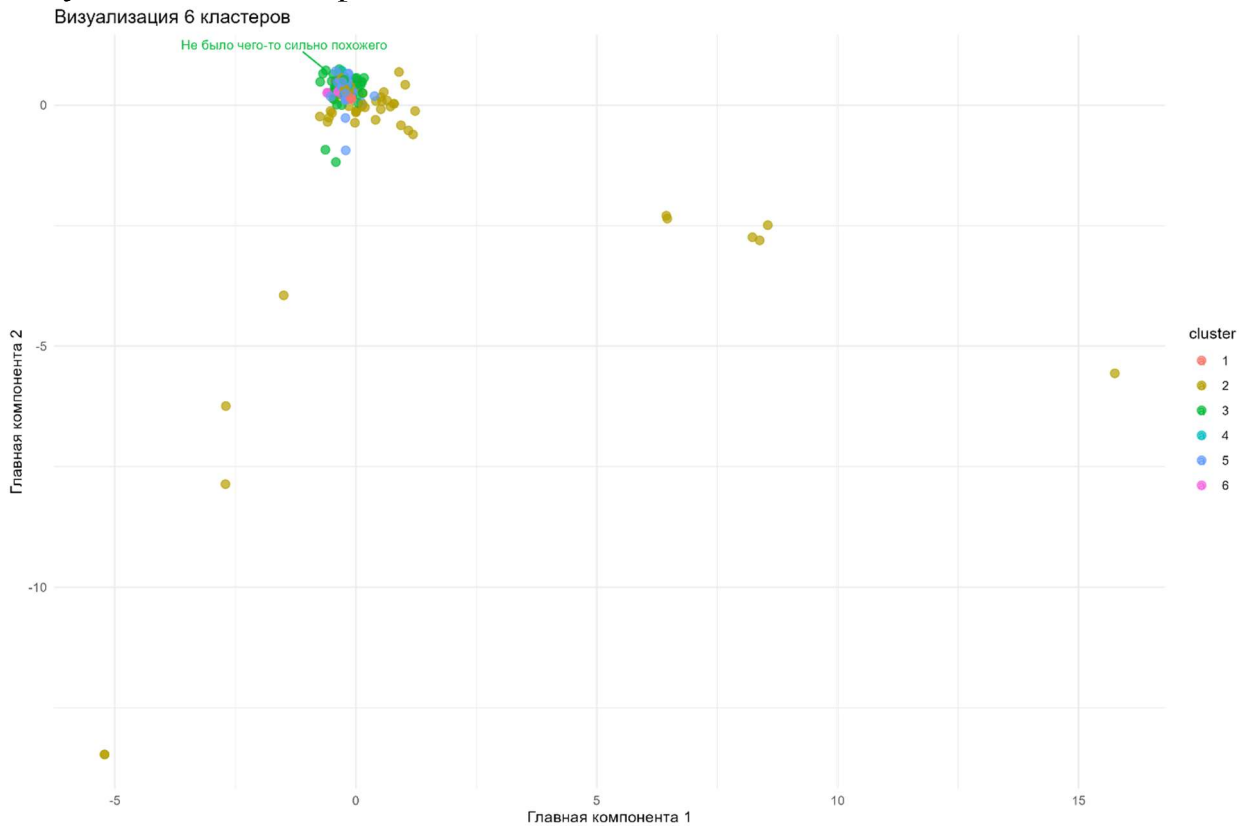
Метод локтя для определения оптимального числа кластеров

Дендрограмма семантических связей в восприятии образа взросления в поздней юности (19–23 года, N=38)

Визуализация кластеров

Для каждого кластера выделены топ-термины и отобраны примеры текстов.

В кластер 1 вошли слова: слушать, верить, трудность, мысль, лучший, добиться, похожий. Примеры текстов: «отец воспринял это как упрек, и немного повздорил с сыном», «сходств с главным героем у меня нет, я не вижу и мне апатично мнение главного героя о предоставлении жизни».

В кластер 2 вошли слова: ситуация, разный, будущее, пример, точка зрения, поколение. Примеры текстов: «не могу сказать, что папа поступил полностью не правильно: он думал, что следует говорить сыну то, что от него требует мама, а мальчик как раз искал иной подход в общении, поэтому в конце разочаровался и ушел из кафе, но ведь папа мог не догадываться, как сейчас обстоят дела в общении между сыном и матерью, какая поддержка нужна сыну, что нужно сказать и как поддержать, поэтому он сделал так, как надо маме, хотя, судя по его виду и образу жизни, стоило бы вести себя как раз естественно», «мне мысли героев показались интересными, когда главный герой говорил про то, что не нужно сидеть сложа руки, а пробовать что-нибудь новое увлекаться разным творчеством ведь жизнь протекает очень быстро и нужно пробовать, а не откладывать всё на потом», «часто приходилось доказывать, что мысли подростка могут быть правдивыми, интересными и нужными».

В кластер 3 вошли слова: желание, похожий, цель, сложиться, добиться, стремление, прожить, пытаться. Примеры текстов: «Я думаю, для меня момент с фрагментом похож больше на отношения и стремление к жизни в позитивном ключе, мысли и рассуждения героя показались мне очень близки, т. к. я сама расставляю свои задачи цели и приоритеты в своей жизни. У меня есть цели, и я постепенно к ней иду», «жизнь героя сложится очень хорошо, он выучится и будет работать в хорошем месте».

В кластер 4 вошли слова: образование, получать, высший, школа, класс, поступать, успех. Примеры текстов: «конечно, взрослые всегда хотят, чтобы ребенок состоялся и получил образование», «похожая ситуация была у меня, когда я бросила первое образование по своим личным убеждениям» или «я поддерживаю сына. Конечно, без высшего образования будет тяжело, и здесь явно проглядывается подростковый максимализм в типичном его проявлении. «Я не буду так делать только потому, что вы так сказали мне сделать», но то, что у мальчика есть хобби – очень хороший знак, а получать образование сразу

после школы вовсе необязательно, дорога в вуз открыта в любом возрасте, было бы желание».

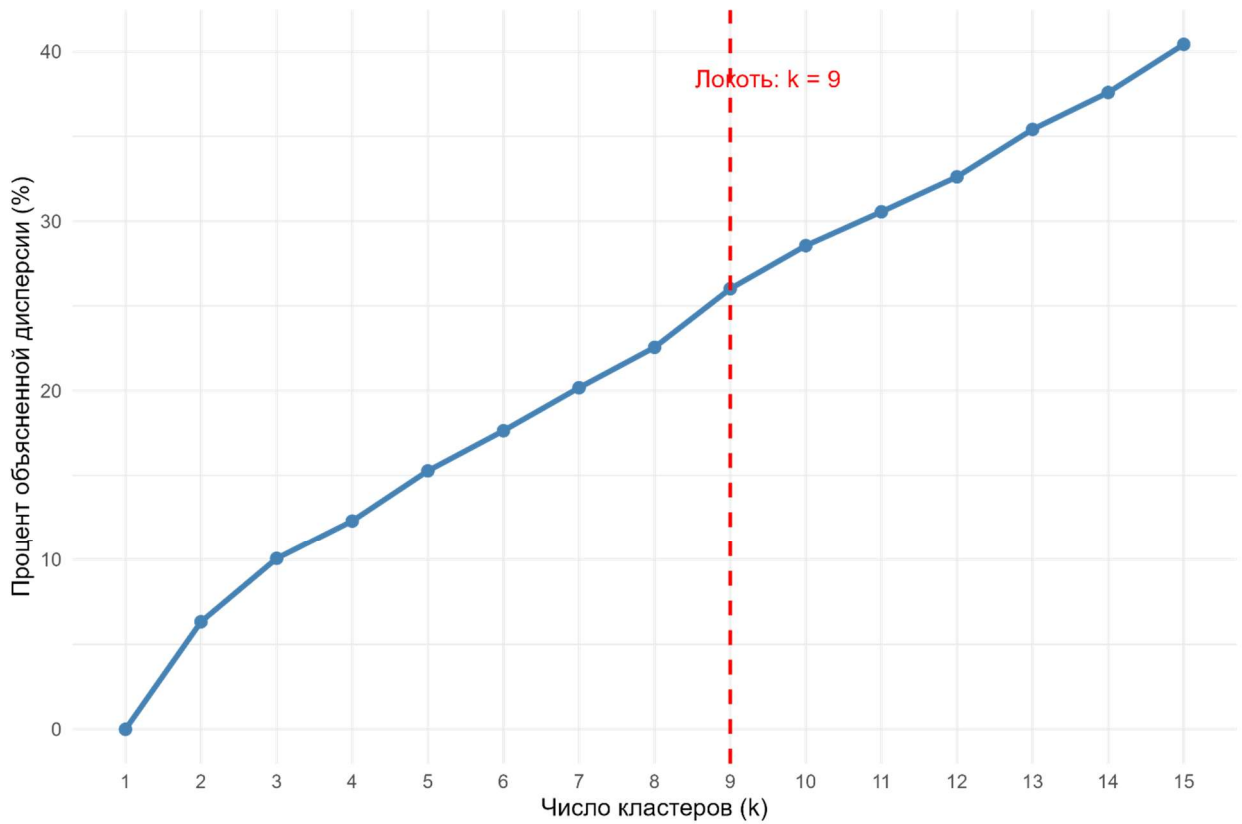
В кластер 5 вошли слова: профессия, отношение, мысль, идея, интересный, выбор, творчество, заниматься, нравиться. Примеры текстов: «понравилась мысль о том, что в творчестве очень важно создавать что-то свое, и для этого надо быть достаточно интересным человеком, тогда обязательно найдется, чем можно поделиться с остальными» или «очень часто людей, которые обучаются творческим профессиям принуждают получить образование по другой специальности».

В кластер 6 вошли слова: цель, достижение, добиваться, будущий, понимание, план, уровень, решать. Примеры текстов: «у меня есть друзья, которые уже определились с целью жизни, а есть друзья, которые находятся в поиске дела своей жизни, и несколько раз меняли направление своей дорожки», «у героев не было целей на будущее они хотели гулять и веселиться».

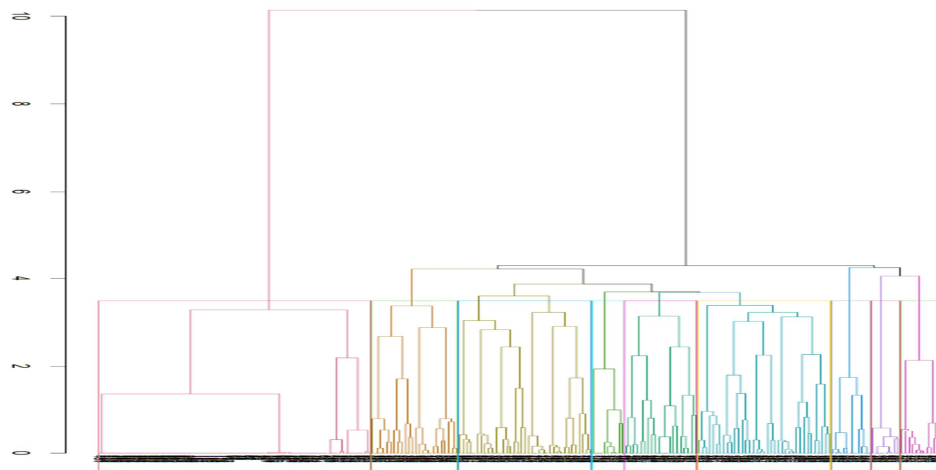
24–28 лет

Определение количества кластеров (метод локтя)

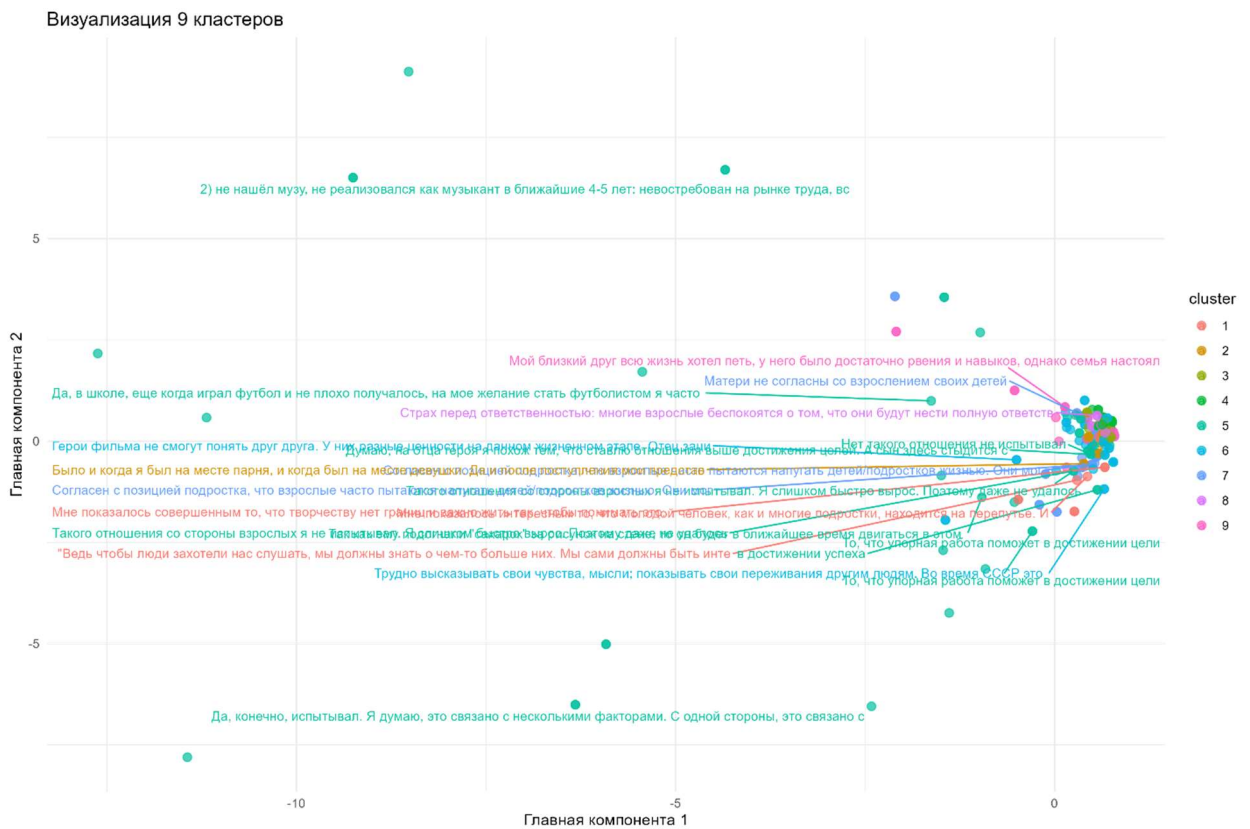
Метод локтя для определения оптимального числа кластеров

Дендрограмма семантических связей в восприятии образа взросления в ранней взрослости (24–28 лет, N=32)

Визуализация кластеров

Для каждого кластера выделены топ-термины и отобраны примеры текстов.

В кластер 1 вошли слова: интересный, творчество, возможность, либо, молодой, состояние. Примеры текстов: «мне показалось совершенным то, что творчеству нет границ и важно жить так, чтобы понимать это», «интересно то, что молодой человек, как и многие подростки, находится на перепутье. И даёт себе время определиться, выбрать то, что откликается у него в душе».

В кластер 2 вошли слова: положительно, отрицательно, пытаться, разговор, высказывать, достижение. Примеры текстов: «герой ролика не может определиться со своей жизнью, к этому я отношусь отрицательно», «мечтать можно не только о стабильной работе», «отец не систематичный и стремится в душевные порывы, а сын и мать за практичность».

В кластер 3 вошли слова: музыка, конфликт, желание, поколение, смочь, воспринимать. Примеры текстов: «конфликт поколений, даже в наше время этот конфликт очень актуален. Когда родители говорят, как вы можете слушать такую музыку и т.п.», «меня поддерживали мои родители во всех моих желаниях, мы всегда находили компромисс».

В кластер 4 вошли слова: профессия, необходимый, творческий, хочется, поступить, жизнь. Примеры текстов: «герой – бунтарь, творческий человек, скорее всего поступит в вуз для успокоения мамы и закончит его спустя рукава, жизнь посветит чему-то другому, по профессии работать не будет», «считаю, что необходимо больше слушать и слышать своего ребенка, видеть, что ему интересно и не давать шанс на реализации в творческой сфере».

В кластер 5 вошли слова: отношение, состояние, группа, ситуация, социальный, будущее, школа, карьера, музыкальный. Примеры текстов: «две противоборствующие стороны, которые показаны во фрагменте всегда будут. Даже у одного человека может бороться два мнения. Одно — это то, что статус прекрасно показывает то, чего добился человек, другое — нужно понимать, что интересно тебе и спокойно делать успехи в своем деле». Или «Думаю, что со временем он будет сталкиваться с большим количеством неожиданностей в силу своего оптимизма. Сильным разочарованием будет, если после поступления в вуз их группа развалится или они не смогут пробиться на большую сцену. Большая вероятность, что так и произойдет, потому что у членов его группы родители живы-здоровы, они точно будут настаивать на том, чтобы ребята поступали и хорошо учились, а затем работали кем-то иным, по профилю образования. Вопрос, будет ли сам главный герой поступать в вуз? Если да, то музыкальная карьера у него, скорее всего, не сложится. А если нет, то через 4–5 лет он сильно потеряет конкурентоспособность на рынке труда. Это ударит по его самореализации и самооценке. Поэтому либо он выстрелит за это время, либо попадет в социальную группу риска. К тому моменту, если у него будет вторая половина, которая верит в него и всячески поддерживает его стремление к музыкальной вершине, их отношения подойдут к кризисному этапу, будет поднят вопрос семьи и детей. Однако, второй половины он может и не найти в силу своей «драматической» склонности».

В кластер 6 вошли слова: разный, мысль, стоять, поступить, ценность, похожий, страх. Примеры текстов: «главная мысль из этого фрагмента: стоит

ли вообще в нашей жизни быть оптимистом?», «страх неудачи: многие взрослые выражают опасения, что если их ребёнок не поступят в вуз, то они не смогут иметь достойную жизнь или достигнуть своих целей».

В кластер 7 вошли слова: возможность, возраст, наслаждаться, образование, момент, цель, вера. Примеры текстов: «с возрастом меняются приоритеты в жизни», «хочется думать, что мы хорошо считали крайности двух персонажей. Безмерную амбициозность и умение наслаждаться жизнью в моменте. Радоваться мелочам, не заикливаться только на социальном успехе».

В кластер 8 вошли слова: ответственность, решение, взросление, профессия, воспринимать, достижение, идентичность. Примеры текстов: «герой должен повзрослеть и взять на себя ответственность за свою жизнь и ошибки, найти свою идентичность», «я всегда тщательно обдумываю и взвешиваю все за и против, прежде чем принять решение».

В кластер 9 вошли слова: школа, учиться, выбор, позиция, семья, путь, профессия. Примеры текстов: «мой близкий друг всю жизнь хотел петь, у него было достаточно рвения и навыков, однако семья настояла на его учебе в вузе (на журналиста), как слова матери героя «ты же не хочешь болтаться по жизни» – такая позиция понятна, но не единственно верная. Учеба, в последствии и работа, без интереса к профессии ничего не стоит, это путь в никуда», «я согласен что жизнь сложна и полна преград, это нужно учитывать, но проживать все встречающиеся на пути с негативными мыслями просто невозможно, я убежден, что нужно смотреть на жизнь улыбкой и учиться видеть хорошее даже в плохом, безусловно бывают исключения», «многие взрослые люди не могут предоставить своему ребенку свободу выбора чего-либо и принимают решения за него».

**Приложение 10. Анализ различий по возрасту и полу
(коэффициент Манна-Уитни), полученные на втором этапе
исследования**

Различия между возрастными группами старшее подростничество (14 лет) и
ранняя юность (15–18 лет)

Параметр	Всего	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандарт изованная статистик а критерия	Асимптотич еская значимость (2- сторонний критерий)
Причинные позитивные	86	738	1914	738	114,954	-1,514	0,13
Целевые позитивные	86	866	2042	866	114,96	-0,4	0,689
Причинные негативные	86	971	2147	971	110,996	0,532	0,595
Целевые негативные	86	1126	2302	1126	113,646	1,883	0,06*
Всего причинных	86	814	1990	814	114,961	-0,852	0,394
Всего целевых	86	946	2122	946	114,973	0,296	0,767
Всего реализованных	86	1067	2243	1067	114,958	1,348	0,178
Всего актуальных	86	715	1891	715	114,707	-1,717	0,086
Всего потенциальных	86	640	1816	640	114,31	-2,379	0,017*
Реализованность – прошлое	86	1095	2271	1095	114,865	1,593	0,111
Актуальность –настоящее	86	713	1889	713	114,737	-1,734	0,083
Потенциальность – будущее	86	635	1811	635	114,364	-2,422	0,015*
Психологический возраст	86	1060	2236	1060	114,975	1,287	0,198
Ожидаемая продолжительность жизни	86	667	1843	667	113,122	-2,166	0,03*
Коэффициент взрослости	86	946	2122	946	114,98	0,296	0,767
Насыщенность прошлое	86	1102	2278	1102	114,919	1,653	0,098
Насыщенность настоящее	86	713	1889	713	114,737	-1,734	0,083
Насыщенность будущее	86	635	1811	635	114,364	-2,422	0,015*
Целеустремленност ь прошлое	86	1002	2178	1002	114,981	0,783	0,434
Целеустремленност ь настоящее	86	782	1958	782	114,739	-1,133	0,257
Целеустремленност ь будущее	86	629	1805	629	114,146	-2,479	0,013*
Уверенность	86	737	1913	737	114,983	-1,522	0,128

Удовлетворенность	86	879	2055	879	114,15	-0,289	0,773
Эмоциональность	86	850	2026	850	114,127	-0,543	0,587
Субъективный возраст прошлое	85	1101	2229	1101	113,059	1,84	0,066
Субъективный возраст настоящее	85	710	1838	710	112,923	-1,621	0,105
Субъективный возраст будущее	85	633	1761	633	112,587	-2,309	0,021*
Продуманность выбора	86	1071	2247	1071	114,651	1,387	0,165
Эмоциональная окраска выбора	86	897	2073	897	114,844	-0,131	0,896
Самостоятельность выбора	86	907	2083	907	114,232	-0,044	0,965
Удовлетворенность выбором	86	927	2103	927	114,849	0,131	0,896
Шкала автономии	86	856	2032	856	114,678	-0,488	0,625
Шкала самовыражения	86	945	2121	945	114,622	0,288	0,773

Различия значимы на уровне 0,05.

Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Причинные позитивные	30,033	0,349	-0,080	0,777
Целевые позитивные	32,493	0,032	-0,394	0,457
Причинные негативные	12,044	-0,345	-0,773	0,084
Целевые негативные	21,327	-0,416	-0,845	0,016
Всего причинных	33,893	0,169	-0,258	0,595
Всего целевых	41,765	-0,145	-0,571	0,281
Всего реализованных	51,046	-0,424	-0,853	0,008
Всего актуальных	33,127	0,329	-0,101	0,756
Всего потенциальных	31,861	0,327	-0,103	0,754
Реализованность – прошлое	32,282718963980344	-0,428	-0,857	0,004
Актуальность – настоящее	17,706141090541580	0,345	-0,085	0,773
Потенциальность – будущее	25,413482303516176	0,386	-0,045	0,814
Ожидаемая продолжительность жизни	19,738	0,241	-0,187	0,667
Психологический возраст	25,725968010389700	-0,255	-0,681	0,174
Коэффициент взрослости	165,845485567317670	-0,007	-0,432	0,419
Насыщенность прошлое	32,282718963980344	-0,428	-0,857	0,004
Насыщенность настоящее	17,706141090541575	0,345	-0,085	0,773
Насыщенность будущее	25,413482303516176	0,386	-0,045	0,814
Целеустремленность прошлое	68,785867814934750	-0,353	-0,781	0,077
Целеустремленность настоящее	63,645782145113120	0,036	-0,390	0,462
Целеустремленность будущее	26,994125423296868	0,256	-0,172	0,682
Уверенность	16,240960074647592	0,376	-0,054	0,804
Удовлетворенность	11,643844029159547	0,109	-0,318	0,534
Эмоциональность	12,061433286053791	0,127	-0,299	0,553
Субъективный возраст прошлое	25,580762757672650	-0,466	-0,898	-0,031
Субъективный возраст настоящее	14,067819519434215	0,316	-0,115	0,746
Субъективный возраст будущее	20,366906988306162	0,367	-0,065	0,797
Продуманность выбора	7,791	-0,219	-0,645	0,208
Эмоциональная окраска выбора	6,704	0,045	-0,380	0,471
Самостоятельность выбора	3,490	0,021	-0,405	0,447
Удовлетворенность выбором	9,368	-0,060	-0,486	0,366
Шкала автономии	6,366	0,204	-0,224	0,630
Шкала самовыражения	6,869	-0,101	-0,526	0,326

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$, $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$, $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$, $d \geq 0,8$

Различия между возрастными группами старшее подростничество (14 лет) и поздняя юность (19–23 лет)

Параметр	Всего	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартизованная статистика критерия	Асимптотическая значимость (2-сторонний критерий)
Причинные позитивные	76	696	1437	696	96,223	-0,27	0,787
Целевые позитивные	76	743	1484	743	96,212	0,218	0,827
Причинные негативные	76	785	1526	785	92,872	0,678	0,498
Целевые негативные	76	757	1498	757	94,71	0,37	0,712
Всего причинных	76	741	1482	741	96,219	0,197	0,843
Всего целевых	76	785	1526	785	96,226	0,655	0,513
Всего реализованных	76	869	1610	869	96,221	1,528	0,127
Всего актуальных	76	617	1358	617	96,084	-1,093	0,274
Всего потенциальных	76	509	1250	509	95,923	-2,221	0,026*
Реализованность – прошлое	76	898	1639	898	96,168	1,83	0,067
Актуальность – настоящее	76	629	1370	629	96,103	-0,968	0,333
Потенциальность – будущее	76	514	1255	514	95,947	-2,168	0,03*
Психологический возраст	76	842	1583	842	96,242	1,247	0,212
Ожидаемая продолжительность жизни	76	532	1273	532	94,1	-2,019	0,043*
Коэффициент взрослости	76	665	1406	665	96,244	-0,592	0,554
Насыщенность прошлое	76	904	1645	904	96,223	1,891	0,059
Насыщенность настоящее	76	629	1370	629	96,103	-0,968	0,333
Насыщенность будущее	76	514	1255	514	95,947	-2,168	0,03*
Целеустремленность прошлое	76	823	1564	823	96,244	1,049	0,294
Целеустремленность настоящее	76	674	1415	674	96,059	-0,5	0,617
Целеустремленность будущее	76	526	1267	526	95,799	-2,046	0,041
Уверенность	76	560	1301	560	96,245	-1,683	0,092
Удовлетворенность	76	620	1361	620	95,448	-1,069	0,285
Эмоциональность	76	630	1371	630	95,638	-0,962	0,336
Субъективный возраст прошлое	76	904	1645	904	96,223	1,891	0,059

Субъективный возраст настоящее	76	629	1370	629	96,103	-0,968	0,333
Субъективный возраст будущее	76	514	1255	514	95,947	-2,168	0,03*
Продуманность выбора	76	787	1528	787	95,968	0,677	0,498
Эмоциональная окраска выбора	76	888	1629	888	96,049	1,728	0,084
Самостоятельность выбора	76	709	1450	709	95,406	-0,136	0,892
Удовлетворенность выбором	76	827	1568	827	96,068	1,093	0,274
Шкала автономии	76	747	1488	747	95,995	0,26	0,795
Шкала самовыражения	76	795	1536	795	96,05	0,76	0,447

Различия значимы на уровне 0,05.

Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Козна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Причинные позитивные	37,746	0,019	-0,431	0,468
Целевые позитивные	41,649	-0,172	-0,622	0,279
Причинные негативные	11,370	-0,377	-0,830	0,078
Целевые негативные	11,923	-0,530	-0,986	-0,070
Всего причинных	39,567	-0,092	-0,541	0,358
Всего целевых	47,214	-0,245	-0,695	0,207
Всего реализованных	60,345	-0,500	-0,955	-0,041
Всего актуальных	36,528	0,146	-0,305	0,596
Всего потенциальных	33,910	0,284	-0,169	0,735
Реализованность – прошлое	30,440280437704804	-0,503	-0,959	-0,045
Актуальность – настоящее	17,367900058952240	0,218	-0,234	0,668
Потенциальность – будущее	23,071299498508385	0,500	0,041	0,955
Ожидаемая продолжительность жизни	20,701	0,413	-0,043	0,866
Психологический возраст	26,941875289040443	-0,344	-0,795	0,111
Коэффициент взрослости	159,269656940984800	0,189	-0,263	0,639
Насыщенность прошлое	30,440280437704804	-0,503	-0,959	-0,045
Насыщенность настоящее	17,367900058952240	0,218	-0,234	0,668
Насыщенность будущее	23,071299498508385	0,500	0,041	0,955
Целеустремленность прошлое	111,545409637838160	-0,468	-0,922	-0,010
Целеустремленность настоящее	63,782206690637240	-0,064	-0,514	0,386
Целеустремленность будущее	32,480195246493760	0,152	-0,298	0,602
Уверенность	17,797974352937732	0,501	0,043	0,957
Удовлетворенность	10,954829449080698	0,333	-0,120	0,785
Эмоциональность	12,183659945641281	0,227	-0,225	0,677
Субъективный возраст прошлое	24,352224350163844	-0,503	-0,959	-0,045
Субъективный возраст настоящее	13,894320047161793	0,218	-0,234	0,668
Субъективный возраст будущее	18,457039598806706	0,500	0,041	0,955
Продуманность выбора	8,101	-0,091	-0,541	0,359
Эмоциональная окраска выбора	7,805	-0,310	-0,762	0,143
Самостоятельность выбора	4,236	0,174	-0,277	0,624
Удовлетворенность выбором	10,693	-0,202	-0,652	0,250
Шкала автономии	6,866	0,073	-0,377	0,522
Шкала самовыражения	7,818	-0,088	-0,537	0,363

a. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Козна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- o Маленький эффект: $d < 0,2$ $d < 0,2$
- o Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$ $0,2 \leq d < 0,8$
- o Большой эффект: $d \geq 0,8$ $d \geq 0,8$

Различия между возрастными группами старшее подростничество (14 лет) и ранняя взрослость (24–28 лет)

Параметр	Всего	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартн ая ошибка	Стандартиз ованная статистика критерия	Асимптотич еская значимость (2- сторонний критерий)
Причинные позитивные	70	456	984	456	84,754	-1,793	0,073
Целевые позитивные	70	430	958	430	84,742	-2,1	0,036*
Причинные негативные	70	434	962	434	78,736	-2,21	0,027*
Целевые негативные	70	372	900	372	81,865	-2,883	0,004**
Всего причинных	70	428	956	428	84,754	-2,124	0,034*
Всего целевых	70	424	952	424	84,772	-2,171	0,03*
Всего реализованных	70	636	1164	636	84,76	0,33	0,741
Всего актуальных	70	376	904	376	84,564	-2,744	0,006**
Всего потенциальных	70	316	844	316	84,504	-3,455	0,001***
Реализованность – прошлое	70	818	1346	818	84,671	2,48	0,013*
Актуальность – настоящее	70	498	1026	498	84,587	-1,3	0,193
Потенциальность – будущее	70	404	932	404	84,581	-2,412	0,016*
Психологический возраст	70	720	1248	720	84,784	1,321	0,186
Ожидаемая продолжительность жизни	70	304	832	304	83,714	-3,631	0,000***
Коэффициент взрослости	70	454	982	454	84,789	-1,816	0,069
Насыщенность прошлое	70	824	1352	824	84,73	2,549	0,011*
Насыщенность настоящее	70	498	1026	498	84,587	-1,3	0,193
Насыщенность будущее	70	404	932	404	84,581	-2,412	0,016*
Целеустремленность прошлое	70	522	1050	522	84,789	-1,014	0,31
Целеустремленность настоящее	70	414	942	414	84,587	-2,293	0,022*
Целеустремленность будущее	70	312	840	312	84,587	-3,499	0,000***
Уверенность	70	812	1340	812	84,789	2,406	0,016*
Удовлетворенность	70	534	1062	534	84,295	-0,878	0,38
Эмоциональность	70	650	1178	650	84,068	0,5	0,617
Субъективный возраст прошлое	70	824	1352	824	84,73	2,549	0,011*
Субъективный возраст настоящее	70	498	1026	498	84,587	-1,3	0,193

Субъективный возраст будущее	70	404	932	404	84,581	-2,412	0,016*
Продуманность выбора	70	774	1302	774	84,283	1,97	0,049*
Эмоциональная окраска выбора	70	672	1200	672	84,623	0,756	0,449
Самостоятельность выбора	70	730	1258	730	83,587	1,46	0,144
Удовлетворенность выбором	70	602	1130	602	84,516	-0,071	0,943
Шкала автономии	70	556	1084	556	84,415	-0,616	0,538
Шкала самовыражения	70	670	1198	670	84,522	0,734	0,463

Различия значимы на уровне 0,05.

Различия значимы на уровне 0,01.

Различия значимы на уровне 0,001.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^а	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Причинные позитивные	31,048	0,492	0,013	0,968
Целевые позитивные	30,645	0,585	0,103	1,063
Причинные негативные	5,040	0,551	0,070	1,028
Целевые негативные	3,179	0,704	0,216	1,186
Всего причинных	32,158	0,563	0,082	1,041
Всего целевых	33,561	0,665	0,179	1,146
Всего реализованных	40,025	-0,086	-0,557	,384
Всего актуальных	27,948	0,758	0,268	1,242
Всего потенциальных	23,513	0,965	0,465	1,459
Реализованность – прошлое	28,332384324130600	-0,565	-1,043	-0,083
Актуальность – настоящее	16,434537214694410	0,252	-0,221	0,723
Потенциальность – будущее	22,933345042824770	0,517	0,037	0,994
Ожидаемая продолжительность жизни	20,118	0,676	0,190	1,157
Психологический возраст	24,857324676758445	-0,395	-0,869	0,081
Коэффициент взрослости	143,640345711791870	0,472	-0,007	0,947
Насыщенность прошлое	28,332384324130597	-0,565	-1,043	-0,083
Насыщенность настоящее	16,434537214694410	0,252	-0,221	0,723
Насыщенность будущее	22,933345042824772	0,517	0,037	0,994
Целеустремленность прошлое	41,502672041342194	0,204	-0,269	0,674
Целеустремленность настоящее	37,192041593528266	0,676	0,190	1,157
Целеустремленность будущее	20,336534462619323	0,822	0,329	1,309
Уверенность	13,828105804411320	-0,444	-0,919	0,034
Удовлетворенность	10,598470383240606	0,310	-0,164	0,782
Эмоциональность	10,706139489152540	0,119	-0,352	0,589
Субъективный возраст прошлое	22,665907459304474	-0,565	-1,043	-0,083
Субъективный возраст настоящее	13,147629771755527	0,252	-0,221	0,723
Субъективный возраст будущее	18,346676034259810	0,517	0,037	0,994
Продуманность выбора	7,609	-0,372	-0,845	0,104
Эмоциональная окраска выбора	5,964	-0,270	-0,742	0,203
Самостоятельность выбора	3,893	-0,195	-0,666	0,277
Удовлетворенность выбором	9,752	-0,070	-0,541	0,400
Шкала автономии	5,622	0,253	-0,220	0,724
Шкала самовыражения	7,711	-0,057	-0,527	0,413

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$

Различия между возрастными группами ранняя юность (15–18 лет) и поздняя юность (19–23 лет)

Параметр	Всего	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандарт ная ошибка	Стандартиз ованная статистика критерия	Асимптоти ческая значимость (2- сторонний критерий)
Причинные позитивные	86	1009,5	1750,5	1009,5	114,973	0,848	0,396
Целевые позитивные	86	965	1706	965	114,978	0,461	0,645
Причинные негативные	86	924,5	1665,5	924,5	111,332	0,112	0,911
Целевые негативные	86	815,5	1556,5	815,5	113,305	-0,852	0,394
Всего причинных	86	1005,5	1746,5	1005,5	114,972	0,813	0,416
Всего целевых	86	1005,5	1746,5	1005,5	114,972	0,813	0,416
Всего реализованных	86	959	1700	959	114,98	0,409	0,683
Всего актуальных	86	968	1709	968	114,775	0,488	0,626
Всего потенциальных	86	923,5	1664,5	923,5	113,519	0,101	0,919
Реализованность – прошлое	86	956,5	1697,5	956,5	114,84	0,387	0,698
Актуальность – настоящее	86	986,5	1727,5	986,5	114,796	0,649	0,516
Потенциальность – будущее	86	928	1669	928	113,576	0,141	0,888
Психологический возраст	86	975,5	1716,5	975,5	114,991	0,552	0,581
Ожидаемая продолжительность жизни	86	899	1640	899	113,308	-0,115	0,909
Коэффициент взрослости	86	818	1559	818	114,993	-0,817	0,414
Насыщенность прошлое	86	960	1701	960	114,876	0,418	0,676
Насыщенность настоящее	86	986,5	1727,5	986,5	114,796	0,649	0,516
Насыщенность будущее	86	928	1669	928	113,576	0,141	0,888
Целеустремленность прошлое	86	957	1698	957	114,995	0,391	0,696
Целеустремленность настоящее	86	941,5	1682,5	941,5	114,747	0,257	0,797
Целеустремленность будущее	86	926	1667	926	112,771	0,124	0,901
Уверенность	86	872,5	1613,5	872,5	114,993	-0,343	0,731
Удовлетворенность	86	797	1538	797	113,254	-1,015	0,31
Эмоциональность	86	838,5	1579,5	838,5	113,695	-0,646	0,518
Субъективный возраст прошлое	85	922	1663	922	113,013	0,257	0,797
Субъективный возраст настоящее	85	951	1692	951	112,976	0,513	0,608

Субъективный возраст будущее	85	895	1636	895	111,857	0,018	0,986
Продуманность выбора	86	843,5	1584,5	843,5	114,608	-0,598	0,55
Эмоциональная окраска выбора	86	1148	1889	1148	114,833	2,055	0,04*
Самостоятельность выбора	86	882	1623	882	114,113	-0,263	0,793
Удовлетворенность выбором	86	1065,5	1806,5	1065,5	114,849	1,337	0,181
Шкала автономии	86	994,5	1735,5	994,5	114,775	0,719	0,472
Шкала самовыражения	86	952	1693	952	114,722	0,349	0,727

Различия значимы на уровне 0,05.

Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Козна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Причинные позитивные	30,417	-0,322	-0,749	0,108
Целевые позитивные	40,493	-0,203	-0,629	0,224
Причинные негативные	15,124	-0,008	-0,434	0,417
Целевые негативные	23,827	0,107	-0,319	0,533
Всего причинных	35,116	-0,266	-0,693	0,162
Всего целевых	50,068	-0,109	-0,535	0,317
Всего реализованных	66,445	-0,128	-0,554	0,298
Всего актуальных	36,349	-0,153	-0,578	0,274
Всего потенциальных	35,718	-0,022	-0,447	0,404
Реализованность – прошлое	34,127930699653106	-0,044	-0,470	0,382
Актуальность – настоящее	18,027385472137013	-0,128	-0,554	0,298
Потенциальность – будущее	23,901980965052896	0,073	-0,353	0,498
Ожидаемая продолжительность жизни	18,186	0,209	-0,218	0,635
Психологический возраст	28,526856852854530	-0,095	-0,520	0,331
Коэффициент взрослости	158,048856576077900	0,197	-0,230	0,623
Насыщенность прошлое	34,127930699653106	-0,044	-0,470	0,382
Насыщенность настоящее	18,027385472137013	-0,128	-0,554	0,298
Насыщенность будущее	23,901980965052896	0,073	-0,353	0,498
Целеустремленность прошлое	118,030640951580410	-0,236	-0,663	0,191
Целеустремленность настоящее	75,614934555586670	-0,085	-0,510	0,341
Целеустремленность будущее	33,393979771344010	-0,059	-0,484	0,367
Уверенность	20,045695712939570	0,140	-0,286	0,566
Удовлетворенность	10,125391676391960	0,236	-0,192	0,662
Эмоциональность	11,789063185814050	0,105	-0,322	0,530
Субъективный возраст прошлое	27,087765092066950	-0,012	-0,440	0,415
Субъективный возраст настоящее	14,329645664661227	-0,099	-0,526	0,329
Субъективный возраст будущее	19,144980601082853	0,091	-0,337	0,519
Продуманность выбора	7,644	0,127	-0,299	0,553
Эмоциональная окраска выбора	7,743	-0,352	-0,780	0,078
Самостоятельность выбора	4,156	0,160	-0,267	0,585
Удовлетворенность выбором	9,764	-0,163	-0,589	0,263
Шкала автономии	7,206	-0,110	-0,536	0,316
Шкала самовыражения	7,022	0,001	-0,425	0,427

a. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Козна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$, $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$, $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$, $d \geq 0,8$

Различия между возрастными группами ранняя юность (15–18 лет) и ранняя
взрослость (24–28 лет)

Параметр	Всего	U Манна- Уитни	W Уилкоксо на	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартиз ованная статистика критерия	Асимптотиче ская значимость (2-сторонний критерий)
Причинные позитивные	80	641	1169	641	101,749	-1,248	0,212
Целевые позитивные	80	511	1039	511	101,778	-2,525	0,012*
Причинные негативные	80	503	1031	503	95,64	-2,771	0,006**
Целевые негативные	80	394	922	394	98,739	-3,788	0,000***
Всего причинных	80	543	1071	543	101,782	-2,211	0,027*
Всего целевых	80	416	944	416	101,797	-3,458	0,001***
Всего реализованных	80	672	1200	672	101,791	-0,943	0,346
Всего актуальных	80	644	1172	644	101,526	-1,221	0,222
Всего потенциальных	80	716	1244	716	100,505	-0,517	0,605
Реализованность – прошлое	80	808	1336	808	101,596	0,394	0,694
Актуальность –настоящее	80	830	1358	830	101,543	0,611	0,541
Потенциальность – будущее	80	798	1326	798	100,596	0,298	0,766
Психологический возраст	80	801	1329	801	101,805	0,324	0,746
Ожидаемая продолжительность жизни	80	525	1053	525	100,197	-2,425	0,015*
Коэффициент взрослости	80	600	1128	600	101,808	-1,65	0,099
Насыщенность прошлое	80	808	1336	808	101,596	0,394	0,694
Насыщенность настоящее	80	830	1358	830	101,543	0,611	0,541
Насыщенность будущее	80	798	1326	798	100,596	0,298	0,766
Целеустремленность прошлое	80	593	1121	593	101,811	-1,719	0,086

Целеустремленность настоящее	80	562	1090	562	101,543	-2,029	0,042*
Целеустремленность будущее	80	648	1176	648	100,252	-1,197	0,231
Уверенность	80	1112	1640	1112	101,808	3,379	0,001***
Удовлетворенность	80	693	1221	693	100,33	-0,748	0,455
Эмоциональность	80	810	1338	810	100,14	0,419	0,675
Субъективный возраст прошлое	79	777	1305	777	99,903	0,25	0,802
Субъективный возраст настоящее	79	801	1329	801	99,902	0,49	0,624
Субъективный возраст будущее	79	770	1298	770	99,035	0,182	0,856
Продуманность выбора	80	868	1396	868	101,147	0,989	0,323
Эмоциональная окраска выбора	80	881	1409	881	101,401	1,114	0,265
Самостоятельность выбора	80	908	1436	908	100,694	1,39	0,164
Удовлетворенность выбором	80	769	1297	769	101,444	0,01	0,992
Шкала автономии	80	746	1274	746	101,506	-0,217	0,828
Шкала самовыражения	80	812	1340	812	101,395	0,434	0,664

Различия значимы на уровне 0,05.

Различия значимы на уровне 0,01.

Различия значимы на уровне 0,001.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Причинные позитивные	22,023	0,218	-0,232	0,665
Целевые позитивные	30,641	0,551	0,094	1,005
Причинные негативные	12,076	0,574	0,116	1,029
Целевые негативные	22,030	0,504	0,048	0,957
Всего причинных	27,280	0,454	0,000	0,906
Всего целевых	39,582	0,717	0,254	1,176
Всего реализованных	51,927	0,350	-0,102	0,800
Всего актуальных	28,948	0,356	-0,096	0,805
Всего потенциальных	27,658	0,444	-0,010	0,896
Реализованность – прошлое	32,787614377561590	-0,067	-0,514	0,381
Актуальность – настоящее	17,299628385741812	-0,114	-0,561	0,334
Потенциальность – будущее	23,848969238018906	0,087	-0,361	0,534
Ожидаемая продолжительность жизни	17,392	0,509	0,053	0,962
Психологический возраст	26,951988572043800	-0,122	-0,569	0,326
Коэффициент взрослости	144,299431726183400	0,478	0,023	0,930
Насыщенность прошлое	32,787614377561590	-0,067	-0,514	0,381
Насыщенность настоящее	17,299628385741812	-0,114	-0,561	0,334
Насыщенность будущее	23,848969238018906	0,087	-0,361	0,534
Целеустремленность прошлое	68,558003155634840	0,477	0,022	0,929
Целеустремленность настоящее	59,192886439346470	0,386	-0,067	0,836

Целеустремленность будущее	23,677607425641170	0,414	-0,039	0,865
Уверенность	17,289248083963210	-0,709	-1,167	-0,246
Удовлетворенность	9,720214521536231	0,208	-0,241	0,656
Эмоциональность	10,429291528431499	-0,025	-0,472	0,422
Субъективный возраст прошлое	25,974830357880492	-0,034	-0,483	0,416
Субъективный возраст настоящее	13,728229377622212	-0,083	-0,532	0,367
Субъективный возраст будущее	19,103898388686970	0,105	-0,345	0,554
Продуманность выбора	7,151	-0,157	-0,605	0,291
Эмоциональная окраска выбора	6,147	-0,312	-0,761	0,139
Самостоятельность выбора	3,846	-0,217	-0,665	0,233
Удовлетворенность выбором	8,781	-0,014	-0,461	0,433
Шкала автономии	6,226	0,020	-0,427	0,467
Шкала самовыражения	6,853	0,036	-0,411	0,484

а. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- Маленький эффект: $d < 0,2$ $d < 0,2$
- Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$ $0,2 \leq d < 0,8$
- Большой эффект: $d \geq 0,8$ $d \geq 0,8$

Различия между возрастными группами поздняя юность (19–23 лет) и ранняя взрослость (24–28 лет)

Параметр	Всего	U Манна- Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартн ая ошибка	Стандартиз ованная статистика критерия	Асимптотич еская значимость (2- сторонний критерий)
Причинные позитивные	70	458	986	458	84,765	-1,77	0,077
Целевые позитивные	70	400	928	400	84,778	-2,453	0,014*
Причинные негативные	70	401	929	401	79,239	-2,612	0,009**
Целевые негативные	70	395	923	395	80,926	-2,632	0,008**
Всего причинных	70	398	926	398	84,774	-2,477	0,013*
Всего целевых	70	367	895	367	84,783	-2,843	0,004**
Всего реализованных	70	515	1043	515	84,779	-1,097	0,273
Всего актуальных	70	472	1000	472	84,624	-1,607	0,108
Всего потенциальных	70	559	1087	559	84,046	-0,583	0,56
Реализованность – прошлое	70	633	1161	633	84,648	0,295	0,768
Актуальность – настоящее	70	609	1137	609	84,648	0,012	0,991
Потенциальность – будущее	70	604	1132	604	84,084	-0,048	0,962

Психологический возраст	70	632	1160	632	84,801	0,283	0,777
Ожидаемая продолжительность жизни	70	441	969	441	83,28	-2,005	0,045*
Коэффициент взрослости	70	557	1085	557	84,807	-0,601	0,548
Насыщенность прошлое	70	630	1158	630	84,689	0,26	0,795
Насыщенность настоящее	70	609	1137	609	84,648	0,012	0,991
Насыщенность будущее	70	604	1132	604	84,084	-0,048	0,962
Целеустремленность прошлое	70	453	981	453	84,807	-1,828	0,068
Целеустремленность настоящее	70	446	974	446	84,599	-1,915	0,056
Целеустремленность будущее	70	520	1048	520	83,82	-1,05	0,294
Уверенность	70	884	1412	884	84,803	3,255	0,001***
Удовлетворенность	70	637	1165	637	83,456	0,347	0,728
Эмоциональность	70	711	1239	711	83,469	1,234	0,217
Субъективный возраст прошлое	70	630	1158	630	84,689	0,26	0,795
Субъективный возраст настоящее	70	609	1137	609	84,648	0,012	0,991
Субъективный возраст будущее	70	604	1132	604	84,084	-0,048	0,962
Продуманность выбора	70	728	1256	728	84,211	1,425	0,154
Эмоциональная окраска выбора	70	514	1042	514	84,586	-1,111	0,266
Самостоятельность выбора	70	732	1260	732	83,437	1,486	0,137
Удовлетворенность выбором	70	518	1046	518	84,516	-1,065	0,287
Шкала автономии	70	525	1053	525	84,41	-0,983	0,325

Шкала самовыражения	70	593	1121	593	84,269	-0,178	0,859
---------------------	----	-----	------	-----	--------	--------	-------

Различия значимы на уровне 0,05.

Различия значимы на уровне 0,01.

Различия значимы на уровне 0,001.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Причинные позитивные	31,507	0,463	-0,016	0,938
Целевые позитивные	40,748	0,616	0,133	1,096
Причинные негативные	11,347	0,623	0,139	1,102
Целевые негативные	12,228	0,699	0,212	1,182
Всего причинных	33,740	0,645	0,160	1,125
Всего целевых	45,478	0,744	0,255	1,228
Всего реализованных	61,944	0,431	-0,046	0,905
Всего актуальных	32,521	0,487	0,008	0,963
Всего потенциальных	29,578	0,442	-0,036	0,916
Реализованность – прошлое	30,888493896335145	-0,022	-0,492	0,448
Актуальность – настоящее	16,860432825963155	0,021	-0,450	0,491
Потенциальность – будущее	20,829282539704680	0,016	-0,454	0,486
Ожидаемая продолжительность жизни	18,223	0,277	-0,196	0,749
Психологический возраст	28,383042576119880	-0,020	-0,490	0,450
Коэффициент взрослости	132,336995671328300	0,285	-0,189	0,757
Насыщенность прошлое	30,888493896335145	-0,022	-0,492	0,448
Насыщенность настоящее	16,860432825963155	0,021	-0,450	0,491
Насыщенность будущее	20,829282539704680	0,016	-0,454	0,486
Целеустремленность прошлое	114,397780935862270	0,530	0,049	1,007
Целеустремленность настоящее	58,670918182711930	0,499	0,019	0,974
Целеустремленность будущее	29,849372253467635	0,394	-0,082	0,867
Уверенность	19,020058226861916	-0,792	-1,278	-0,301
Удовлетворенность	8,455427338904174	-0,044	-0,514	0,427
Эмоциональность	10,324570301638934	-0,145	-0,615	0,327
Субъективный возраст прошлое	24,710795117068113	-0,022	-0,492	0,448
Субъективный возраст настоящее	13,488346260770522	0,021	-0,450	0,491
Субъективный возраст будущее	16,663426031763745	0,016	-0,454	0,486
Продуманность выбора	7,423	-0,282	-0,754	0,191
Эмоциональная окраска выбора	7,356	0,110	-0,361	0,580
Самостоятельность выбора	4,632	-0,323	-0,795	0,151
Удовлетворенность выбором	10,221	0,144	-0,328	0,614
Шкала автономии	6,759	0,136	-0,335	0,607
Шкала самовыражения	7,880	0,031	-0,440	0,501

a. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- o Маленький эффект: $d < 0,2$ $d < 0,2$
- o Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$ $0,2 \leq d < 0,8$
- o Большой эффект: $d \geq 0,8$ $d \geq 0,8$

Различия между группами по полу

Параметр	Всего	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Статистика критерия	Стандартная ошибка	Стандартизованная статистика критерия	Асимптотическая значимость (2-сторонний критерий)
Причинные позитивные	156	3543	6624	3543	282,07	1,776	0,076
Целевые позитивные	156	3586,5	6667,5	3586,5	282,077	1,93	0,054
Причинные негативные	156	3136,5	6217,5	3136,5	268,921	0,351	0,725

Целевые негативные	156	2714,5	5795,5	2714,5	275,872	-1,187	0,235
Всего причинных	156	3419,5	6500,5	3419,5	282,085	1,338	0,181
Всего целевых	156	3544	6625	3544	282,096	1,78	0,075
Всего реализованных	156	3516	6597	3516	282,087	1,68	0,093
Всего актуальных	156	3018	6099	3018	281,512	-0,085	0,932
Всего потенциальных	156	2989	6070	2989	280,109	-0,189	0,85
Реализованность – прошлое	156	3410,5	6491,5	3410,5	281,727	1,308	0,191
Актуальность – настоящее	156	2832	5913	2832	281,545	-0,746	0,456
Потенциальность – будущее	156	2882	5963	2882	280,237	-0,571	0,568
Психологический возраст	156	3443,5	6524,5	3443,5	282,104	1,423	0,155
Ожидаемая продолжительность жизни	156	3015	6096	3015	278,26	-0,097	0,923
Коэффициент взрослости	156	3501	6582	3501	282,113	1,627	0,104
Насыщенность прошлое	156	3395	6476	3395	281,868	1,252	0,21
Насыщенность настоящее	156	2832	5913	2832	281,545	-0,746	0,456
Насыщенность будущее	156	2882	5963	2882	280,237	-0,571	0,568
Целеустремленность в прошлое	156	3490,5	6571,5	3490,5	282,119	1,59	0,112
Целеустремленность в настоящее	156	3123	6204	3123	281,473	0,288	0,774
Целеустремленность в будущее	156	3207	6288	3207	279,554	0,59	0,555
Уверенность	156	2642,5	5723,5	2642,5	282,122	-1,416	0,157
Удовлетворенность	156	3334,5	6415,5	3334,5	279,306	1,047	0,295
Эмоциональность	156	2918,5	5999,5	2918,5	279,701	-0,442	0,659
Субъективный возраст прошлое	155	3317	6398	3317	279,159	1,125	0,261
Субъективный возраст настоящее	155	2759,5	5840,5	2759,5	278,898	-0,873	0,383

Субъективный возраст будущее	155	2813,5	5894,5	2813,5	277,66	-0,682	0,495
Продуманность выбора	156	3242	6323	3242	281,136	0,711	0,477
Эмоциональная окраска выбора	156	2185,5	5266,5	2185,5	281,742	-3,04	0,002**
Самостоятельность выбора	156	2665	5746	2665	279,471	-1,349	0,177
Удовлетворенность выбором	156	2275,5	5356,5	2275,5	281,74	-2,721	0,007**
Шкала автономии	156	2610	5691	2610	281,398	-1,535	0,125
Шкала самовыражения	156	2221,5	5302,5	2221,5	281,411	-2,916	0,004**

Различия значимы на уровне 0,05.

Различия значимы на уровне 0,01.

Коэффициент d-Коэна	Стандартизатор ^a	Точечная оценка	95% доверительный интервал	
			Нижняя	Верхняя
Причинные позитивные	30,880	-0,261	-0,575	0,055
Целевые позитивные	36,848	-0,275	-0,590	0,041
Причинные негативные	12,012	-0,058	-0,371	0,256
Целевые негативные	18,278	-0,093	-0,407	0,221
Всего причинных	34,244	-0,238	-0,553	0,077
Всего целевых	44,515	-0,248	-0,563	0,067
Всего реализованных	56,407	-0,329	-0,645	-0,013
Всего актуальных	33,479	-0,004	-0,318	0,310
Всего потенциальных	31,594	-0,015	-0,329	0,298
Реализованность – прошлое	31,994144030802993	-0,178	-0,492	0,137
Актуальность – настоящее	17,349482176963726	0,099	-0,215	0,413
Потенциальность – будущее	23,768214549347974	0,113	-0,201	0,427
Ожидаемая продолжительность жизни	19,533	-0,069	-0,383	0,245
Психологический возраст	26,936670576794490	-0,176	-0,490	0,139
Коэффициент взрослости	152,388888051101300	-0,206	-0,520	0,109
Насыщенность прошлое	31,994144030802993	-0,178	-0,492	0,137
Насыщенность настоящее	17,349482176963726	0,099	-0,215	0,413
Насыщенность будущее	23,768214549347974	0,113	-0,201	0,427
Целеустремленность прошлое	93,134347904959230	-0,310	-0,625	0,006
целеустремленность настоящее	61,938843026337075	-0,080	-0,394	0,234
Целеустремленность будущее	28,696210048753326	-0,019	-0,333	0,295
Уверенность	18,238892100266032	0,160	-0,154	0,475
Удовлетворенность	10,363597731656684	-0,103	-0,417	0,212
Эмоциональность	11,271194814776605	0,102	-0,212	0,416
Субъективный возраст прошлое	25,505066034182622	-0,160	-0,475	0,156
Субъективный возраст настоящее	13,797154724816120	0,121	-0,194	0,436
Субъективный возраст будущее	19,012538521795193	0,126	-0,189	0,441
Продуманность выбора	7,617	-0,177	-0,491	0,138
Эмоциональная окраска выбора	6,803	0,543	0,222	0,862
Самостоятельность выбора	4,020	0,226	-0,089	0,541
Удовлетворенность выбором	9,464	0,473	0,154	0,790
Шкала автономии	6,468	0,272	-0,044	0,586
Шкала самовыражения	7,069	0,508	0,188	0,826

a. Этот знаменатель используется при оценке размеров эффектов.

d-Коэна использует среднеквадратичное отклонение пула.

- o Маленький эффект: $d < 0,2$ $d < 0,2$
- o Средний эффект: $0,2 \leq d < 0,8$ $0,2 \leq d < 0,8$
- o Большой эффект: $d \geq 0,8$ $d \geq 0,8$

**Приложение 11. Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) по второму этапу
Возраст 14 лет (старший подростковый)**

Параметры		Продуманность выбора	Эмоциональная окраска выбора	Самостоятельность выбора	Удовлетворенность выбором	Шкала автономии	Шкала самовыражения
Причинные позитивные	Коэффициент корреляции	-0,033	-0,112	0,159	-0,195	0,017	-0,022
	знач. (двухсторонняя)	0,846	0,504	0,341	0,241	0,921	0,893
	N	38	38	38	38	38	38
Причинные негативные	Коэффициент корреляции	0,047	-0,241	-0,166	0,113	-0,378*	-0,566***
	знач. (двухсторонняя)	0,780	0,144	0,318	0,498	0,019	0,000
	N	38	38	38	38	38	38
Целевые позитивные	Коэффициент корреляции	0,253	-0,004	-0,005	0,127	0,298	0,104
	знач. (двухсторонняя)	0,125	0,981	0,975	0,447	0,069	0,533
	N	38	38	38	38	38	38
Целевые негативные	Коэффициент корреляции	0,102	-0,058	-0,145	-0,189	-0,547***	-0,280
	знач. (двухсторонняя)	0,542	0,727	0,385	0,257	0,000	0,088
	N	38	38	38	38	38	38
Всего причинных	Коэффициент корреляции	-0,073	-0,150	0,119	-0,240	-0,042	-0,070
	знач. (двухсторонняя)	0,664	0,368	0,475	0,147	0,801	0,674
	N	38	38	38	38	38	38
Всего целевых	Коэффициент корреляции	0,224	-0,018	-0,032	0,059	0,177	0,065
	знач. (двухсторонняя)	0,176	0,914	0,847	0,723	0,286	0,697
	N	38	38	38	38	38	38
Всего реализованных	Коэффициент корреляции	-0,087	-0,111	0,061	-0,383*	-0,204	0,007
	знач. (двухсторонняя)	0,601	0,507	0,718	0,018	0,218	0,964
	N	38	38	38	38	38	38
Всего актуальных	Коэффициент корреляции	0,102	0,162	0,076	0,178	0,273	0,039
	знач. (двухсторонняя)	0,541	0,332	0,649	0,286	0,098	0,817
	N	38	38	38	38	38	38
Всего потенциальных	Коэффициент корреляции	0,213	0,038	-0,046	0,280	0,333*	0,011
	знач. (двухсторонняя)	0,200	0,821	0,782	0,089	0,041	0,950
	N	38	38	38	38	38	38
Реализованность – прошлое	Коэффициент корреляции	-0,340*	-0,075	0,016	-0,409*	-0,303	0,005
	знач. (двухсторонняя)	0,037	0,655	0,922	0,011	0,064	0,975
	N	38	38	38	38	38	38
	Коэффициент корреляции	0,006	0,264	0,117	0,229	0,249	-0,154

Актуальность – настоящее	знач. (двухсторонняя)	0,971	0,109	0,485	0,167	0,132	0,355
	N	38	38	38	38	38	38
Потенциальность – будущее	Коэффициент корреляции	0,296	-0,042	-0,111	0,275	0,312	0,068
	знач. (двухсторонняя)	0,072	0,801	0,507	0,095	0,057	0,686
	N	38	38	38	38	38	38
Ожидаемая продолжительность жизни	Коэффициент корреляции	0,239	0,349*	0,145	0,609***	0,018	0,049
	знач. (двухсторонняя)	0,148	0,032	0,384	0,000	0,914	0,769
	N	38	38	38	38	38	38
Психологический возраст	Коэффициент корреляции	-0,277	0,010	0,110	-0,262	-0,357*	-0,037
	знач. (двухсторонняя)	0,092	0,954	0,509	0,112	0,028	0,826
	N	38	38	38	38	38	38
Коэффициент взрослости	Коэффициент корреляции	-0,277	0,010	0,110	-0,262	-0,357*	-0,037
	знач. (двухсторонняя)	0,092	0,954	0,509	0,112	0,028	0,826
	N	38	38	38	38	38	38
Насыщенность прошлое	Коэффициент корреляции	-0,343*	-0,061	0,024	-0,397*	-0,299	0,017
	знач. (двухсторонняя)	0,035	0,717	0,887	0,014	0,068	0,921
	N	38	38	38	38	38	38
Насыщенность настоящее	Коэффициент корреляции	0,006	0,264	0,117	0,229	0,249	-0,154
	знач. (двухсторонняя)	0,971	0,109	0,485	0,167	0,132	0,355
	N	38	38	38	38	38	38
Насыщенность будущее	Коэффициент корреляции	0,296	-0,042	-0,111	0,275	0,312	0,068
	знач. (двухсторонняя)	0,072	0,801	0,507	0,095	0,057	0,686
	N	38	38	38	38	38	38
Целеустремленность прошлое	Коэффициент корреляции	0,026	-0,077	-0,002	-0,245	-0,092	0,006
	знач. (двухсторонняя)	0,879	0,648	0,992	0,139	0,581	0,971
	N	38	38	38	38	38	38
Целеустремленность настоящее	Коэффициент корреляции	0,112	0,103	0,060	0,132	0,325	0,101
	знач. (двухсторонняя)	0,502	0,538	0,720	0,429	0,047	0,548
	N	38	38	38	38	38	38
Целеустремленность будущее	Коэффициент корреляции	0,202	0,114	-0,034	0,283	0,407*	0,093
	знач. (двухсторонняя)	0,224	0,494	0,839	0,085	0,011	0,577
	N	38	38	38	38	38	38
Уверенность	Коэффициент корреляции	-0,004	0,381*	0,439**	0,365*	0,085	0,407*
	знач. (двухсторонняя)	0,979	0,018	0,006	0,024	0,614	0,011
	N	38	38	38	38	38	38
Удовлетворенность	Коэффициент корреляции	-0,179	0,191	0,214	0,127	0,135	0,430**

	знач. (двухсторонняя)	0,283	0,250	0,197	0,447	0,418	0,007
	N	38	38	38	38	38	38
Эмоциональ ность	Коэффициент корреляции	-0,394*	0,406*	0,338*	-0,009	0,170	0,530***
	знач. (двухсторонняя)	0,014	0,011	0,038	0,956	0,307	0,001
	N	38	38	38	38	38	38
Субъективн ый возраст прошлое	Коэффициент корреляции	-0,343*	-0,061	0,024	-0,397*	-0,299	0,017
	знач. (двухсторонняя)	0,035	0,717	0,887	0,014	0,068	0,921
	N	38	38	38	38	38	38
Субъективн ый возраст настоящее	Коэффициент корреляции	0,006	0,264	0,117	0,229	0,249	-0,154
	знач. (двухсторонняя)	0,971	0,109	0,485	0,167	0,132	0,355
	N	38	38	38	38	38	38
Субъективн ый возраст будущее	Коэффициент корреляции	0,296	-0,042	-0,111	0,275	0,312	0,068
	знач. (двухсторонняя)	0,072	0,801	0,507	0,095	0,057	0,686
	N	38	38	38	38	38	38

* Корреляции значимы на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляции значимы на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Корреляции значимы на уровне 0,001 (двухсторонняя).

Возраст 15–18 лет (ранняя юность)

Параметры		Продуманн ость выбора	Эмоционал ьная окраска выбора	Самостоят ельность выбора	Удовлетво ренность выбором	Шкала автономии	Шкала самовыраж ения
Причинные позитивны е	Коэффициент корреляции	0,058	0,081	-0,018	0,273	0,043	0,077
	знач. (двухсторонняя)	0,697	0,584	0,904	0,060	0,772	0,601
	N	48	48	48	48	48	48
Целевые позитивны е	Коэффициент корреляции	-0,014	0,028	-0,069	0,220	-0,075	0,054
	знач. (двухсторонняя)	0,926	0,852	0,641	0,132	0,615	0,715
	N	48	48	48	48	48	48
Причинные негативные	Коэффициент корреляции	-0,147	-0,155	-0,318*	-0,076	-0,137	-0,240
	знач. (двухсторонняя)	0,320	0,291	0,028	0,608	0,355	0,100
	N	48	48	48	48	48	48
Целевые негативные	Коэффициент корреляции	-0,026	0,034	0,000	0,001	0,037	-0,140
	знач. (двухсторонняя)	0,860	0,816	0,999	0,994	0,801	0,344
	N	48	48	48	48	48	48
Всего причинных	Коэффициент корреляции	-0,019	-0,034	-0,157	0,172	-0,027	-0,018
	знач. (двухсторонняя)	0,898	0,817	0,287	0,241	0,853	0,905
	N	48	48	48	48	48	48
Всего целевых	Коэффициент корреляции	0,045	0,033	-0,044	0,281	-0,023	-0,020
	знач. (двухсторонняя)	0,760	0,823	0,764	0,053	0,876	0,893

	N	48	48	48	48	48	48
Всего реализованных	Коэффициент корреляции	-0,137	-0,112	-0,096	-0,081	0,015	-0,221
	знач. (двухсторонняя)	0,352	0,448	0,515	0,585	0,918	0,130
	N	48	48	48	48	48	48
Всего актуальных	Коэффициент корреляции	0,216	0,169	-0,106	0,305*	0,045	-0,003
	знач. (двухсторонняя)	0,139	0,252	0,474	0,035	0,763	0,983
	N	48	48	48	48	48	48
Всего потенциальных	Коэффициент корреляции	0,126	0,008	-0,040	0,227	-0,102	0,132
	знач. (двухсторонняя)	0,392	0,955	0,787	0,120	0,491	0,370
	N	48	48	48	48	48	48
Реализованность – прошлое	Коэффициент корреляции	-0,249	-0,136	-0,065	-0,276	-0,033	-0,228
	знач. (двухсторонняя)	0,088	0,358	0,661	0,057	0,824	0,120
	N	48	48	48	48	48	48
Актуальность – настоящее	Коэффициент корреляции	0,182	0,131	-0,099	0,195	0,009	0,000
	знач. (двухсторонняя)	0,217	0,375	0,504	0,184	0,951	0,999
	N	48	48	48	48	48	48
Потенциальность – будущее	Коэффициент корреляции	0,134	-0,028	-0,012	0,131	-0,116	0,112
	знач. (двухсторонняя)	0,363	0,850	0,936	0,377	0,432	0,448
	N	48	48	48	48	48	48
Ожидаемая продолжительность жизни	Коэффициент корреляции	0,178	0,236	0,078	0,440**	0,051	0,174
	знач. (двухсторонняя)	0,226	0,106	0,598	0,002	0,731	0,236
	N	48	48	48	48	48	48
Психологический возраст	Коэффициент корреляции	-0,171	-0,086	-0,035	-0,163	-0,015	-0,259
	знач. (двухсторонняя)	0,245	0,562	0,812	0,270	0,917	0,076
	N	48	48	48	48	48	48
Коэффициент взрослости	Коэффициент корреляции	-0,138	-0,070	-0,027	-0,134	0,001	-0,234
	знач. (двухсторонняя)	0,350	0,635	0,853	0,365	0,997	0,110
	N	48	48	48	48	48	48
Насыщенность прошлое	Коэффициент корреляции	-0,249	-0,136	-0,065	-0,276	-0,033	-0,228
	знач. (двухсторонняя)	0,088	0,358	0,661	0,057	0,824	0,120
	N	48	48	48	48	48	48
Насыщенность настоящее	Коэффициент корреляции	0,182	0,131	-0,099	0,195	0,009	0,000
	знач. (двухсторонняя)	0,217	0,375	0,504	0,184	0,951	0,999
	N	48	48	48	48	48	48
Насыщенность будущее	Коэффициент корреляции	0,134	-0,028	-0,012	0,131	-0,116	0,112
	знач. (двухсторонняя)	0,363	0,850	0,936	0,377	0,432	0,448
	N	48	48	48	48	48	48

Целеустремленность прошлое	Коэффициент корреляции	-0,121	-,0071	-0,085	0,015	-0,007	-0,202
	знач. (двухсторонняя)	0,411	0,630	0,568	0,920	0,963	0,168
	N	48	48	48	48	48	48
Целеустремленность настоящее	Коэффициент корреляции	0,247	0,165	-0,061	0,352*	0,049	0,011
	знач. (двухсторонняя)	0,090	0,263	0,678	0,014	0,740	0,941
	N	48	48	48	48	48	48
Целеустремленность будущее	Коэффициент корреляции	0,091	0,005	-0,113	0,268	-0,087	0,105
	знач. (двухсторонняя)	0,538	0,975	0,445	0,065	0,555	0,479
	N	48	48	48	48	48	48
Уверенность	Коэффициент корреляции	0,191	0,064	0,069	0,117	0,273	0,115
	знач. (двухсторонняя)	0,194	0,667	0,640	0,429	0,060	0,438
	N	48	48	48	48	48	48
Удовлетворенность	Коэффициент корреляции	0,148	-0,037	0,129	0,092	-0,176	0,063
	знач. (двухсторонняя)	0,315	0,802	0,382	0,536	0,230	0,669
	N	48	48	48	48	48	48
Эмоциональность	Коэффициент корреляции	0,206	0,024	0,057	0,057	-0,217	-0,053
	знач. (двухсторонняя)	0,161	0,870	0,701	0,701	0,138	0,720
	N	48	48	48	48	48	48
Субъективный возраст настоящее	Коэффициент корреляции	0,218	0,179	-0,074	0,250	0,047	0,044
	знач. (двухсторонняя)	0,140	0,229	0,620	0,090	0,753	0,772
	N	47	47	47	47	47	47
Субъективный возраст прошлое	Коэффициент корреляции	-0,229	-0,091	-0,031	-0,240	0,008	-0,189
	знач. (двухсторонняя)	0,122	0,542	0,837	0,104	0,959	0,203
	N	47	47	47	47	47	47
Субъективный возраст будущее	Коэффициент корреляции	0,162	0,009	0,011	0,176	-0,085	0,156
	знач. (двухсторонняя)	0,276	0,950	0,940	0,236	0,571	0,295
	N	47	47	47	47	47	47

* Корреляции значимы на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляции значимы на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Корреляции значимы на уровне 0,001 (двухсторонняя).

Возраст 19–23 года (поздняя юность)

Параметры		Продуманность выбора	Эмоциональная окраска выбора	Самостоятельность выбора	Удовлетворенность выбором	Шкала автономии	Шкала самовыражения
Причинные позитивные	Коэффициент корреляции	-0,128	-0,131	-0,132	-0,172	-0,094	-0,174
	знач. (двухсторонняя)	0,445	0,435	0,431	0,301	0,575	0,296
	N	38	38	38	38	38	38
	Коэффициент корреляции	-0,082	-0,029	-0,190	-0,124	-0,136	-0,315

Целевые позитивные	знач. (двухсторонняя)	0,625	0,862	0,254	0,460	0,416	0,054
	N	38	38	38	38	38	38
Причинные негативные	Коэффициент корреляции	-0,055	0,082	-0,232	0,075	-0,100	0,018
	знач. (двухсторонняя)	0,741	0,623	0,160	0,655	0,551	0,913
Целевые негативные	Коэффициент корреляции	-0,128	-0,046	-0,182	0,089	-0,119	0,089
	знач. (двухсторонняя)	0,444	0,786	0,273	0,596	0,477	0,596
Всего причинных	Коэффициент корреляции	-0,121	-0,079	-0,214	-0,124	-0,119	-0,147
	знач. (двухсторонняя)	0,470	0,635	0,196	0,456	0,476	0,378
Всего целевых	Коэффициент корреляции	-0,124	-0,045	-0,256	-0,053	-0,129	-0,214
	знач. (двухсторонняя)	0,459	0,787	0,120	0,751	0,440	0,196
Всего реализованных	Коэффициент корреляции	-0,043	0,044	0,074	0,089	-0,075	-0,063
	знач. (двухсторонняя)	0,799	0,791	0,658	0,594	0,656	0,706
Всего актуальных	Коэффициент корреляции	0,058	0,096	-0,179	0,070	0,038	0,002
	знач. (двухсторонняя)	0,728	0,567	0,283	0,676	0,819	0,989
Всего потенциальных	Коэффициент корреляции	-0,066	-0,055	-0,324*	-0,205	-0,014	-0,083
	знач. (двухсторонняя)	0,694	0,742	0,047	0,216	0,934	0,621
Реализованность – прошлое	Коэффициент корреляции	-0,026	0,010	0,208	0,078	-0,095	-0,011
	знач. (двухсторонняя)	0,879	0,954	0,211	0,641	0,572	0,947
Актуальность – настоящее	Коэффициент корреляции	0,188	0,191	-0,024	0,101	0,151	0,199
	знач. (двухсторонняя)	0,259	0,251	0,886	0,547	0,365	0,230
Потенциальность – будущее	Коэффициент корреляции	-0,105	-0,080	-0,257	-0,223	0,020	-0,040
	знач. (двухсторонняя)	0,532	0,634	0,119	0,178	0,906	0,811
Ожидаемая продолжительность жизни	Коэффициент корреляции	0,202	0,020	0,016	0,183	0,125	0,310
	знач. (двухсторонняя)	0,224	0,906	0,925	0,272	0,455	0,058
	Коэффициент корреляции	0,059	-0,012	0,194	0,184	0,019	0,128

Психологи- ческий возраст	знач. (двухсторонняя)	0,726	0,945	0,244	0,269	0,908	0,443
	N	38	38	38	38	38	38
Коэффицие- нт взрослости	Коэффициент корреляции	0,061	-0,035	0,171	0,163	0,016	0,136
	знач. (двухсторонняя)	0,714	0,836	0,303	0,329	0,922	0,417
	N	38	38	38	38	38	38
Насыщен- ность прошлое	Коэффициент корреляции	-0,030	0,012	0,208	0,075	-0,098	-0,015
	знач. (двухсторонняя)	0,858	0,943	0,211	0,656	0,558	0,931
	N	38	38	38	38	38	38
Насыщен- ность настоящее	Коэффициент корреляции	0,188	0,191	-0,024	0,101	0,151	0,199
	знач. (двухсторонняя)	0,259	0,251	0,886	0,547	0,365	0,230
	N	38	38	38	38	38	38
Насыщен- ность будущее	Коэффициент корреляции	-0,105	-0,080	-0,257	-0,223	0,020	-0,040
	знач. (двухсторонняя)	0,532	0,634	0,119	0,178	0,906	0,811
	N	38	38	38	38	38	38
Целеустре- мленность настоящее	Коэффициент корреляции	-0,036	0,089	-0,188	0,061	0,007	-0,036
	знач. (двухсторонняя)	0,830	0,595	0,258	0,717	0,968	0,830
	N	38	38	38	38	38	38
Целеустре- мленность прошлое	Коэффициент корреляции	-0,085	-0,039	-0,108	0,006	-0,115	-0,144
	знач. (двухсторонняя)	0,612	0,816	0,519	0,971	0,494	0,387
	N	38	38	38	38	38	38
Целеустре- мленность будущее	Коэффициент корреляции	-0,036	-0,019	-0,344*	-0,156	-0,051	-0,050
	знач. (двухсторонняя)	0,832	0,911	0,034	0,349	0,762	0,768
	N	38	38	38	38	38	38
Уверенност- ь	Коэффициент корреляции	0,298	0,326*	0,340*	0,386*	0,200	0,200
	знач. (двухсторонняя)	0,069	0,045	0,037	0,017	0,228	0,228
	N	38	38	38	38	38	38
Удовлетво- ренность	Коэффициент корреляции	0,061	0,034	0,029	-0,186	0,163	0,207
	знач. (двухсторонняя)	0,716	0,840	0,863	0,265	0,330	0,212
	N	38	38	38	38	38	38
Эмоционал- ьность	Коэффициент корреляции	0,076	0,199	0,081	-0,058	0,150	0,168
	знач. (двухсторонняя)	0,650	0,231	0,629	0,729	0,370	0,314
	N	38	38	38	38	38	38
Субъектив- ный возраст прошлое	Коэффициент корреляции	-0,030	0,012	0,208	0,075	-0,098	-0,015
	знач. (двухсторонняя)	0,858	0,943	0,211	0,656	0,558	0,931
	N	38	38	38	38	38	38
Субъектив- ный	Коэффициент корреляции	0,188	0,191	-0,024	0,101	0,151	0,199

возраст настоящее	знач. (двухсторонняя)	0,259	0,251	0,886	0,547	0,365	0,230
	N	38	38	38	38	38	38
Субъективный возраст будущее	Коэффициент корреляции	-0,105	-0,080	-0,257	-0,223	0,020	-0,040
	знач. (двухсторонняя)	0,532	0,634	0,119	0,178	0,906	0,811
	N	38	38	38	38	38	38

* Корреляции значимы на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляции значимы на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Корреляции значимы на уровне 0,001 (двухсторонняя).

Возраст 24–28 лет (ранняя взрослость)

Параметры		Продуманность выбора	Эмоциональная окраска выбора	Самостоятельность выбора	Удовлетворенность выбором	Шкала автономии	Шкала самовыражения
Причинные позитивные	Коэффициент корреляции	0,357*	0,192	-0,131	0,481**	0,078	0,449*
	знач. (двухсторонняя)	0,045	0,294	0,475	0,005	0,673	0,010
	N	32	32	32	32	32	32
Целевые позитивные	Коэффициент корреляции	0,306	0,083	-0,085	0,404*	0,103	0,442*
	знач. (двухсторонняя)	0,088	0,652	0,644	0,022	0,575	0,011
	N	32	32	32	32	32	32
Целевые негативные	Коэффициент корреляции	0,522**	-0,003	0,285	0,416*	0,122	0,395*
	знач. (двухсторонняя)	0,002	0,985	0,114	0,018	0,507	0,025
	N	32	32	32	32	32	32
Причинные негативные	Коэффициент корреляции	0,322	0,168	-0,204	0,446*	0,177	0,387*
	знач. (двухсторонняя)	0,073	0,358	0,263	0,011	0,332	0,029
	N	32	32	32	32	32	32
Всего причинных	Коэффициент корреляции	0,318	0,169	-0,156	0,511**	0,079	0,465**
	знач. (двухсторонняя)	0,076	0,356	0,393	0,003	0,667	0,007
	N	32	32	32	32	32	32
Всего целевых	Коэффициент корреляции	0,331	0,090	-0,046	0,412*	0,095	0,446**
	знач. (двухсторонняя)	0,064	0,623	0,802	0,019	0,604	0,010
	N	32	32	32	32	32	32
Всего актуальных	Коэффициент корреляции	-0,009	-0,058	-0,595***	0,181	0,079	0,135
	знач. (двухсторонняя)	0,961	0,753	0,000	0,321	0,667	0,461
	N	32	32	32	32	32	32
Всего реализованных	Коэффициент корреляции	0,339	0,092	0,003	0,392*	0,100	0,426*
	знач. (двухсторонняя)	0,058	0,617	0,987	0,026	0,587	0,015
	N	32	32	32	32	32	32
Всего потенциальных	Коэффициент корреляции	0,067	0,086	-0,099	0,248	-0,033	0,260
	знач. (двухсторонняя)	0,714	0,641	0,590	0,171	0,857	0,150

	N	32	32	32	32	32	32
Актуальность – настоящее	Коэффициент корреляции	-0,199	-0,017	-0,471**	-0,062	-0,021	-0,155
	знач. (двухсторонняя)	0,275	0,928	0,007	0,738	0,910	0,397
	N	32	32	32	32	32	32
Реализованность – прошлое	Коэффициент корреляции	0,108	-0,018	0,095	0,008	-0,015	0,064
	знач. (двухсторонняя)	0,555	0,921	0,604	0,967	0,935	0,727
	N	32	32	32	32	32	32
Ожидаемая продолжительность жизни	Коэффициент корреляции	0,105	-0,112	-0,206	0,489**	0,242	0,435*
	знач. (двухсторонняя)	0,567	0,540	0,257	0,004	0,182	0,013
	N	32	32	32	32	32	32
Потенциальность – будущее	Коэффициент корреляции	0,075	0,202	0,079	0,055	0,035	0,083
	знач. (двухсторонняя)	0,684	0,268	0,669	0,764	0,851	0,651
	N	32	32	32	32	32	32
Коэффициент взрослости	Коэффициент корреляции	0,119	0,020	0,120	0,007	0,000	0,080
	знач. (двухсторонняя)	0,518	0,915	0,512	0,968	1,000	0,662
	N	32	32	32	32	32	32
Психологический возраст	Коэффициент корреляции	0,132	-0,021	0,088	0,058	0,042	0,122
	знач. (двухсторонняя)	0,471	0,908	0,634	0,751	0,821	0,506
	N	32	32	32	32	32	32
Насыщенность настоящее	Коэффициент корреляции	-0,199	-0,017	-0,471**	-0,062	-0,021	-0,155
	знач. (двухсторонняя)	0,275	0,928	0,007	0,738	0,910	0,397
	N	32	32	32	32	32	32
Насыщенность прошлое	Коэффициент корреляции	0,108	-0,018	0,095	0,008	-0,015	0,064
	знач. (двухсторонняя)	0,555	0,921	0,604	0,967	0,935	0,727
	N	32	32	32	32	32	32
Целеустремленность прошлое	Коэффициент корреляции	0,348	0,115	-0,025	0,388*	0,119	0,413*
	знач. (двухсторонняя)	0,051	0,530	0,891	0,028	0,516	0,019
	N	32	32	32	32	32	32
Целеустремленность настоящее	Коэффициент корреляции	-0,014	-0,052	-0,584***	0,176	0,048	0,139
	знач. (двухсторонняя)	0,941	0,779	0,000	0,336	0,795	0,449
	N	32	32	32	32	32	32
Целеустремленность будущее	Коэффициент корреляции	0,129	0,085	-0,258	0,407*	0,051	0,410*
	знач. (двухсторонняя)	0,483	0,645	0,154	0,021	0,782	0,020
	N	32	32	32	32	32	32
Насыщенность будущее	Коэффициент корреляции	0,075	0,202	0,079	0,055	0,035	0,083
	знач. (двухсторонняя)	0,684	0,268	0,669	0,764	0,851	0,651
	N	32	32	32	32	32	32

Удовлетворенность	Коэффициент корреляции	-0,176	0,165	0,046	0,104	-0,196	0,030
	знач. (двухсторонняя)	0,336	0,366	0,801	0,570	0,281	0,869
	N	32	32	32	32	32	32
Уверенность	Коэффициент корреляции	-0,493**	0,046	0,013	-0,490**	-0,191	-0,497**
	знач. (двухсторонняя)	0,004	0,805	0,942	0,004	0,296	0,004
	N	32	32	32	32	32	32
Эмоциональность	Коэффициент корреляции	0,067	-0,091	0,010	0,360	0,011	0,340
	знач. (двухсторонняя)	0,716	0,619	0,956	0,043	0,953	0,057
	N	32	32	32	32	32	32
Субъективный возраст настоящее	Коэффициент корреляции	-0,199	-0,017	-0,471**	-0,062	-0,021	-0,155
	знач. (двухсторонняя)	0,275	0,928	0,007	0,738	0,910	0,397
	N	32	32	32	32	32	32
Субъективный возраст будущее	Коэффициент корреляции	0,075	0,202	0,079	0,055	0,035	0,083
	знач. (двухсторонняя)	0,684	0,268	0,669	0,764	0,851	0,651
	N	32	32	32	32	32	32

* Корреляции значимы на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляции значимы на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Корреляции значимы на уровне 0,001 (двухсторонняя).

Юноши

Параметр		Продуманность выбора	Эмоциональная окраска выбора	Самостоятельность выбора	Удовлетворенность выбором	Шкала автономии	Шкала самовыражения
Причинные позитивные	Коэффициент корреляции	-0,060	0,050	0,052	-0,065	0,070	0,113
	знач. (двухсторонняя)	0,599	0,662	0,648	0,571	0,545	0,325
	N	78	78	78	78	78	78
Целевые позитивные	Коэффициент корреляции	0,154	0,066	-0,049	0,115	0,128	0,075
	знач. (двухсторонняя)	0,178	0,568	0,667	0,317	0,264	0,513
	N	78	78	78	78	78	78
Причинные негативные	Коэффициент корреляции	0,076	-0,065	-0,306**	0,085	-0,246*	-0,342**
	знач. (двухсторонняя)	0,507	0,569	0,006	0,459	0,030	0,002
	N	78	78	78	78	78	78
Целевые негативные	Коэффициент корреляции	0,065	0,091	-0,085	-0,002	-0,068	-0,211
	знач. (двухсторонняя)	0,570	0,429	0,461	0,984	0,554	0,064
	N	78	78	78	78	78	78
Всего причинных	Коэффициент корреляции	-0,073	0,049	-0,079	-0,054	0,004	0,013
	знач. (двухсторонняя)	0,524	0,671	0,493	0,641	0,971	0,911
	N	78	78	78	78	78	78
Всего целевых	Коэффициент корреляции	0,139	0,075	-0,073	0,122	0,143	0,040

	знач. (двухсторонняя)	0,226	0,511	0,523	0,287	0,213	0,727
	N	78	78	78	78	78	78
Всего реализованных	Коэффициент корреляции	-0,067	0,129	0,172	-0,026	0,150	0,098
	знач. (двухсторонняя)	0,558	0,261	0,133	0,824	0,190	0,393
	N	78	78	78	78	78	78
Всего актуальных	Коэффициент корреляции	0,086	0,061	-0,154	0,131	0,078	0,004
	знач. (двухсторонняя)	0,456	0,598	0,180	0,255	0,496	0,970
	N	78	78	78	78	78	78
Всего потенциальных	Коэффициент корреляции	0,151	-0,008	-0,249*	0,067	-0,013	-0,004
	знач. (двухсторонняя)	0,187	0,945	0,028	0,559	0,908	0,972
	N	78	78	78	78	78	78
Реализованность – прошлое	Коэффициент корреляции	-0,231*	0,029	0,225*	-0,086	0,060	0,049
	знач. (двухсторонняя)	0,042	0,803	0,048	0,452	0,604	0,667
	N	78	78	78	78	78	78
Актуальность – настоящее	Коэффициент корреляции	0,006	-0,030	-0,155	0,093	-0,010	-0,146
	знач. (двухсторонняя)	0,958	0,797	0,174	0,418	0,930	0,202
	N	78	78	78	78	78	78
Потенциальность – будущее	Коэффициент корреляции	0,207	-0,087	-0,227*	0,027	-0,068	-0,019
	знач. (двухсторонняя)	0,068	0,447	0,046	0,817	0,555	0,870
	N	78	78	78	78	78	78
Ожидаемая продолжительность жизни	Коэффициент корреляции	0,264*	0,284*	0,322**	0,387***	0,163	0,125
	знач. (двухсторонняя)	0,020	0,012	0,004	0,000	0,155	0,275
	N	78	78	78	78	78	78
Психологический возраст	Коэффициент корреляции	-0,143	0,073	0,341**	0,072	0,105	0,088
	знач. (двухсторонняя)	0,210	0,525	0,002	0,530	0,361	0,444
	N	78	78	78	78	78	78
Коэффициент взрослости	Коэффициент корреляции	-0,140	0,151	0,372***	0,013	0,103	0,067
	знач. (двухсторонняя)	0,220	0,187	0,001	0,911	0,371	0,558
	N	78	78	78	78	78	78
Насыщенность прошлое	Коэффициент корреляции	-0,232*	0,031	0,224*	-0,088	0,057	0,045
	знач. (двухсторонняя)	0,041	0,785	0,049	0,442	0,623	0,694
	N	78	78	78	78	78	78
Насыщенность настоящее	Коэффициент корреляции	0,006	-0,030	-0,155	0,093	-0,010	-0,146
	знач. (двухсторонняя)	0,958	0,797	0,174	0,418	0,930	0,202
	N	78	78	78	78	78	78
Насыщенность будущее	Коэффициент корреляции	0,207	-0,087	-0,227*	0,027	-0,068	-0,019

	знач. (двухсторонняя)	0,068	0,447	0,046	0,817	0,555	0,870
	N	78	78	78	78	78	78
Целеустремленность прошлое	Коэффициент корреляции	0,014	0,133	0,080	0,039	0,144	0,062
	знач. (двухсторонняя)	0,905	0,244	0,485	0,732	0,210	0,589
	N	78	78	78	78	78	78
Целеустремленность настоящее	Коэффициент корреляции	0,156	0,111	-0,092	0,176	0,142	0,084
	знач. (двухсторонняя)	0,173	0,332	0,422	0,124	0,214	0,466
	N	78	78	78	78	78	78
Целеустремленность будущее	Коэффициент корреляции	0,126	0,017	-0,245*	0,089	0,102	0,082
	знач. (двухсторонняя)	0,273	0,881	0,030	0,438	0,372	0,476
	N	78	78	78	78	78	78
Уверенность	Коэффициент корреляции	0,002	0,105	0,102	0,147	-0,011	0,207
	знач. (двухсторонняя)	0,985	0,359	0,373	0,200	0,921	0,069
	N	78	78	78	78	78	78
Удовлетворенность	Коэффициент корреляции	-0,052	-0,109	0,075	-0,028	-0,030	0,066
	знач. (двухсторонняя)	0,654	0,342	0,512	0,810	0,793	0,564
	N	78	78	78	78	78	78
Эмоциональность	Коэффициент корреляции	-0,064	-0,053	0,075	-0,063	0,002	0,098
	знач. (двухсторонняя)	0,580	0,643	0,517	0,581	0,985	0,396
	N	78	78	78	78	78	78
Субъективный возраст прошлое	Коэффициент корреляции	-0,220	0,058	0,244*	-0,068	0,076	0,069
	знач. (двухсторонняя)	0,055	0,615	0,032	0,555	0,513	0,551
	N	78	78	78	78	78	78
Субъективный возраст настоящее	Коэффициент корреляции	0,020	-0,009	-0,148	0,115	0,004	-0,131
	знач. (двухсторонняя)	0,861	0,939	0,199	0,321	0,972	0,255
	N	78	78	78	78	78	78
Субъективный возраст будущее	Коэффициент корреляции	0,226*	-0,071	-0,219	0,047	-0,054	0,000
	знач. (двухсторонняя)	0,049	0,537	0,056	0,686	0,643	0,997
	N	78	78	78	78	78	78

* Корреляции значимы на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляции значимы на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Корреляции значимы на уровне 0,001 (двухсторонняя).

Девушки

Параметр		Продуманность выбора	Эмоциональная окраска выбора	Самостоятельность выбора	Удовлетворенность выбором	Шкала автономии	Шкала самовыражения
Причинные позитивные	Коэффициент корреляции	0,012	-0,099	-0,002	0,197	0,110	-0,079
	знач. (двухсторонняя)	0,915	0,388	0,984	0,083	0,336	0,489

	N	78	78	78	78	78	78
Целевые позитивные	Коэффициент корреляции	-0,105	-0,052	-0,122	0,248*	0,061	0,005
	знач. (двухсторонняя)	0,360	0,650	0,288	0,029	0,598	0,965
	N	78	78	78	78	78	78
Причинные негативные	Коэффициент корреляции	-0,169	-0,137	-0,158	0,128	0,129	-0,125
	знач. (двухсторонняя)	0,140	0,230	0,167	0,265	0,262	0,274
	N	78	78	78	78	78	78
Целевые негативные	Коэффициент корреляции	0,018	-0,076	-0,194	0,038	-0,016	-0,121
	знач. (двухсторонняя)	0,875	0,506	0,089	0,744	0,888	0,292
	N	78	78	78	78	78	78
Всего причинных	Коэффициент корреляции	-0,022	-0,145	-0,036	0,177	0,080	-0,127
	знач. (двухсторонняя)	0,849	0,205	0,757	0,120	0,484	0,267
	N	78	78	78	78	78	78
Всего целевых	Коэффициент корреляции	-0,065	-0,081	-0,134	0,258*	0,102	-0,008
	знач. (двухсторонняя)	0,572	0,482	0,241	0,023	0,375	0,944
	N	78	78	78	78	78	78
Всего реализованных	Коэффициент корреляции	0,019	-0,077	-0,107	0,060	-0,081	-0,161
	знач. (двухсторонняя)	0,870	0,500	0,349	0,602	0,483	0,158
	N	78	78	78	78	78	78
Всего актуальных	Коэффициент корреляции	0,025	0,009	-0,026	0,233*	0,187	-0,017
	знач. (двухсторонняя)	0,826	0,936	0,824	0,040	0,101	0,883
	N	78	78	78	78	78	78
Всего потенциальных	Коэффициент корреляции	-0,112	-0,072	0,020	0,153	0,123	-0,038
	знач. (двухсторонняя)	0,327	0,532	0,864	0,181	0,282	0,741
	N	78	78	78	78	78	78
Реализованность – прошлое	Коэффициент корреляции	0,057	0,001	-0,086	-0,087	-0,177	-0,115
	знач. (двухсторонняя)	0,619	0,990	0,452	0,447	0,121	0,316
	N	78	78	78	78	78	78
Актуальность – настоящее	Коэффициент корреляции	0,062	0,166	0,088	0,132	0,185	0,067
	знач. (двухсторонняя)	0,589	0,146	0,444	0,249	0,105	0,560
	N	78	78	78	78	78	78
Потенциальность – будущее	Коэффициент корреляции	-0,123	-0,026	0,071	0,057	0,146	0,026
	знач. (двухсторонняя)	0,285	0,823	0,536	0,623	0,203	0,824
	N	78	78	78	78	78	78
Ожидаемая продолжительность жизни	Коэффициент корреляции	-0,073	-0,015	-0,245*	0,405***	0,295**	0,139
	знач. (двухсторонняя)	0,526	0,897	0,030	0,000	0,009	0,224
	N	78	78	78	78	78	78

Психологический возраст	Коэффициент корреляции	0,072	0,019	-0,114	0,011	-0,093	-0,070
	знач. (двухсторонняя)	0,529	0,870	0,322	0,924	0,417	0,541
	N	78	78	78	78	78	78
Коэффициент зрелости	Коэффициент корреляции	0,001	-0,098	-0,205	0,005	-0,084	-0,086
	знач. (двухсторонняя)	0,991	0,393	0,071	0,967	0,465	0,452
	N	78	78	78	78	78	78
Насыщенность прошлое	Коэффициент корреляции	0,060	0,011	-0,082	-0,078	-0,171	-0,110
	знач. (двухсторонняя)	0,601	0,924	0,474	0,500	0,135	0,339
	N	78	78	78	78	78	78
Насыщенность настоящее	Коэффициент корреляции	0,062	0,166	0,088	0,132	0,185	0,067
	знач. (двухсторонняя)	0,589	0,146	0,444	0,249	0,105	0,560
	N	78	78	78	78	78	78
Насыщенность будущее	Коэффициент корреляции	-0,123	-0,026	0,071	0,057	0,146	0,026
	знач. (двухсторонняя)	0,285	0,823	0,536	0,623	0,203	0,824
	N	78	78	78	78	78	78
Целеустремленность прошлое	Коэффициент корреляции	-0,030	-0,106	-0,127	0,113	-0,039	-0,115
	знач. (двухсторонняя)	0,794	0,358	0,269	0,324	0,737	0,317
	N	78	78	78	78	78	78
Целеустремленность настоящее	Коэффициент корреляции	0,001	-0,014	-0,053	0,224*	0,190	0,003
	знач. (двухсторонняя)	0,995	0,907	0,642	0,048	0,096	0,980
	N	78	78	78	78	78	78
Целеустремленность будущее	Коэффициент корреляции	-0,107	-0,040	-0,028	0,240*	0,150	-0,043
	знач. (двухсторонняя)	0,353	0,731	0,809	0,035	0,189	0,710
	N	78	78	78	78	78	78
Уверенность	Коэффициент корреляции	0,193	0,209	0,329**	0,035	0,098	-0,027
	знач. (двухсторонняя)	0,090	0,066	0,003	0,759	0,395	0,813
	N	78	78	78	78	78	78
Удовлетворенность	Коэффициент корреляции	-0,032	0,172	0,190	0,142	0,172	0,263*
	знач. (двухсторонняя)	0,781	0,132	0,095	0,214	0,132	0,020
	N	78	78	78	78	78	78
Эмоциональность	Коэффициент корреляции	0,058	0,210	0,135	0,093	0,083	0,147
	знач. (двухсторонняя)	0,614	0,065	0,238	0,417	0,469	0,199
	N	78	78	78	78	78	78
Субъективный возраст прошлое	Коэффициент корреляции	0,060	0,011	-0,082	-0,078	-0,171	-0,110
	знач. (двухсторонняя)	0,601	0,924	0,474	0,500	0,135	0,339
	N	78	78	78	78	78	78

Субъективный возраст настоящее	Коэффициент корреляции	0,062	0,166	0,088	0,132	0,185	0,067
	знач. (двухсторонняя)	0,589	0,146	0,444	0,249	0,105	0,560
	N	78	78	78	78	78	78
Субъективный возраст будущее	Коэффициент корреляции	-0,123	-0,026	0,071	0,057	0,146	0,026
	знач. (двухсторонняя)	0,285	0,823	0,536	0,623	0,203	0,824
	N	78	78	78	78	78	78

* Корреляции значимы на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляции значимы на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Корреляции значимы на уровне 0,001 (двухсторонняя).

Приложение 12. Результаты регрессионного анализа по второму этапу

Сводная таблица результатов регрессионного анализа (возрастная группа 14 лет) (N=38)

Зависимая переменная	Предикторы	R	R ²	Adj R ²	F	p-модели	Значимые предикторы (p < 0,05)	VIF
Самостоятельность выбора	Уверенность, Эмоциональность	0,461	0,213	0,168	4,731*	0,015	Уверенность ($\beta = 0,405^*$, $p=0,012$), Эмоциональность ($\beta = 0,151$, $p=0,333$)	1,047 1,047
Эмоциональная окраска выбора	Уверенность, Ожидаемая продолжительность жизни Эмоциональность	0,599	0,359	0,302	6,337**	0,002	Уверенность ($\beta = 0,163^*$, $p=0,033$) Ожидаемая продолжительность жизни ($\beta = 0,435^{**}$, $p=0,004$)	1,048 1,020 1,066
Удовлетворенность выбором	Уверенность, Субъективный возраст прошлое Ожидаемая продолжительность жизни	0,696	0,485	0,439	10,665**	<0,001	Уверенность ($\beta = 0,315^*$, $p=0,016$), Субъективный возраст прошлое ($\beta = -0,412^{**}$, $p=0,002$) Ожидаемая продолжительность жизни ($\beta = 0,447^{***}$, $p=0,001$)	1,014 1,012 1,003
Шкала самовыражения	Причинные негативные, Уверенность, Удовлетворенность Эмоциональность	0,673	0,453	0,387	6,842***	<0,001	Причинные негативные ($\beta = -0,384^*$, $p=0,034$), Эмоциональность ($\beta = 0,482^{**}$, $p=0,005$)	1,065 1,088 4,085 4,092
Шкала автономии	Целевые негативные Коэффициент взрослости, Целеустремленность в будущее, Причинные негативные, Всего потенциальных	0,774	0,600	0,537	9,589***	<0,001	Целевые негативные ($\beta = -0,700^{***}$, $p=0,000$). Коэффициент взрослости ($\beta = -0,527^{**}$, $p=0,002$). Целеустремленность в будущее ($\beta = 0,776^{**}$, $p=0,003$).	1,654 1,953 1,459 4,825
Уверенность	Удовлетворенность выбором, эмоциональная окраска выбора	0,393 ^a	0,154	0,106	3,188	0,53	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,240$, $p=0,269$), эмоциональная окраска выбора ($\beta = 0,240$, $p=0,203$).	1,413 1,413

Ожидаемая продолжительность жизни	Удовлетворенность выбором, эмоциональная окраска выбора	0,468a	0,219	0,174	4,896	0,013*	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,324$, $p = 0,077$), эмоциональная окраска выбора ($\beta = 0,205$, $p = 0,257$)	1,413 1,413
Эмоциональность	Продуманность выбора, эмоциональная окраска выбора, самостоятельность выбора	0,424a	0,179	0,107	2,477	0,78	Продуманность выбора ($\beta = -0,307$, $p = 0,075$), эмоциональная окраска выбора ($\beta = 0,230$, $p = 0,201$), самостоятельность выбора ($\beta = 0,014$, $p = 0,075$)	1,150 1,287 1,443
Целеустремленность будущее	Шкала самовыражения, шкала автономии	0,208	0,043	-0,011	0,793	0,461	Шкала самовыражения ($\beta = -0,125$, $p = 0,581$), шкала автономии ($\beta = 0,271$, $p = 0,235$)	1,832 1,832
Целеустремленность прошлое	Шкала самовыражения, шкала автономии	0,251	0,063	0,009	1,172	0,322	Шкала самовыражения ($\beta = 0,093$, $p = 0,677$), шкала автономии ($\beta = -0,304$, $p = 0,179$)	1,832 1,832
Причинные негативные	Шкала самовыражения, шкала автономии	0,448	0,201	0,155	4,405	0,020*	Шкала самовыражения ($\beta = -0,253$, $p = 0,223$), шкала автономии ($\beta = -0,237$, $p = 0,255$)	1,832 1,832

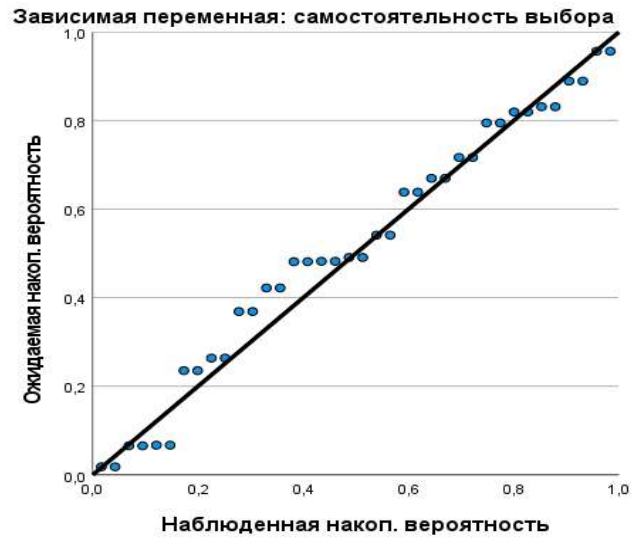
* – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$;

Переменные с коллинеарностью ($VIF > 5$) не рассматриваются;

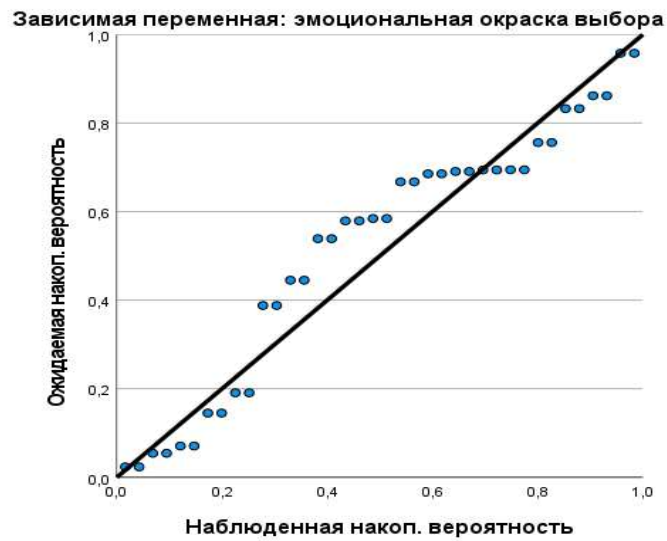
β -коэффициенты стандартизованы.

Гистограммы стандартизованных остатков

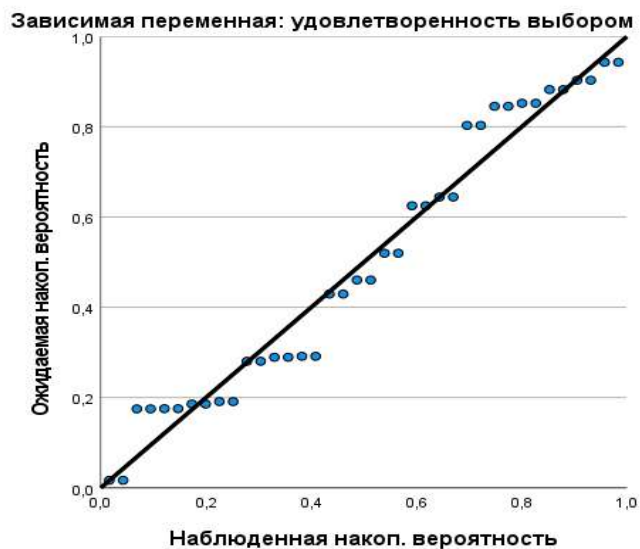
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

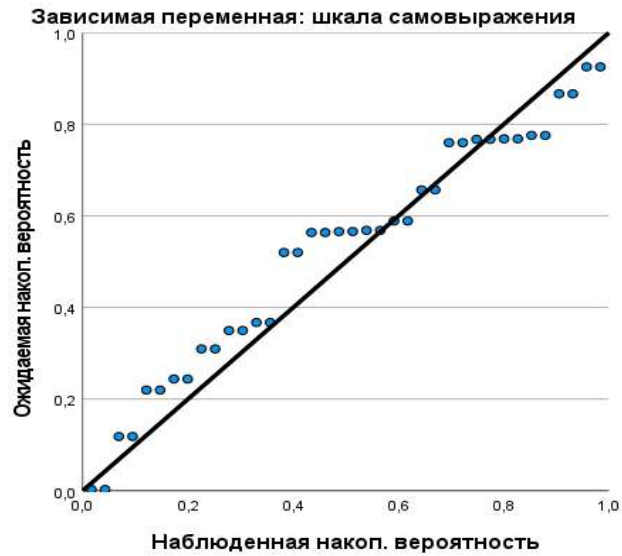
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

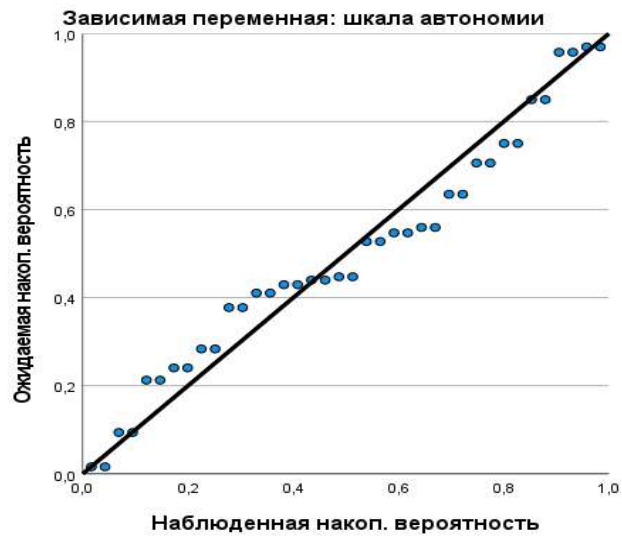
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

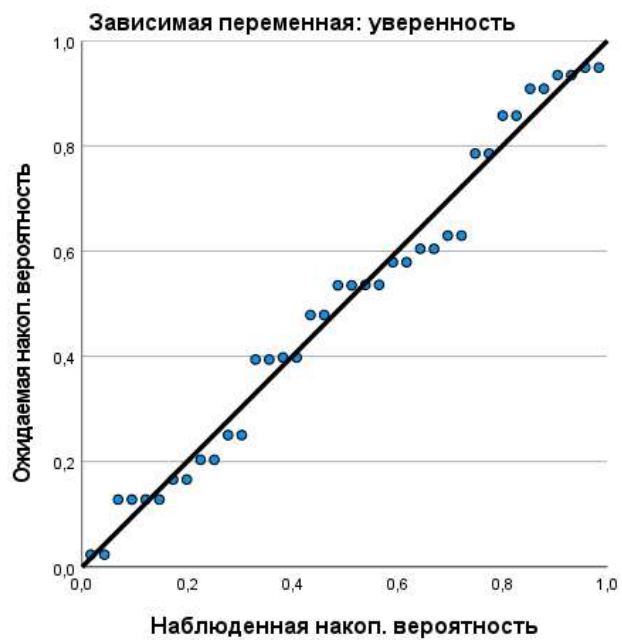
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

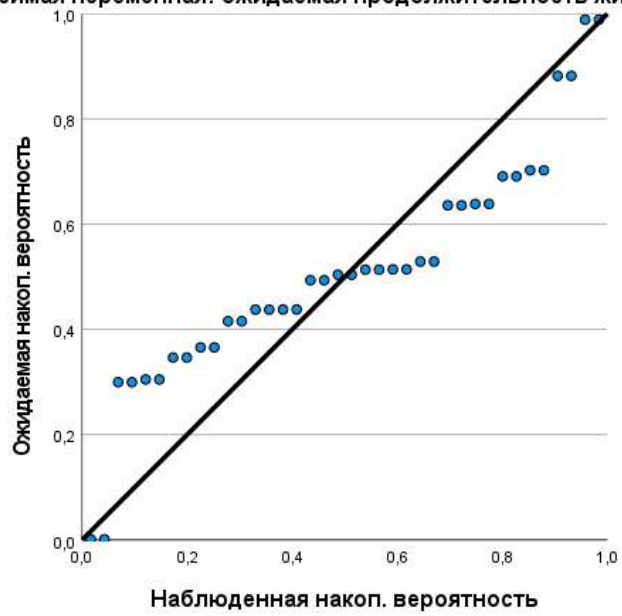

Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

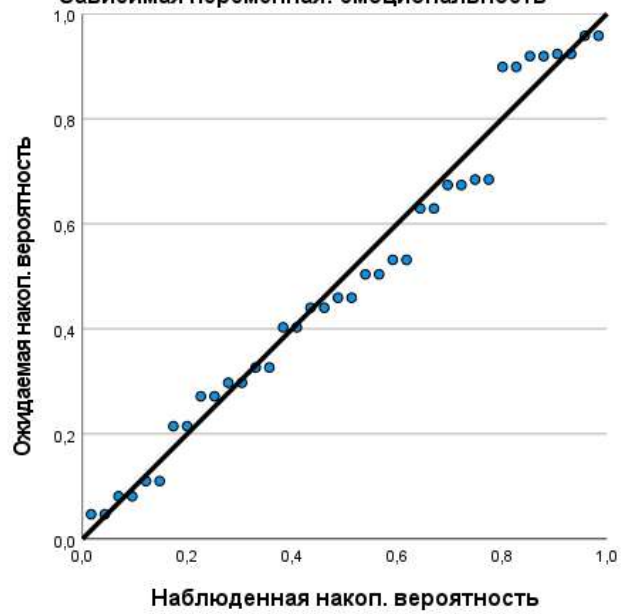
Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: ожидаемая продолжительность жизни

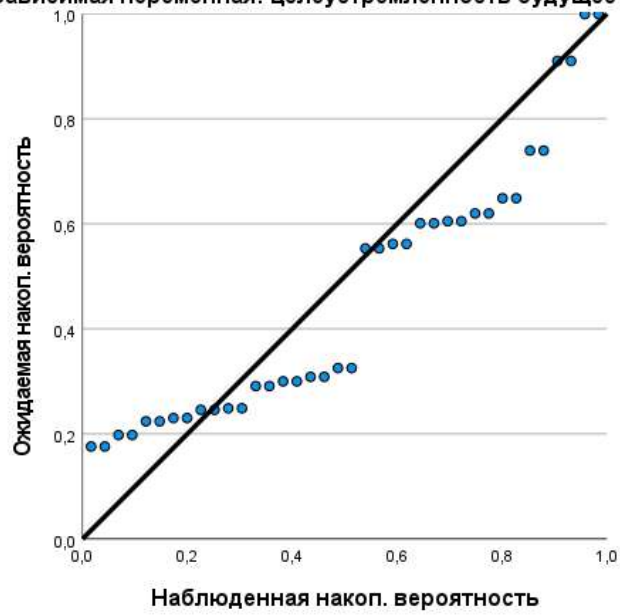
Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: эмоциональность

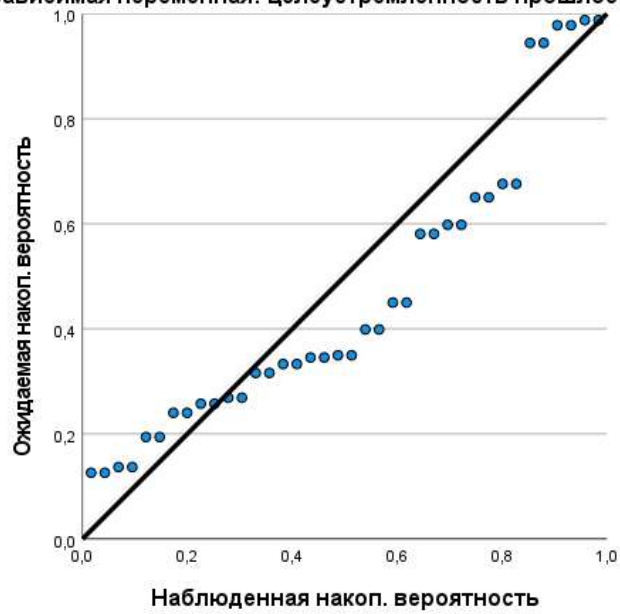
Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: целеустремленность будущее

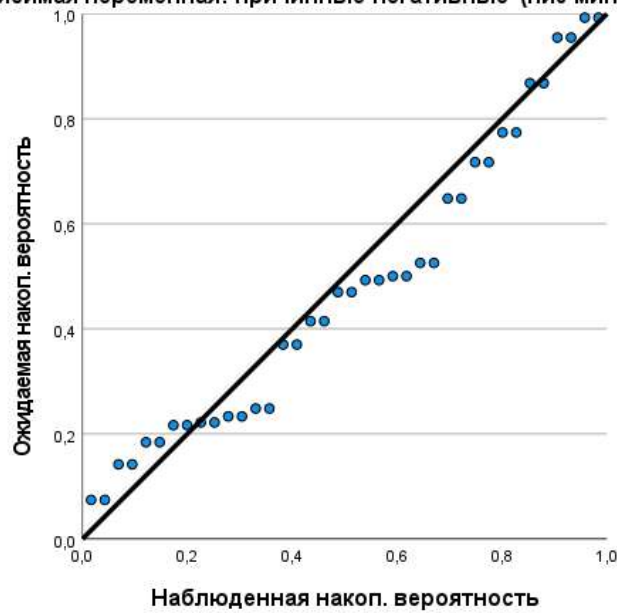
Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: целеустремленность прошлое

Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: причинные-негативные (низ-минус)

Гистограммы стандартизованных остатков подтверждают нормальность распределения ошибок во всех моделях (визуальный анализ).

Сводная таблица результатов регрессионного анализа (возрастная группа 15–18 лет) (N=48)

Зависимая переменная	Предикторы	R	R ²	Adj R ²	F	p-модели	Значимые предикторы (p < 0,05)	VIF
Удовлетворенность выбором	Ожидаемая продолжительность жизни Целеустремленность настоящее	0,44 4	0,19 8	0,16 2	5,53 8**	0,007	Ожидаемая продолжительность жизни ($\beta = -0,355^*$, $p=0,011$), Целеустремленность настоящее ($\beta = -0,246$, $p=0,070$)	1,003 1,003
Причинные негативные	Удовлетворенность выбором, самостоятельность выбора	0,21 9	0,48	0,00 5	1,13 0	0,332	Удовлетворенность выбором ($\beta = -0,022$, $p=0,886$), самостоятельность выбора ($\beta = -0,223$, $p=0,146$)	1,077 1,077
Целеустремленность настоящее	Удовлетворенность выбором, самостоятельность выбора	0,33 8	0,11 4	0,07 5	2,89 6	0,66	Удовлетворенность выбором ($\beta = -0,325$, $p=0,031$), самостоятельность выбора ($\beta = -0,214$, $p=0,149$)	1,077 1,077
Ожидаемая продолжительность жизни	Шкала самовыражения, самостоятельность выбора, удовлетворенность выбором	0,37 6	0,14 1	0,08 3	2,41 4	0,79	Шкала самовыражения, самостоятельность выбора, удовлетворенность выбором	1,311 1,134 1,354

* – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$;

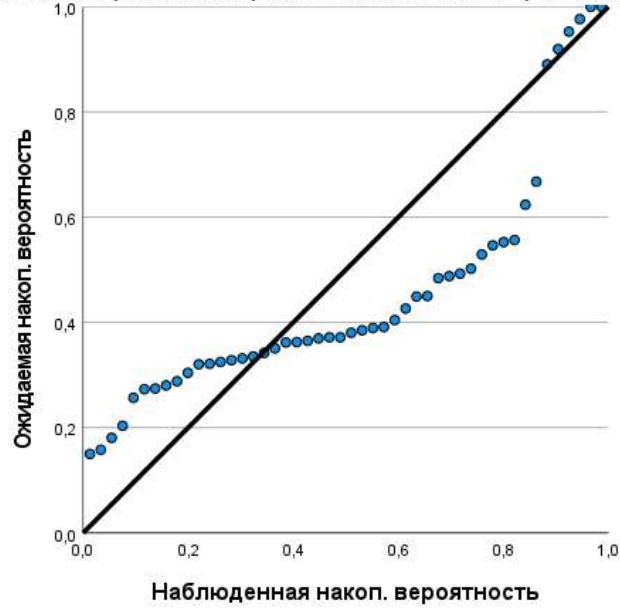
Переменные с коллинеарностью ($VIF > 5$) не рассматриваются;

β -коэффициенты стандартизованы.

Гистограммы стандартизованных остатков

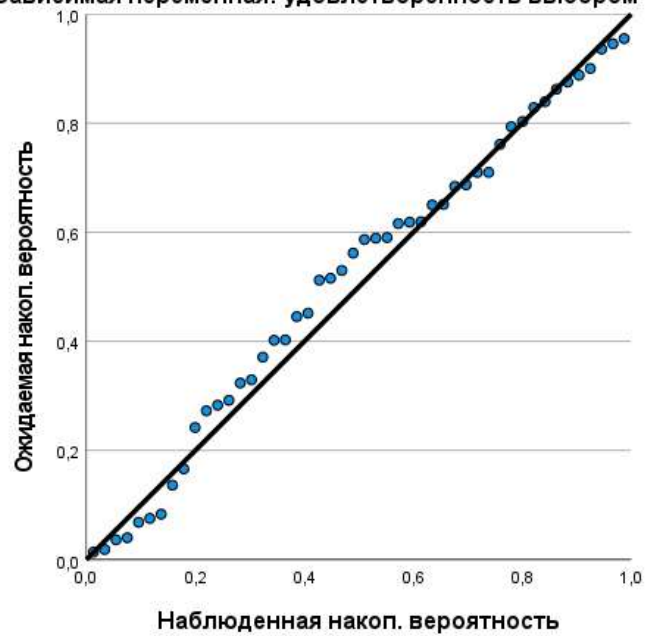
Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: причинные-негативные (низ-минус)

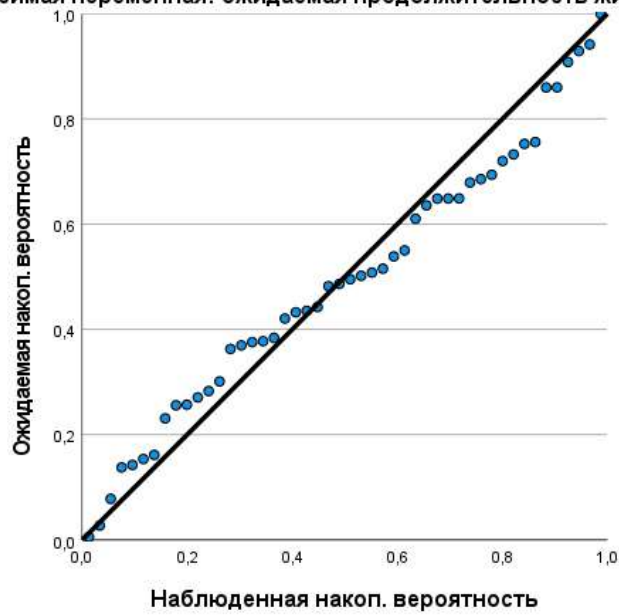
Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: удовлетворенность выбором

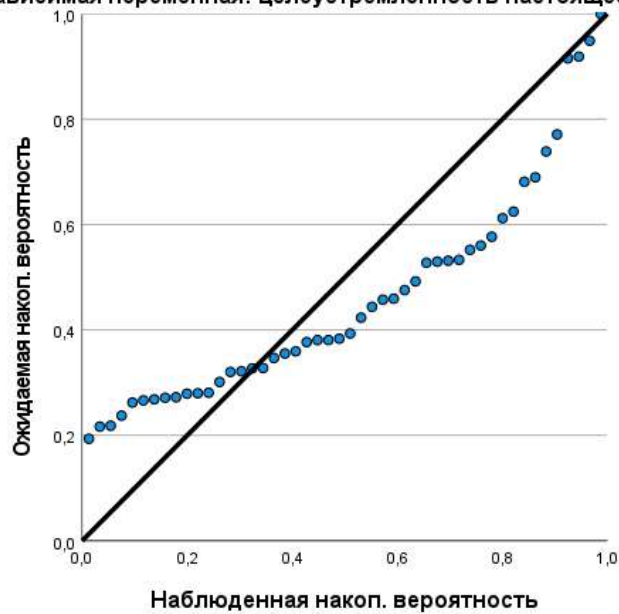
Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: ожидаемая продолжительность жизни

Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: целеустремленность настоящее

Гистограммы стандартизованных остатков подтверждают нормальность распределения ошибок во всех моделях (визуальный анализ).

Сводная таблица результатов регрессионного анализа (возрастная группа 19–23 года) (N=38)

Зависимая переменная	Предикторы	R	R ²	Adj R ²	F	p-модели	Значимые предикторы (p < 0,05)	VIF
Самостоятельность выбора	Всего потенциальных Уверенность	0,54 3	0,29 5	0,25 4	7,31 5**	0,002	Всего потенциальных (β = -0,335*, p=0,041), Уверенность (β = 0,304, p=0,063)	1,244 1,244

Удовлетворенность выбором	Уверенность	0,347	0,120	0,096	4,914*	0,033	Уверенность ($\beta = -0,347^*$, $p=0,033$)	1,000
Самостоятельность выбора	Целеустремленность в будущее Уверенность	0,544	0,296	0,256	7,368**	0,002	Целеустремленность в будущее ($\beta = -0,350^*$, $p=0,040$), Уверенность ($\beta = -0,276$, $p=0,101$)	1,337 1,337
Уверенность	Удовлетворенность выбором, самостоятельность выбора, эмоциональная окраска выбора	0,460a	0,212	0,142	3,043*	0,042	Удовлетворенность выбором ($\beta = -0,139$, $p=0,599$), самостоятельность выбора ($\beta = -0,405$, $p=0,060$), эмоциональная окраска выбора ($\beta = -0,062$, $p=0,818$)	2,970 1,867 3,112

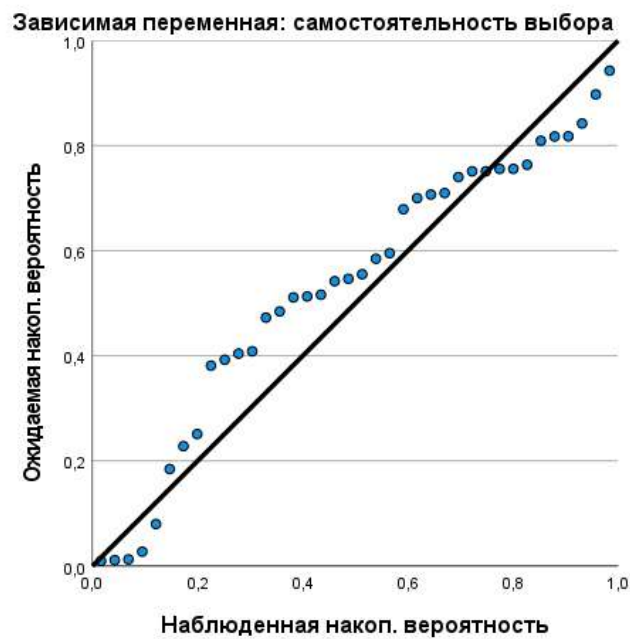
* – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$;

Переменные с коллинеарностью ($VIF > 5$) не рассматриваются;

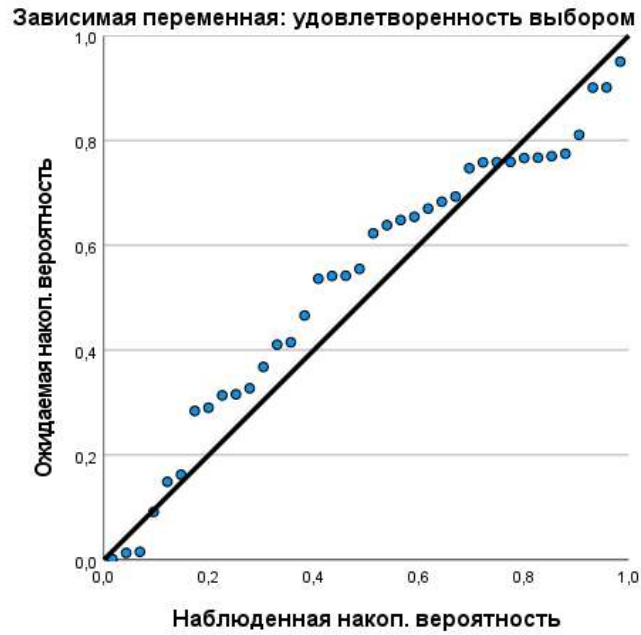
β -коэффициенты стандартизованы.

Гистограммы стандартизованных остатков

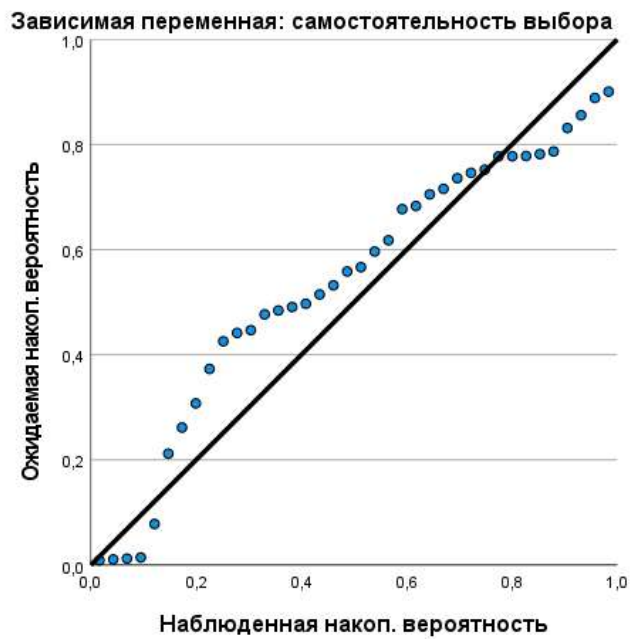
Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

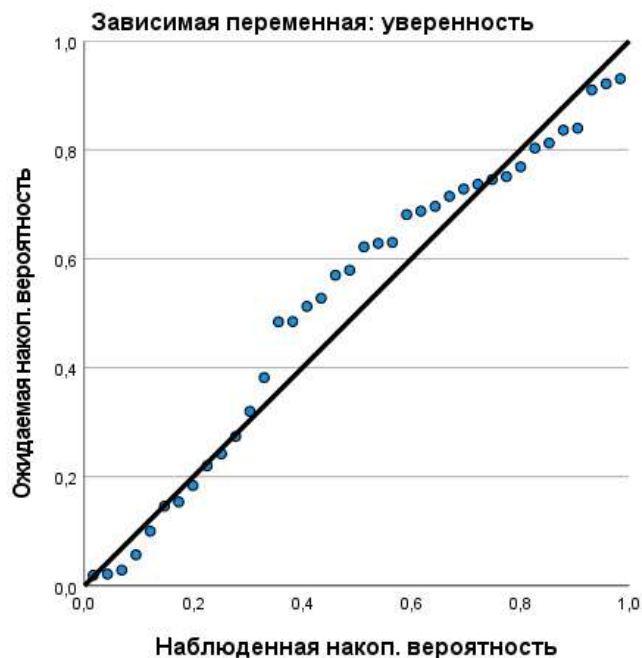
Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Гистограммы стандартизованных остатков подтверждают нормальность распределения ошибок во всех моделях (визуальный анализ).

Сводная таблица результатов регрессионного анализа (возрастная группа 24–28 лет) (N=32)

Зависимая переменная	Предикторы	R	R ²	Adj R ²	F	p-модели	Значимые предикторы (p < 0,05)	VIF
Причинные позитивные	Удовлетворенность выбором Шкала самовыражения	0,70 3	0,49 5	0,46 0	14,1 96	0,000	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,686$, $p=0,000$), Шкала самовыражения ($\beta = -0,532$, $p=0,000$)	1,071 1,167
Целевые негативные	Удовлетворенность выбором Шкала самовыражения Продуманность выбора	0,52 1	0,27 2	0,19 4	3,48 1	0,029	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,391$, $p=0,034$) Шкала самовыражения ($\beta = -0,254$, $p=0,115$), Продуманность выбора ($\beta = 0,321$, $p=0,065$)	1,175 1,167 1,071
Целевые позитивные	Удовлетворенность выбором, Шкала самовыражения	0,62 2	0,38 7	0,34 5	9,16 3	0,001	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,663$, $p=0,000$), Шкала самовыражения ($\beta = -0,291$, $p=0,071$)	1,145 1,145
Всего причинных	Удовлетворенность выбором, Шкала самовыражения	0,71 2	0,50 7	0,47 3	14,8 97	0,000	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,517$, $p=0,002$), Шкала	1,145 1,145

							самовыражения ($\beta = 0,703$, $p = 0,001$)	
Всего реализованных	Удовлетворенность выбором, Шкала самовыражения	0,48 8	0,23 9	0,18 6	4,54 4	0,019	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,520$, $p = 0,005$), Шкала самовыражения ($\beta = -0,230$, $p = 0,195$)	1,145 1,145
Уверенность	Удовлетворенность выбором, Шкала самовыражения	0,50 1	0,25 1	0,20 0	4,87 1	0,015	Удовлетворенность выбором ($\beta = -0,501$, $p = 0,007$), Шкала самовыражения ($\beta = -0,002$, $p = 0,989$)	1,145 1,145
Целеустремленность будущее	Удовлетворенность выбором, Шкала самовыражения	0,72 5	0,52 6	0,49 2	16,0 90	0,000	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,619$, $p = 0,000$), Шкала самовыражения ($\beta = -0,657$, $p = 0,000$)	1,145 1,145
Целеустремленность прошлое	Удовлетворенность выбором, Шкала самовыражения	0,61 9	0,38 3	0,34 1	9,01 1	0,001	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,638$, $p = 0,000$), Шкала самовыражения ($\beta = -0,392$, $p = 0,018$)	1,145 1,145
Всего целевых	Удовлетворенность выбором, Шкала самовыражения	0,63 6	0,40 5	0,36 4	9,87 3	0,001	Удовлетворенность выбором ($\beta = 0,678$, $p = 0,000$), Шкала самовыражения ($\beta = 0,303$, $p = 0,058$)	1,145 1,145
Продуманность выбора	Причинные позитивные, Целевые негативные, Уверенность	0,48 0	0,23 0	0,14 8	2,79 5	0,59	Причинные позитивные ($\beta = 0,678$, $p = 0,000$), Целевые негативные ($\beta = 0,351$, $p = 0,059$), Уверенность ($\beta = -0,036$, $p = 0,865$)	1,623 1,150 1,444
Самостоятельность выбора	Субъективный возраст настоящее, Целеустремленность настоящее, Всего актуальных	0,40 2	0,16 2	0,07 2	1,80 0	0,170	Субъективный возраст настоящее ($\beta = -0,529$, $p = 0,186$), Целеустремленность настоящее ($\beta = 0,031$, $p = 0,975$), Всего актуальных ($\beta = 0,337$, $p = 0,775$)	5,094 32,05 45,57 8
Удовлетворенность выбором	Уверенность, Причинные	0,89 8	0,80 6	0,69 9	7,53 2	0,000	Уверенность ($\beta = -1,145$,	22,57 4

	негативные, Эмоциональность, Всего реализованных, Целеустремленность будущее, Целевые негативные, Ожидаемая продолжительность жизни, Причинные позитивные, Целеустремленность прошлое, Целевые позитивные, Всего целевых						р=0,024), Причинные негативные (β =0,815, $p=0,121$), эмоциональност ь ($\beta=0,584$, $p=0,005$), Всего реализованных ($\beta=-1,432$, $p=0,062$), Целеустремленн ость будущее (β =-1,100, $p=0,003$), Целевые негативные (β =2,124, $p=0,006$), Ожидаемая продолительно сть жизни (β =1,087, $p=0,013$), Причинные позитивные (β =1,629, $p=0,009$), Целеустремленн ость прошлое (β =0,963, $p=0,181$), Целевые позитивные(β =8,962, $p=0,269$), Всего целевых ($\beta=-11,464$, $p=0,177$)	25,98 2 3,572 53,90 2 11,16 5 25,96 2 16,31 9 32,51 1 49,57 8 6383, 6657 6914, 871
шкала самовыражени я	Уверенность, Причинные негативные, Целевые негативные, Всего реализованных, Целеустремленность будущее, Ожидаемая продолжительность жизни, Причинные позитивные, Целеустремленность прошлое, Целевые позитивные, Всего целевых	0,87 3	0,76 3	0,65 0	6,75 0	0,000	Уверенность (β =-0,422, $p=0,413$), Причинные негативные (β =-0,087, $p=0,181$), Целевые негативные (β =2,136, $p=0,010$), Всего реализованных ($\beta=-0,616$, $p=0,429$), Целеустремленн ость будущее (β =-1,421, $p=0,000$), Ожидаемая продолительно сть жизни (β =0,744, $p=0,093$), Причинные позитивные (β =0,545, $p=0,377$), Целеустремленн ость прошлое (β =-0,708, $p=0,349$),	22,50 8 23,59 6 49,69 5 51,55 8 7,872 15,78 3 32,26 4 48,40 5

							Целевые позитивные ($\beta = 21,326$, $p=0,018$), Всего целевых ($\beta = -21,269$, $p=0,021$)	6075, 378 6441, 909
Удовлетворенность выбором	Целеустремленность будущего, Причинные негативные	0,436	0,190	0,135	3,410	0,047	Целеустремленность будущего ($\beta = 0,313$, $p=0,088$), Причинные негативные ($\beta = 0,217$, $p=0,232$)	1,126 1,126
Удовлетворенность выбором	Причинные позитивные, Уверенность, Целеустремленность будущее	0,571	0,326	0,254	4,511	0,011	Причинные позитивные ($\beta = 0,349$, $p=0,126$), Уверенность ($\beta = -0,344$, $p=0,088$), Целеустремленность будущее ($\beta = -0,052$, $p=0,820$)	2,027 1,577 2,027
Удовлетворенность выбором	Уверенность, Всего причинных, Всего целевых	0,596 ^a	0,356	0,287	5,151	0,006	Уверенность ($\beta = -0,245$, $p=0,265$), Всего причинных ($\beta = 0,108$, $p=0,123$), Всего целевых ($\beta = 0,310$, $p=0,535$)	2,109 8,105 10,615
Удовлетворенность выбором	Уверенность, Целевые позитивные	0,585	0,342	0,297	7,549	0,002	Уверенность ($\beta = -0,230$, $p=0,265$), Целевые позитивные ($\beta = 0,406$, $p=0,055$)	1,810 1,810
Шкала самовыражения	Всего целевых, Целевые позитивные	0,116	0,013	-0,055	0,197	0,822	Всего целевых ($\beta = -1,664$, $p=0,586$), Целевые позитивные ($\beta = 1,606$, $p=0,599$)	268,665 268,665
Шкала самовыражения	Всего причинных, Целеустремленность прошлое, Целеустремленность будущее	0,442	0,195	0,109	2,268	0,103	Всего причинных ($\beta = 0,203$, $p=0,708$), Целеустремленность прошлое ($\beta = -0,122$, $p=0,775$), Целеустремленность будущее ($\beta = -0,528$, $p=0,076$)	10,052 6,216 2,860

* – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$;

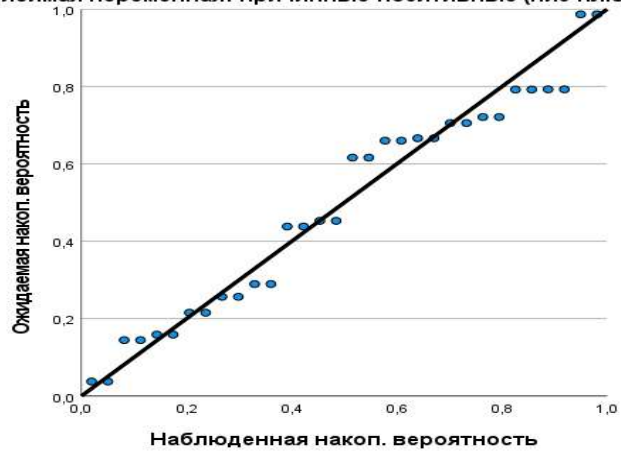
Переменные с коллинеарностью ($VIF > 5$) не рассматриваются;

β -коэффициенты стандартизованы.

Гистограммы стандартизованных остатков

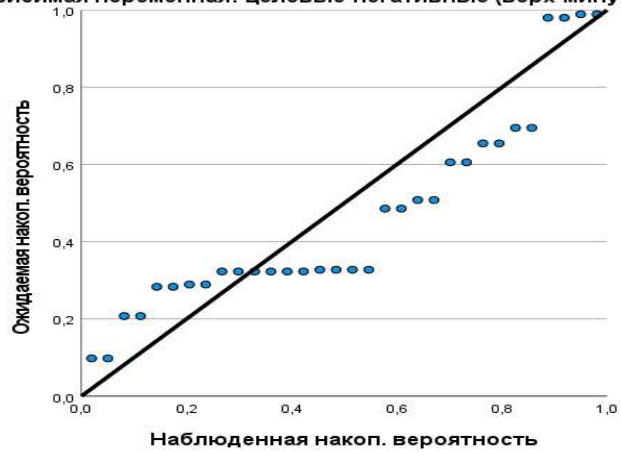
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Зависимая переменная: причинные-положительные (низ-плюс)

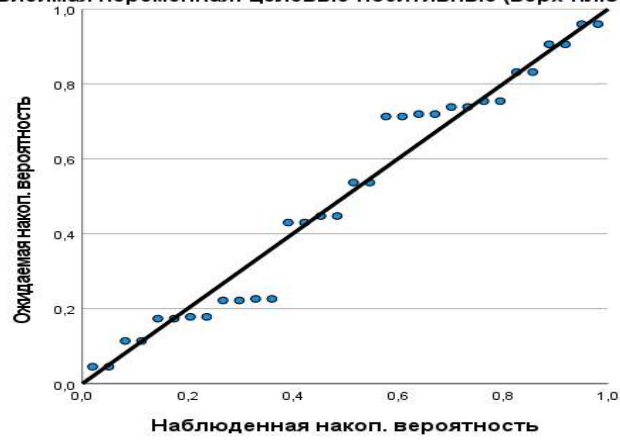
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Зависимая переменная: целевые-негативные (верх-минус)

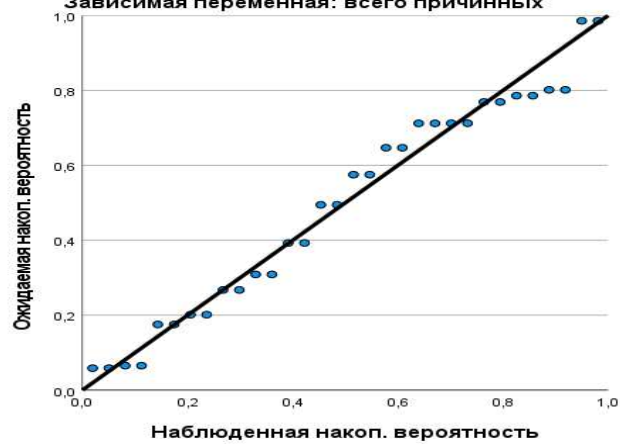
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Зависимая переменная: целевые-позитивные (верх-плюс)

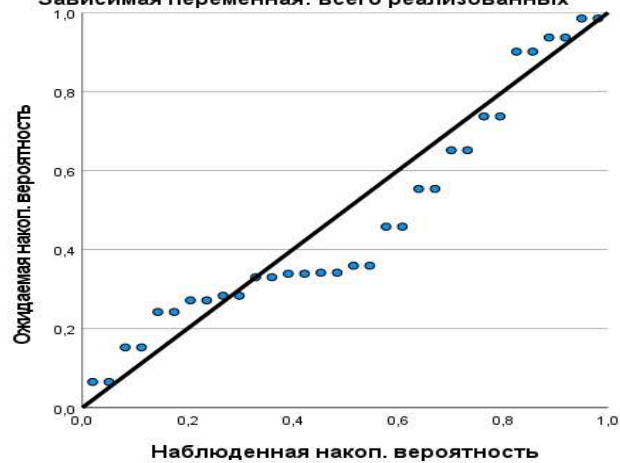
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Зависимая переменная: всего причинных

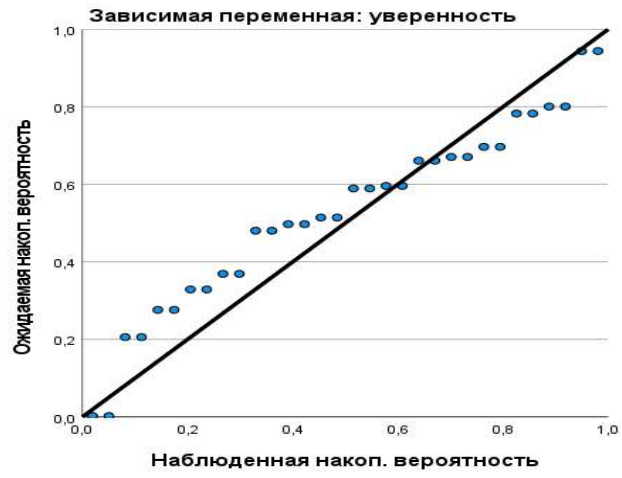

Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

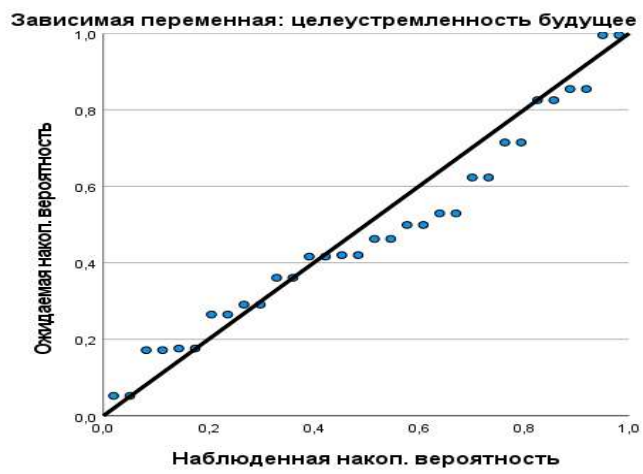
Зависимая переменная: всего реализованных

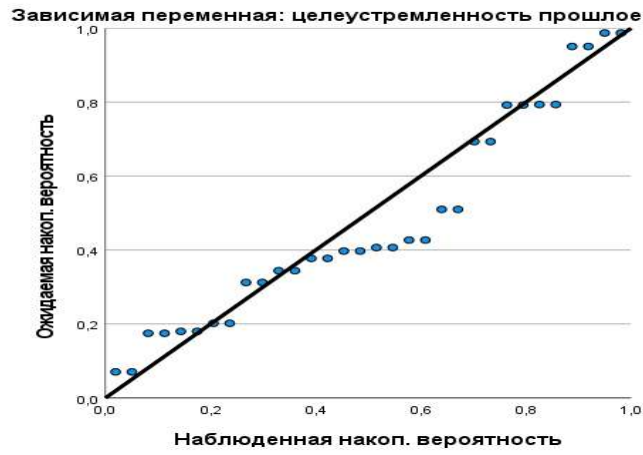
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

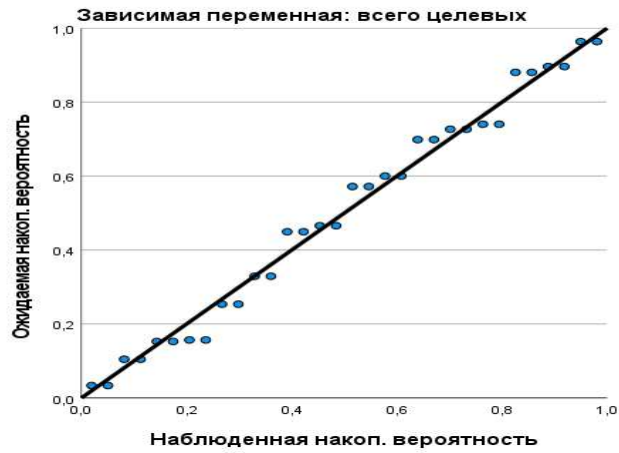
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

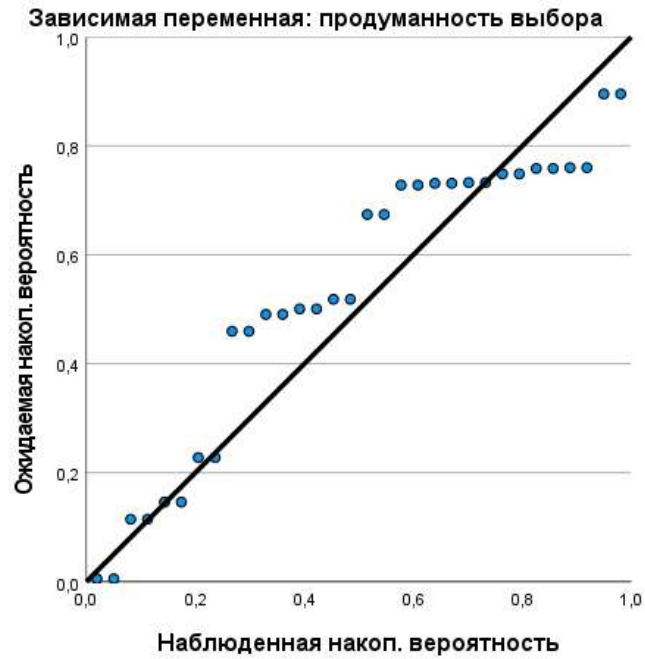
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

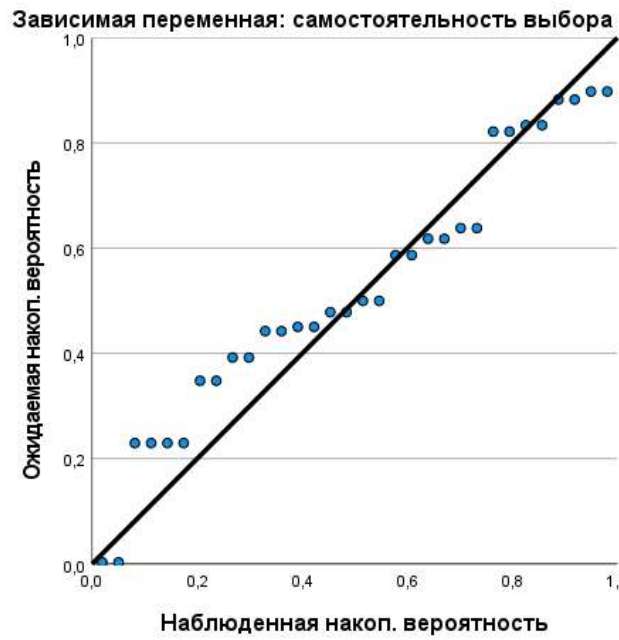
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

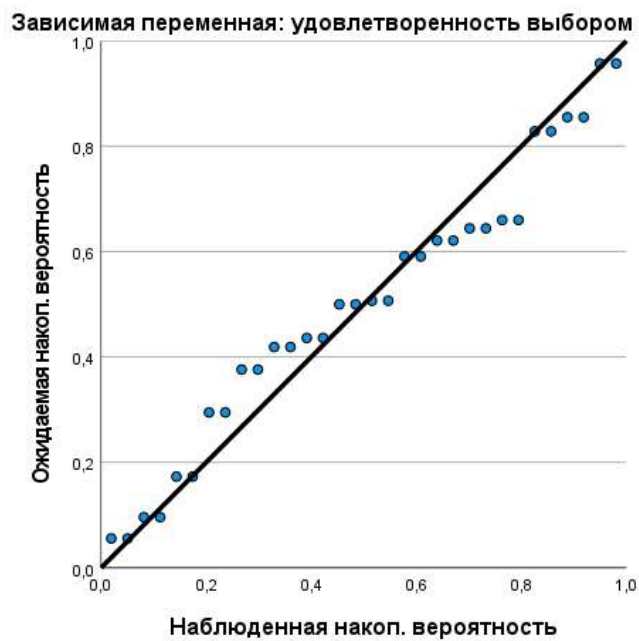
Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

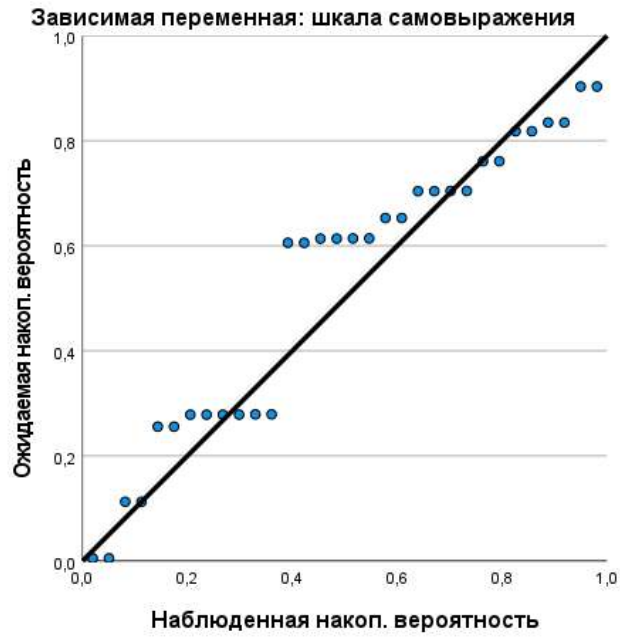
Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

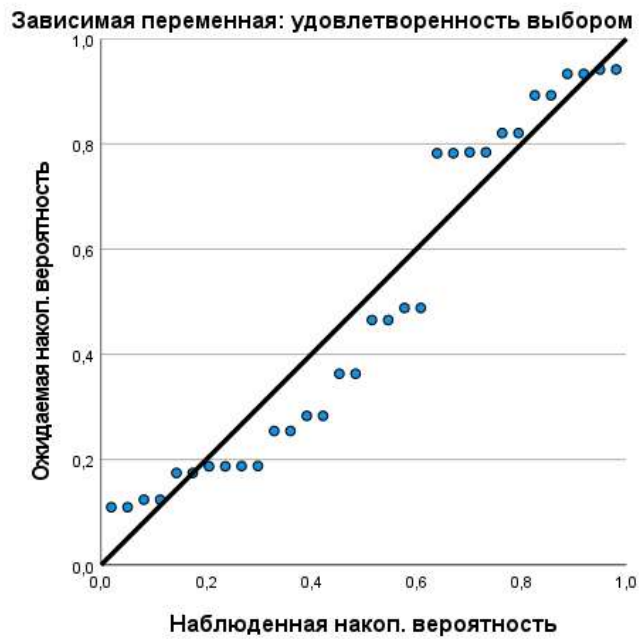
Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

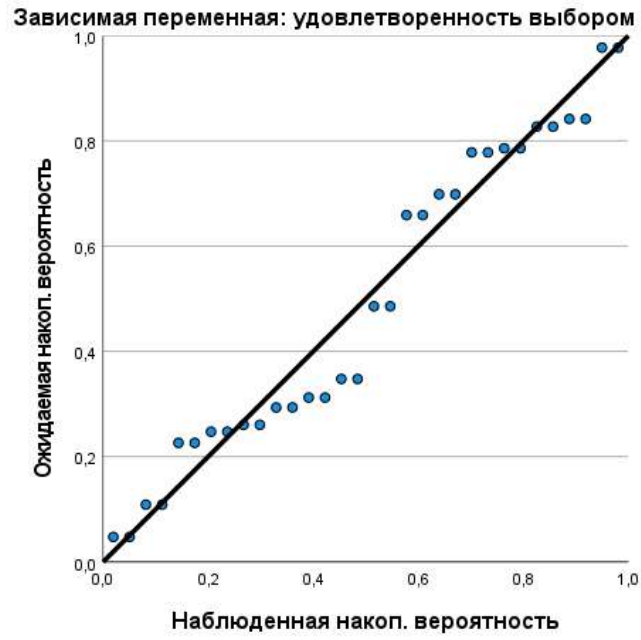
Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

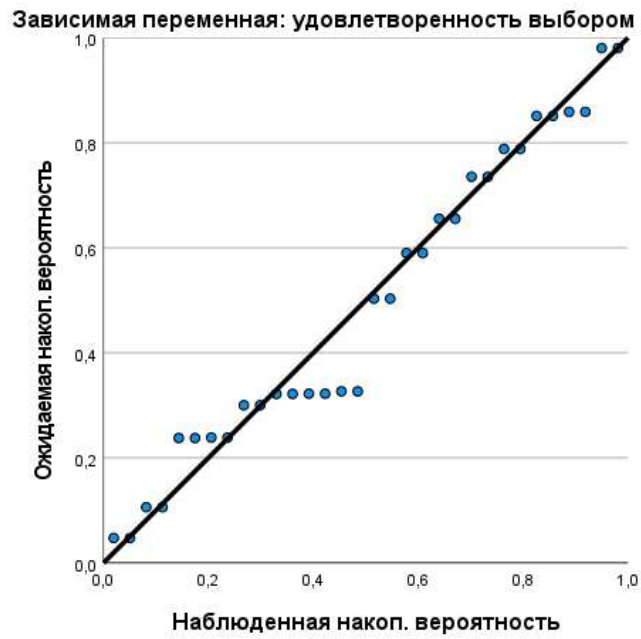
Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

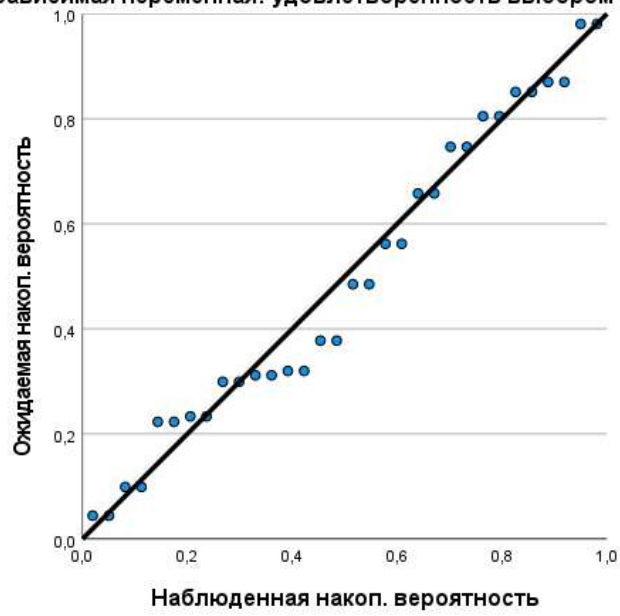

Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

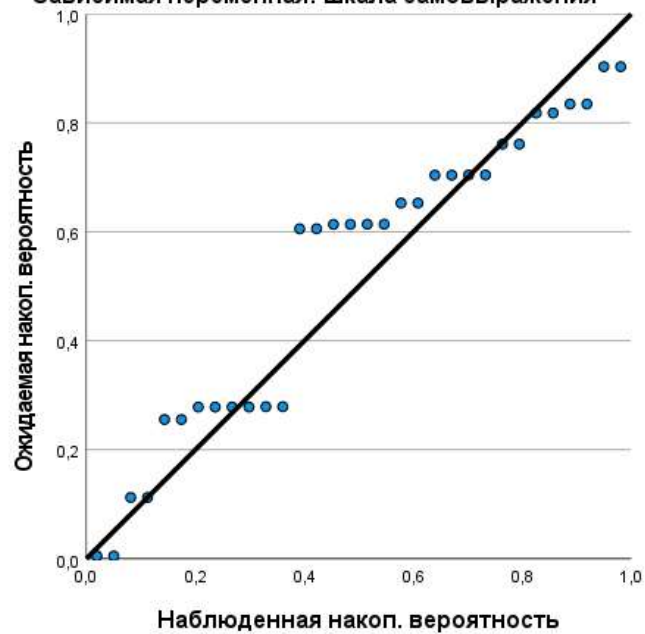
Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: удовлетворенность выбором

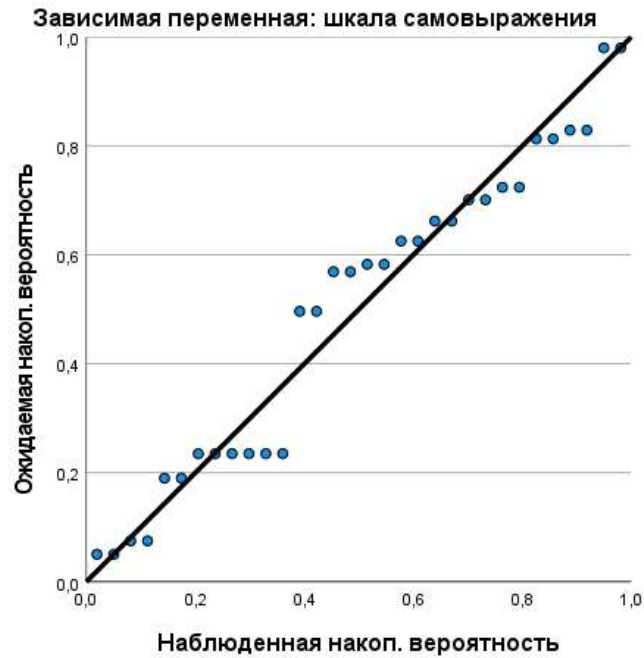

Нормальный Р-Р график регрессии Стандартизованный остаток

Зависимая переменная: шкала самовыражения

Нормальный P-P график регрессии Стандартизованный остаток

Гистограммы стандартизованных остатков подтверждают нормальность распределения ошибок во всех моделях (визуальный анализ).

Сводная таблица результатов регрессионного анализа (юноши) (N=78)

Зависимая переменная	Предикторы	R	R ²	Adj R ²	F	p-модели	Значимые предикторы (p < 0,05)	VIF
Самостоятельность выбора	Субъективный возраст прошлое, Ожидаемая продолжительность жизни, Причинные негативные	0,56 4	0,31 9	0,23 8	3,97 3	0,001	Ожидаемая продолжительность жизни ($\beta = 0,428$, $p=0,013$)	1,065 2,820 1,065
Удовлетворенность выбором	Ожидаемая продолжительность жизни	0,27 7	0,07 7	0,06 5	6,31 1	0,014	Ожидаемая продолжительность жизни ($\beta = 0,277$, $p=0,014$)	1,000
Самостоятельность выбора	Целеустремленность в будущее	0,39 0	0,15 2	0,14 1	13,6 36	0,000	Целеустремленность в будущее ($\beta = -0,390$, $p=0,000$)	1,000
Самостоятельность выбора	Психологический возраст	0,25 1	0,06 3	0,05 1	5,13 1	0,026	Психологический возраст ($\beta = -0,251$, $p=0,026$)	1,000
Самостоятельность выбора	Коэффициент взрослости	0,28 6	0,08 2	0,07 0	6,79 2	0,011	Коэффициент взрослости ($\beta = -0,286$, $p=0,011$)	1,000

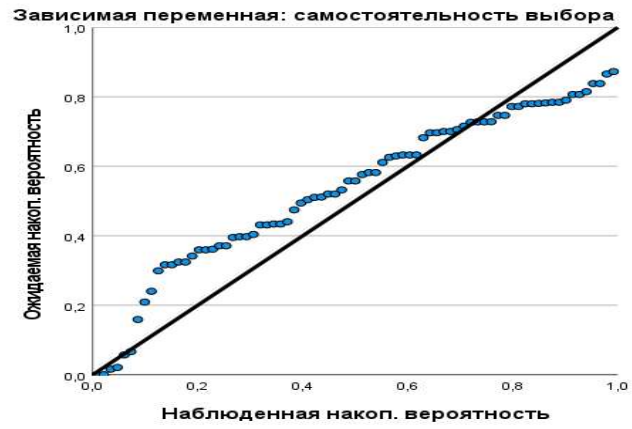
† p < 0.10 (тенденция к значимости); p < 0,05; p < 0,01; p < 0,001;

Переменные с коллинеарностью (VIF>5) исключены из моделей;

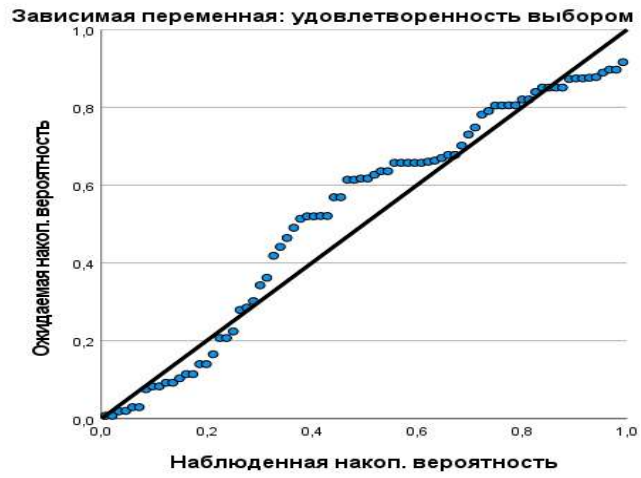
β -коэффициенты стандартизованы.

Гистограммы стандартизованных остатков

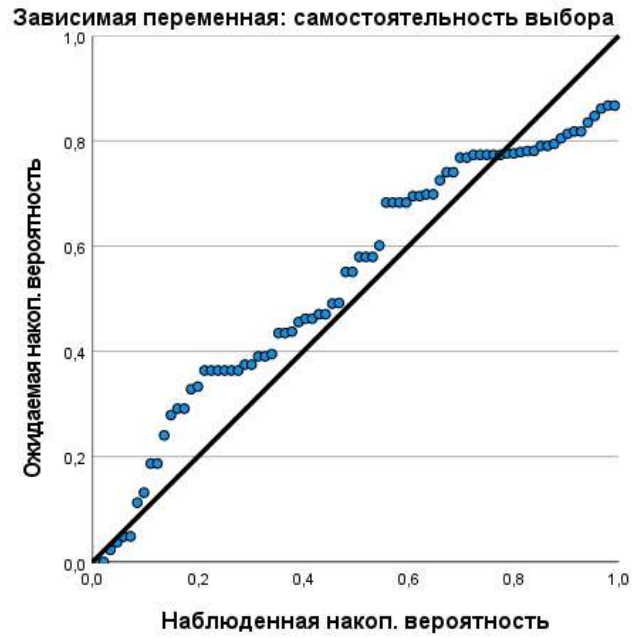
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

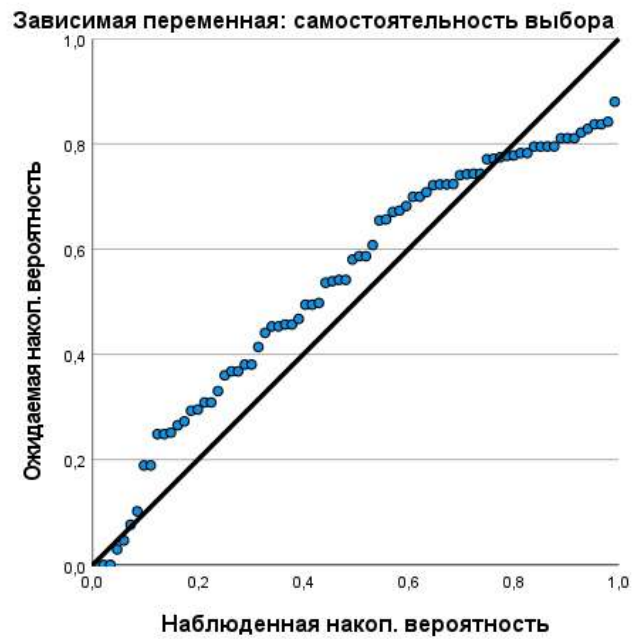
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

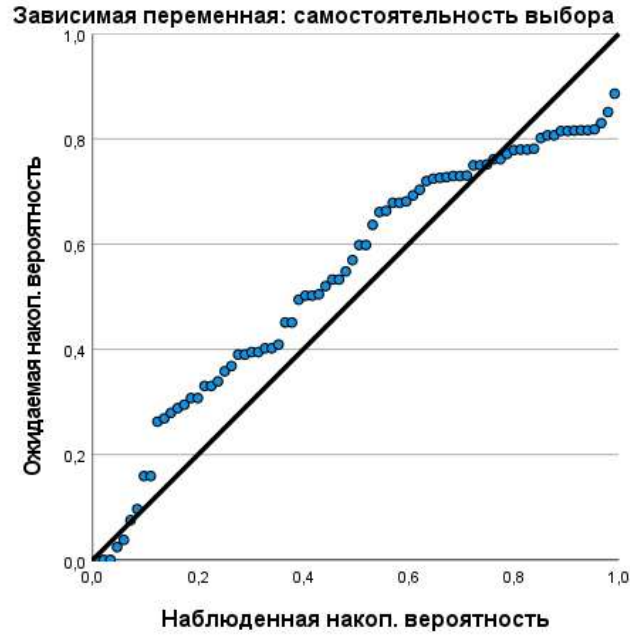
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Гистограммы стандартизованных остатков подтверждают нормальность распределения ошибок во всех моделях (визуальный анализ).

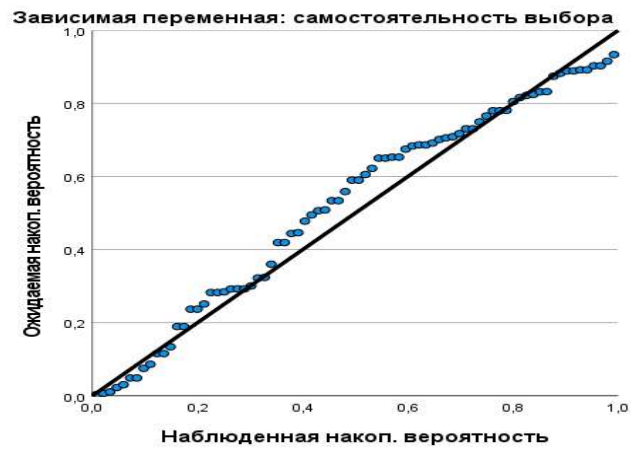
Сводная таблица результатов регрессионного анализа (девушки) (N=78)

Зависимая переменная	Предикторы	R	R ²	Adj R ²	F	p-модели	Значимые предикторы (p < 0,05)	VIF
Самостоятельность выбора	Уверенность, Ожидаемая продолжительность жизни, Причинные негативные	0,372	0,139	0,104	3,971	0,011	Нет значимых предикторов	1,146 1,022 1,148
Шкала самовыражения	Удовлетворенность	0,305	0,093	0,081	7,772	0,007	Удовлетворенность (β = 0,305, p = 0,007)	1,000
Шкала автономии	Ожидаемая продолжительность жизни	0,326	0,106	0,095	9,047	0,004	Ожидаемая продолжительность жизни (β = 0,326, p = 0,004)	1,000
Удовлетворенность выбором	Ожидаемая продолжительность жизни	0,400	0,160	0,149	14,466	0,000	Ожидаемая продолжительность жизни (β = 0,400, p = 0,000)	1,000
Удовлетворенность выбором	Целеустремленность в будущее	0,269	0,072	0,060	5,910	0,017	Целеустремленность в будущее (β = 0,269, p = 0,017)	1,000
Удовлетворенность выбором	Целеустремленность в настоящее	0,275	0,076	0,063	6,217	0,015	Целеустремленность в настоящее (β = 0,275, p = 0,015)	1,000
Удовлетворенность выбором	Всего актуальных	0,278	0,077	0,065	6,377	0,014	Всего актуальных (β = 0,278, p = 0,014)	1,000

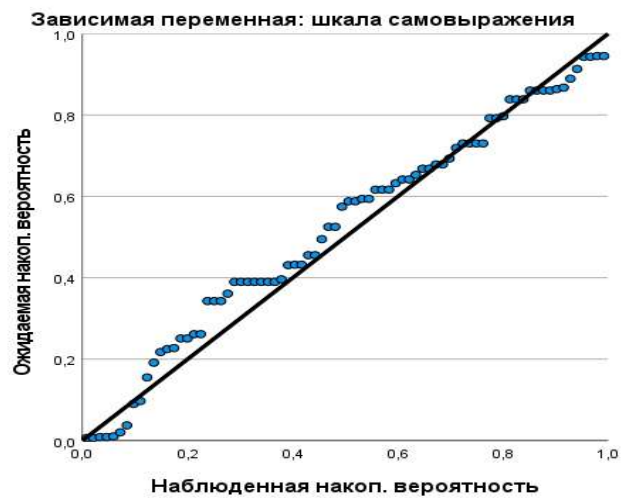
† p < 0,10 (тенденция к значимости); p < 0,05; p < 0,01; p < 0,001;
 Переменные с коллинеарностью (VIF > 5) исключены из моделей;
 β-коэффициенты стандартизованы.

Гистограммы стандартизованных остатков

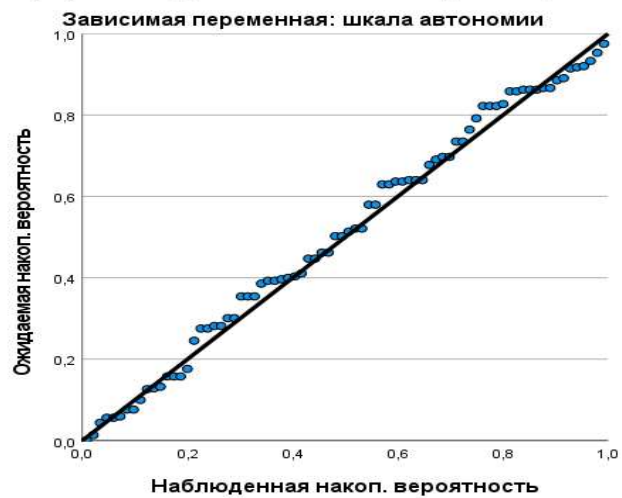
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

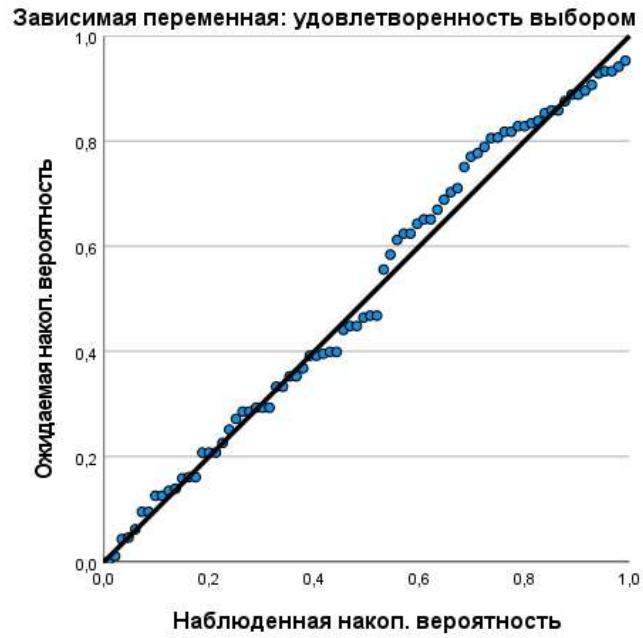
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

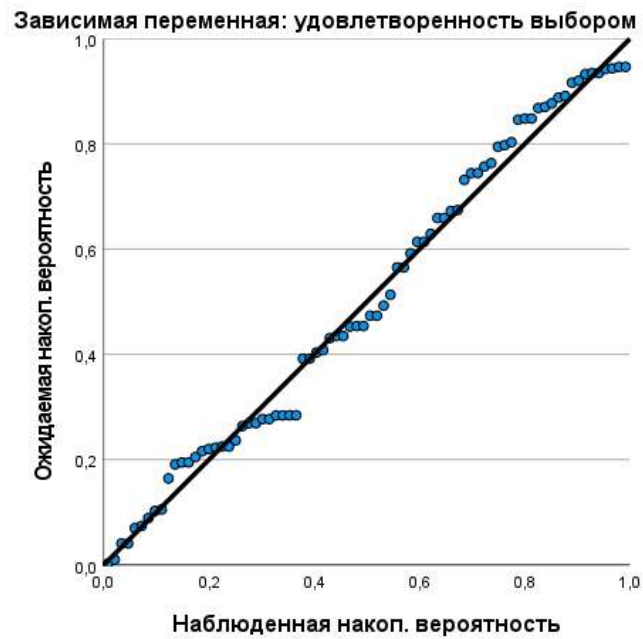
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

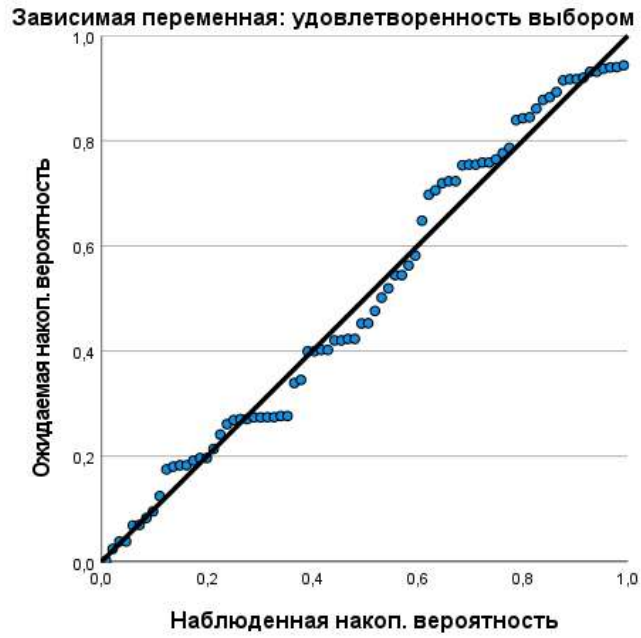
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

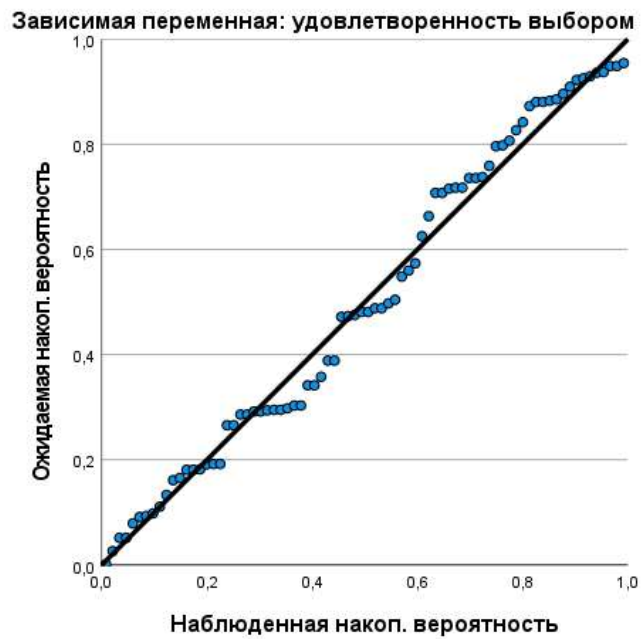
Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Нормальный P-P график Стандартизованный остаток для выбранных наблюдений

Гистограммы стандартизованных остатков подтверждают нормальность распределения ошибок во всех моделях (визуальный анализ).